

Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием Русской Церкви в последнее десятилетие XVII века

Г.А. Скворцов

От автора

От автора

О жизни и деятельности Адриана, последнего патриарха Московской Руси, и церковно–исторической литературе имеются лишь небольшие монографии (Н. А. А. «Патриарх Адриан» в Чтении в Обществе Истории и Древностей за 1848 т. № 8; А. Правдина: «Жизнь и поучения патриарха Адриана» в Духовной Беседе, за 1872 т. №№ 42, 43, 44; С. Г. Рункевича: «Патриарх Адриан» в книге «Архиереи Петровской эпохи в их переписке с Петром Великим», вып.1, Спб. 1906 г.), о состоянии же русской церкви за последнее десятилетие XVII века всесторонних исследований пока нет, хотя г. Верюжский в исследовании: «Афанасий, архиеп. Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. С.–Петербург, 1908 г.», – и намерен был, судя по заглавию, представить очерк состояния всей русской церкви в конце XVII века, но не осуществил своей задачи, так как пользовался материалами, характеризующими более деятельность Афанасия, архиеп. Холмогорского и состояние церковной жизни на крайнем севере – в Холмогорской епархии. Между тем этот период очень интересен во многих отношениях, плавным же образом в том отношении, что последнее десятилетие XVII века было временем переходным для общественной и политической жизни русского народа, для русской же церкви, кроме того, и чреватым своими последствиями: здесь скрываются корни будущей церковной реформы Петра Великого.

Материалами для нашей работы послужили:

Полное Собрание Законов Российск. Империи. Т. III (1688–1699 г.) изд. 1830 г.

Акты Исторические, собранные и изданные археограф. Комиссией, т. IV и V. Изд. 1842 г. Спб.

Акты археографической экспедиции. Т. IV. 1836 г. Спб.

Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки прот. Горского и Невоструева. Отд. второй.

Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода (1542–1721 г.). Т. I. 1868 г. Спб.

Описание Моск. Архива Министер. Юстиции. Кн. II.

Описание Архива Александро–Невской Лавры. Т. II.

Архив Юго–западной России. Часть I–я, т. V. Киев, 1872 г. Здесь почти целиком отпечатан рукописный сборник, от 1700 г., носящий заглавие: «Икона или изображение великие соборные церкви всероссийского и всех северных стран патриарша престола приключившихся дел в разныя времена и лета, писанная при св. патриархах кир Иоакиме и кир Адриане Московских».

Памятники Древней Письменности. Вып. III и IV. 1879 г.

Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов. Т. II.

Древняя Российская Вивлиофика. Ч. VIII, XI, XV и XVIII. Изд. второе. Москва. 1788–91 г.

Временник Императорского Московского Общества Истории и Древностей Российских. Книга XI. Смесь. Москва. 1851 г.

Рязанские Достопамятности. Архим. Иеронима. 1889 г.

Голикова. Деяния Петра В. I и II т. и дополн. Изд. второе. 1837 г. Москва.

Есипова: Раскольничьи дела XVIII века. Т. I–II. 1861–1863.

Письма Петра Великого... патр. Адриану. Спб. Изд. 1788 г.

Регламент или Устав Духовные Коллегии.

Сочинения св. Дмитрия Ростовского. Т. II. Диарий.

Котошихин (Кошихин). О России в царствование Алексея Михайловича. 1859 г. Спб.

Желябужский. Записки с 1682 г. по 1709 г. 1840. Спб.

Иностр. Корб. Дневник за 1698–1699 г. в «Чтении в обществе Истории и Древностей за 1866 г.» кн. IV и 1867 г. кн. 1 и 3.

Иностр. Юст Юль. Записки за 1709–1711 г. в Русском Архиве за 1892 г.

Иностр. Фоккеродт. Россия при Петре Великом в Чтении в Обществе Истории и Древностей за 1874 г. апр.–июнь. Книга вторая.

Кроме материалов печатных мы пользовались и рукописными источниками. Из рукописных материалов нами использованы в целях работы: Синодик или Помянник архиерейского Казанского дома, хранящийся в библиотеке Казанской Духовной Академии под № 1967; Духовное завещание п. Адриана и надгробные стихи, хранящиеся там же в рукописном Сборнике Соловецкого Монастыря под № 871 (По печат. описанию рук. Сол. Мон. Часть II, стр. 358, № 615); рукописная грамота п. Адриана Маркеллу, Митрополиту Казанскому и Свияжскому, от 1694 г., хранящаяся в Казанском Кизическом монастыре, и некоторые документальные данные, касающиеся деятельности патриаршего Разряда, почерпнутые из архивов Министерства Юстиции и Императорского Двора или Оружейной Палаты проф. стипендиатом по кафедре Истории Русской Церкви Казанской Духовной Академии Н. Н. Писаревым и находящиеся в его рукоп. Отчете занятий в 1901–1902 уч. году.

Из капитальных, общих исторических работ, так или иначе касавшихся последнего десятилетия XVII века, пособиями для нашего сочинения явились:

С. М. Соловьев. История России. Изд. второе, кн. 3 и 4.

Устрялов. История Царствования Петра Великого т. II и III. Спб. 1858–1863 г.

Ключевский. Курс Русской Истории. Ч. IV.

Костомаров. Историч. монографии и исследования 1863–1870 г. Спб.

Общие курсы гражданской и церковной истории разных авторов – Доброклонского, Знаменского, Малицкого и др.

Из специальных исследований. – Проф. И. М. Покровский. Русские Епархии в XVI–XIX вв., т. I. XVI–XVII вв. Казань 1897 г.

Проф. П. В. Знаменский. Приходское духовенство на Руси. Изд. 1867 г. Казань и Духовные школы в России до реформы

1808 г. Казань.

Проф. Н. Н. Писарев. Домашний быт русских патриархов. Казань. 1904 г.

Свящ. М. Горчаков. О земельных владениях Митрополитов, Патриархов и Св. Синода. 1871 г. Спб.

Его же. Монастырский Приказ (1649–1025) 1868 г. Спб.

И. И. Шимко. Патриарший Казенный Приказ. Москва. 1894 г.

Проф. Н. Ф. Каптерев. Светские архиерейские чиновники древней Руси, Москва, 1874 г.

Его же. Сношения Иерусал. патр. Досифея с русским правительством (1699–1707 г.) и Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетии. Москва 1885 г.

С. Г. Рункевич. История русской церкви под управлением Свят. Синода т. I; 1900 г. Спб.

Забелин. История города Москвы. Ч. I. Москва. 1902 г.

Проф. С. А. Терновский. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху. 1872 г. Киев.

Щапов. Русский раскол старообрядчества 1859 г. Казань и Земство и раскол. Вып. I. 1862 г. Спб.

И. Соколов. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII в. Москва. 1880 г.

Цветаев. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII в. 1886 г.

Римский костел. Его же.

Сменцовский. Братья Лихуды. 1899 г. Спб.

Верюжский. Афанасий Архиеп. Холмогорский 1908 г. Спб.

Иером. Амвросий. История российской иерархии, ч. I–VI, 1807–1815 г. Москва.

Прот. Саввинский. Астраханская епархия, вып. I.

Митр. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический писателей духовного чина. Описание Киево–Софийского собора и Киевской иерархии. 1825 г. Киев. Краткое сведение о начале Киевской Академии.

Аскоченский. Киев с Академией. Ч. I–II 1856 г. Киев.

И многие статьи и документальные данные, рассеянные по разным историческим и богословским журналам и указанные в подстрочных примечаниях в самом нашем исследовании.

Означенная литература, прямо или косвенно относившаяся к предмету нашей работы, в течение пяти лет детально изучалась, критически оценивалась, благодаря чему из нее выделено нами все характерное и необходимое для нашего исследования.

Многие памятники того времени: грамоты, послания, «инструкция старостам поповским», «статьи о святительском суде», проповеди, «завещание» – связанные с именем п. Адриана, а также акты и документы, относящиеся к последнему десятилетию XVII века, найденные нами только отпечатанными, – без комментариев, и не служившие еще источником исторических работ, нами были проанализированы и разобраны со сторон содержания, а почерпнутые таким путем данные вошли в само наше исследование. Из многих же исторических сочинений: Соловьева, Устрялова, Горчакова, Покровского, Писарева, Щапова, Каптерева и др. мы брали, большею частью, только факты и документальные известия, на основании которых старались дать самостоятельные выводы и историческое построение.

Имея под руками достаточный материал, мы попытались осветить многие стороны церковной жизни конца XVII века: положение церкви в государстве, общецерковное и епархиальное управление, религиозное, нравственное и умственное состояние общества, – дать понимание всех событий взятого периода, поставив их в тесную связь с главной задачей исследования – подробной биографией и характеристикой личности и жизнедеятельности патриарха Адриана, которого мы сделали отправным пунктом и главным предметом всего исследования, представив его жизнь и деятельность на фоне всех явлений и событий церковно–гражданской жизни конца XVII века.

В конечном результате работы имели в виду дать широкое обобщение многих исторических данных, порознь рассыпанных в печатной литературе, но не переработанных и не объединенных в научном синтезе, не поставленных во внутреннюю зависимость в одном специальном литературно–обработанном произведении.

В последнем случае, мы хотели сделать все возможное в пределах тех исторических памятников и материалов, которые уцелели от того время и имелись у нас под руками.

Настоящая же книга представляет из себя отдельный оттиск нашей работы, несколько короче отпечатанный в журнале Православный Собеседник, за 1912–1913 год, издаваемом при Императорской Казанской Духовной Академии.

Глава I. Патриарх Адриан до патриаршества

Биографические сведения о последнем русском патриархе крайне скудны. П. Адриан, в мире Андрей¹, родился в Москве 2 окт. в 1637 или 1639 году². О жизни Андрея до пострижения в монашество не имеется никаких известий. В истории он является уже архимандритом Чудова монастыря (с 1678–1686 г.)³ и доверенным лицом п. Иоакима. Как архимандрит Чудова монастыря Адриан заявил себя строительной деятельностью. Он «много споспешествовал устройению» монастыря. Соорудил соборную церковь в честь святителя Алексия с пределом благовещения Пресвятой Богородицы и при ней особую церковь в честь ангела своего, апостола Андрея. Весь монастырь с палатами, прилегающими к церквям, трапезами и под ними монастырскими службами был перестроен по чертежу царя Феодора Алексеевича на царские средства. Самая перестройка началась в августе 1680 г. и закончилась в 1686 г.⁴ Как доверенное лицо п. Иоакима архимандрит Адриан в Актах Истории встречается под 1682 годом, когда он от лица Иоакима ходатайствовал пред государями и царевной Софьей в Троицко–Сергиевском монастыре за взбунтовавшихся в Москве стрельцов и о скорейшем возвращении правительства в столицу⁵. Ходатайство Адриана, как известно, имело полный успех. Еще одна черта характерна для архим. Адриана в этот период его жизни: он проявил себя, как строгий поборник иноческого целомудрия. В монастырском храме он отвел особые места для мужчин и женщин, даже входы в храм устроил отдельные для мужского и женского пола, а дабы иноки Чудова монастыря прилежали безмолвию, учредил три дня на каждой неделе, в понедельник, среду и пятницу, запирает ворота в нем; завёл он и общую трапезу в особо устроенной им палате⁶. Положение Чудовского архимандрита в иерархии того времени было настолько видное, а личные качества Адриана, несомненно, настолько выдающиеся, что в 1686 г.

21–26 марта архим. Адриан был п. Иоакимом поставлен в митрополита на епархию Казанскую и Свияжскую⁷. О деятельности м. Адриана в Казанской епархии не сохранилось сведений. Известно только, что он обогатил своими вкладами благовещенский собор и написал книгу «О древнем предании свв. Апостол и свв. Отец, како подобает всякому православному христианину на знамение креста на лице своем руки своея персты, и кия слагати, и како на себе оный изображати»⁸.

Обстоятельства избрания м. Казанского Адриана на патриаршую кафедру

По четырехлетнем правлении Казанской епархией в 1690 г. 24 августа митрополит Казанский возведен был на всероссийское патриаршество⁹. Избрание м. Адриана на патриаршую кафедру не обошлось без борьбы церковно–общественных партий, уже обозначившихся к концу XVII века, хотя к чести Адриана нужно сказать, что сам он стоял в стороне от этой борьбы, о чем торжественно свидетельствовал в слове, обращенном к народу по возведении в сан патриарха; «известуясь верне на сие премножайшее бремя паствы Всероссийския ни единому быти ниже хотению, ниже желанию, ниже снисканию, но воли Божия смотра так быти благоустроившеся»¹⁰. Борьба эта оставила свои следы в известиях современников об избрании преемника п. Иоакиму. Официальное описание избрания и поставления на патриаршую кафедру митр. Адриана можно видеть в «чине возведения на патриарший престол кир Адриана». По смерти п. Иоакима, последовавшей 17 марта 1690 года¹¹, для назначения ему преемника собрался в Москве, в крестовой патриаршей палате, собор в июле того же года из шести митрополитов, трех архиепископов, одного епископа и трех архимандритов. Кандидатами на патриаршество собором выставлены были государям Адриан, м. Казанский, Никита, архиепископ Коломенский и архимандрит Троицко–Сергиева монастыря Викентий. Государи и все архиереи с освященным собором 22 августа 1690 г. молили принять патриаршество митр. Каз. Адриана. Адриан долго отказывался, считая себя недостойным «началовождения паствы многороссийския». Долго молили государи и архиереи, – «Едва умолиша!» – замечает составитель чина возведения¹². Так передано церковное событие в официальном описании. Несколько иначе обстояло оно по другим историческим известиям. В дневнике иностранца Гордона, жившего в то время в Москве и стоявшего близко к московскому двору, находим описание интимного, придворного

хода избрания кандидата на патриаршество. Молодая партия, во главе с Петром желала иметь патриархом Маркелла, митрополита Псковского, мужа, по замечанию Гордона, ученого, нравом кроткого и здравомыслящего. Но против такой кандидатуры восстала вдовствующая царица Наталия Кирилловна, недовольная снисходительностью Маркелла к иноверцам и всецело стоявшая на стороне митрополита Адриана, единомышленника, задушевного друга покойного патриарха¹³. Ее поддерживали многие архимандриты, игумены и низшее духовенство, опасавшиеся, чтобы Маркелл не стал снисходительно относиться и на патриаршей кафедре к иноверцам России; а архимандрит Новоспасского монастыря будто бы подал даже донесение царице, обвиняя Маркелла в ереси¹⁴. Сообщение Гордона существенно меняет картину избрания в патриарха Адриана. Можно думать, что два других официальных кандидата, выставленные освященным собором не были серьезными претендентами на патриаршую кафедру, являясь только для соблюдения установленного порядка избрания патриарха. М. Адриан еще до собора был предизбран, намечен светской властью – царицей, за которой стояла старорусская партия, и ее сыном, царем Петром, уступившим желанию матери. Избрание соборное 22 августа было соблюдением формальности, церковным узаконением царского выбора. Колебание и отказ Адриана занять патриаршую кафедру, при сообщении Гордона, также носят иной оттенок сравнительно с «чином возведения». М. Казанский отказывался не по одному только смирению и сознанию своей немощи, что конечно тоже имело место при известном нравственном складе характера Адриана, но и по нерешительности занять важный, ответственный пост предстоятеля всей Русской церкви в такое тревожное время, когда предвиделась борьба двух главных партий русского общества – старой и молодой, когда сам молодой царь уже заявил себя сторонником новшеств, намечая даже в кандидаты на патриаршую кафедру «снисходительного к иноверцам ученого мужа Маркелла». Только долгие, неотступные просьбы государей и освященного собора убедили, быть может, Адриана в том, что борьба с молодым царем, в то

время не принимавшим участия в делах правления и продолжавшим свои «потехи»¹⁵, не будет опасна для церкви, что Петр, как уступил матери своей в важном факте избрания предстоятеля русской церкви, так будет уступчив и ему в других церковных делах. Адриану под гул просительных голосов, зовущих взять патриарший жезл, предносилась другая величественная картина избрания на п. кафедру богатыря–пастыря Никона. Там так же царь и освященный собор молили новгородского митрополита взять кормило правления. Никона едва упростили... Едва умолили и Адриана! Какое поразительное по виду сходство, и какое громадное по внутреннему содержанию различие в актах избрания того и другого. За Никоном шло все передовое, сама власть гражданская преклонила колена и стала под водительство церковной власти и авторитета. За п. Адрианом шло все консервативное в русском обществе, власть гражданская в лице Петра и молодой придворной партии наружно склонила голову по настоянию старой партии, но ненадолго... Она скоро подняла ее выше и стала руководить жизнью России вместо духовной власти на иных совершенно началах... Кончалась древняя русь, начиналась новая Россия!

При избрании преемника п. Иоакиму сказалось в обществе еще и сильное влияние на передовое общество латино–польской культуры, свившей себе гнездо в Москве в царствование Феодора Алексеевича¹⁶. – Отметим интересное и многозначительное загадочное известие, находящееся в «житии и завещании патриарха Иоакима» о распре, бывшей в русской церкви при избрании нового патриарха «от некоего, иже быше иноплеменник, притворятя же Россиянин, якобы произволяшеся оному и на патриаршество возведену быти, но Божиим предведением молитвами св. Иоакима патр. Московского, или посланием прежде сего писанным от св. Досифея патр. Иерусалимского, не повелевающего в духовном чине в России иноземцев, поляков, пастырьми поставляти, остережено сие бысть»¹⁷. Содержание послания п. Иерусалимского Досифея вероятно сходно с его же посланием в 1702 г. к царю Петру I, где п. Досифей предостерегал Петра,

чтобы в патриархи не был избран кто–либо из греков или из уроженцев малой или белой России, которые вскормились и учатся в странах латинских и польских, хотя бы он был и православнейший; патриарх рекомендовал избирать в патриархи москвитян, притом природных москвитян, хотя бы они и не были «мудры», потому что «москвитяне по преимуществу суть хранители и хвалители своего»; москвитяне хранят отеческую веру не новосеченную, будучи не любопытны и не лукавы; а эти пришельцы, которые успели всюду побывать, могут произвести новшества в церкви¹⁸. К Маркеллу, митр. Псковскому, оно не может быть отнесено (как это делает Шляпкин в сочинении св. Димитрий стр. 167–168). На основании некоторых документов, хранящихся в Архиве, изобличается участие в истории избрания преемника Иоакиму прокрававшегося в Москву иезуита Михаила Яконовича. В руки правительства попались его письма, из которых ясно видно, что он был в Москве и интриговал, чтоб его поставили в патриархи; в другом письме почтмейстеру Сангали он выражал сожаление, что Москва не приняла его в патриархи и подала голос за Казанского митрополита¹⁹. Означенная кандидатура совершенно недопустима с нашей точки зрения; латинство конечно не могло увлечь низшие классы Руси, но самый факт притязаний Яконовича подтверждает ту мысль, что латинство, пустившее корни в науке, которой учились дети царя Алексея Михайловича – Феодор и Софья от Семеона Полоцкого и Сельвестра Медведева, – отразилось как в надежде построить в Москве римский костел при содействии друга Софьи Голицына, так и в абсурдных чаяниях осуществления заветных дум католицизма проникнуть на Русь. Таким образом, из трех партий, не считая раскольнической, не имевшей своих представителей в церкви, но по духу близкой к старорусской, одержала верх партия старорусская или вернее греко–русская – партия Никона и Иоакима. На патриарший престол 22 августа был избран, а 23 наречен друг и единомышленник покойного патриарха митрополит Казанский Адриан.

Чин возведения патр. Адриана

24 августа происходило поставление новонареченного патриарха с обычным торжественным церемониалом. Адриан въехал в Кремль в патриаршей карете Филарета Никитича, о шести лошадях. По вступлении в Успенский собор после краткой речи о своем назначении, нареченный произнес обычное исповедание веры и архипастырское обещание хранить оную твердо и ненарушимо по церковным канонам, соблюдать мир церковный и учить врученную ему паству, оберегая ее от латинских, люторских, кальвинских и всяких иных ересей. Это обещание, подписанное рукою нового патриарха, положено было на хранение в жертвеннике соборной церкви. После этого сняли с Адриана архиерейские одежды и облекли в патриаршие, между прочим в саккос св. Петра, митр. Московского; жезл того же святителя вручили ему оба государя с поздравительною речью. Во время литургии служили 54 священников, в том числе, кроме патриарха, 5 митрополитов, 4 архиепископа, 13 архимандритов, 3 архидиакона, 16 диаконов, 4 иподиакона и проч. По окончании божественной службы, патриарх сказал народу длинное слово «о благоволении Божии и о избрании Божественного духа достоинства своего на всероссийский престол», предложивши затем общее назидание предстоящих ко спасению и послушанию ему, как пастырю и отцу²⁰. В тот же день патр. Адриан по обычаю обедал вместе с государями за царским столом в грановитой палате; а после обеда думный дьяк подносил от имени государей дары патриарху: два кубка серебряно–вызлоченных, объярь золотная, бархат гладкий, 2 атласа гладких, 2 камки немецких, два сорока соболей²¹.

Вышеизложенные биографические данные об Адриане до патриаршества не дают нам оснований судить, чем особенно заявил себя архимандрит Чудова монастыря, а затем митр. Казанский, что стал избранником на такой высокий ответственный пост, как всероссийское патриаршество. Несомненно одно, что он был в глазах царицы, большинства

русских архипастырей и народа достойным патриаршества. Лучшей рекомендацией для Адриана в глазах современников служило то обстоятельство, что митрополит Казанский, согласно известию из «жития патр. Иоакима», был другом и единомышленником патр. Иоакима, а патр. Иоаким пользовался большим авторитетом при дворе и в церкви²². К достоинствам Адриана относилось также и то, что там, где ему пришлось выступить в качестве исторического деятеля, он явился с пальмовой ветвью примирения Московского правительства с взбунтовавшимися стрельцами. В самом акте вступления на патриаршую кафедру личность Адриана также обрисовывается в симпатичных чертах. Патриаршего сана он не искал. Если принял его, то по долгом молении, когда убедился, что все партии примирились и остановились на нем, как на достойном кандидате. Принимал сан патриарха с смирением, сознанием своей немощи и в то же время с надеждой и благочестивым упованием высоко держать знамя своего служения, и направлять церковную жизнь по тому руслу, какое проложили патр. Никон и Иоаким.

Со вступлением митр. Адриана на патриаршество Московское, сведения о личности его и служении церкви в исторических памятниках встречаются более подробные и характерные. Они полнее обрисовывают не только внешнюю казовую сторону его жизни и деятельности, как русского патриарха, но, что важнее всего, и внутреннюю его душу: его мировоззрение, характер, жизненную программу, а также атмосферу, среди которой пришлось ему работать, проводить в жизнь свои идеалы.

Церковная программа патр. Адриана. Речь при возведении на кафедру

Лишь только патр. Адриан взял на себя «премножайшее бремя паствы всероссийския», как, по самому званию своему первосвященника, должен был определить свои обязанности и права, что он и делает в «исповедании веры» пред лицом «собора и народа христианского». «Обещаюся, – говорил он, – по установленному чину, блюсти каноны святых апостолов и седьмь вселенских и благочестиво поместные соборы, иже на сохранение правых велений суть узаконены. И елико по разным бременам и летом от истинноборствующих по святей Восточней православней вере каноны и святыя уставы суть изображены, и та вся хранити крепче и ненарушне до кончины моея жизни сим моим обещанием свидетельствую, и вся, яже они прияха, и аз приимлю, и ихже они отвратишася, и аз отвращаюся. Еще же и церковный мир исповедаю соблюдать и твердо держати, и усердно учить мне врученные люди и не единым убо нравом в чесом противная православной Восточной христианской вере мудрствовати во вся дни живота моего и соглашати мне во всем, и неразгласну быти со святейшими, братиею моею, патриархи, с Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским, и всему преосвященному собору Российскому, преосвященным митрополитам, архиепископам и епископам по божественным законам и священным правилам святых апостол и святых отец, и любовь духовную вседушно к ним имети. Обещаваюся же в страхе Божии и боголюбивым нравом вверенное мне стадо управлять и от всякого зазора лукавого и от латинства, люторства и кальвинства и от иных всех ересей сохранить учительски со всяким усердным тщанием. Аще же еже обещанно zde мною что преступлю, или в чем Божественным правилом и чину восточныя православныя церкви, и всем святейшим православным патриархом и всему священному собору явлюся несогласен в должности моей, и Богом врученныя моему смирению ныне люди, каковым–либо образом соблазнять и

развращати в непотребство самомненно возымею, тогда без всякого слова есмь виновен. Тем же молитвами вашими, вси благовернии, ко благому поспешествуйте мне, прошу вас. Вся же та долженствую убо, якоже днесь словом обещахся, так и делом до последнего издыхания моего ради будущих благ исполнять, их же буди мне и всем получитьи во Христе Иисусе, Господе нашем, с Ним же безначальному Отцу слава, честь и поклонение»²³... Такова программа патр. Адриана, как преемника патриархов Никона и Иоакима, создавших греко-фильское течение в русской церкви. Нет и не может быть сомнения, что патр. Адриан в своем исповедании веры высказал, подобно Никону и Иоакиму, теоретически правильный идеал своего служения. Им повторялась и утверждалась в общественном сознании верная и ясная точка зрения на задачи и направление русской церковной жизни. Быть в единомыслии с греко-восточной церковью, матерью церкви русской, – составлять с ней единый организм, мощное здание, утвержденное на апостольском и древне-соборном основании и тем представлять счастливую противоположность католицизму, протестантизму и русскому старообрядчеству – явлениям церковной жизни, созданным и развившимся на основаниях позднейшего вымысла и человеческих страстей, эта великая программа патр. Никона, Иоакима и всех стоящих за интерес соборного православия, как безусловной вселенской истины, поддержана была последним русским патриархом, несмотря на сильные напоры и католицизма, и протестантизма, и старообрядчества. Мало того патриархом Адрианом, как и патр. Иоакимом, объявлена была борьба со всеми течениями христианства, кроме восточного-греческого. Греко-фильство патр. Адриана имеет ту же историческую ценность, что и «вера и убеждения греческия» патр. Никона. Патриарх желает вести русское общество в церковной жизни по пути, освященному канонами Вселенской восточной церкви, в строгом согласии с восточными патриархами и полным отчуждении от иноверцев. Идеалом его является всестороннее проведение в жизнь всего определенного Священным Писанием и преданием, торжество в общественной жизни церковных начал, строение и распорядок

жизни и общественных отношений по сложившемуся уже типу восточного православия, где религиозные цели и стремления в обществе должны стоять на первом месте, а цели земные, мирские–светские на последнем, где патриарх стоит выше царя, как отец сына, где светская власть является пособницей патриарху в утверждении значения в общественной жизни «единого на потребу» – служения Божеству. Что п. Адриан не устами только, по установившемуся во 2–ой половине XVII в. церковному обычаю, давал обещание вести русскую церковь по греко–русскому пути, не уклоняясь к еретическому западу, но и глубоко убежден был в истине своего исповедания и обещания – говорят первые шаги п. Адриана и его архипастырской деятельности. Характерным развитием мыслей «исповедания и обещания» является окружное послание, написанное патриархом ко всей пастве вскоре по вступлении на патриарший престол. Здесь бросается в глаза чуть ли не папская теория отношения власти церковной и гражданской. *«Два начальства, – пишет патриарх Адриан в начале послания, – вышнейших устрои Бог на земли, священство глаголю и царство. Ово убо божественным служаща, ово человеческим владуща и пекущая: – от единого бо и тогожде начальства обоя сия происходит человеческого жития украшению. Царство убо власть имать точию на земли, еже между человеки суды управляти праведный защищения обидимым и отмщения обидящим творити, царство расширити, от врагов иноплеменных обороняти, церкви святей православней, во всяких случаях и скудостех помощь подати, наипаче же еретики, раскольники и всякие наветники отгоняти; злодеи унимати, и наказавати и казнити; добродетельным благодаяние и похвалу и подобныя показывати, судии поставляти, и ты я праведно судящие возсуджати и отмщати. Священство же власть имать и на земли и на небеси, еже убо свяжет на земли, будут связаны и на небеси и яже разрешит на земли будут разрешены и на небеси. Мерность наша благодатию всесвятого и всесовершительного духа, учинен, есмь архипастырь и отец и глава всех, патриарх бо есть, образ Христов. Убо вси православнии оная сынове суть по духу: – царие, князи,*

вельможи и славнии воины и простии, богатии и убозии, мужие и жены, всяких возраст и чин правоверных; моя овцы суть и знают мя и гласа моего архипастырского слушают, и аз знаю их и душу мою должен есмь положить за ня, иже и последуют мне. Чуждому гласу не последуют, но бежат от него, яко не знают чуждых гласа. О всех сих имам дати слово Богу в день правосудия Божия, аще и един от врученных мне погибнет. Аще умолчу и слова архиерейству моего должного не изреку и яковая либо видя в ком неисправления или самочиния, понеже безчиния и погрешения умолчу. *Глаголати пред цари свободно—устно и нестыдетися долг имам*, непослушающий гласа моего архипастырского не нашего суть двора, не суть от моих овец, но козлица суть, волкохищница суть. О них же в последствие вин не имам, зане долг мой отдах, слово рекох и волю Господню всем возвестих (сей убо мой есть долг), послушати же, или ни, ваше, и оных есть, слушай бо меня Христа слушает, а отменяяся меня и неприемляй глагол моих, рекше Христа Бога отменит и не слушает, яко сам Христос рече; и слово глаголанное от меня, яко судити имать в день судный. Аз же чист есть от погибели неслушающих, необинуяся бо елико возмогах всем сказах. Того ради убо во—первых царем благочестивым, яко помазанником Господним, таже архиереом, архимандритом, игуменом; иереом и монахом и прочим церковного чина и мирского сословия чиновником и всем православным христианом возмнех предложити увещания нужная ко спасению»²⁴. Из настоящего введения в Окружное послание, можно заключить, что писал это иерарх, глубоко убежденный в высоте своего звания, стоящего здесь на земле выше всякой другой власти.

Окружное послание с «увещаниями» п. Адриана к пастве

В какие формы должна вылиться церковно–общественная жизнь, по идеалу п. Адриана, красноречиво говорят его «24 увещания» ко всем группам русского общества. Здесь идут краткие, но определенные наставления архиереям, архимандритам, игуменам, монахам и всему священному чину, всем пасомым духовного и мирского чина вообще, а князьям, боярам, судьям, воеводам, чиновникам, господам, рабам, родителям и детям в частности – «как подобает быть в соединении святой веры и согласии церковном по восточному благочестию. и научаться закону Господню день и ночь и творить заповеди. Его и любезно друг с други единоверными жителствовати и не прельщаться иноверными обычаями»²⁵. В сознании ответственности пред Богом за каждую вверенную ему душу п. Адриан всего коснулся, даже на мелочи установил определенный с своей точки зрения взгляд. Архиереев увещевал быть в своем поведении примером во всем и для всех: охранять ненарушимо святоотеческие предания и оберегать восточную церковь от учений еретиков – латинян, лютеран и других; паству свою, особенно священников, наставлять Господнему закону (п. 1), а для того самим часто читать св. Каноны апостолов и соборов, главным же образом Евангелие и иные божественные писания, кроме еретических книг (п. 5); как истинным пастырям, не бояться сильных мира сего, не робеть пред богатыми, живущими дурно, – но обличать, умолять и запрещать; вдов, сирот и обижаемых защищать и полагать за них, по слову Христа, свою душу (п. 9). – Архимандритов, игуменов убеждал почитать епархиального архиерея, как главу и образ Божий, любить его нелицемерно, как апостолы Христа (п. 2), жить благоговейно, хранить чин монастырский, в строгом искусе держать братию и самим быть примером для иноков в братолюбии, страннолюбии, смирении и нищете (п. 3). – Монахам предписывал «до исхода души своя» терпеть всякую скорбь и тесноту, жить по обещанию в

послушании, хранить чистоту (плотскую), нищету и смирение (п. 4). – Священников увещевал самим памятовать десятословие, признавать и правильно понимать по восточно–церковному преданию семь таинств церкви и остерегаться смертных грехов (п. 10), прихожан же наставлять в вере в Св. Троицу, управлять ими словом учительства, служить добрым примером в любви и охранении всех церковных преданий, соблюдать посты, воздерживаться от излишества и телесных сластей (6 п.), быть благоговейными учителями, а не кощунниками, срамословцами, гордыми, гневливыми, бесстыдными пьяницами и смутьянами; грешников исправлять в духе кротости, наставляя от Св. Писания, а не бить; только к ослушникам применять наказание – запрещения и отлучения (п. 7); убеждать и обращать еретиков и раскольников в православие, непокорным заграждать, по втором наставлении, вход в церковь и не утаивать их за мзду – доносить о них патриарху или епархиальному архиерею (п. 8). – Пасомых патр. убеждал внимать слову своих пастырей, предлагаемому от божественного писания, почитать их, как отцов, повиноваться им как наставникам, имеющим отдать о них отчет Богу (п. 11), – с еретиками, врагами Божиими и вере православной, – латинянами, кальвинистами и лютеранами не дружить, даже не сообщаться и гнушаться как скверны, под угрозой отлучения от церкви по 45 апостольскому правилу; наоборот, свято, чисто, трезво хранить догматы восточной церкви, неленостно посещать со всеми домашними храм Божий, стоять там с благоговением и сокрушением сердца, принимая как пищу слово Божие (п. 12); часто исповедываться (в 4 поста) и приобщаться св. Таин, омывая слезами и паче снега убеляя свое греховное тело, одевая его в одежду добрых дел, чтобы всегда быть готовыми к смерти (п. 21) и встрече жениха, подобно мудрым девам, наполнивши свои светильники елеем милости к нищим и зажегши их огнем непрестанной молитвы, с надеждой отойти в жизнь вечную, где будет испытание добрых и злых дел (п. 22). – В увещаниях, касающихся образа гражданской жизни русских, патриарх предписывал порядок жизни, согласный с христианской верой. Царя православного наставлял почитать, любить и бояться, как носящего меч не

напрасно, а на спасение, каковое зависит от исполнения Божиих заповедей, регулирующих обычную жизнь и требующих жить трудами рук своих, приносить от своего праведного труда дар Богу и слугителям его, творить милостыню нищим и не удерживать или умалять должную кому–либо за труды плату (п. 13). Берущих и дающих оброки, продавцов и покупателей п. Адриан убеждал совершать сделки без умаления; в весах – (пудах, фунтах), – мерах (сыпучих тел), аршинах соблюдать установленную законом, а не произвольную величину (п. 14). Особенно предостерегал патриарх пасомых от ростовщичества, ибо ростовщики скверны и мерзостны пред Богом, а богатство, приобретенное «во тме, сетовании, гневе и в туге», развеет ветер, – от получения должностей за деньги, а не по личным заслугам, так как если кто «падет, не будет восстановителя, раз принял должность не от Бога» (п. 19). С обычными слабостями человеческими советовал бороться обратными пороку христианскими добродетелями: гордость побеждать смирением, ненависть братолюбием, сребролюбие милостыней, пьянство, «весьма, – по словам Адриана, – преумножившееся», – источник всего злого, воздержанием и молитвою частою и прилежною (и. 20). В наставлениях частных проявляется забота патриарха каждому званию и положению дать носильное христианское руководство. – Князей, бояр и всех поставленных земских судей п. Адриан убеждал управлять и судить по Божьей правде, различать виновных от невинных, не взирая и не боясь сильных и богатых, защищать обижаемых от обидчиков, особенно не обижать церкви и монастыри, захватом их земельных владений в свою пользу, так как, по слову Божию, дом такого обидчика пустеет (п. 14). – Воинов патриарх наставлял верно служить царям и стоять за православную веру, повиноваться полководцам; а воевод убеждал относиться к воинам с любовью, обращаться с ними, как отцы с детьми. – Господ увещевал обращаться с крепостными (рабами) кротко и любовно, не отягчая чрезмерными оброками и барщиной (работами); рабам же советовал почитать господ, работать на них с усердием и верностью, повинуюсь их благим повелениям не из страха, но по совести, боясь больше Бога, от Которого и

последует воздаяние (п. 18). – В наставлении об отношениях родителей к детям рекомендовал воспитывать не в своеволье, а в чистоте телесной и Божьем законе; средством к этому и педагогическим идеалом у п. Адриана указываются изречения сына Сирахова: «Любящий сына, учащает раны ему, бьющий его жезлом, избавляет душу от смерти и вкоренит в него страх Божий, от которого зависит все доброе» (п. 17). В заключительных 23 и 24 увещаниях п. Адриан рисует русской пастве картину будущей загробной жизни грешников и праведников на основании Св. Писания. Для первых уготована мука вечная, для вторых – неизреченная слава немерцающего света (который, по апостолу, не видело человеческое око и не слышало ухо) и поклонение сидящему на престоле праведному Судье, Сыну Божию, с Отцом и Святым Духом (пп. 23 и 24)²⁶.

Литературная борьба п. Адриана с немецкими новшествами: брадобритием, табакокурением и немецкой одеждой

Центральным местом окружного послания является то, что всего более занимало п. Адриана – 15 увещание – о брадобритии. Все обширное увещание посвящено рассуждению о пагубности брадобрития. Патриарх взял доказательства и от Св. Писания, и от канонов, и из церковной греческой, русской и литовской истории. Что это было больное место п. Адриана видно из того, что патриарх не ограничился предостережением православных от брадобрития в общем окружном послании; вскоре он составляет и рассылает специальное, еще более обширное, чем 15-ое увещание окружной грамоты, послание всему русскому народу о пагубности в деле будущего спасения и неестественности брадобрития, уподобляющего людей «блудовидным женам», «котам и псам»²⁷. В этом послании патр. подобрал еще больше доказательств исторических и от здравого смысла против богоненавистного иноверного обычая. Прочитавшему эти места из произведений патр. Адриана покажется странным, что последний патриарх русский, как бы главным злом русской жизни конца XVII века считал невинные с нашей точки зрения или во всяком случае безразличные в деле спасения внешние заимствования с иноверного запада: брадобритие, а также табакокурение, немецкую одежду, тогда как не указал никаких других действительно серьезных влияний на русского человека иностранных вероисповеданий, – напр. догматического или канонического характера. Благодаря сильным и резким выражениям патр. Адриана по адресу иноверных внешних заимствований, отступают как бы на задний план все лучшие, полезные наставления патр. Адриана русской пастве, касающиеся разных сторон гражданской и церковной, общественной и личной жизни христианина. В исторической литературе установился даже взгляд на последнего патриарха, как на узкого обрядовера, ничем не отличающегося от раскольника XVII века, непонимающего духа и запросов

времени, страдающего мракобесием и фанатизмом, разменявшего существенные нужды паствы на заботу о бороде и платье. У Рункевича в труде «Учреждение Свят. Правит. Синода» проведен нелестный на патр. Адриана взгляд. Также пренебрежительно относятся к личности последнего русского патриарха и другие историки: Ключевский, Знаменский и проч. Но такой взгляд на патр. Адриана, по нашему мнению, ошибочен. Последний патриарх Московской Руси отстаивал более серьезное, чем это может показаться с первого взгляда. В борьбе литературной с иноверными обычаями патриарх Адриан решительно стоял на точке зрения, указанной во введении к Окружной грамоте: «Вижду, – писал он здесь, – некие, кроме закона, исповедания и предания ходящие и уклоняющиеся в чужестранные некие обычаи, паче же прелести еретические содружествующие и сообщаемые со всеми ими. Еже аще в начале, яко мышль малая, не искоренится, удобно великое возрастет; и яко древо вкоренившееся и со многими трудами не истерзаемо, но секирою таково гнева Божия безвременно посекаемо бывает»²⁸. Сознывая, что даже самое мелочное увлечение иноверными обычаями всегда может повести к дальнейшим заимствованиям: подражаниям, уже явно угрожающим чистоте жизни и веры православного христианина, в корне могущим изменить самый уклад русской гражданско–церковной жизни, патриарх считал своим долгом пресечь вначале малое, чтобы предотвратить большое. Что опасность от иноверия была серьезна, это открывается из характерной проповеди, сказанной одним из последних патриархов (Иоакимом или Адрианом) в день св. Алексия митрополита, пред походом на турок. Вооружаясь против старого порока (пьянства), проповедник вооружается и против новых грехов. Проповедник описывает их так: – «Не только прочие в году узаконенные посты, но и великую четьредесятницу многие презирают. Мужчины, женщины, юные отроки и священного чина люди всегда упиваются; и вином, и табаком, и всяким питием без сытости пьяны; – и съедают не только запрещенные яствы, но рвением и завистью друг друга съедают, убивают и грабят, неправдосудствуют и обижают. Общая пословица носится: «Все

то людям изъян, от чего кто пьян». Мера во всем человека в доброе дело будит, безмерно же не токмо вредный и скаредный табак, но и ренское вино губит. Теперь и благородные и простые, даже юноши хвастаются пьянством, говоря бесстыдно друг другу; тогда то и тогда я был пьян и церковное торжество в праздники Господни проспал. Не только по пьяным и ночным своим празднищам, но повсюду люди неученые, в церкви святой наших благопреданных чинодейств не знающие и других о том не спрашивающие, мнятся быти мудрыми, но от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели. Совратясь от стезей отцов своих, говорят: для чего это в церкви так делается, нет никакой в этом пользы, человек это выдумал, и без этого можно жить. Едва только святым книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри править, людям всем тщится повелевать, устроить чины церковные и гражданские. Еретики раздорники говорят: на что эти посвящения, памяти по усопших душах, молебны Богу, Богородице, угодникам Божиим»²⁹. – Таковы горькие плоды иноземного влияния. Не напрасно свое время патриарх называл «достойным плача». Очевидно иноверные обычаи, и при том своими худшими только сторонами, проникли уже в конце XVII в. в русское общество через выходцев польских, литовских, немецких и их подражателей русских западников. Тревога, забитая патр. Адрианом по поводу брадобрития, табакопийства и чужеземной одежды с первых же шагов деятельности на патриаршей кафедре не была, следовательно, бессмысленна и неосновательна. Она имеет оправдание и с фактической и с психологической точки зрения. Фактически иноверие в конце XVII века угрожало Руси гораздо серьезнее, чем в предыдущие периоды. Если в царствование Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны проникла на Русь, как мы уже вскользь упоминали, польщизна, несмотря на энергичную греко-восточную прямолинейность патр. Иоакима, то в конце XVII века еще опаснее было немецкое влияние, не столько для самой веры православной, сколько для гражданского уклада жизни всего русского общества. История второй половины XVII века дает

много ценных свидетельств тому, что ко времени Петра I запад уже овладел многими передовыми людьми русского общества. История второй половины XVII века дает много ценных свидетельств тому, что ко времени Петра I запад уже овладел многими передовыми людьми русского общества. Еще до Петра многие русские умы, увлекаясь западной политической мыслью, подготовили программу, которую и выполнил сообразно с своим темпераментом Преобразователь России. В Русской Истории Ключевского перечислен и охарактеризован ряд предшественников Петра Великого, получивших основы для своей политической мысли на западе. Сотрудники, политические дельцы, Алексея Михайловича, работавшие над Уложением 1649 г., дипломаты Матвеев, Ордын–Нащекин, Голицын; политические мыслители и писатели Котошихин, Крижанич³⁰ и многие другие, имена которых не занесены на страницы истории, но которые безусловно были, создали атмосферу западничества, в которой рос Петр I. Сперва польщизна, затем немецкая слобода и культура принесенная западно–европейскими выходцами угрожали вначале православно–греческому, национально–самобытному укладу русской жизни, а потом, по связи с последним, и мировоззрению русского человека, как основе этого уклада. Раз начало сказываться влияние иностранное в перенимании западно–европейских обычаев, то можно было на основании психологического закона предполагать, что за усвоением иностранных обычаев последует перенимание, усвоение и самой мысли и мировоззрения, лежащего в основе иностранных порядков жизни. Внешнее рабство в модах – брадобритии, табакокурении, одежде – вело рабство идейное, – рабство мысли и воли. Патриарх Адриан, бичуя внешнюю подражательность иностранщине, выразившуюся в неуважении русских к традиции и перенимании табакокурения, брадобрития, немецкой одежды, оберегал русское общество от изменения всего уклада жизни по западному образцу. Восставая против внешней западной культуры, патриарх одновременно высказывал свои *pia desideria*, рисовал традиционный русский церковно–гражданский идеал. Верность старине в обычаях

обыденной жизни, господство религии в государственном строительстве, проникновение религиозно–нравственными интересами всей земной жизни русского человека, направление всех помыслов к осуществлению Христова закона здесь на земле, для достижения небесного царства за гробом, такова программа жизни как отдельных членов, так и всей русской церкви, охватывавшая все общественные и государственные учреждения. Как верховный руководитель общества в деле вечного спасения, для исполнения начертанной программы, п. Адриан считал себя в праве следить за совершающимися событиями даже в гражданской жизни, оценивать их с церковно–религиозной точки зрения. И мы видим из первых шагов деятельности и вообще в первую половину патриаршества Адриана, что последний патриарх не безучастно относился к совершавшемуся на его глазах переустройству русской жизни под сильным воздействием иноземной культуры. Он начал бороться за свои заветные идеалы, забил тревогу, напряг силы в защите древней Руси от надвигавшегося нового порядка будущей Российской Империи.

Глава II. Отношения царя Петра и п. Адриана. Положение церкви в государстве при п. Адриане

Ко времени патриаршества Адриана русской церкви было возвращено привилегированное положение в государстве, нарушенное было Уложением Алексея Михайловича и учреждением Монастырского Приказа. Постановлениями Соборов 1667 и 1675 гг. церковь снова является как особое *status in statu* с своими вековыми привилегиями, святительскими судами, архиерейскими и монастырскими вотчинами. Патриарху Адриану предстояло охранять и поддерживать удельное положение церкви в государстве от новых посягательств на ее имущественные и административно–судебные права. Государство, в течение всего XVII века стремившееся собрать, централизовать свою власть путем уничтожения веками создавшихся привилегий отдельных классов общества – боярства и духовенства, уже заявившее «Уложением 1649 г.» и Монастырским Приказом свои права на церковное имущество и гражданский суд духовенства, как на свое государственное достояние, на соборах 1667 и 1675 годов как бы сделало временную уступку церкви, но от исторической задачи своей не отказалось. Лишь только воцарился Петр I, для церкви наступили тяжелые времена. Церковной власти выпала трудная задача отстаивать то, что ходом всех событий исторической русской жизни XVII в. осуждалось на исчезновение. Правительство в лице Петра I энергично стягивало в свои руки все функции государственной власти, желало всех подданных без изъятия поставить в зависимость от одного начала. Церковь с своими имущественными и административно–судебными привилегиями (как и боярство с политическими и имущественными правами) стала в противоречие с стремлениями правительства. В патриаршество Адриана должно было невольно произойти столкновение представителей двух порядков: старины, традиции, охватывавшей всю русскую жизнь и выдвигавшей на первое

место значение церкви, и государственной реформы, поставившей целью выдвинуть на это место значение государства. За старину, традицию, стоял п. Адриан. При самом возведении на кафедру и в окружном послании, как было изложено выше, он открыто начертал обстоятельную, всестороннюю программу в духе старины; за реформу стояла молодая партия, постепенно увеличивавшаяся в рядах и нашедшая себе энергичного руководителя и вдохновителя в самом русском царе. Между руководителями двух партий, с резко определившимися настроениями, п. Адрианом и Петром В., должна была возникнуть борьба за господство над умами и совестью русских людей: кто окажется сильнее, тот поведет общество по своему пути.

В первые годы патриаршества Адриана до 1694 г. в церковно–гражданской жизни царил дух старины и традиции, унаследованный от п. Иоакима, как известно в последние годы своего служения разгромившего иностранное влияние на Московскую Русь. В это время власть находилась в руках матери Петра, малоспособной и неопытной в делах правления царицы Наталии Кирилловны (1694 г.), почитательницы п. Иоакима и Адриана, поклонницы русской старины. Сам же царь Петр в делах правления до смерти своей матери не участвовал. Он проводил время в военных играх, изучении математики, в поездках по подмосковным дворцовым селам, в Переяславль, в Архангельск, часто проводил ночи в попойках. Компания, окружавшая его с отроческих лет, теперь расширилась: к «потешным» конюхам и придворным лакеям присоединились искатели приключений из немецкой слободы. Рядом с Алексашкой Меншиковым, невежественным, но сметливым и умным гулякой, теперь сел разорившийся купчик из Женевы, Франц Яковлевич «Лаферт», невежественный не меньше Меншикова, но человек бывалый, веселый говорун, незаменимый герой и добрый товарищ за бутылкой»³¹.

Патриарх Адриан, как ставленник партии старорусской, партии царицы Наталии Кирилловны, имел видное положение при дворе и некоторое влияние на государственную жизнь³², хотя в это время государственные дела, находившиеся в руках

присных Наталии Кирилловны бояр, – или недалеких или «непрестанно пьяных», как например, Тихон Стрешнев, Лев Нарышкин и кн. Борис Голицын, – были в большом расстройстве³³. К тому времени и относятся послания патриарха, в которых он определил задачи и направление церковной и гражданской жизни русского общества. Покровительство и единомыслие правительницы давало в руки патриарха сильное оружие для борьбы с иноземным влиянием. Но не в характере Адриана были крутые меры. В своих посланиях он кипит, негодует против иноземных обычаев, появившихся в Москве, бичует брадобритие, обличает табакокурение и ношение немецкой одежды, умоляет русских не подражать западу, рекомендует сильные меры в обращении русских с отступниками от старины (напр. прекращение общения с ними); но в то же время не предпринимает практически никаких действительных мер ограждения русского общества от немецкого влияния.

Главное препятствие для своей борьбы с иноземными новшествами патр. Адриан встретил в молодом царе. Петр I сам подавал пример придворному обществу в перенимании «гнусных обычаев»: он брился, курил табак, носил немецкую одежду, водил компанию с еретиками. Все наставления патриарха русскому обществу парализовались поведением царя и окружавшей его придворной молодежи. Патр. Адриан дерзнул было однажды сделать замечание молодому царю за ношение немецкой одежды, но результат получился плачевный. Когда однажды, в 1694 г., в присутствии царицы Наталии Кирилловны, увидев Петра в иноземной одежде, патриарх начал упрекать его в изменении русского платья, Петр на это вспыхнул и резко дал патр. Адриану совет: «Вместо того, чтобы заботиться о портных, пешись о делах церкви»³⁴. Вспышка Петра и резкий ответ даже в присутствии любимой матери, почитательницы патр. Адриана, не обещали впереди ничего доброго для патриарха и сдерживали Адриана от активных выступлений против иностранцев. Патриарх вероятно с тоской и страхом ожидал смерти царицы и предвидел наступление худших времен для русской церкви при самостоятельном правлении царя Петра.

Ожидание такой смены правления также не могло возбуждать особой энергии патриарха в борьбе с новым течением.

По смерти царицы в 1694 году Петр начал проводить в жизни свои планы, обнаруживать симпатии и антипатии более решительно и смело. Патриарх Адриан скоро оказался в стороне, вне сотрудников царя. Петр I начал править по-новому: не так как раньше. Скорее он не правил государством, а работал подобно простому рабочему, – наряду с своими друзьями детства «потешными», набранными из разных групп общества, и вкравшимися в его доверие иноземцами, – над новым делом для Руси, устройством флота. Молодой царь отбросил в сторону русский придворный этикет, покинул московский дворец, жил как простой мастеровой, ходил в необычной для русского царя немецкой одежде, все делал не так, как исстари было заведено при царском дворе. Спустившись с высоты престола до плотнического топора и разгульной попойки в немецкой слободе и тем изменив свое царское достоинство в глазах русского общества, царь скоро изменил и достоинство русского первосвященника. Обычно ранее во всех важных и даже не важных делах светская власть опиралась на сочувствие власти церковной. Случалось, если духовная власть не соглашалась на какую-либо меру, светская власть уступала (например, при Никоне, Иоакиме). Во многих делах чисто гражданского характера светская власть советовалась с духовной, что видно в участии освященного собора в земских соборах и боярской думе. При Петре нарушается это взаимодействие светской и духовной власти. Петр явно и сознательно желал устранить участие патриарха советом в государственном строении на новых началах. Уже совет Петра патриарху – «пещись о делах церкви, вместо того, чтобы заботиться о портных», – решительно отмежевывал патриарху только дела духовные, церковные. Чтобы всенародно показать независимость власти гражданской от власти духовной, Петр уничтожил древний обычай хождения патриарха на ослати в Вербное воскресенье, обычай, свидетельствовавший о превосходственном значении патриарха над царем. Этот обычай прекрасно характеризовал отношения

на Руси царской и патриаршей власти друг к другу. В церковной церемонии недели ваий Государь являлся как почетный участник, как первый сын церкви, а не как главный ее распорядитель. В праздник Ваий или Входа Господня в Иерусалим во время торжественного шествия патриарха на жребяти царь держал конец повода того жребя, на котором ехал патриарх. Вся церемония праздника Ваий состояла в крестном ходе из Успенского собора до Покровского, в котором находился придел во имя Входа Господня во Иерусалим; из Покровского собора шествие направлялось к Лобному месту, где читалось праздничное Евангелие. Во время чтения Евангелия на распев, двумя священнослужителями приводился жребя, на которого садился патриарх. Прежде начала чтения Евангелия на Лобном месте патриарх раздавал царю и придворным вербу, приготовленную в двух кадочках, и когда садился на жребя, брал в руки крест, которым и осенял сперва царя, а затем народ на все стороны. Царь брался за конец повода; поддьяк и певчие, идя пред патриархом, пели осанна, что повторяли станицы (хоры) певчих, шедших сзади, а отроки по всему пути, на пространстве 234 сажень от Лобного места до Успенского собора, расстилали сукна и полусукна³⁵. Во время этой церемонии главным лицом, предстоятелем и начальником, являлся патриарх. Русский же царь по входе в собор считал священным долгом воздать прежде всего поклонение местным иконам и затем принять благословение у патриарха. «И тако пришед Государь царь в соборную церковь и Государь святейший патриарх его Государя благословлял» (замечено очевидцем в Описании этой церемонии) и в другом месте «и как пришли Государи в собор, знаменались у св. икон и св. патриарх благословлял их рукою без креста». Совершенно также без всяких церковных церемоний шел государь и из церкви. Часто не было даже звона. Так в 1693 г. в неделю Ваий «благочестивые государи пришли в собор обое (Иоанн и Петр) и звону им не было; как пошли с красного крыльца, так преста позванивати благовестить в большой колокол в один без перестанку». Ведя за повод жребя, царь высказывал свое смирение пред Христом, лицо которого изображал патриарх.

Царь этим резко отличал свою власть, как власть мирскую, хотя и Богом дарованную, от власти духовной и церковной, и тем ставил себя и свое государствование под высший авторитет церкви. Самый обряд «шествия на осляти» в день Ваий появился вероятно в патриарший период. Он установлен был, как высказывают участники соборного деяния 1678 г., собравшиеся для суждения об обряде, бываемом в неделю Ваий, «не от древних лет, не мало прежде жития нашего, и во время мятежное, бывшу в государстве сем смятению великому, введеса в церковь»³⁶. Целью учреждения его, по всей видимости, было возвышение пред народом сана русских иерархов, но вместе с тем имелось вероятно в виду и упрочение авторитета гражданской власти государя чрез участие его пред лицом всего народа в религиозной церемонии. Русские государи XVII в. до Петра I, действительно, в силу ли религиозных или в силу политико–государственных побуждений, считали своею священной обязанностью принимать участие в «шествии патриарха на осляти». Да и сам Петр, вместе с братом Иоанном, в 1693 г., когда еще жива была Наталия Кирилловна, и когда сам он еще не принимал почти никакого участия в деле правления, оставался верен церковно–гражданской традиции и вместе с Иоанном Алексеевичем держался за повод во время шествия патр. Адриана на осляти³⁷. Только после смерти матери, Наталии Кирилловны, когда немецкая слобода захватила ум и сердце молодого царя, обряд этот был отменен, как унижительный для царской власти. Духовная власть в лице Адриана получала бóльшее оскорбление, чем то, какое нанес Ромодановский патриарху Никону, сказав ему от имени царя: «Царь гневается на тебя за присвоение титула великого Государя и больше почитать тебя не будет». За унижение духовной власти уничтожение обряда было понято не только самим патриархом и духовенством, но и народом, который в лице стрельцов высказал свой протест против порушения традиционной церковной церемонии. Стрельцы одним из главных мотивов бунта против Петра в 1698 г. выставляли уничтожение обряда Ваий и хотели немецкую слободу разорить, немцев побить за то, что благочестие от тех

закошено: прекратились ходы на богоявление и цветную неделю»³⁸. Когда был отменен обряд неизвестно: во всяком случае между 1694 и 1696 годами.

Вскоре самолюбие патриарха еще более пострадало, когда он не мог не узнать, как царь Петр учредил необычный, вакханальный «всеплутейший, сумасброднейший и всепьянейший собор князя Иоаникиты, патриарха Презбургского, Яусского, и всего Кукуя». При нем был «Конклав» из 12 «кардиналов», отъявленных пьяниц и обжор, со штатом епископов, архимандритов и т. д., носивших прозвища, которые, по замечанию проф. Ключевского, никогда не появятся в печати при каком бы то ни было цензурном уставе. Петр был протодьяконом в этом соборе. Устав этого собора был сочинен Петром после, в 1709 г., накануне Полтавской битвы³⁹. Когда была учреждена всешутейшая компания, пародия на папу и патриарха, неизвестно. Во всяком случае «всеплутейший собор» существовал еще при жизни патр. Адриана. Из письма Стрешнева царю под Азов, относящегося к 1695 г., видно, что уже в это время на пирах главою компании, в борьбе с иностранцем Бахусом и с своим доморощенным Ивашкою Хмельницким – был «Всешутейший отец Иоаникит (Никита Зотов), Презбургский, Кокуйский и Всеяузский патриарх»⁴⁰. Петр был диаконом, дополняет в записках под 1694 г. Желябужский. На святках компания ездила Христа славить; сам царь ездил по всем боярам и палатным людям, Зотов ездил по купцам⁴¹. Всешутейший собор был учреждение с этого времени постоянное. Об нем упоминает под 13 января 1699 г. Корб, секретарь австрийского посольства в 1698–1699 году. «Здесь, – говорит он, – устраивается, в день Рождества нашего Спасителя комедия. По выбору царя значительнейшие москвитяне возводятся в разные духовные достоинства. Один играет роль патриарха, другие митрополитов, архимандритов, попов, диаконов и проч. Каждый, кто по царскому указанию получит одно из сих званий, должен надеть соответственное одеяние. Его царское величество представляет диакона. Театральный патриарх в сопровождении многих своих митрополитов и прочих лиц,

числом всего 200 человек, прокатился в восьмидесяти санях чрез весь город в Немецкую слободу, с посохом, в митре и с другими знаками присвоенного ему достоинства»⁴².

«Что за намерения были у Петра I при таких странных затеях об этом, – говорит Фоккеродт, – различно судили и русские и иностранцы. Некоторые воображали себе, что во всех поступках этого монарха кроется почти нечеловеческое благоразумие, думали находит тут иероглифическое изображение прежнего и теперешнего состояния русского народа и употребленных для него Петром стараний. Другие полагали, что он хотел этим поднять на смех римско–католическую иерархию, да косвенным образом тоже и свое духовенство. Однако ж всего проще считать это вроде потехи, да и такой еще, которая достаточно согласовалась с его умом и душевным расположением: у него не было ни малейшего вкуса в удовольствиях, так же как и в других вещах, служащих людям для украшения и развлечения; он вовсе не понимал разборчивости в том. Все его развлечения имели в себе что–то грубое и неприятное. Самые непристойные виды забав нравились ему больше всего и ничто не приводило его в такое восхищение, как возможность насильно принудить людей сделать или вытерпеть что–нибудь противное их природе (каковы, напр., набивание рта сыром, устрицами и тому под. тех, кто от этого корчит рожу). При всем этом нет ничего невозможного, что тут имел он и косвенные виды на иерархию римской церкви, потому что учение папистов о независимости их духовенства от светского правительства внушало ему не мало ненависти и недоверия к папству; довело его до того, что он всеми силами старался покровительствовать стороне протестантов. Напротив, то же учение было причиной чрезвычайного расположения русского духовенства, кроме немногих, к римской церкви, и сильной ненависти его к протестантам; оно охотно приложило бы свои руки к притеснению и истреблению протестантов, если бы оне не были связаны у него»⁴³. В объяснении Фоккеродта, хотя оно и носит субъективно протестантский оттенок, больше правдоподобного, чем в попытках современных историков, представить

«всешутейшую компанию» шуткой невинного, незлостного характера. «Иноземные наблюдатели готовы были, – говорит В. О. Ключевский, – видеть в этих безобразиях–политическую и даже народовоспитательную тенденцию, направленную будто бы против русской церковной иерархии и даже самой Церкви... Петр играл не в одну церковную иерархию или в церковный обряд. Предметом шутки он делал и собственную власть, величая кн. Ф. Ю. Ромодановского королем, Государем, «Вашим пресветлым Царским величеством», а себя «всегдашним рабом и холопом Piter'ом» или просто по–русски «Петрушкой Алексеевым»⁴⁴. Соображения современников Петра, приводимые Фоккеродтом и его собственное заключение, подтверждаются другими иностранцами, прозревавшими истинную сущность таких нелепых учреждений как князя папы, или князя кесаря. Петр I неуклонно шел к достижению своей цели быть неограниченным повелителем всех своих подданных, не исключая патриарха с духовенством, желал видеть во всех их только орудие своей власти. Во всяком действии, на первый взгляд даже сумасбродном и нелепом, скрывалась у Петра I, тонкого политика и гениального практика, одна и та же мысль: все и всех подчинять своей воле и власти, прибегая ко всем дозволенным и недозволенным, крутым и мягким, серьезным и шутовским мерам. Так, у иностранца Корба раскрывается глубокий смысл игры Петра в собственную власть, предоставлением титула и власти князя–кесаря Ромодановскому, или неограниченного властителя в Москве князю Черкасскому. «Черкасский, князь пожилых лет, – пишет Корб под 31 марта 1699 г., – остается (после отъезда царя из Москвы) для управления Москвою, хотя кроме его и другие лица предъявляют права на это место, будто бы порученное им от царя, потому что царь, прощаясь при выезде со многими вельможами, препоручал им попечение в Москве и разным личностям говорил: «Я тебя оставляю здесь на мое место, будь тут главным распорядителем». «Я думаю, – говорит Корб, – что не следует осуждать царя за то, что он поручал многим лицам верховную власть; так как они через это не признают друг друга единственно облеченными этой властью, а постоянное между

ними несогласие не позволит ни одному из них во зло употребить верховную власть и никто, таким образом, не в состоянии будет воспользоваться во вред Государя»⁴⁵. Еще характернее отношение Петра к «полудержавному властелину» Меншикову с объяснением к нему Юста Юля в записках под 7 июня 1710 г. «Сам царь, – пишет Юль, – выехал к нему (Меншикову на встречу) за три версты от города, несмотря на то, что недавно хворал и теперь еще не совсем оправился. Замечательно, что князь даже не слез с лошади, чтобы почтить своего Государя встречею, и продолжал сидеть до тех пор, пока царь к нему не подошел и не поцеловал его. Множество русских офицеров и других служащих тоже выехали верхом встречать князя, все целовали у него руку, ибо в то время он был полубогом, и вся Россия должна была на него молиться»⁴⁶. Будет ли и это игра Петра I в царскую власть? Юль иначе объяснил себе это странное явление, приписав Петру хитрый расчет. Коснувшись, в другом месте «записок», всесильного положения князя Меншикова и его насилий и вымогательств, взяточничества с иноземцев – купцов и военных, а также и русских, Юль замечает: «Очень может быть, что доходами с имуществ, отнятых князем Меншиковым у многих лиц, пользуется сам царь. Вообще Его Величество только прикидывается сторонником законности. Когда совершается какая–нибудь несправедливость, неудовольствие пострадавших должен отвлечь на себя князь. Если бы князь Меншиков в самом деле обладал всем, что считается его собственностью, то доходы его достигали бы нескольких миллионов рублей. Но возможно ли допустить, чтобы такой правитель, как царь, крайне нуждающийся в средствах для ведения войн и столь расчетливый для самого себя, как какой–нибудь бедняк простолюдин, решился одарить кого–либо подобным богатством? На вопрос: кто пользуется тою или другою монополией, правом торговать царскою рожью и всевозможными товарами и проч., всегда слышен тот же ответ «Князь Меншиков». Словом, все принадлежит ему, так что он властен делать, что ему угодно. И вот складывается убеждение, что сам царь справедлив, виноват же во всем один князь. Но на

самом деле, хотя князь и отличается несправедливостью, а во всем, что относится до почестей и до наживы, является ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщинами; тем не менее он неповинен во многом из того, в чем его обвиняют. Когда царь не хочет заплатить содержания какому-либо офицеру или не хочет оказать ему защиты, то говорит, что сам он всего генерал-лейтенант, и направляет офицера к фельдмаршалу, князю Меншикову; но, когда проситель является к князю, последний обо всем предупрежден и поступает так, как ему кажется выгоднее. Если бедняга снова идет к царю, то Его Величество обещается поговорить с Меншиковым, делает даже вид, что гневается на князя за то, что он не удовлетворил ходатайству офицера, но все такие действия – одно притворство. Порок этот весьма затемняет добрую славу Его Величества»⁴⁷. Из приведенных суждений очевидцев-иностранцев видно, какова эта игра Петра I в собственную власть. Она не носит такой невинный характер, который придается ей профессором Ключевским. Нам игра эта скорее напоминает Царя Иоанна Грозного с таким же смирением поставившего в русские цари Симеона Бекбулатовича и низведшего себя в разряд «Иванца Князя Московского» с тою же заднею мыслью высматривать и расправляться с теми, кто действительно возомнит себя выше царя, и снимать с себя ответственность за политико-государственные промахи. Вопреки объяснению Ключевского, и во «всешутейшей компании» приходится видеть, к сожалению, более серьезное, нежели простого рода забаву. Впрочем, можно согласиться, что это была забава, подобная игре в кораблики, со всеми последствиями ее. Как из игры в кораблики вышло создание крупного русского флота, так и из игры в церковную иерархию явилось грустное для Русской церкви уничтожение патриаршества. Всеплутейшим собором с его козлогласованиями, пьянством, дикими обрядами и одеждами часто кощунственно переплетенными с церковными гимнами, песнопениями и др. частями богослужебного ритуала, Петр, помимо своего личного грубого развлечения, преследовал осуществление одной своей цели: сокращение влияния, в

древне–русском духе, церкви и ее представителя на гражданско–общественную жизнь русского народа, с тем, чтобы беспрепятственно положить в основание государственного строя иные, иноземные начала, по крайней мере в отношениях церкви и государства. Петр I кощунственными вакханалиями, которых так чуждалось старорусское общество XVII в., старался настроить русскую душу поиному. Что было ценно и свято в глазах русских до Петра, то он хотел дискредитировать. Достоинство, сан и положение патриарха древней Руси было «удерживающим» в глазах Петра наступление Новой России с иноземным строем жизни и с подначальным положением церкви и религии в государстве. Петру I нужно было свести к нулю авторитет патриарха в глазах всего русского общества, чтобы патриарх не стоял на дороге при осуществлении новой государственной программы. Религиозная обрядность сковывала русского человека в его порывах на запад, нужно, следовательно, и ее представить в глазах его несущественной, неважной. Лучшим средством явилось для Петра высмеивание, комическая карикатура как сана патриарха, так и окружавшего его церковного ритуала. Нельзя сказать, чтобы Петр не достиг в данном случае успеха. Круг деятельности «всешутейшей компании» расширялся, год от году увеличивался кружок, среди которого происходила забава Петра с «патриархами». Он захватывал в себя как придворных, так и именитых купцов, как мужчин, так и женщин. Сан патриарха и религиозные обряды были обесценены. При дворе Петра, в высших кругах дворянства и именитом купечестве, где часто происходили попойки царя с «патриархами», – при помощи «всепьянейшего собора» скорее и вернее достигались цели Петра, чем царскими указами, последовавшими уже тогда, когда была подготовлена в правящих классах почва. Самое название патриарха уже стало скоро соединяться с образом шута, скомороха, пьяницы. Религиозные обряды, песнопения низведены в разряд шутовских развлечений пьяной компании. Даже церковные таинства и те не избежали печальной участи попасть в разряд кощунственных забав. Вот картина кощунственной пародии патриаршего богослужения, нарисованная в 1699 г. очевидцем

иностранцем Корбом. Праздновали торжественное посвящение Вакху дворца, покровенного царем и обыкновенно называемого дворцом Лефорта. «Шествие, назначенное по случаю этого обряда, (очевидно публичное всенародное) выступило из дома полковника Лимы. Патриарха весьма приличное облачение возводило в сан первосвященника: митра его была украшена Вакхом. Амур с Венерою украшали посох, чтобы показать, какой пастве был этот пастырь. За ним следовала толпа прочих лиц, отправлявших вакханалию: одни несли большие кружки, наполненные вином, другие сосуды с медом, иные фляги с пивом и водкой, последним из приношений во славу сына земли. И как по причине зимнего времени они не могли обвить свои чела лаврами, то несли жертвенные сосуды, наполненные табаком, высушенным на воздухе, и, закулив его, ходили по всем закоулкам дворца, испуская из дымящегося рта самые приятные для Вакха благоухания и приличнейший фимиам. Чубук, имеющий то достоинство, что воображение человека, даже наименее наделенного в этом отношении природою, разыгрывается, когда он, для удовлетворения своей привычки, втягивает в себя дым из этого орудия, был также на сцене при этом обряде. Театральный первенствующий жрец подавал чубуком знак одобрения достоинству приношения. Он употреблял для этого два чубука, на крест сложенные. Кто бы в самом деле, – замечает изумленный Корб, – подумал, что изображение креста, драгоценнейшего символа нашего спасения могло служить игрушкой!»⁴⁸.

В шутовство обращались и таинства, например, брак. «В январе 1694 г. женился шут Яков Тургенев на дьячьей жене. Свадебный поезд ехал на быках, козлах, собаках, свиньях, в смешных платьях–кулях мочальных, шляпах лычных, в крашенинных кафтанах, опушенных кошачьими лапами, в серых разноцветных кафтанах, опушенных белыми хвостами, в соломенных сапогах, в мышьих рукавицах, в лубочных шапках. Женился Яков в шатрах на поле между Преображенским и Семеновским, и тут был банкет великий три дня»⁴⁹. У Юста Юля описана подобная же свадьба карлика с карлицей, устроенная Петром I. «Во все время, пока длилось венчание, кругом

слышался подавленный смех и хохот, вследствие чего таинство, – говорит Юль, – более напоминало балаганную комедию, чем венчание или вообще богослужение. Сам священник, вследствие душившего его смеха, насилу мог выговаривать слова молитв.»⁵⁰

Все описанное пролагало путь в русское общество индифферентизму к религии, к заветным верованиям и обрядам, что служило впоследствии верным средством для привнесения в русскую жизнь более серьезных изменений.

В исторической литературе нет указания, как относился патр. Адриан к кошунственному учреждению Петром «всеплутейшего собора», треплющего имя патриарха в пьяных оргиях, по немецкой слободе, среди иностранцев и придворных русских. Вероятно, патриарх, после указанного выше инцидента еще при жизни своей покровительницы, видел бесполезность вмешиваться в личную жизнь царя и опасался, зная его крутой нрав, своим протестом вызвать еще большее зло как для себя, так и для всей русской церкви. [Во всяком случае между царем Петром и патр. Адрианом не могло установиться добрых, сердечных отношений, какие замечались между царем и патриархом ранее, на протяжении всего патриаршего периода (за исключением только времени размолвки царя Алексея Мих. и патриарха Никона). Программа патр. Адриана, его *pia desideria* красноречиво говорили царю Петру, насколько они расходятся между собою во взглядах на существенные потребности русского общества. Один с упованием смотрел на Восток, другой начинал заглядываться на Запад. Первый провозглашал преимущественное значение в земной жизни церкви и религии, второй – государства и земной культуры. Пути царя и патриарха, до этого времени шедшие рядом (с временными незначительными отклонениями) разошлись в противоположные стороны. Царь Петр и патриарх Адриан оказались идейными противниками, как представители двух совершенно различных мирозерцаний. Борьбы в собственном смысле между ними быть не могло, так как материальная сила была на стороне царя Петра⁵¹, а моральная к тому времени также успела ослабнуть вследствие религиозного разделения русского общества на

несколько групп. Патриарху Адриану приходилось сознаться в своем бессилии и быть молчаливым зрителем надвигающегося на Русь иноверного запада с его самыми непривлекательными проявлениями разгула и разнузданности, ибо первыми плодами воздействия запада ни русское общество, в глазах староверов, и были только внешние заимствования иноверных обычаев: брадобрития, немецкой одежды, табакурения, легкого отношения к постам и преданиям старины. Царь Петр придал этим обычаям еще и атмосферу широкого разгула, ночных кутежей. Патриарх молчал, когда широкой рекой полились на Русь те самые заимствования с иноверного запада, которые он так усердно всесторонне и всенародно обличал в первые годы своего патриаршествования. Молчал патриарх вероятно и тогда, когда царь отменил церемонию Ваий и еще стал высмеивать самый его патриарший сан.

Надо заметить, что Петр I имел достаточно такта, чтобы со вне, в официальных отношениях, оказывать патриарху должный почет, и тем отнимал у патриарха вид жертвы, утесняемой верховной властью, жертвы, которая могла бы привлечь к себе симпатии всех недовольных зачатками реформ и поведением Петра – объединить их вокруг авторитетного в истории звания «патриарх». Патр. Адриан в свою очередь, при оказываемом ему от царя внешнем почете, также не мог довести разницу во взглядах на задачи переживаемого времени до острой борьбы; в противном случае выходило бы, что патриарх сам портит отношения свои с царем и из жертвы превращается в несимпатичный, на взгляд многих, образ Никона. Из всего периода патриаршества Адриана найдутся два–три безрезультатных случая столкновения между царем и патриархом. С виду, официальные отношения между царем и патриархом вообще не носили враждебного или неприязненного характера. Петр I неоднократно посещал патриарха в его покоях. Так 9 дек. 1695 г., собираясь в поход Азовский, он изволил быть и сидеть со святейшим патриархом в столовой палате с начала 5 часа ночи до 8 часа и по восстании и шествии его В. Государя, патриарх благословлял его образом Богородицы Владимирской. – «По взятии города Азова Великий

Государь Петр Алексеевич изволил быть у патриарха и сидеть в столовой палате с последнего часа дневных часов до другого часа ночи, до последней четверти»; на отпуске патриарх благословил его образом Всемилоственного Спаса. В 1697 г. февраля 21, в первое воскресенье Великого поста Государь опять изволил быть у свят. патриарха и сидел с ним в столовой с первого часа ночи до третьего часа ночи; на отпуске патриарх благословил его образом Владимирской Богородицы. (Это посещение было пред отправлением Петра I за границу). В 1698 г. авг. 31, в среду, в 8 часу, в исходе, Великий Государь по своем пришествии из-за моря изволил быть у патриарха и в столовой изволил сидеть до 10 дневного часа, после чего патриарх благословил его образом Успения Богородицы. Во все посещения патриарх угощал царя яствами и питием⁵². До путешествия Петра за границу в 1697–1698 г. в программах царя и патриарха было даже одно общее место, которое могло подавать Адриану надежду на обращение Петра, временно увлекшегося немецкой слободой, к русской традиции. И Петру, и Адриану осталась в наследство от предшественников мечта об изгнании турок с Балканского полуострова и освобождении восточных христиан от мусульманского ига. Религиозное самосознание русских XV и XVI века побуждало довершить миссию русского народа, начатую после падения Константинополя, объединить Восток под скипетром Московского царя. Все регалии царя были уже перенесены в Москву – третий Рим, оставалось совершить политическую работу – изгнание турок с Балканского полуострова или по крайней мере воздвигнуть в св. Софии Константинопольской, на месте полумесяца, крест. К этому русских более всего побуждали сами же восточные христиане. Еще в конце XVI века уважаемый на востоке патриарх Александрийский Мелетий Пигас писал царю Феодору Ивановичу: «Восточная церковь и четыре патриархата православные не имеют другого покровителя, кроме твоей царственности; ты для них как бы второй Великий Константин. Да будет твое царское величество общим попечителем и заступником Церкви Христовой и уставов богоносных отцов»⁵³. А в конце древнерусского периода, в 1698

г. Иерусалимский патриарх Досифей писал Петру: «В нынешнее время ваше богохранимое царство не только есть глава всех христиан, но и единая христианская глава, поскольку нет, на земле, иного царя православного, как ты един»⁵⁴. Кроме такого признания русского царя царем всех восточных христиан, из уст восточных иерархов XVII в., раздавались и более смелые политические пожелания и призывы. В 1688 г. последовало обращение валашского воеводы Щербана, константинопольского патриарха Дионисия, Сербского архиепископа Арсения с воззванием к царям Иоанну и Петру Алексеевичам, чтобы они силою оружия освободили православные народы от турецкого ига. Насколько простиралось радение восточных иерархов о славе русского оружия и осуществлении надежд освобождения восточной церкви от турок видно из того характерного явления, что со времени приезда в Москву Константинопольского патриарха Иеремии восточные патриархи посылали на Русь особые отписи от себя с разными политическими вестями. Особенно энергичен в этом отношении был патр. Иерусалимский Досифей, современник патр. Адриана и Петра. Он зорко следил за делами на Востоке и Руси; хотел быть руководителем русского царя как в восточной политике, так даже в самом направлении внутренней русской жизни⁵⁵. Предшественники царя Петра и патр. Адриана – царица Софья Алексеевна и патр. Иоаким укрепили в сознании русских греко–филов мечту осуществить миссию русского народа по отношению к Балканскому полуострову. Патр. Иоаким, греко–фил по убеждению, восстановил, благодаря своему ходатайству пред ц. Феодором Алексеевичем, (находившимся, как известно под латинопольским влиянием и недружелюбно относившимся к восточным гостям – просителям милостыни), прежние сношения Руси с Востоком через приезжавших восточных иерархов, а царица Софья не только не издавала никаких распоряжений, стеснительных для восточных просителей, но встречала их в Москве особенно радушно и щедро одаряла их. Это объяснялось тем, что Софья хотела явить себя Востоку действительно православною царицею, пекущеюся о

поддержании святых мест, столь дорогих для каждого христианина. Царь Петр и патр. Адриан усвоили в отношениях к Востоку один и тот же взгляд, что несколько объединяло их до времени. Патр. Адриан, как задушевный друг Иоакима, по отношению к восточным христианам одушевлен был теми же чувствами и желаниями, что и предшественник, а Петр I сначала царствования деятельно продолжал политику сестры, наследовав от нее начатую войну с Турцией. В 1695 и 1696 г.г. Петром были предприняты два Азовских похода, направленных против турок с целью овладеть турецкой крепостью Азовом на Дону и северными берегами Черного моря. Патр. Адриан в этом деле оказывал царю материальную и моральную поддержку. От этого времени сохранилось напр. «слово на случай войны с турками», приписываемое историком Соловьевым патр. Адриану, сказанное около 1695 г.⁵⁶, кроме того в Истории Соловьева, находим и другое свидетельство о том, насколько горячо принимал к сердцу русский патриарх успех русского оружия в борьбе с турками. Когда получено было 31 июля 1696 г. известие о сдаче Азова значительнейшими людьми в Москве, «Виниуса сейчас же послали к патриарху; святейший заплакал от радости и велел ударить в большой колокол к молебну, на который сошлось бесчисленное множество народа», которому прочитали царскую грамоту на имя патриарха с подробным изложением радостного события⁵⁷. Материально патр. Адриан участвовал в так называемых «Кумпанствах», выставив к 1698 году 2 корабля⁵⁸. Сам Петр I считал патр. Адриана заинтересованным в восточном вопросе. Характерна для иллюстрации этого переписка Петра I с Адрианом во время его заграничного пребывания. В письмах царь свою поездку за границу и работу в Амстердаме представляет патриарху, как имеющую целью исполнение его заветного желания об освобождении восточных христиан от турецкой неволи. «Мы, (пишет в 1697 г. от 10 сент. Петр Адриану в ответ на благопожелания), в Нидерландах, в г. Амстердаме благодатию Божиею и вашими молитвами при добром состоянии живы. Последуя слову Божию, бывшему к праотцу Адаму, то чиним не от нужды, но доброго ради приобретения

морского пути, дабы искусясь совершенно могли, возвратяся, против врагов имени Иисуса Христа победителями а христиан тамо будущих свободителями благодатиею Его быти. Чего до последнего издыхания пожелав, церкви святой и Вашим молитвам предаю себя. Питер»⁵⁹. Не видно ли из этого письма, на что хочет подействовать Петр I, чтобы примирить русских староверов с странною на их взгляд поездкою его в еретические страны! Он выставляет себя решительным сторонником старорусских традиций, направлявших русскую историю и внешнюю политику на юг, и тем желает заручиться поддержкой в русском обществе чрез патр. Адриана даже и в новом странном своем поведении по отношению к западу. А какой радостью и довольством исполнено следующее письмо от 13 сент. 1697 г. «Святейшему Архипастырю Россиян. Чиню Вашей Святости известно некоторую новину. Вчерашнего дня прислали послы цесарские к нашим дворянина с такою ведомостью, что Господь Бог подал победу войскам цесарским на турок такую, что турки в трех окопах отсидетися не могли, но изо всех выбиты и побежали было через мост, но цесарцы со своих батарей по мосту стрелять стали. И видя турки то, стали бросаться в воду, а цесарцы сзади рубить. И так в конце турок побили и обоз взяли. На том было убито турок 10000 или 12000, между которыми великий Визирь и янычарской Ага. Иные сказывают будто и Салтан убит, но про то подлинно не ведают. На том же бою взято 102 пушки медные и 7000 телег и т. под. Сим поздравляя триумфом, желаем Вам от Господа Бога во всяком добром состоянии долговременного жития. Питер Piter»⁶⁰. В великой радости Петр готов и в патр. Адриане видеть своего друга и уважаемого пастыря. Самый тон письма звучит сердечными нотами к «Архипастырю Россиян». Зная задушевные мечты патр. Адриана, видя хоть одно его желание совпадавшим с своим и получив известие о благоприятном начале исполнения общей их надежды царь Петр готов забыть всю пропасть, разделявшую его и патриарха, и вместе с ним поликовать над русским врагом. Патр. Адриан, с свойственной ему, как видно из всех его частных посланий, задушевностью, кротостью и любовью, достойно своего сана ответил вскоре

также письмом, где присоединяется в радости к царю и желает, чтобы между ними существовали любезные отношения⁶¹. Таким образом, восточный вопрос объединил царя и патриарха и мог еще подавать надежду как патр. Адриану, так и восточным христианам, особенно патр. Иерусалимскому Досифею, что русский царь будет верен русским традициям не только во внешней политике, но и в симпатиях к Востоку, во внутреннем укладе церковно–гражданской жизни по Византийскому образцу.

Каково же вскоре последовало разочарование старорусской партии во главе с патриархом, когда Петр I, ознакомившись с силами западно–европейских государей и их действительными целями в борьбе с турками и убедившись в неосуществимости надежды заменить полумесяц крестом на берегах Босфора, возвратился из–за границы с иным проектом – повернуть лицо Руси с юга на северо–запад, вошел в прибалтийскую коалицию против Швеции с тем, чтобы пробиться к новому чужому морю и подчинить Русь культурному немецкому влиянию. Это разочарование усиливалось еще поступками царя Петра как за границей, так и в Москве по приезде домой, явно свидетельствовавшими, что молодой царь топчет ногами старину и ее традиции, все, за что ратовал патриарх и что оградил угрозами гнева Божия и отлучения от церкви. Петр I, еще до поездки за границу, позволил продажу табаку; сбор пошлин с этой продажи был отдан торговому человеку гостинной сотни Мартыну Орленку; а потом, будучи в Англии, царь предоставил права исключительной торговли табаком в России маркизу Кармартеню за 20000 фунтов стерлингов (48000 руб.) с уплатой всей суммы вперед⁶². Голиков в дополнении к I тому Деяний Петра Великого отмечает следующее характерное отношение Петра к консерваторам (с патр. Адрианом во главе) при табачном контракте Головина с Кармартеном. Когда Кармартен колебался в заключении контракта, указывая на запрещение употреблять в России табак людям греческого закона (а запрещение исходило, как мы знаем из уст самого патриарха Адриана чрез его окружную грамоту) монарх, пишет Голиков, отвечал: «Я приведу все в порядок, когда возвращусь

домой»! Что это за приведение в порядок, как не знаменитая Петровская дубинка в лучшем случае и Преображенский застенок для противников царской воли в худшем? Замечательно также в самом торговом договоре такое место: «И понеже многия трудности приключиться могут, изволит Его Царское Величество свободный приступ Кармартену, или его учрежденным и прикащикам, позволить к своей Царского Величества особе, дабы во всяких случаях всемилостиво приняты и выразумлены быть могли и удовольствованы были и проч.»⁶³. Продажа табаку, около которой разгорались страсти ожесточенной борьбы староверов и западников еще в царствование Алексея Михайловича, когда табак то продавался от казны, то, под влиянием ревнителей отеческих преданий, особенно патр. Иоакима, был правительством запрещаем под угрозой «градских казней», – становилась теперь под грозную защиту самого царя, обещала казне порядочные выгоды, а русскому обществу широкое распространение и большой соблазн для церкви. Что мог теперь чувствовать п. Адриан, который пред тем всенародно громил богоненавистное табакопийство, какие меры предпринять к охране русских от «злосмердного обычая»? По Корбу, п. Адриан к купцу (Мартыну Орленку) будто бы отнесся очень круто. Он «отлучил его от церкви и распространил отлучение на жену, детей и внуков, прокляв весь род его навеки»⁶⁴. Такое свидетельство вряд ли справедливо. Патриарх не мог поступить так сурово по отношению к купцу, который получил право торговли табаком от самого царя. Отлучение могло быть истолковано, как мера, направленная против самого царя, а это было рискованно⁶⁵. Гораздо вернее думать, что русские, окужавшие Корба, в разговорах подводили этого купца под то отлучение, которым угрожал патр. Адриан в окружном послании первых лет всем табакопийцам, а Корб записал их рассуждения в дневник. Патр. Адриан не мог обличать Петра I за продажу табака, так как это повело бы его в опасное время розыска стрельцов к лишению кафедры и застенку, как бунтовщика против царя. Не обличал патриарх Петра и за другое по взгляду патриарха богоненавистное дело, – брадобритие, которому когда-то было

посвящено им целое послание, настолько оно в глазах его было пагубно и заразительно, не обличал и иноземное платье, когда–то ставшее предметом первого столкновения между царем и патриархом. Возвратившись из–за границы в 1698 году, Петр тотчас принялся стричь бороды и резать длинные полы однорядок и ферязей у своих приближенных, ввел парики⁶⁶. Начав с шутки, Петр I впоследствии переходил к строгому указу⁶⁷. Скоро брадобритие и иноземное платье сделались общеустановившимися обычаями во всех группах населения, кроме духовенства и крестьянства. Патриарх Адриан был унижен в глазах русского общества; все, что он выставлял как центральное место своей программы, было поругано. Он молчал и собирал на свою голову, кроме антипатии молодого царя, понимавшего конечно его настроение и тем более раздражавшегося на молчаливого противника, что он мог во всякое время снова заговорить, – укоризны староверов, говоривших: «Патриарх бережет мантию да клобука белого, затем и не обличает»⁶⁸. Но эти нововведения Петра были только прелюдией более коренных реформ русской жизни. Опасения патр. Адриана оправдались: за введением на Русь немецких внешних обычаев последовало коренное изменение всего уклада древне–русской жизни. Заграничное путешествие утвердило царя Петра в решимости сблизить Русь с Западно–Европейскими державами, сообщить ей все то, чем западная Европа превосходила восточную. Введением на Руси иноземного платья и брадобрития, как государственных реформ, Петр I желал разрушить плотину, которая задерживала течение на Русь западно–европейских новшеств в общественно–государственной жизни. Подражая западным немецким монархам, Петр I хотел провести и на Руси строгую централизацию государственной власти и подчинить интересы всех подданных государству. Петр по приезде из–за границы задумал произвести полную перетасовку общественных групп, с лишением привилегированного положения двух древних классов: боярства и духовенства.

Петр I начал с духовенства, воспользовавшись относительной слабостью в его время влияния русской

иерархии на общество и разделением, царившим в Русской церкви в конце XVII века. Реформа коснулась скоро положения вообще церкви в государстве и отразилась в частности на представителе высшей церковной власти – русском патриархе. Патриарху Адриану первому пришлось испытать на себе тяжелую руку царя–реформатора, желавшего видеть в патриархе свое послушное орудие, обыкновенного подданного русского монарха. Последние годы п. Адриана исполнены горечи унижения и низведения к нулю авторитета русского патриарха. В истории сохранились лишь отзвуки этой печальной, тяжелой драмы отношений царя Петра к последнему патриарху. По свидетельству Корба, Петр, как только приехал в Москву из–за границы, тут же сделал патриарху суровый выговор по следующему поводу. Уезжая за границу, царь повелел патриарху постричь нелюбимую его жену Евдокию. Когда царь вернулся домой, то, найдя Евдокию непостриженной, рассердился на патриарха, зачем не исполнено его повеление? «Патриарх, когда потребовали у него объяснения, оправдывал себя тем, что нашлись лица, дерзнувшие не считать сие повеление справедливым. Царь пришел в сильное негодование и велел своим солдатам посадить в малые извозицы повозки архимандрита и четырех попов, которых именно обвинял в этом патриарх, и отвезти их ночью в Преображенское».⁶⁹ Гнев царя на патриарха, переведенный последним на архимандрита и четырех попов, был несправедлив. Патриарх не мог произвольно, по приказанию хотя бы и царя, расторгать без «благословной» вины брак и постригать насильно, вопреки канонам, царицу. Оправдание патриарха и указание им истинных виновников пред царем может носить иной характер, а не тот, какой придал ему Корб. Патриарх просто указывал на несогласие многих духовных авторитетных лиц (как архимандрит и 4 священника) на такой неканонический постриг, а это несогласие могло вести к соблазну в церкви, утвержденной на соборных основаниях, где голос каждого верующего, тем более духовного лица, должен быть принят к сведению и не заглушен произвольно властью предстоятеля церкви. Характерно, что наказание понес, по

Корбу, не патриарх, а указанные им духовные лица, противники царского распоряжения. Очевидно царь Петр I боялся публично расправиться с самим патриархом, чтобы не сделать из него жертвы и не собрать вокруг него всех недовольных преобразовательной деятельностью царя. Патриарх Адриан все-таки в этом случае много терял для своего авторитета, как у царя, так и у всего русского общества. И царь, и общество видели в патриархе слабовольного иерарха, не решающегося действовать открыто и смело. Люди с таким пассивным характером, как п. Адриан, не могут повести за собой общество, теряют последних союзников своей программы, вызывают презрение у сильных противников, непопулярны в народе. Даже поистине высокие подвиги и единичные смелые выступления таких деятелей не достигают цели.

Вскоре за описанным столкновением, где п. Адриан выступал пассивно, произошло другое столкновение царя и патриарха, где последний выступил уже активно, но также неудачно. Было время ужасного стрелецкого розыска. «Делались страшные приготовления к казням ставили виселицы по Белому и Земляному городам, у ворот под Новодевичьим монастырем и у четырех съезжих изб возмущившихся полков. Патриарх вспомнил, что его предшественники в подобных случаях становились между царем и жертвами его гнева, печаловались за опальных, умаляли кровь. Адриан поднял икону Богородицы и отправился к Петру в Преображенское. Но богатырь расходился, никто и ничто его не удержит; увидев патриарха, он закричал ему: «К чему это икона? Разве твое дело приходить сюда? Убирайся скорее и поставь икону на свое место. Быть может, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и делаю богоугодное дело, когда защищаю народ и казню злодеев, против него умышлявших»⁷⁰. Голиков дополняет известие Корба: «Патриарх не смел ничего на сие произнести и отошел со стыдом»⁷¹. Патриарх ушел со стыдом... Петр I действовал как богатырь... С одной стороны, стыд, унижение; с другой – настойчивость, величие. Так представили Соловьев и Голиков правое по существу и величественное дело ходатайства п. Адриана за

опальных... дело, которое, при ином конце, могло создать Адриану славу м. Филиппа. Патриарх не довел своего заступничества до решительного конца, смиренно уступил дошедшему до жестокости в расправе с стрельцами царю и удалился, с места Казни, умыв свои руки, не произнеся того, что должен был сказать как верховный первосвященник. От п. Адриана требовалось геройство и самопожертвование. Силе физической царя, патриарх мог противопоставить силу нравственную, силу героя–мученика за Христов идеал всепрощения. Патриарх мог сделаться жертвой Петра подобно св. м. Филиппу в Москве и Фоме Бекету в Англии, грудью своей заслоняя жертвы царского гнева. Этим он отстоял бы право церкви быть верховной блюстительницей высшей Правды. Патриарх Адриан удалился после окрика царя и тем древний церковный обычай печалований из геройства обратил в пустой обряд, не произведя доброго впечатления ни на царя, ни на русское общество, подав даже повод глумлению над ним как современников–старообрядцев, так позднейших историков. Публичное унижение патриарха царем, прогнавшим его от себя, еще более становится рельефным, если примем за действительный факт свидетельство Голикова, что царь Петр, не внявший ходатайству главы русской церкви за бунтовщиков, иначе совершенно отнесся к заступничеству за них иностранца Лефорта. «Лефорт, – сообщает Голиков, – с твердостью представил Петру, что государь должен наказывать злодеяние, но не приводить в отчаяние злодеев: первое есть следствие правосудия, а последнее есть действие жестокости»⁷². «Государь в тот же самый час приказал остановить казнь, назначая ссылку или службу в разные города, или поверстку в новые свои полки»⁷³. Не оскорбительно ли это для патриарха и для церкви? Высшая духовная власть со «стыдом» должна уступить свое влияние на царя православного пришлому искателю приключений и иноверцу!

Ни во что ставя для своих дел авторитет патриарха, Петр I не замедлил дать патриарху, где ему казалось нужным, указания, инструкции, вмешиваясь уже в самую область патриаршего ведения. Так 6 октября того же 1698 г., посетив

больного патриарха, царь навел, в беседе с ним, резкую критику на церковно-школьное образование. Петр I говорил патриарху: «Священники ставятся малограмотные; надобно их сперва научать таинствам и потом уже ставить в этот чин; для этого надобно человека, и не одного, кому это делать, и определить место, где быть тому. Надобно промыслить, чтобы и православные христиане, и зловерцы – татары, мордва, черемисы и другие познали Господа и закон Его; для того послать бы хоть несколько десятков человек в школы. И здесь есть школа, можно бы и здесь было об этом деле порадеть; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою, как надобно; нужен для этого человек знатный чином, именем, богатый, и нет его. Евангельское учение – вот знание Божеское, больше всего в жизни сей нужное людям. Многие желают детей своих учить свободным наукам, – и отдают их здесь иноземцам; другие же в домах своих держат учителей иностранцев, которые на славянском нашем языке не умеют правильно говорить; кроме того, иноверцы и малых детей ересям своим учат, отчего детям вред и церкви нашей святой может быть ущерб великий, а языку нашему от неискусства повреждение; тогда как в нашей бы школе, при знатном и искусном обучении, всякому добру учились»⁷⁴. Как переменялись положениями царь и патриарх? В начале своего патриаршего поприща, Адриан хотел руководить обществом, составив для этого обширную программу, влиять на самого царя, «глаголати правду и не стыдетися», а в конце – царь не только устранил патриарха от участия в государственном строении, но и вмешиваясь в церковную область, стал его руководителем в сфере чисто церковной. Какая ирония судьбы? Насколько энергичные практики оставляют позади себя слабовольных теоретиков. Как рушатся строго продуманные программы пред натиском самой жизни, часто беспорядочной, но во всяком случае деятельной, живой. П. Адриан на указания царя ответил полной готовностью действовать в духе пожеланий преобразователя. Петр I достиг своей цели весьма скоро и успешно: он превратил патриарха в послушного слугу своей царской воли. В последние годы, 1699–1700, патр. Адриан даже в церковных делах, напр. при

назначении иерархов на кафедры, должен был исполнять желание Петра. Мало того, патриарх, подобно прочим подданным, стал искать защиты и поддержки в своих иногда чисто церковных просьбах царю у царских приближенных: Меншикова, Стрешнева и других. Известны в печати письма патр. Адриана к Стрешневу в 1699 г., к царю Петру, Меншикову, Стрешневу в 1700 г., где патриарх смиренно ходат

айствует пред царем, а его приближенных просить замолвить словечко за него, патриарха, царю в делах чисто церковного характера – о назначении тех или иных лиц на кафедры, о заступлении патриарха от оскорблений психически расстроенного митрополита Сибирского Игнатия и т. под.⁷⁵ Авторитет патриарха, как независимого главы русской церкви, влиявшего раньше на другие стороны, кроме церковной, жизни русского общества исчез. Патриарх прекратил свои обращения, послания, окружные грамоты к народу; от второй половины его патриаршествования в актах и документах конца XVII века не встречается уже его поучений, наставлений народу. Их вероятно и не было. И что назидательного мог писать к пастве лежавший в параличе патриарх Адриан, почасту проводивший последние дни своей жизни в любимом его подмосковном Перервинском монастыре, если все то, что провозглашал он и с церковной кафедры, и в грамотах к народу в первые годы своего патриаршества за исконные русские начала и обычаи: отчуждение от иноверцев, ношение бороды и русского платья, не курение табаку, проведение времени по древне-русскому домострою, – все это властной рукой Петра Великого искоренялось, а вводилось совершенно противное. Патриарх Адриан с грустными гнетущими чувствами доживал последние дни; с ним доживала их и древняя Русь.

Постепенное низведение патриарха на положение простого подданного с бесприкословным послушанием царской воле шло параллельно с постепенным лишением господствующего положения церкви в государстве. Петр I наложил свою тяжелую руку на церковные имущества и церковную юрисдикцию – фундамент привилегированного положения церкви на Руси.

Историческая подготовка к лишению церкви ее имущественных владений

Еще до Петра I, как обстоятельно выяснено в труде Горчакова «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода» в течение всего XVII в. или патриаршего периода наблюдалось новое отношение гражданской власти к имущественному владению церкви. «Существенные перемены историко–юридического развития, – пишет Горчаков, – патриарших вотчин, как церковно–имущественного института привели к тому, что со смертью патр. Адриана церковно–имущественное значение их совершенно исчезло»⁷⁶. Замечается в отношениях государей к имущественным правам церкви двоякие мероприятия ведущие к одной и той же цели – поставить церковное имущество под власть престола.

I. Правительство XVII века стремилось сосредоточить большую часть земель, принадлежавших в митрополичий период церковным учреждениям, в руках и ведении патриарха, выделив их от кафедр и других учреждений, сообщив им и новое имя «патриарших вотчин», и новое положение, как особого церковно–имущественного института, вверенного исключительно патриарху. В течение всего XVII века, несмотря на постановления соборов 1581 и 1584 гг., коими не велено митрополитам увеличивать имущественных владений, – церкви «некоторыми делы», или по жалованным грамотам царей XVII в., или путем приписки монастырей (особенно в конце века) приобретали себе новые владения. Во второй половине XVII века приписка монастырей узаконена была собором 1670 г. и на будущее время⁷⁷. Так в описываемый период приписаны были: монастырь Фроловский (около Галича Костр. губ.) с крестьянами и со всеми угодьями к патриаршему благовещенскому на Унороже монастырю, по заручному челобитью этого монастыря строителя Пафнутия с братиею⁷⁸, Севастьянова пустынь⁷⁹ и Тропский Николаев монастырь (в Пошехонском уезде)⁸⁰.

Означенные монастыри имели много побуждений приписываться *из-за льгот* к патриаршему дому. Политика царей XVII в., передавая в ведение патриарха имущества митрополитов и церковных учреждений и установлений, сосредоточила в руках московского первосвященника к концу века огромное вотчинное владение – с пашенной и не пашенной землей в 170 1/2 версты в длину и 115 1/2 в. в ширину, с 8 700 дворами крестьян или 26 899 мужских душ⁸¹.

II. Сосредоточивая большую часть церковно-имущественных владений в руках патриарха, московское правительство делало это в своих государственных расчетах. Ряд других мероприятий превращал патриарший церковно-имущественный институт в общегосударственное установление. Земельные владения патриархов, получившие название «патриарших вотчин», самым своим названием подводились в отношении к государству под те же условия, в каких стояли другие землевладельцы⁸². Воззрения царей на зависимость права владеть патриаршими землями от царского пожалования, касавшиеся новых приобретений патриархов, вопреки соборам 1581 и 1584 гг., легко могли быть перенесены и на те земли и вотчины патриаршие, которые были унаследованы патриархами от митрополитов. Такому перенесению воззрений содействовало еще прикрепление крестьян к земле, на которой они жили в XVI веке, и развитие отношений патриаршей власти к государству⁸³. С прикреплением крестьян к земле, объектом вотчинного права мало по малу стали признаваться не только земли и установления, но и сами поселяне⁸⁴. Государство, справедливо считая себя в праве иметь большую власть над крестьянами, чем какую имели землевладельцы, в то же время, не отделяя положения крестьян от земельного участка, считала себя в праве смотреть на вотчинные земли, состоявшие во владении крестьян, как на такое свое достояние, которым, как и крестьянами, оно имело право распоряжаться (Улож. 19, 9). Государство, по существу своих отношений к землевладению, считало себя в праве распорядиться патриаршими вотчинами для государственных целей в видах «устроения государства»⁸⁵.

Право государства на распоряжение патриаршими вотчинами XVII в. развивалось и усиливалось также положением патриаршей должности в государстве и отношением патриарших вотчин к государству в их устройстве и управлении». Патриарх Филарет Никитич, сделался не только высшей властью в церкви, но и первым после царя государственным лицом. Значение патриарха, как первого сановника, продолжалось и после его смерти. Оно признано Уложением 1649 г. (Гл. 10, 27–31; 90–94); обнаруживалось в торжественных случаях (прием послов), указывалось в перечислении земских чинов московского государства. Патриарх стоял первым и во главе сановников, а не только церковных властей. Но, с другой стороны, Государь считал земли сановников государственными, потому и патриаршие вотчины в юридическом значении были равны вотчинам государевых служилых. Оне в XVII веке имели характер государственного имущества, состоявшего в пользовании владельцев⁸⁶. Управление института патриарших вотчин имело характер государственный. Государь при жизни патриарха поручал как бы управление ему, патриарху, а ввремя между патриаршества, т. е. после смерти одного до назначения другого патриарха, управлял сам своими именными указами. Таким образом, церковные владения московских патриархов, благодаря политике государей XVII в., еще до Петра I постепенно превращались в сознании правительства в государственную собственность, находившуюся только во временном пользовании патриарха, как высшего сановника государства.

Отношение Петра I к церковному имуществу

Петр I своими указами довершил только, или резче выразил взгляд правительства на церковные имущества, находившиеся в ведении как патриарха, так и других церковных учреждений. Он привел к желанному концу дело своих предшественников, постепенно, скромно, но непреклонно подготовлявших обстановку или атмосферу, благоприятную для секуляризации церковных имуществ. Петр сначала практически, а затем юридически вводил ограничение имущественных прав и привилегий церкви, пользуясь «туне гибнущими» церковными богатствами. В обществе он не мог не заметить недоброжелательного отношения к имущественным привилегиям церковного ведомства. Жалобы земских людей на церковно-монастырские владения в течение XVII в. раздавались все сильней и сильней. Щапов в своем труде «Земство и раскол» собрал много свидетельств протестующего настроения земства против духовенства на земских соборах XVII века. В конце XVII века протест земства стал выражаться на деле в самоуправлении земцев, что видно из сообщения псковского митрополита Маркелла в 1688 году государям Иоанну и Петру Алексеевичам. «В Пскове и Новгороде в уездах 160 церквей и над теми церквами архиереи воли не имеют, владеют мужики, а церкви все вотчинные; и теми вотчинами владеют, и себя полнят и корыстуются сами, а архиерею непослушны, о чем указ пошлешь, не слушают и безчестят, на счет нейдут, многая церковная казна за ними пропадает от давних лет»⁸⁷. Петр I мог надеяться легко довершить секуляризацию церковных имуществ; при слабости и непопулярности церковной власти он рассчитывал на легкую победу правительства над духовной властью. Практика скоро утвердила его в этом убеждении. С 1696 года, – времени войны с турками, – он начал властно, а не просительно или заимообразно, как делалось раньше, распоряжаться церковными средствами на нужды государствами не встретил сильного протеста духовной власти. Для того, чтобы имущества

церковные имели государственное назначение, Петр устанавливает в 1696 г. контроль в приказе Большого дворца над церковными средствами обеспечения: указом запрещается строить лишние здания, держать лишние деньги и расходовать без великого государя указа, а деньгам и хлебу приход и расход записав в книгу присылать те книги к великому государю к Москве⁸⁸. Грамоты с царским указом об ограничении власти монастырей и духовных властей были разосланы епархиальными властями в подведомственные церковные учреждения, имевшие вотчинные владения (напр. Афанасием архиепископом Холмогорском и Важеским в Архангельский монастырь)⁸⁹. Духовная власть не протестовала против этого контроля. Архиепископ Афанасий, например, пишет в заключении грамоты: «И как к вам сия наша архиерейская грамота придет, и вы бы игумен с братиею у себя в монастыре о сборе и о сбережении денежной казны чинили потому великого государя указу и по сей нашей грамоте, как о том написано выше сего, во всем непреложно, и поскольку у вас в монастыре всякого приходу, также и на окладные расходы денежной казны в расходе в год будет выходить, о том к нам преосвящ. архиепископу вы по вся годы в Казенный наш приказ писали и счетные списки с подлинной очисткой за своими руками присылали»⁹⁰... Характерно заявленное в этом акте гражданской власти требование контролировать церковное достояние, как казенное имущество, и покорное, смиренное подчинение церковных властей царскому указу. За этим указом не замедлили последовать распоряжения более решительного характера. Петр в 1696 году, чтобы утвердиться на Азовском море и затем овладеть северными берегами Черного моря, решил завести большой флот, при чем в заседании боярской думы было постановлено построить флот на счет светских и духовных землевладельцев. В 1697 г. было образовано, как известно по делам Архивов Морского Министерства, вотчинного департамента в Москве и губернского правления в Воронеже – духовных кампанств 19, а именно: святейшего патриарха (два кампанства); митрополитов Новгородского, Казанского, Рязанского, Ростовского, Псковского, Крутицкого, Суздальского и

Белгородского; архиепископов Тверского, Вологодского; епископа Тамбовского; монастырей: Троицко–Сергиева (три кумпанства), Саввина Сторожевского; Вознесенска девичья и Новодевичья⁹¹, и Работа заданная всем кумпанствам была, по сообщению самого государя в письме из Воронежа к Виниусу, исполнена удовлетворительно. «Мы, – писал Петр, – слава Богу, зело в изрядном состоянии нашли флот»⁹². В 1697 г. Петр обнаружил явно, к чему ведет контроль церковной казны государственной властью, ибо не ограничился только контролем, но начал брать из монастырей нужные ему деньги. Из одного Троицкого монастыря было взято на разные дела в 1697 г. 50 000 и еще 20 000, в 1698 г. 20 000, в 1700 г. 30 000 руб.⁹³ Одновременно с этим Петр сокращал обычные государственные расходы на содержание некоторых монастырей, пользовавшихся казенной ругой. В 1699 (?) г., пишет Голиков, Его Величество дал указ дек. 9 дня «чтобы архимандритам, игуменам, и игуменьям с монахами и монахинями и приходских церквей священникам и причетникам, за которыми есть крестьяне, земли и другия угодыя, и которым из их доходов определено, и дается указное число хлеба и денег на пропитание, впредь дач сих не давать до указу: «для того что они с крестьян хлеба и за продажный скот деньги не малые себе собирают; а где те деньги у них и на какие расходы употреблены, того не ведомо. А нашим Великому Государю служилым людям, которые посылаются на вся годы во оборону как государства, так и архиерейских и монастырских и церковных слобод, противу неприятеля за оскудением казны бывают недодачи». Далее монарх пишет, что поскольку не только прежнее число войска, но и новое набирать и содержать нужно, то тем больше, должно деньги сберегать. – «Которые монастыри и церкви деревень не имеют, тем по–прежнему производить денежное и хлебное жалованье. И дать знать, можно ль им впредь содержать себя подаяньем от доброхотных дателей; сколько же оного производится и какое число в тех монастырях и церквах находится всякого звания людей, также и сколько при котором монастыре и церкви есть деревень, земель и сколько с оных дохода и чем можно каждому монастырю и

церкви содержаться, то все вычислено и по монастырям разослано с таковым предписанием, чтобы все доходы, какие у них есть, верно записывали в книги и оные присылали в Москву для ревизии; буде же необходимо в Енисейском уезде нужно будет что вновь построить, о том просить его государя письменно». В Сибири же Петр указом от 1698 г. запретил даже строить новые монастыри, «потому что в Сибири монастырей мужских и женских, где всякого чина православным христианам постригаться и спасаться, довольное число есть»⁹⁴.

Какие были последствия для церкви от этой меры Петра I можно судить по горькому сетованию о печальных для церкви днях св. Дмитрия м. Ростовского в письме, писанном несколько позднее (в начале XVIII в.) к Иову митр. Новгородскому ... «Я, грешный, пришедши на престол ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились два года и больше (1702–1704 г.), и уже начинали было грамматику разуметь недурно, но, попусцием Божиим, скудость архиерейского дома положила препятствие, питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться, не только отчины, но и церковные дани и венечные памяти. Умалчиваю о прочих поведениях наших. Sapienti sat!»⁹⁵. Если Петр I сэкономил те церковные деньги, которые назначались на ценное в его глазах дело просвещения, тем более на другие церковные нужды Петр старался вовсе прекратить расход. Это привело к полному упадку церковного и монастырского хозяйства – церковные и монастырские здания приходили в ветхость, новые не строились; хозяйственные службы сокращались к невыгоде самого же правительства, так как через 20 лет все церковные владения не приносили уже былых доходов и владели жалкое существование⁹⁶.

Кроме строгого контроля над монастырскими и церковными доходами, приведшего к употреблению церковных богатств на государственные нужды, в ущерб церкви, проводились в то время и другие распоряжения Петра I, лишавшие церковные учреждения былых имущественных льгот и привилегий. В 1699 г.

31 окт. был издан именной указ о сборе печатных пошлин с грамот, наказов, купчих и со всяких письменных актов в Печатном приказе с духовных и мирских лиц без всякого изъятия, в отмену прежних узаконений⁹⁷. А в 1700 г. было предписано: «Тарханы, с кого пошлины не имать, все отставить и брать пошлины всякого чина со всех по торговому уставу и по новоуказным статьям равные, для того, что по Его Величества Государя Царя Указу, каков состоялся в Печатном приказе, печатные пошлины велено имать со всяких чинов людей равные, а с кого наперед сего не имано и то отставлено, потому что по прежним указам 180, 185г. (1672 и 1677 г.) всякие тарханы отставлены»⁹⁸. Из перечисленных распоряжений Петра I по отношению к церковному ведомству видно, что гражданская власть к концу XVII века достигла крупных результатов в стремлении, подобно многим западно–европейским правительствам, наложить свою руку на имущество церкви. Фактически церковные владения являлись государственным достоянием. Контроль над церковными и монастырскими доходами был очевидным показателем действительного их собственника. Монастыри и архиереи, с патриархом во главе, постепенно поставлены были на положение добытчиков и счетчиков, приказчиков особого вида государевой казны, без права пользоваться ею на церковные нужды.

Поднятие вопроса о церковном суде в комиссии для составления Нового Уложения в 1700 г

Фактический переход в казну церковных доходов в самом конце XVII века уже грозил церкви формальным, юридическим переходом всего церковного земельного достояния в собственность государства, когда в 1700 г. был поднят вопрос о святительском суде и церковных владениях в учрежденной Петром I особой комиссии из 48 человек для составления Нового Государственного Уложения с уравнием пред государством всех подданных и уничтожением привилегий церкви в суде и имуществвах. Комиссия имела задачи явно реформаторские⁹⁹. От патр. Адриана затребовали сказки о новоуказных статьях, которые состоялись после Уложения (1649 г.), а также о тех законах, коими патриарший разряд руководится в делах о богохульниках и раскольниках и о зауморных животах, с тем, чтобы к новоизложению те статьи всеми святыми правилами и указы Великих государей утверждены были неподвижно. Патр. Адриан крайне встревожился. По всем совершавшимся мероприятиям Петра I патриарх ожидал полного лишения церкви древних ее имущественных и судебных привилегий.

Статьи о святительских судах патр. Адриана с защитой древнего строя церкви в суде и имущественных владениях

Как бы в отповедь замыслам правительства Петра I и в защиту древнего строя русской церкви, патр. Адриан не ограничивается присылкой просимого комиссией; он составляет целый юридический трактат под общим заглавием: «Статьи о судах святительских», в котором доказывает на исторических и канонических основаниях неприкосновенность церкви и ее учреждений в той форме, в какой они находились в конце XVII в.¹⁰⁰ На закате дней своих, больной, параличный патриарх силился защитить древние, сложившиеся исторически, права русской церкви на имущественные владения и самостоятельную юрисдикцию, как внешнее выражение господства религии в русском обществе. «Великий господин, святейший Кир Адриан..., – написано в предисловии к «статьям», – повелел в соборней, святей, восточней и апостольской церкви Успения Пресвятыя Девы Богородицы, в своей патриаршей разнице и в казенном своем приказе взыскати древния благочестивых царей надписания и книги харатейные и вселенских святейших патриархов и апостольских преемников и благочестивых, пресвятейших *пап* от древле–явленного *папы Сильвестра* и Российских святейших патриархов московских...

Ради усмотрительства сущего благочестивейшему Великому Государю... Петру Алексеевичу и палате его изъявити хотяй церковь святую, ю же Искупи Христос Бог наш Пречистою Кровию Своею, опаственно во всем сохранить и *неведущим* *сущем* положить *все явственню*, дабы утверждение апостольскими и отеческими святыми правилами и за повелением греческих и российских благочестивых царей и великих князей и святейших вселенских православных патриархов и всего освященного собора, дабы самому ему, архипастырю, за неизвестие хранения церковного своего архипастырского под суждением управления, от страшного и неумытного Судии всех Бога, осуждения вечного не понести и от св. вселенских

православных патриархов и всех архиереев, преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов по всей вселенной, во благочестии пребывающих, клятвы на себе церковные не понести и их общего совета отметну не быти, иже имать свидетельство святых апостол и отеческих преданий, за великими заветами утвердивше и церкви и архиереем суд церковный и правильный, иже бо к сему его Великого Государя правосудственному новоизложению древнее узаконение о всех пред Святым Богом с подобающею честью запечатлех, в тетратех выписав соизволи в палату его царскую боярам послати, дабы церковный суд был неотменен и никакоже нарушен, в чем чрез заповеди клятвенные преданы ни от кого не были и ни един кто суда будущего или клятвы не понес"¹⁰¹.

Статьями о судах святительских ограждаются: а) особый духовный суд церкви и б) имущественные права и привилегии церковных учреждений.

I. К духовному суду церкви по «статьям» принадлежат 1) все лица черного и белого духовенства в делах духовных, гражданских и уголовных, исключая татьбы (воровства) с поличным, убийства и разбоя 2) все светские люди в преступлениях против веры – (богохульство, ереси, расколы, волшебство); против нравственности – (плотская нечистота); по делам брачным – (незаконные браки и нарушение чистоты брачных уз); в отношениях детей к родителям и обратно; дела по наследству, о духовных завещаниях о разделе имущества после умерших и проч.

II. «Статьями» охраняются имущественные права церкви, указывается историческая древность и практика всех благочестивых князей, царей, даже ханов, предоставивших церкви земельные владения. За нарушение имущественных и судебных прав церкви статьи грозят отпадением от Христовой части, подобно Иуде, проклятием от всех святых здесь и за гробом, лишением райского блаженства и ввержением в царство дьявола¹⁰².

Неудача выступления патр. Адриана

Голос патр. Адриана в защиту древнего status quo церкви в государстве был заглушен молотом Петровской наковальни, на которой преобразователь ковал новую Россию без участия освящавшей ранее, все деяния правительства, русской правящей иерархии. Петр I, правда, при жизни патриарха не сделал того, чего боялся Адриан¹⁰³. Власть и значение еще живого патриарха быть может удерживали Петра от последнего удара. Он дожидался смерти Адриана, чтобы прекратить сначала патриаршеское достоинство, обезличить русскую церковь и тогда уже делать все в интересах одной светской власти, поставив себя во главе русской церкви на месте патриарха. Петр I не без основания после боялся продолжения патриаршего сана на Руси, так как авторитет патриарха в глазах народа мог дать преемнику Адриана сильное оружие в отстаивании древних прав церкви и тем затормозить задуманное Петром обновление России. Петр I придавал патриарху даже преувеличенное значение в русской жизни; видел в нем своего соперника по власти над умами и совестью народа. Страх этот чувствуется в Духовном Регламенте, где Петр оправдывает учреждение коллегиального духовного правления ссылкой на «замахи» патриархов к государственной власти и невежество народа, могущего поставить в столкновении между духовной и гражданской властью патриарха выше царя, как «поборствующаго по Боге»¹⁰⁴.

Глава III. Церковное управление при патр. Адриане

Состояние русской церкви конца XVII века требовало от церковного правительства энергичной, всесторонней деятельности, чтобы плодотворно разрешить все выдвинутые жизнью запросы времени. Патр. Адриану, как руководителю церковного правительства, нужно было не отставать в кипучей духовной работе, по улучшению всех сторон церковной жизни, от гражданского правительства Петра I, напрягавшего в то время силы к государственному собиранию, «рассыпанной храмины», и тем фактически доказать право церкви на самостоятельное существование, с былым значением ее в государстве.

Патриарху Адриану предстояло прежде всего упорядочить епархиальное управление во всех частях патриархата с разрешением острого вопроса всего патриаршего периода об увеличении количества епархий и улучшении архиерейского надзора за жизнью паствы; далее нужно было патриарху, как «главе и образу Христову», собрать все нравственные силы пастырей на защиту паствы как от иноверия, надвигавшегося на Русь с западно-европейскими выходцами и иноземной культурой, так и от внутренних врагов-раскольников и сектантов. Много требовалось работы и над проведением в жизнь тех идеалов, какие одушевляли патриарха при его вступлении на патр. кафедру, когда в окружном послании патриарх от пастырей требовал «необиноватися лиц сильных, вдов, сирот и всех неимущих помощи от обидящих защищати и душу полагати по словеси Христову», а сам обещал быть во всем примером обществу, даже «глаголати пред цари свободно-устно и нестыдетися». Наконец время требовало от патриарха Адриана особых забот о церковном просвещении русского общества, отставшего и огрубевшего в силу неблагоприятных исторических, экономических и географических условий.

Слабое руководство епархиальными архиереями жизнью духовенства и паствы. Причины этого

Общим недостатком церковного управления всего патриаршего периода было недостаточное количество епархий в русском патриархате и вследствие этого обширность каждой отдельной епархии, особенно на окраинах, что вредно отзывалось на надзоре епархиального владыки за жизнью духовенства и паствы. Этот недостаток не был устранен и при патр. Адриане. Всех кафедр при нем, так же, как и при его предшественнике, было 23, считая в этом числе две малороссийские (Киевскую и Черниговскую) и Тамбовскую, которая в 1700 г. была прикрыта Петром I. Епископу при обширности епархии невозможно было знать хорошо свою паству. Поездка архиерея по епархии, раскинувшейся на несколько сотен верст, при тогдашних путях сообщения была целым событием и крайне редким. Сам патриарх Адриан не мог подать примера другим архиереям в объездах епархий, так как московская епархия была в несколько раз обширнее других епархий. Патр. Адриан подобно своим предшественникам не совершал объезда своей епархии с ревизионной целью. Известны загородные «походы» патриарха, но они имели совершенно иные цели и захватывали крайне ограниченный район¹⁰⁵. Не меньше страдало общецерковное управление при патр. Адриане от долгих «вдовствований» епископских кафедр по смерти архиерея и частых отлучек преосвященных из епархиального города в Москву или на «чреду служения», или на поставление нового епископа. За исключением 7 кафедр (Киевской, Тверской, Вологодской, Холмогорской, Суздальской, Коломенской и Воронежской) все остальные в 10 летнее правление патр. Адриана вдовствовали раз или два. На одни промежутки между днем смерти епископа и днем поставления ему преемника в 12 кафедрах падает не меньше 72 месяцев или 6 лет (на каждую след. по полугоду)¹⁰⁶. Если же прибавить сюда время пути из Москвы нового епископа в свою епархию (особенно отдаленную), то прибавится к вдовствованию еще

несколько недель. Случалось в то время и так, что новопоставленный архиерей некоторое время по своем поставлении проживал еще в Москве¹⁰⁷. Оставалась затем та или другая епархия без руководителя своего и все время «чреды служения» епархиального архиерея в Москве. Все важные церковные дела на это время приостанавливались, обычный же ход управления сосредоточивался в руках местных епархиальных учреждений, что давало их начальникам большой простор для злоупотреблений. Сколько отнимало времени у епархиального архиерея «чреда служения» в Москве можно приблизительно установить по пребываниям в Москве на «чреде служения», хотя бы Афанасия, архиепископа Холмогорского, присутствие которого необходимо было скорее в своей северной епархии, чем в столице. «11 декабря 1692 г., – читаем в исследовании Верюжского «Аф. Холмогорский», – Афанасий Холмогорский в третий раз отправился в Москву на «чреду священо–служения теперь уже по грамоте патр. Адриана (следовательно, в течение 10 лет с 1682–1692 г. преосв. Афанасий побывал в Москве два раза) 1 января 1693 г. он прибыл в Москву, проведя в дороге 20 дней. Поездка Петра I в Архангельск сократила время чреды, архиеп. Афанасия по июль 1693 г. По воле Великого Государя, «за благословением всесвятейшего», Афанасий был отпущен из Москвы «на ямских подводах». След. в Москве Афанасий пробыл 1/2 года. 13 января 1697 г. «по указу Великого Государя и по благословию патриарха архиепископ Афанасий в четвертый раз отправился из Холмогор в Москву на чреду священослужения. В Москве провел весь 1697 год и начало 1698 г.¹⁰⁸ Следовательно епархиальные архиереи призывались на «чреду священо–служения» через 4 года и проводили там целый год. В 10 лет правления патр. Адриана каждая епархия, вследствие отъезда на «чреду священо–служения», расставалась с своим архипастырем не менее, чем на два года, не считая времени дороги туда и обратно. Избрание и постановление нового епископа на вдовствующую кафедру также вызывали отлучку епископов из своих епархий. Патриарх, как предписывал «чин и устав на избрание епископа» извещал об этом «всех сущих под

ним епископов», приглашая их прибыть в Москву¹⁰⁹. Для избрания нового архипастыря все ближайшие архиереи и те, которым ничто не препятствовало, являлись лично в Москву. Присутствие архиереев на избрании было обязательно под страхом церковного наказания. Только отдаленность и другие уважительные причины освобождали архиерея от приезда в Москву на избрание епископа¹¹⁰. Неудивительно, что на избрании самого патриарха Адриана в Москве было, кроме самого Адриана, 5 митрополитов и 4 архиепископа (половина всех великорусских иерархов. Те же иерархии присутствовали в Москве при возведении в сан Киевского митрополита Варлаама 31 авг. 1690 г.¹¹¹ Конечно, при избрании и постановлении прочих архиереев не могло быть такого количества иерархов, но во всяком случае менее четырех архиереев вряд ли бывало. Не напрасно в настольных грамотах патр. Адриана епископам отмечается: «наша мерность со всеми присутствующими архиереи в царствующем граде суждше правильно и законно, в дело служения сего избравше сего благочестивого мужа"...¹¹² А в грамоте патр. Адриана, утверждающей Феодосия Углицкого в звании архиепископа Черниговского, в январе 1694 г., перечисляются присутствовавшие в то время в Москве архиереи: «Наша мерность, – говорится здесь, – со всеми присутствующими во время то архиереи, с сыны и сослужители нашего архипастырства, с митрополиты: Игнатием Сибирским и Тобольским, Иоасафом Ростовским и Ярославским, Евфимием Сарским и Подонским, Ионою Вятским и Пермским, волю имущих и неприбывших zde архиереев, советахом»¹¹³. Участие епархиальных архиереев в избрании и поставлении нового архиерея конечно отвлекало их от плодотворной и планомерной для церкви работы на местах, так как не столько много времени уходило на самый акт избрания и поставления епископа, сколько на проезды в Москву и обратно. За время патриаршества Адриана поставлено было 16 архиереев¹¹⁴. Если к присутствовавшим на чреде священнослужения в Москве прибавить одного–двух архиереев «волею прибывших» на поставление нового епископа, то и тогда наберется еще немалое количество недель, даже месяцев, проведенных

архиереем вне своей епархии. Вдовствование кафедры, череда священнослужения, участие иерархов в поставлении и избрании нового архиерея, проживание некоторое время в Москве новопоставленного архиерея, долгая дорога при несовершенстве путей сообщения и отдаленности некоторых кафедр от Москвы – все это лишало епархию ее архипастыря и оставляло ее на длинные промежутки времени без авторитетного руководства, не только личного, но даже и бумажного, так как и почта в то время почти отсутствовала.

Соборное решение церковных вопросов при патр. Адриане и общий ход высшего церковного управления

Патр. Адриан ничего не предпринимал к устранению такого порядка церковного управления, так как единственная в то время мера упорядочения последнего – это отмена проживания в Москве архиереев¹¹⁵ и в силу этого единоличное назначение и поставление патриархом преемников умершим архиереям, без замедления, была бы нарушением церковных канонов, требовавших присутствия при патриархе освященного собора епископов для решения многих дел управления, а патр. Адриан, как известно, был хранителем святоотеческих канонов. При нем всегда находился освященный собор из вызывавшихся на «чреду священнослужения» епархиальных архиереев, с которым он и обсуждал все текущие дела церковного управления. В этом сильная и слабая сторона патриаршества Адриана. Участие в делах церковного правления представителей высшего епархиального духовенства предохраняло патр. Адриана от принятия мер, несогласных с убеждениями великороссийской иерархии и слагало с него ответственность за тот или иной ход церковного управления, но это же соборное решение всех вопросов, без резкой индивидуальности направления, сообщаемой патриархом, делало его мало влиятельным, низводило в ряды прочих участников собора и превращало в простого исполнителя велений участников освященного собора. Везде, как-то, проглядывает слабая инициатива патр. Адриана в общецерковных вопросах, нерешительность его в принятии экстренных, самостоятельных, от себя лично и за свой страх и риск, мер. Патр. Адриан, предлагая все церковные дела на соборное решение, свою собственную власть, патриарха, делал мало заметной и мало влиятельной. Выходило, что не патр. Адриан направлял церковную жизнь, а находившийся при нем собор, который, не имея руководителя с темпераментом и с резко определенной практической программой (теоретическая

же программа патр. Адриана была слишком «не от мира сего», возвышенна и далека от действительности русской церковной жизни), действовал канцелярски, по традиции, ни в чем резко не отступая от того, как заведено при отцах и дедах. Отсюда в церковном управлении при патр. Адриане ничего нового, выдающегося, сильного, жизненного, что говорило бы за широкий размер деятельности патриарха и его собора...

Не только для избрания епископов нужен был патр. Адриану собор, но и в делах, требовавших экстренных мер более административного характера, патр. Адриан не обходился без собора. Мало того, при патр. Адриане, большею частью, даже самые церковные вопросы поднимались не им, а скорее окружавшими его церковниками. Часто патриарх своей нерешительностью и медлительностью в некоторых вопросах, не терпевших отлагательства, возбуждал в близких ему лицах неудовольствие и настоятельные просьбы приняться энергичнее за дело.

Особенно характерно в этом отношении дело диакона Петра Артемьева, которое с другой стороны указывает, насколько опасно в то время для русской церкви было славолюбие и растерянность высшей церковной власти, отсутствие одной единоличной воли все и вся направляющей и воодушевляющей. Сын священника г. Суздаля Петр Артемьев получил образование в Московской славяно-греко-латинской академии под руководством братьев Лухудов. Во время путешествия (1688–1691 г.) в Венецию вместе с одним из своих учителей, Иоанникием Лихудом, Артемьев столкнулся с иезуитами, увлекся католичеством и сделался ярым его приверженцем (тем более, что и сам Иоанний Лихуд, его учитель, хвалился после в Москве «быти латинского мудрования»)¹¹⁶. По возвращении в Москву его сношения с католиками и в частности с иезуитами не прекратились¹¹⁷. Несмотря на именной указ, объявленный иезуитам-ксендзам Давиду и Товии, (от 2 октября 1689 года) о немедленном их выезде из Москвы за распространение соблазнительных и вредных толкований, противных учению Восточной церкви, и другой именной указ от декабря 1690 года о позволении быть в

Москве при одном ксендзе другому с тем, чтобы они никаких противностей вере греко–русской не чинили, и чтобы под их именами не проживали в Москве иезуиты¹¹⁸, в Москву иезуиты не переставали наезжать. Так, напр., в 1690 г. сюда прибыл с востока иезуит Терпеловский, которого Артемьев называл «апостолом из Персиды». Артемьев сблизился с «апостолом» и причащался у него¹¹⁹. Да и ксендзы, жившие в Москве, именовавшиеся «мирскими» не были равнодушны к размножению своей римской веры¹²⁰. Артемьев был знаком и с ними¹²¹. К несчастью патр. Адриан не присматривался близко к возвращавшимся из–за границы русским, не следил за их поведением, не собирал об них справок; мало обращая внимания на католическую пропаганду в Москве, патр. Адриан дал даже Петру Артемьеву дьяконское место при Петропавловской церкви в Московской Новомещанской слободе. Артемьев свое служение в сане дьякона превратил в публичную пропаганду католичества. Священник Петропавловской церкви не скрыл этого, и в 1697 г. донес на своего дьякона патр. Адриану, перечислив все его католические выходки. Так, по донесению, Петр Артемьев «после Евангелия читал поучение, похвалял в вере поляки, лях, литву, прочитал молитву «Отче наш» на амвоне по римски, приклякнув на колена, и иные некие молитвы прилагая римская; носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок латынина Антония Падвиянина, еретика суца; глаголет исхождение Духа Св. от Отца и Сына, исповедывался и приобщался у иезуитов, и с иными иезуитами, из Москвы изгнанными, зело слезно разлучался; освященный собор называет забором, который перескочить хвалится; патриархов называет потерями, потому что истинную православную веру потеряли. Боляр и судей безыменно лает и бесчестует; по поводу пыток раскольникам называет этих боляр и судей, стоящих у дыб в Константиновской башне, немymi учителями, которые вместо Евангелия просвещают огнем, и вместо апостола учат кнутом»¹²². Критика дьяконом Артемьевым церковной жизни дает яркие штрихи для характеристики церковного управления конца XVII века. Патриарх, по его

словам, потеряха; собор–забор; вместо Евангелия просвещают огнем, вместо апостола наставляют кнутом; вместо воздействия на раскольников духовной власти, – их пытаются на дыбах бояре. Презирав русскую церковную власть, растерявшую, по его убеждению, православную веру, Артемьев нашел по своему сердцу другую, более авторитетную для него, церковную власть – католическую, где его привлекала строгая церковная дисциплина, субординация в католической иерархии и та ревность, с которой иезуиты отдавались миссии католицизма и папства. Увлечение дьякона Артемьева было опасно для русской церкви. Ревностно проповедуя, с пылом новообращенного, с церковного амвона, дьякон приобретал в Москве последователей католицизма: «И мнози в след его прелести уклонишася» – доносилось патриарху¹²³. Как же отнесся патр. Адриан к такому резкому отзыву о себе и всем церковном управлении, публично разглашаемому с церковного амвона дьяконом–ренегатом? Требовались конечно решительные меры воздействия на совратившегося в католичество диакона и пресечения дальнейших успехов католической пропаганды других ренегатов православия. Но патр. Адриан обнаружил колебание, медлительность и административную непрактичность. Другой на его месте, напр. патр. Иоаким, позаботился бы, в таком экстраординарном явлении русской церкви, раскрыть всех принадлежавших к кружку Артемьева и всесторонне осветить условия, способствующие появлению отступников и борцов против православия, с тем, чтобы противопоставить какое–либо оружие напору иноверия на Русь. Патриарх же Адриан то меланхолично замечал по адресу хулителя православия: «Полно мне принемогается, а то бы он давно был отправлен; да так то ему не пройдет у меня, потщуся для него нарочито собор собрать, если таков и отец то¹²⁴, каков сын, то обоих доводится сжечь». То, смягчившись, говорил: «Про отца его я думал давно и сам послать для него же дьяконишки, – для того добрый человек *сказывают*, отец у него». Мягкий, добрый сердцем патриарх неспособен был на крутые меры к дьякону. Ему предносился в воспоминаниях пример патр. Иоакима, жестоко

расправлявшегося (ересь Кульмана) с еретиками, но практически брало верх милосердие истинного аскета, желавшего любовью своею покрыть недостойного диакона. Узнав, что отец Петра Артемьева добрый священник, патриарх хотел, в простоте сердца, ему поручить возвращение в лоно православной церкви заблудшего сына. Но надежды патр. Адриана на воздействие отца на Артемьева не оправдались. Диякон Петр был наэкзальтированным фанатиком нового учения, что проглядывало как в письме его к отцу в Суздаль, так и в дальнейшем поведении его, вызвавшем в церковном обществе сильную тревогу. В писульке Артемьев исповедывался своему отцу: «Батюшка! батюшка! Лазил я, лазил в мысленную Христа бездны язву на небо, а ныне лезу и в Круцификс Его, писанный тобою: лезу в ребренную Его язву сердцем, гвожжу к рукам Его мои руки, и отняв у Него уста Его, делаю в них своя уста и говорю с Ним так по Бернарду: не хочу, Господи Мой, без язвы жити, когда вижу Тебя всего в язвах; остави с собою, Господи, мне хоть один уголок на кресте, да распнусь с Тобой! Слышал у тебе, что того ради меня рекл еси Петром, – да Петрови теплоты причастник буду, и се не погрешил еси воистину, яко свежий кал теплехонек есмь, чего ради и явлено проповедахся *Петров и кафедры его исповедник*"¹²⁵. Отец Артемьева «про ту писульку» едва не дал заушину сыну, этим исчерпалось все его воздействие на отступника. Между тем священник Петропавловской церкви подал патриарху второй донос; очевидно дьякон его не унимался. Патр. Адриан ограничился и на этот раз ссылкой Артемьева в Московский Новоспасский монастырь. Но этого, по мнению московских ревнителей православия, было теперь недостаточно. И в монастыре диякон мог найти себе аудиторию для пропаганды католичества. Патриарху начали поступать письма с таким внушительным замечанием: «Аще ныне от малых, паче *от единого* сына погибели, тако *явлено внушаемо злочестие* латиномыслимое *многия в пропасть западную низрияет*; а егда малый недуг сей латинства расширится и от многих размножится и растлит все тело, православия глаголю, тогда что будет, *разумевай!*"¹²⁶ В это время с тем же

намерением побудить патриарха к разбору дела Артемьева появилось «на еретика Петра Раздьякона» патр. Адриану моление св. церкви¹²⁷. Патр. Адриан наконец в июне 1698 года созвал собор по этому делу. На соборе заблуждения дьякона Петра Артемьева были осуждены, сам он был лишен священного сана и послан к преосвященному Афанасию, архиеп. Холмогорскому на увещание¹²⁸. Патр. Адриану, как исполнителю соборного постановления, оставалось только привести в действие решение собора. «И за то ево отступление, – писал патр. Адриан в грамоте архиеп. Афанасию от 8 июня 1698 года, – указали мы, св. патриарх, соборне советовав с архиереи, ево роздьякона послать тебе, сыну, на Холмогоры, и такие впредь ево слова тебе, сыну, рассмотреть и ево роздьякона приводить к сущему обращению». ¹²⁹ В инструкции, посланной Афанасию, предписывалось держать Артемьева «в приличном месте под крепким началом, или в юзилище твердом». Посторонним лицам, кроме самого архиепископа вход к узнику воспрещался; не позволялось также давать ему чернил и бумаги. Запрещен был для Артемьева, как еретика и отступника от православия, и вход в церковь, равно как и пользование церковною святынею; разрешение на это он мог получить только под условием искреннего раскаяния в своем заблуждении. Но даже и в том случае, если бы такое раскаяние имело место, Артемьева не позволялось выпускать на свободу из опасения побега его куда-либо, а в особенности в Рим¹³⁰. Для лучшего ознакомления с заблуждением Артемьева в начале июля Афанасию была послана с его домовыми людьми копия (в двух тетрадях) с письма, «которое... он Петрушка в безумии своем писал в Суздаль к отцу своему попу Артемью, пришед в отчаяние и творя себя святые церкви чужда». «И ты бы, сыну, – говорилось в посланной вместе с тем Афанасию патриаршей грамоте, – тот список в тетратех за печатью принял и прочел, а прочетши, увразумився о всем о Господе, ему, Петрушке, вины того неправого письма сказал»¹³¹. В случае нераскаянности Артемьева, его велено было послать в Соловецкий монастырь «и держать в земляной тюрьме за караулом». Артемьев упорно держался своих убеждений и

защищался на столько успешно, что сам архиепископ Афанасий «едва избавился богохранимо от сетей его». Афанасий *нарушил приказание собора* (настолько мал был авторитет собора в глазах архиепископа!) не давать Артемьеву чернил и бумаги, и тот писал для Афанасия «своя руки книги». Как нераскаянный еретик, от Афанасия Артемьев, по грамоте патр. Адриана, был сослан в Соловецкий монастырь¹³². А собравшийся собор в Москве вторично осудил его окончательно и анафематствовал¹³³. 30 марта 1700 г. Артемьев умер, исповедавшись у духовника своего монаха Боголепа, но причаститься уже не успел. Патр. Адриан был извещен о смерти Артемьева архиепископом Афанасием своевременно¹³⁴. Из дела диакона Петра Артемьева видно, насколько патр. Адриан был слаб и нерешителен в принятии лично от себя мер к предотвращению опасных для церкви явлений и насколько легко превращался в послушное орудие в руках приближенных клириков и освященного собора, диктовавших ему те или иные мероприятия. Также уклонился патр. Адриан принять лично от себя меры или решить своим патриаршим авторитетом дело о дьячке новгородской епархии Шелонской Пятины Юшке Микляеве или Михееве¹³⁵, который, как доносил патр. Адриану митрополит новгородский Иов, не быв рукоположен во священники священнодействовал, крестил, венчал и погребал. Митр. Иов спрашивал у патриарха – принимать ли его священнодействия за действительные. Патр. Адриан предложил этот вопрос на соборное обсуждение в 1698 году. Собор отверг их действительность. Патр. Адриан, в силу соборного определения, предписывал митр. Иову особой грамотой над крещенными, венчанными и погребенными самозванцем Юшкою снова совершить крещение, браковенчание и молитвы погребальные законным священником¹³⁶. Здесь характерно то, что патр. Адриан даже такой вопрос не считал возможным решать своим патриаршим авторитетом и прибег к обсуждению соборному, чем принижал свое значение, как патриарха, в церкви и делал свою власть малозаметной.

Слабый надзор патр. Адриана за деятельностью епархиальных архиереев и невмешательство его во внутренние дела других епархий

На обязанности патр. Адриана, как «главы церкви и образа Христа», лежало высшее руководство деятельностью епархиальных владык на местах, чтобы создать единое направление всего течения церковной жизни русского народа. Патр. Адриан не был авторитетным руководителем епархиальных архиереев, так как даже в тех случаях, когда к нему обращались они за указанием твердых решительных мер, направленных к упорядочению каких-либо сторон церковной жизни или к торжеству на Руси православной веры, он обнаруживал боязнь действовать решительно, смело, предпочитал приводить в порядок церковную жизнь постепенно, без шума, с оглядкой и опаской, не задеть бы кого, не обидеть своим распоряжением и не создать бы новых лишних врагов церкви. В деле о Соловецком монастыре, поднятом Афанасием, архиепископом Холмогорским, можно видеть боязнь крутых мер, предпочтение патр. Адрианом мер мягких, не удовлетворявших его горячих сорботников. В январе 1695 г. Афанасий Холмогорский прислал патр. Адриану распросные речи Соловецких монахов с обвинением некоторых видных иноков монастыря в тяжких преступлениях: убийствах, страшных пытках, практиковавшихся монастырскими властями в отношении к рядовым монахам, нечистой жизни, произвольном обращении с монастырской казной и проч. Особенно Афанасий в черных красках представлял личность и деятельность архимандрита Фирса. Афанасий ждал со стороны патр. Адриана твердых, решительных мер к упорядочению жизни распустившегося монастыря; более же всего в своих интересах желал, чтобы патриарх отдал Соловецкий монастырь под его надзор. Патр. Адриан отнесся к этому донесению (Холмогорского архиепископа), вопреки надеждам Афанасия, крайне холодно, какбы не придавая никакого значения распросным речам, подтверждавшим обвинения архиепископа.

В грамоте Ааанасию от 14 февраля 1695 г. патр. Адриан, соглашаясь только с Афанасием относительно уничтожения в Соловках пыток, с отсылкой преступников в Холмогоры, и улучшения ведения монастырского хозяйства, – об остальном внушительно замечал горячему владыке: «А о архимандрите Фирсе. – Он посвящен синодально во архимандриты и по брацкому излюблению, и живет монашески искусно доселе, и челобитья от братии на него и по се время не бывало. А что было у них прежде сего, и они во всем в том прощены от великих государей и от нас разрешены и к тому им не во укоризну, а тебе было о том нужды не было допрашивать и к нам доносить, и тем святую обитель безчестить, – и впредь тебе тою соловецкую обитель оберегать и во всем снабдевать отечески, а таких хульников и празднословцев и изветчиков довлеет смирять, да накажутца к тому святых мест не поносить, да и протчии страх возымеют, да будет имя Господне препрославлено»¹³⁷. Из этих слов патр. Адриана видно, как он недоверчиво относился к доносам, и от кого бы они не поступали, от иноков ли, или от архиепископа, не придавал им значения. Возвышенный аскетический склад характера Адриана не позволял ему спускаться в низменную прозу жизни. Патриарх ценил мир церковный более всего и от пастырей церкви желал прежде всего такого настроения, которое делало бы их выше житейских дрызг. Он готов был ради церковного мира поступиться самой справедливостью. Энергичный Афанасий Холмогорский не удовлетворился ответом патр. Адриана. Думая, что патриарх не внял его посланию «духовне и келейне» сообщающему «о смертных винах и иных неудоборешимых гресех Соловецкого монастыря – *»по навету неких»* он вторично посылает от 14 июня 1695 г. новое донесение на соловецких иноков «да неулекованное врачимо будет вашим государским милостивым указом и повелением ко мне смиренному чрез грамоту вашу»¹³⁸. В этом донесении Афанасий в ярких красках представляет распущенность и преступность монахов Соловецкого монастыря. По его словам, соловецкие иноки «убийцы, и блудники, и творящие противная монашеского обетования, и гражданския испытания, жечи, и всякия пытки

(яже не достоин творити) творящих, и священства без воли архиереев лишаящих и монашеского чина поругательно извещающих, и мучающих и творящих противная над каноны отцев, и хотящих быти самоглавы, и тем святую обитель соловецкую вззор и безчестие вводящих неприящ (?) по канонам казни». К прежним преступлениям, описанным в первом послании к патр. Адриану, архиепископ прилагает новые, происшедшие «по первом послании у соловьян», напр.: убийство – старца (зарезали в смерть), распутство – унеженского усолья прикащика чернеца Дамана (многих жен крестьянских сильно блудом осквернил) и новопостриженного чернеца Варсанофия, а также насилия монастырских властей и их молодых ставленников над настоящими монастырскими старцами. Касаясь нелюбимого архим. Фирса, Афанасий припоминает историю его поставления в архимандрита, вопреки желанию патр. Иоакима, благодаря только его, Афанасия, ходатайству о нем, представившемся на исповеди не тем, чем он есть на самом деле. На основании мрачной картины монастырской жизни соловецких иноков Афанасий просил о принятии следующих мер к поднятию монастырских нравов. 1) Да не будут Соловьяне самоглавы (т. е. пусть находятся в ведении Холмогорского архиепископа). 2) Пусть архимандрит Соловецкого монастыря не ездит в Москву без Холмогорского архиерея. 3) Да не творят Соловецкие власти пыток и судов неправедных, но подчиняются суду своего архиерея и 4) пусть не вверяют великих служб (должностей) монастырских подначальным чернецам, особенно беглым и ссыльным¹³⁹. Нет основания не доверять донесению Афанасия Холмогорского, что в Соловецком монастыре происходили такие крупные беспорядки во всех сторонах жизни: убийства, нечистая жизнь, насилия властей над рядовой братией, так как описанные нравы Соловецкого монастыря являются не единичным явлением монастырской жизни на Руси конца XVII века. И в других монастырях замечалось современными бытописателями то же самое. На эти недостатки, как на обычное явление, указывала даже гражданская власть, например, на соборе 1682 г. в «предлоге 3» о подъеме нравов в монастырях. Епархиальные

же владыки в грамотах в местные монастыри в последнее десятилетие XVII века¹⁴⁰ и сам патр. Адриан, в третьем и четвертом пунктах окружного послания указывали, что беспорядки в монастырской жизни продолжались и после собора 1682 года. Итак, патр. Адриану не было основания не верить Холмогорскому архиепископу, но на самом деле вышло иное. Патриарх не принял во внимание сетований Афанасия, продолжая стоять на стороне Соловецкого монастыря. Во второй ответной грамоте архиепископу Афанасию, в июле 1695 г., он еще настойчивее и внушительнее сделал отпор нареканиям Афанасия на внутреннюю жизнь монастыря, еще снисходительнее отнесся к архимандриту и братии. Он так охлаждал пыл архиепископа. «Нашея мерности напредь сего к тебе, како что творити тебе в Соловецком монастыре, писано. И по времени нынешнем, аще Господь восхощет и жизнь дарует, о исправлении чесого либо в том монастыре потщание даст нам сотворити. *Прочее, ради всяких случаев ныне и непотребные распри, остави.* В бытности же ныне Соловецкого монастыря архим. Фирса о тебе каких-либо злоречий и поношений не слышахом, что писал еси. И мы напаствовати (подвергать бедствию) никого же в благодати Господни хотим. Но дабы и врачевание благовременно и ко спасению чесого возможно, не за все же оскорблятися подобает. Благодушествуй же паче о Господе. Всещедрый же Владыка Господь тебе, сыне, здравие многолетно и всесовершенное спасение в духовождении врученного пасомства, вся мирствуя к лучшему, да подаст: усердствуем и молимся. А чтобы архимандритом соловецким без присутствия (присутствия?) семо Колмогорского архиерея не ездити и тому быти неподобно. Зане монастырь великий и случаи различны бывают. А и zde, кто откуду прибудет, и чесо ради, смотрят»¹⁴¹. Грамота патр. Адриана достаточно характеризует его самого как церковного администратора. Она показывает его мягкосердечие, евангельское настроение, снисходительность к пасомым и пастырям, впадавшим в грехи, и в то же время неспособность его к энергичной шумной деятельности, реформирующей церковную жизнь. Патр. Адриан в руках держал скорее елей милости, чем архиерейский жезл,

больше заботясь о том, чтобы были в церкви тишь, гладь и Божья благодать. Удовлетворившись тем, что архимандрит Фирс, явившись лично, своим смирением и кротостью (может быть показною) не производил впечатления такого грешника и грубияна, каким выставлял его Афанасий Холмогорский, а главное ни одним резким словом не отозвался худо о Холмогорском владыке, патр. Адриан оставлял в покое преступных Соловецких монахов и стыдил даже самого Афанасия за его немирное, нелюбовное настроение, не соответствующее пастырю церкви. Здесь же сказала и осторожность патр. Адриана, как бы не раздражить северных монахов, едва замиренных с церковью со времени реформы Никона и Соловецкого возмущения и всегда готовых перейти в ряды раскольников. Не даром патр. Адриан, просил Афанасия оставить дело «ради всяких случаев и непотребные распри». Главное же исправление в деле Соловецких иноков патриарх оставлял своему личному воздействию на архимандрита и братию и постепенным улучшениям в жизни монастыря, которые он намеревался сам вводить «по времени, аще Господь восхощет и жизнь дарует». Этим патр. Адриан отстранял энергичное вмешательство в жизнь знаменитого монастыря епархиального Холмогорского архиерея. Тактика патр. Адриана в церковном управлении, сказавшаяся в деле Соловецких иноков более ярко, не соответствовала времени, когда требовалась властная крепкая рука сильного волей и зоркого администратора, когда назрела нужда в коренном переустройстве церковной жизни. Миролюбие и осторожность во всех церковных вопросах не могли удовлетворить ревнителей православия¹⁴². Епархиальные владыки чувствовали слабость центральной церковной власти и не прислушивались к голосу своего евангельски настроенного, но нерешительного в действиях при проведении в жизнь своих идеалов – русского первосвященника. Иногда архиереи не повиновались прямым распоряжениям патр. Адриана, признавая их неподходящими. Так в 1694 г. Афанасий, архиепископ Холмогорский, спросил у патр. Адриана, каким чином принимать присоединяющихся к церкви лютеран и

кальвинистов. Патр. Адриан, похвалив Афанасия за то, что он советуется с ним, патриархом, («не просто, якоже случися – писал он в грамоте от 2 дек. 1695 г., – но с вопрошением нашей мерности присутствовавших в пасомстве Римского архиепископа ко общению нами пасомого стада приимати восхотел еси, еже твориши воистину хвалы достойно») предписывал ему как католиков, так и лютеран с кальвинистами присоединять к православию через миропомазание. Афанасий Холмогорский поступил по своему личному убеждению; вопреки прямому указанию патриарха, он принимал кальвинистов и лютеран в лоно православной церкви *через перекрещивание*¹⁴³. Спрашивается, зачем же у патр. Адриана просил указаний епархиальный архиерей, если действовал по своему произволу? Во всяком случае, патр. Адриан не был, следов., авторитетом для других пастырей церкви, когда прямые его распоряжения не приводились в исполнение. Мы с целью отметили похвалу патр. Адриана архиеп. Афанасию за то, что последний обратился к патриарху «с вопрошением по такому важному вопросу». Выходит, обращения к патр. Адриану за советом были настолько редки, а епархиальные владыки были настолько самостоятельны в своих епархиальных делах, что для патриарха было очень лестно внимание архиепископа Холмогорского к его «мерности».

Но что удивительнее всего, сам патриарх много способствовал тому явлению в церковной жизни, что пастыри и пасомые были разобщены от своего архипастыря. Патр. Адриан избегал вмешиваться во внутреннюю жизнь и отношения, пастырей и пасомых каждой епархии, даже тогда, когда его втягивали сюда сами же пастыри и пасомые и давали возможность произнести ему свой нелицеприятный суд. Таких фактов наберется достаточное число. В 1691 году на Варлаама, м. Киевского, сделал в Москву донос великим государям и патриарху Феодосий Углицкий, архим. Елецкого Черниговского монастыря, бывший пред тем игуменом Киевского Выдубецкого монастыря, обвиняя митрополита в произвольном распоряжении имуществом Выдубецкого монастыря. Патр. Адриан не дал ходу этому делу. Поверив отписке царям м.

Варлаама, представившего удостоверение подчиненных ему «пречестных отцев игуменов Киевских», что никакого де разорения монастырю Выдубецкому м. Варлаам не учинил и всячески о нем в созидание промышляет, – патриарх в 1692 г. послал письмом строгий выговор архимандриту Феодосию, а митрополиту Варлааму выразил полное свое доверие и благоволение¹⁴⁴, оставив Выдубецкий монастырь в его руках. Такое отношение к делу – невмешательство патр. Адриана во внутреннюю жизнь других епархий, подведомых высшему надзору русского первосвященника, даже тогда, когда справедливость требовала расследования дела и защиты епархиальных учреждений (монастырей) от произвола епархиального владыки, вредно могло отражаться как на самом ходе церковного управления, так и на авторитете «главы русской церкви», принимающей сторону сильного, а не слабого. Другой более характерный случай. В 1700 г. м. Киевский Варлаам просил патриарха оставить без внимания несправедливые жалобы и клеветы киевских граждан на него, митрополита, и не давать им, к огорчению его, благословенных грамот. Патр. Адриан и здесь устраняет себя (в письме к м. Варлааму) от разбирательства Киевской распри между мещанами и митрополитом. По его мнению, Киевских мещан, непокорных митрополиту и четвероженцев должны смирять гражданские начальники, ибо того ради видимый меч и бич носят. «В суд же Киевской митрополии, – заявлял патр. Адриан, – он не вступался и не вступается»¹⁴⁵. Совершенно уклоняясь от разбирательства распри паствы Киевской с своим владыкой, патриарх лишал паству защиты от произвола архиерея¹⁴⁶. – Был подобный же случай в самой Москве у Афанасия, архиепископа Холмогорского, где патр. Адриан опять всецело стал на сторону архиерея, не придав никакого значения показаниям, может быть и истинным, иеродиакона Холмогорского преосвященного. В конце 1697 г. в бытность Афанасия на «чреде священно–служения» в Москве возникло очень неприятное дело иеродиакона Ефрема, ризничего архиеп. Афанасия. Преосв. Афанасий за пьянство, хождение по непотребным домам и служение в церкви «не очистя совести

своей» смирял Ефрема шелепами, а за растрату им ценных вещей из ризницы, а также намерение бежать посадил его на цепь 20 окт. 1697 г. Иерод. Ефрем бежал с цепи и закричал караул, за что и приведен был на суд в патриарший разряд. Здесь Ефрем описал картину обращения с ним архиеп. Афанасия, обвиняя его в жестокости и показывая, будто бы Афанасий и в Холмогорах заставлял бить его плетью, а сам, обходя, бил тростью; пред настоящим же бегством хотел его, Ефрема «оскорбить». Боясь «оскорбления жестокого и ссылки» он по утру 23 окт. и убежал. Ефремом даже была заготовлена перед бегством свят. патриарху челобитная, чтобы «ево, Ефрема, сослать в ссылку»¹⁴⁷. Кто был более прав в этом мрачном деле, характеризующем епархиального архиерея не в добрых чертах, трудно судить, так как в патр. разряде была придана полная вера показаниям Афанасия и наказан был Ефрем «ссылкой в Новоспасский монастырь и посадением там в хлебне в чеши с тем, чтобы всякие монастырские труды работать». Даже в Москве, под боком патр. Адриана совершался полный произвол в отношениях епископа к ризничему, и от патриарха не было отеческого заступления, или по крайней мере должного внушения принявшему на себя «мучительский сан» епархиальному владыке, – когда-то упрекавшему в жестокостях властей Соловецкого монастыря.

При патр. Адриане бывали недоразумения и столкновения между епархиальными владыками из-за границ их епархий. Известен спор между митр. Варлаамом Киевским и архиепископом Лазарем Барановичем из-за трех протопопий, где патр. Адриан принял сторону сильнейшего – митр. Варлаама, а не Лазаря, хотя ранее последний владел спорными протопопиями по царской грамоте¹⁴⁸. В 1699 г. возник спор между тамбовским епископом Игнатием и митр. астраханским Сампсонием из-за города Петровска на р. Медведице. Епископ Игнатий опирался на указ патриарха Адриана от 23 мая 1698 года, коим в ведомство Тамбовской кафедры, по духовному управлению, отдавался новопостроенный город Петровск и все города, которые будут строиться по реке Медведице, вниз по Дону и вверх по Дону по реке Серет. А митр. астраханский

Сампсоний ссылался на новый указ самого государя от 20 окт. 1698 г. и грамоту из Приказа Казанского Дворца, которыми Петровск передавался в ведение митр. астраханского. Патр. Адриан в грамоте от 29 апр. 1699 г. к м. Сампсонию не давал ясного решения спора между владыками, прибегнув тактично к полному замалчиванию о г. Петровске. Пожелав астраханскому владыке милости Божией, пречистой Богородицы и великих святителей московских, патриарх ничего не сказал для разрешения спора, обратив его внимание на другое. «Как эта грамота к тебе придет, ты бы новопостроенные города на Усть-Камышенке, да по той черте к Дону реке ведал, а в них церкви великомучеников Георгия и Дмитрия, давал туда благословенные грамоты, посвящал попов, дьяконов и духовными делами ведал всех духовного и мирского чина»¹⁴⁹. Не дав определенного решения и новой грамоты какому-либо из спорящих о г. Петровске владык, патр. Адриан очевидно оставлял в силе свой прежний указ епископу Игнатию. И после, когда прикрыта была Петром I Тамбовская кафедра, а все города бывшей епархии перешли в ведение рязанского преосвященного, город Петровск был в числе их. Но отсутствие определенного указа патр. Адриана по спорному делу давало основание астр. митрополиту Сампсонию, в силу царского указа и покровительства близкого к царю Бориса Алексеевича Голицына, считать Петровск принадлежащим к Астраханской епархии и посылать туда священников¹⁵⁰. Уклонившись от определенного ответа на поднятый архиереями спорный вопрос, патр. Адриан проявил странную нерешительность, граничившую с трусостью, нераспорядительность, вызывавшую неустройство в церковном управлении и естественное неудовольствие в своих соработниках, епарх. архиереях, не находивших в Адриане твердого распорядителя в общецерковных делах.

Влияние на патр. Адриана окружавших его московских церковников (Паисия, Евфимия, Кариона и Ионы)

Вызывал патр. Адриан неудовольствие в пастырях церкви и тем, что подпадал, как мягкий, незлобивый, евангельски настроенный аскет, весь ушедший в идеальный свой мир, под власть более сильных и решительных по характеру окружавших его клириков. Это отмечается в некоторых известиях, дошедших от того времени. Архиеп. Холмогорский Афанасий в письме по соловецкому делу приписывает невнимательность патр. Адриана к его первому донесению «навету неких». Кого понимает Афанасий под «некими» – в данном случае неизвестно. Но в другом деле об учреждении архимандрии в Сийском монастыре, также неприятном для Афанасия Холмогорского, на патриархе сказалось влияние его казначея монаха Паисия, действовавшего наперекор желаниям Холмогорского владыки. В 1692 г. казначей Сийского монастыря Никодим и келарь Питирим просили патр. Адриана об учреждении в Сийском монастыре архимандрии. Этому ходатайству содействовал постриженник Сийского монастыря казначей патриарший Паисий¹⁵¹. Архиепископ Афанасий, наоборот, мало сочувствовал желанию Сийского монастыря, как шедшему в разрез его интересам: архимандрит мог быть более независим от власти архиепископа Холмогорского, чем игумен (как это и сказалось, напр., в деле Соловецкого монастыря). Но патр. Адриан поступил согласно желанию Паисия не только в самом учреждении в Сийском монастыре архимандрии, но и в поставлении архимандритом казначея Никодима, рекомендованного не Афанасием, желавшим во всяком случае видеть архимандритом своего кандидата, игумена монастыря Варфоломея, а тем же Паисием. Между Паисием и Афанасием при возведении архимандрита в Сийском монастыре не обошлось без столкновения и пререканий по этому делу. Афанасий после жаловался патр. Адриану, что Паисий держал себя слишком гордо и заносчиво, послал даже на него,

Афанасия, царям и патриарху «клеветовидные писания». Сам Афанасий медлил посвящением архимандрита, но в конце должен был исполнить желание Паисия¹⁵². Если Паисий держал себя гордо и заносчиво с Афанасием, архиепископом Холмогорским, выдающимся из ряда прочих архиереев по своему влиянию на дела церкви и на самого патриарха, то можно судить, как обращался Паисий, пользуясь расположением к себе патр. Адриана¹⁵³, с другими лицами из духовенства.

Большим влиянием на патр. Адриана пользовались инок Чудова монастыря Евфимий, секретарь патр. Карион Истомин и архидиакон Иона. Инок Евфимий заявил себя, как неутомимый деятель церковного просвещения в конце XVII века и потому влияние его на патр. Адриана сказывается больше в этой области, хотя нужно думать, что и в вопросах церковного управления Евфимий не мог не оказать соответствующего давления на патриарха в духе его греко–русских убеждений, напр. по вопросу о соборном рассмотрении всех важных дел его времени и церковных произведений, составлявшихся при энергичной поддержке и участии самого Евфимия. Горский и Невоструев в предисловии к Описанию славянских рукописей Моск. Синод. библиотеки отводят скромному иноку Евфимию видное место среди сотрудников последних патриархов, заявляя: «Для истории последних патриархов всероссийских необходимо знать, сколько новых переводов трудами этого инок (Евфимия) и его школы приготовлено было к изданию, и какое участие принимал он во всех вопросах церковных своего времени»¹⁵⁴. Нам думается, что из кружка Евфимия выходили моления св. церкви патр. Адриану о еретиках, появлявшихся в то время (Петре Артемьеве, Григории Скибинском и др.), и воздействия на патриарха энергичнее, решительнее отнестись к «сынам погибели», разоряющим св. православную церковь. Такой ревнитель православия, как Евфимий, составлявший для священников наставления, что «долженствуют вести приличное чину их священному», переводивший разные книги, потребные для церкви, издававший полемические сборники вроде Щита веры, с характерным предисловием, заключавшим

прошение к патр. Адриану содействовать распространению в обществе противоеретических сочинений и т. под., конечно не мог быть спокойным зрителем совершающегося на его глазах и так или иначе воздействовал на патр. Адриана и в делах общецерковного управления.

Карион Истомин, иеромонах Чудова монастыря, делопроизводитель патр. Адриана также пользовался расположением последнего, что сказывается как в несении Карионом интимной должности личного секретаря патр. Адриана, причем патр. Адрианом поручалось ему писать от его лица письма и грамоты, проповеди, даже завещание духовное, черновики с которых сохранились до сего времени¹⁵⁵, так в знаках благоволения патр. Адриана к Кариону – напр., в назначении Кариона Истомина 4 марта 1698 г. начальником печатного двора с годовым жалованием в 100 руб. (около 2 тыс. на наши деньги), кроме особых доходов за услуги патриарху. Не может быть, чтобы этот даровитый инок, также много поработавший на пользу просвещения, не оказывал влияния на патр. Адриана, если с ним не гнушались быть в дружбе видные иерархи того времени: митр. Казанский и Свияжский Маркелл, митр. Киевский Варлаам, а также составитель Житий Святых Димитрий – состоявшие с делопроизводителем патриарха в оживленной и сердечной переписке¹⁵⁶. Как лицо, близкое к патр. Адриану (быть может в глазах Петра I находившееся в ряду тех, кто, по донесению Петру I Возницына, «под его (патриарха) именем делали, что хотели, и все за ними и в их руках было»¹⁵⁷) и притом разделявшие взгляды патриарха об отношении к иностранцам, – Карион Истомин, по смерти своего покровителя, был указом государя от 15 ноября 1701 г. отставлен от должности начальника типографии, что ясно свидетельствует о некотором значении Кариона в общецерковном управлении патр. Адриана. Евфимий и Карион Истомин, вряд ли во зло пользовались своим влиянием на патр. Адриана. Они, как и патр. Адриан, отличались добрым возвышенным настроением, а их деятельность вызывала добрую славу даже среди недоброжелателей церковного правительства при патр. Адриане. Курбатов, доносивший

Государю о состоянии церковного управления в последние дни жизни больного патриарха в таких же мрачных красках, как и Возницын, однако выделял из монахов – Кариона, патриаршего казначея, очевидно Истомина, наряду с Палладием Роговским школ учителем, да с Феологом, монахом Чудова монастыря, и Афанасием архиеп. Холмогорским и находил их подходящими «Для временного в духовных управления»¹⁵⁸.

Гораздо печальнее по своим результатам было влияние на патр. Адриана, в последние годы его служения, архидиакона Ионы, который как бы забрал управление епархией патриаршей в свои руки и в делах общецерковных, вероятно на ряду с другими окружавшими моск. кафедру клириками, распоряжался именем патр. Адриана, когда последний при тяжелой болезни (параличе) не мог править церковью и проживал в своем любимом подмосковном Перервинском монастыре. Краткое исследование о личности и деятельности архидиакона Московского патр. Адриана дал прот. Николаевский. По его словам, «он был любимцем патриарха, снискал полное доверие его и, при слабости и постоянных болезнях патриарха, получил при нем влияние и на управление епархиальными делами обширной патриаршей области; здесь он завладел, главным образом, ставленными делами и избранием на должности игуменов и архимандритов. Не обладая образованием и высокими нравственными качествами, он своим вмешательством в церковные дела вносил в управление ими большие беспорядки; этим возбудил в обществе недовольство патриархом и если не может быть назван виновником уничтожения патриаршества в России, то дал ближайший повод сначала к приостановке избрания преемника патр. Адриану на неопределенное время, а потом и к полной замене патриаршей формы управления синодальной»¹⁵⁹. Архидиакон Иона (Васильевич Григоров, родом «Костромитин») служил во все десятилетнее правление патр. Адриана, а в должности патр. архидиакона был еще при патр. Иоакиме¹⁶⁰, который ценил его и награждал денежными дачами. Патр. Адриан еще более приблизил к себе Иону, сделал его доверенным своим лицом в делах церковного управления и не только удержал за своим

любимцем прежние возвышенные денежные дачи из патр. казны, но сам даже возвысил их¹⁶¹. Курбатов в доношении о смерти патр. Адриана приводит как общеизвестный факт влияние архидиакона на патр. Адриана и управление им всею церковью. «Ныне же всемилостивейший Государь, – писал он 25 окт. 1700 г. под Нарву, – видишь, яко и в духовных хочет Бог, да ты попечешься и усмотриши правительства того от многих бывшия поползновения, понеже, яко же тебе, государю, известно, святейший патриарх от временныя преселися в жизнь вечную, а и в животе его за болезнью его, усмотрение то было ему трудно. Видишь и ныне, ежели, государь, те же будут во управлении, *добра никакого не будет*. Тебе государю *из них о архидиаcone известно*. И зело, государь, *о сем мнози сетуют*, что в таком великом деле, во избрании архимандритов и прочих священного чина людей *вверено одному*, который и себе единого управити не может»¹⁶². Архидиакон Иона вряд ли походил на дьяка патр. Иосифа и патр. Никона Кокошилова, который рисуется в мрачных красках, как взяточник и зазнавшийся выскочка, измывавшийся над духовенством¹⁶³; патр. Иоаким и патр. Адриан по своим нравственным качествам не могли возвысить и питать доверие к явно недостойным людям. Но несомненно то, что архид. Иона, не могший, по замечанию Курбатова «и себя то единого управить» (быть может, был человек невыдержанный или вернее всего «прилежал хмельному питию», как это свойственно было многим без различия класса москвичам того времени), к тому же не обладал талантами правителя и достаточным образованием, чтобы пользоваться уважением в глазах церковного общества. Отсюда, и общее недовольство, что именем патриарха правят лица, подобные архидиакону, в иерархической лестнице стоящие ниже епископов, архимандритов, протопопов, игуменов, а на деле имеющие большие чем они права в церкви.

Отношения царя Петра I к делам церковного управления

Петр В. ревностно принявшийся за реформирование русской государственности не обошел своим вниманием церковное ведомство и, в виду расстройства высшего церковного управления, за малоспособностью к энергичной деятельности болеющего патр. Адриана, стал входить во многие стороны чисто церковной жизни, часто ставя себя на место патриарха в церковных распоряжениях. В конце патриаршего периода нарушается самый «чин и устав на избрание епископа». Как известно из «чина и устава на избрание и рукоположение и возведение на епископский престол, свидетельствованного патр. Иоакимом в лето 7184 (1676 г.) с древнего греческого чина и славянского, яко бысть при прежних великих государех царех и великих князех и при преосвященных митрополитех всея России», обычный порядок избрания епископа был такой: «В назначенный день патриарх призывал к себе всех собравшихся в Москву архиереев и, объявив им о цели собрания, сам удалялся во внутренние палаты. Епископы же шли в особое место или в церковный предел, в сопровождении хартофилакса или какого-нибудь из сановных патр. клириков. Здесь старейший из архиереев, возложив на себя епитрахиль и покадив святыя иконы и архиереев, стоявших по правую и левую стороны, совершал краткую литию, состоявшую из тропаря и кондака пятидесятницы и ектении, на которую отвечали архиереи. После отпуста начиналось избрание. Каждый из присутствовавших архиереев, начиная с старшего, объявлял, кого он в своей епархии находит достойным епископского сана. Из всех названных епископами кандидатов избирались три «лучшие», имена их тут же вносились в акт избрания, имевший определенный образец. Этот акт, подписанный епископами и запечатанный, отдавался хартофилаксу, для вручения патриарху. Собрание расходилось. Патриарх, получив запечатанный свиток, уединялся в свою моленную и там, после

довольной и слезной молитвы, распечатывал его и выбирал из трех названных в нем кандидатов одного, кого хотел. На утро, или в другой какой-либо день, патриарх со всеми епископами шел к благочестивейшему царю «ради *возвещения* об избранном»¹⁶⁴. Этот порядок избрания практиковался конечно и при патр. Адриане, когда царь Петр I был отвлечен от государственных дел Своими потехами, азовскими походами и заграничным путешествием. Мы видим в числе избранных до 1699 г. епископов лиц, единомышленных патр. Адриану, как Игнатий Тамбовский, Трифиллий Нижегородский, Евфимий Новгородский и др., прошедшие на кафедры, благодаря своей близости к нему, хотя и путем соборного избрания. Положение дел меняется после возвращения государя из-за границы. Петр I не довольствуется «возвещением об избранном», сам иногда намечает кандидата в архиереи, предписывая патриарху поставить его, а за соборным избранием оставляя только одну проформу. Письма патр. Адриана царю Петру в 1700 г. раскрывают подробности нового порядка замещения кафедр и показывают упадок власти патриарха и значения освященного собора в конце патриаршего периода. 17 марта 1700 года патриарх писал государю следующее. «Егда Твое величество благоволил еси, по милости твоей царской, нынешнего времени меня старца немощна посетити и при том изволил глаголати: еже бы Киевского Николаевского монастыря игумена Стефана Яворского (иже прислан в царствующий град от Киевского Варлаама митрополита в делах своих просительных) zde, в Великороссийской стране, где прилично, не в дальнем расстоянии от Москвы, во епархию посвятити во архиереи, и наша мерность о том тцание имехом. И сего ради по твоему государскому изволению и по смотрению нашему, ему, игумену из Москвы в Киев ехать не велено до указу, донележе обыщется где место архиерейства праздное и приличное. И нынешнего 1700 г. марта в первых числах митр. Авраамий Рязанский порученного ему престола правительства за немощью своею остави и поиде в монастырь Солотчинский обитати; и мы, велевше оттуду приехать с ризницею по обычаю к Москве, велели ему игумену Стефану сказать, что по твоему великого

государя указу и по нашей мерности архипастырскому благословению, имать он быти митрополит рязанский. И он нам суча много челобитьем своим, чтобы его ныне отпустить в Киев токмо побывать ради нужд его, и весною хоте, управяся тамо, приехати. Отрекше же мы его таковое прошение, сего марта в 15 день сказахом ему, чтобы он во утро бы готов был в ту Рязанскую митрополию к назначению, яко обычай есть церкви; и в то время посланному сказа, яко в том воле Божией повинуется и в послушании готов будет. Во утрии же в 16 день, егда архиереи и священного причта на нарицание в крестову нашу палату, по обычаю чина, собрашася, и абие по него на подворье малороссийское послахом, и посланнии его на подвории не обретоша и сказаша, яко он, игумен, уеде в Донской монастырь. И мы по него туда посылахом дважды и благовесту быть с часа два, и велехом его взяти; и он игумен всяким образом архиерейства отрекся, и из монастыря в собор не поехал к нам, преслушав нас, и введе во оскорбление неповиновением своим; и ныне из того Донского монастыря пущати его игумена Стефана не велехом до твоего великого Государя указа. Тем же об отпуске его в Киев и о посвящении в ту епархию и о преслушании к нам прошу твоего великого Государя благорассудного смотрительства и совершенного указа, како о том благоволиши»¹⁶⁵. Царь велел спросить у Стефана Яворского, что за причина такого поступка. Игумен Стефан прислал объяснение или «вины, для которых он ушел от посвящения»: 1) «Писал ко мне, – оправдывался он, – преосвященный митр. Киевский, чтобы я возвращался в Киев и его во время старости не оставлял при его немощах и недугах, 2) епархия Рязанская, на которую меня хотели посвятить, имеет еще в живых своего архиерея, а правила св. отец не повелевают, живу сущу архиерею, иному касаться епархии – духовное прелюбодеяние! 3) Изощренный завистью язык многия досады и поклепы на меня говорил: иные рекли будто я купил себе архиерейство за 3000 червонных золотых, иные именовали меня еретиком, ляшенком, обливанником, 4) не дано мне сроку, чтобы я мог приготовиться на такую высокую архиерейства степень очищением совести своея, чтением книг

богодухновенных»¹⁶⁶. Несмотря на явное публичное ослушание и оскорбление высшей церковной власти, – самого патр. Адриана, – Стефан Яворский все–таки по новому указу Петра I, (как сообщал о том митр. Варлааму от 8 апреля 1700 года патр. Адриан), был оставлен в Москве на служение церковное и 7 апреля посвящен в митрополиты Рязанские, согласно желанию государя¹⁶⁷. Также круто, вопреки законным желаниям патр. Адриана иметь у себя помощником, митрополитом Сарским и Подонским, Афанасия, архиепископа Холмогорского, государь распорядился переводом в 1699 году на Крутицы, вместо Афанасия, митр. Нижегородского Трифиллия (Инихова). Патриарх в письме Стрешневу, приближенному Петра, протестовал против такого перевода и говорил: «Сие дело неприлично таковому содействию, что без всякия церковныя вины и гражданския вины на иную степень превести его, яко священная правила о том глаголют, чего ради камо преводити кого; а и он уже устарел и болезнен и зде в непрестанном труде, ради славы Божией и христианского благочестия, быти едва может; еще же и в Нижнем граде многия от приказного сына его митрополя (яко слышахом) сотворишася оскорбления людям и в доме тамо архиерейском в вещах истеря и в делах великая неисправа и тщета напрасная. Изволь твоя сыновская любовь во Господе благочестивейшему нашему царю сие донести, что он, государь, и сам о том, быв у меня в келии, изволил говорити, чтобы в тое служение избран был кто потребен, паче же в здешнем граде при их Царском Величестве и при нашем архиерействе, ради всяких нужных церковных требований и гражданских дел, и чтоб изволил сие провождение отставить и сотворити нам милость и лучшее в пользу церкви Божия и людей христианских, быть же зде кому приличнее и способнее изволил бы. И о том его, государя царя, аз и вси сущии зде архиереи просят. И по сему доношению, прошу, возвести нам во имени Господни чрез почту письменем ради церкви Божия в немедлении. Здравствуйте». При сем приложена особая записка. – «Еще же вельми таковой зде надобен архиерей, еже бы приказать кому книжный печатный двор и назирание школ, где учатся дети и возрастные отроки словенского нашего,

греческого и латинского языка и грамматического знания в пользу церкви Божия и ради всяких к потребе гражданских благоразумных соделований и переводчиков, – и лекарских искусств, даст Господь, будут навек, и о сем быть попечению должно. И ради немощей моих прежде бысть намерение о Холмогорском владыке, дабы и в вышеописанных делах способствовал. Пожалуй, Господа ради, сотвори любовь: будет возможно доложи, или зачем будет невозможно отпиши, чтобы было лучшее и угоднее всем»¹⁶⁸. Петр I не обратил никакого внимания на протест патр. Адриана, оставив в силе свое распоряжение о переводе Трифиллия в Москву на Крутицы¹⁶⁹. Государь не мало содействовал косвенно тому, что церковное управление при больном патриархе стало находиться в руках лиц подобных архидиакону Ионе, так как викарный митрополит Трифиллий был также больной и неспособный к энергичному руководству церковного общества старец.

Вмешательство Петра в церковные дела сказалось и в фактах распределения между епархиальными архиереями находящихся в сфере их ведения сел и городов. Без сношения с патриархом государь отбирал города и селения у одного архиерея и передавал другому. Выше был отмечен спор между Тамб. епископом Игнатием и Астрах. митр. Сампсонием о городе Петровске. Несмотря на грамоту патр. Адриана от 23 мая 1698 г., отдававшую г. Петровск епископу Игнатию, Петр I своим указом, без отписки с патриаршими учреждениями, от 20 окт. 1698 г., передавал Петровск в ведение митр. Сампсония, заручившегося потом поддержкой придворного вельможи Бориса Алексеевича Голицына – вследствие чего и происходил спор между архиереями. – Также без предварительного сношения с патриархом государь в бытность свою, во время похода, в Воронеже, в 1699 г. 9 апр. указал приписать в епархию святителя Митрофана «города Рязанской епархии: Усмань, острожки – Демшинский и Белоколодезь с уездами и дворцовую волость село Мокрый Боерак с приселком», а книги отдать во Воронеж¹⁷⁰ на том основании, что рязанская митрополия «не скудна и довольствоваться ей без тех городов и волостей мочно», и что «те города с уезды, и волости к

Воронежу в ближних верстах»¹⁷¹. Грамота патр. Адриана Авраамия, митрополиту Рязанскому, об отдаче по указу Петра означенных городов и волостей из Рязанской епархии в Воронежскую последовала с запозданием в месяце мае 1699 г. уже после того, как о распоряжении государя известил патриарха сам Авраамий. В грамоте патр. Адриан, отмечая, что митр. Авраамий «не отписався к свят. патриарху» велел отдать окладные книги с распискою, находил извинение поступку Авраамия сделавшего так «опасаясь Великого Государя гневу»¹⁷².

Назначение, перемещения и отписка городов и сел от одной епархии к другой давали Петру I действительную власть над русскими архиереями, бóльшую, чем имел над ними патр. Адриан. Неудивительно, что епархиальные владыки почувствовали, к кому они больше должны тяготеть, к царю или патриарху, чтобы прочнее занимать свои кафедры и получить для себя повышение или увеличение епархии и других духовных и материальных благ. Единомышленники патриарха должны были стушеваться или заявить себя сторонниками реформ Петра, делая это искренно, или только прикидываясь; в противном случае, при поддержке и проведении в жизнь теоретических взглядов патр. Адриана, столь расходившихся с воззрениями и намерениями Государя, их могла ожидать суровая расправа и немилость реформатора России. Искренно пошел за реформатором России в гражданской области св. Митрофан, епископ Воронежский, как известно, последние средства от своего скудного епископского бюджета отдававший «на ратных» Государю, за что и пользовался у него нелицемерной любовью и привязанностью, обнаружившеюся во вне припиской к Воронежской епархии нескольких городов и сел, взятых от митр. Рязанского Авраамия, единомышленника патр. Адриана¹⁷³, и участием Государя в выносе тела святителя при погребении. «Не стало у меня такого святого старца!» – сказал Государь. Вот лучшая характеристика, данная Петром св. Митрофанию, чуждому келейной монашеской предубежденности против благих реформ Петра для государства и здравым чутьем угадавшего в Петре великого исторического деятеля. Остальные

иерархи, не сочувствуя немецким затеям Петра, в отношениях к нему держались тактики патриарха: боялись высказывать свои взгляды открыто, а в обращениях с Государем выражали полную преданность и даже ласкательство. Типичен в этом отношении правая рука патр. Адриана¹⁷⁴, кандидат в заместители его, бывший раскольник и потом ревнитель старорусской традиции архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов). В своих приветственных письмах Петру, писанных во время посещений последним Архангельска, Афанасий не находит для него другой параллели, как только в Боге и Христе и постоянно прибегает к ней. В письме напр., посланном на встречу царю в 1694 г., Афанасий пишет: «Превечное Слово, Сын Отца небесного, во худость естества нашего облекся, дабы примирити небо с землею, тварь с Творцом, раба с Господом, человека с Богом. Егда прииде, яко добрый Пастырь, к овцам своим с небесныя страны, сия словеса ангелам своим завеща воспевати: Слава в вышних Богу и на земли мир. *Подобне* и ваше высочайшее царствие, грядущее с высоты престола вышнего к нам *смирненным*, яко от Отца небесного Сына Божия. Сего ради, подражая горним силам, *всерадостною* душою восклицаю аз недостойный. Тебе, государя нашего, *прославляю*"¹⁷⁵. Интересен эпитет, прилагаемый Афанасием к царю в письме 1695 г.: «Радуйся *превожденное* ми имя, камению веры, незыблемое утверждение церкви Христовой, о нем же Спас рече: ты еси Петр и на сем камени созижду церковь мою и врата адова не одолеют ей»¹⁷⁶.

Искренность таких эпитетов сомнительна; сам Петр не доверялся Афанасию, хотя поддерживал с ним добрые отношения, как и с патриархом, опасаясь задевать его, чтобы не создать тайного врага. Петр I пред заграничным путешествием, так же, как и к патриарху, заходил в келью преосвященного архиепископа (последний был в это время в Москве «на чреде священнослужения»). «В четвертую неделю св. и Великого поста 1697 г. благочестивейший Государь... Петр Алексеевич изволил быть в кельи у преосв. архиепископа, в ночи, не со многими своими ближними людьми», – так свидетельствует Двинская летопись и тут же почти непосредственно прибавляет:

«Февраля в последних числах великий Государь изволил путешествовать... в немецкие земли». Визит знаменательный, имеющий то же значение, что и посещение царем в это время патр. Адриана – узнать настроенность влиятельного иерарха старорусского закала и заручиться, путем того или иного воздействия, спокойным отношением к задуманному им шагу. Лаская и имея всегда на виду Холмогорского архиепископа, обещая даже ему при других чуть ли не патриаршество по смерти патр. Адриана и тем ослабляя силы противников своих реформ¹⁷⁷, Петр на самом деле, когда скончался Адриан, не мог доверить важный пост предстоятеля русской церкви великороссийскому архиерею, хотя бы и Афанасию Холмогорскому, несочувственно относившемуся к иностранным заимствованиям, и отдал местоблюстительство патр. престола молодому митрополиту рязанскому Стефану, нелюбимому великороссийским духовенством и обязанному своим возвышением всецело ему – Государю, а по убеждениям, как ошибочно полагал царь–реформатор, более терпимому ко всему заграничному, новому. То льстивое отношение архиереев, каким отличались письма Афанасия к Государю, пожалуй, и было единственно возможным. Недовольство, выраженное гласно деятельностью Государя, подрывающею древние устои русской жизни, вызывало крутую расправу пылкого, идущего на пролом и гневного молодого царя. Пример на лицо. Это расправа Государя с Игнатием, еписк. Тамбовским, за участие его в деле Григория Талицкого. Талицкий, как известно, в 1699 году распространял «письмами» в народе мнение, что Петр – антихрист, а Москва – Вавилон, что нужно отступить от царя, который сам мучит, не платить податей, избрать себе другого царя Михаила Алегуквича Черкасского и т. под. Игнатий лично познакомился с Талицким в Москве на Казанском подворье. Слушая Талицкого, он плакал и, взяв его тетради, поцеловал их... «Павловы твоя уста!» – говорил он Талицкому. Талицкий надеялся, через епископа Игнатия, и патр. Адриана сделать сторонником своих убеждений и распространителем их в народе. «Возможно ль тебе о сем возвестить святейшему патриарху, чтобы про то и в народе было ведомо?» – спросил

Талицкий Игнатия. Характерен ответ епископа: «Видим мы и сами, – жалобно ответил близкий патр. Адриану архиерей, выражавший как бы общее настроение великорусских архипастырей того времени, – видим мы, что худо делается... Да что мне делать? Один я немощен!» Так говорили, наверное, все иерархи, каждый в отдельности считая невозможным отстаивать единодушно свои старозаветные убеждения. Вся вина епископа Игнатия в этом и заключалась. Вскоре он уехал в Тамбовскую епархию, не оказав никакой действительной поддержки Талицкому. Последний продолжал свое дело в кругу простонародия, но скоро 28 июня 1700 года был выдан Преображенскому Приказу певчим дьяком и разыскан¹⁷⁸. Талицкого пытали и требовали указать сообщников. Среди оговоренных им лиц самое видное место занял епископ Игнатий. 23 авг. 1700 г. «по указу великого Государя взят из Тамбова Игнатий, епископ Тамбовский», – отмечено в местной тамбовской летописи. Когда Игнатий был доставлен в Москву, светское правительство хотело немедленно взять его «к суду и розыску» в Преображенское. Но этому воспротивилась власть духовная¹⁷⁹. Епископ Игнатий, подвергнутый допросу пред патриархом, старался смягчить свою вину; патриарх также его, быть может, выгораживал пред царем. Но Талицкий не щадил епископа и откровенно рассказывал о своих беседах с ним. Светская власть теперь стала настаивать на том, чтобы Игнатий был лишен сана и допрошен с пытки. Но лишить епископа сана мог лишь патриарх с освященным собором. Патр. Адриан оказал пассивное сопротивление. Он медлил с печальным обрядом до самой своей смерти. По смерти Адриана среди членов освящ. собора нашлись также защитники Игнатия, в роде, например, Нижегородского митр. Исаии, который впоследствии заявил себя горячим противником нововведений и кончил жизнь в ссылке¹⁸⁰. Но настойчивая защита в таком деле была рискована, и потому в присутствии собора архиереев над Тамбовским епископом, совершено было снятие сана и монашеского чина в конце октября или начале ноября 1700 г. Игнатий превратился в растригу Ивашку Шангина и поступил в руки страшных приставников Преображенского приказа. 5-го

ноября объявлен был приговор по делу Талицкого. Сам он с двумя единомышленниками и тремя «распопами», укрывавшими его, казнен смертью, прочие замешанные в этом деле были биты кнутом, «запятнаны» и сосланы в Сибирь. Игнатия отправили в Головенкову тюрьму Соловецкого монастыря на неисходное заключение за крепким караулом¹⁸¹. Так наказан был Государем архиерей, не сочувствовавший его деяниям и неосторожно одобрявший только словом, наедине, воззрения фанатичных противников Петровской реформы при ее зачатии. Такая же кара могла конечно ожидать всякого, кто решился бы протестовать против вмешательства Государя даже в чисто церковные дела; отсюда мы и замечаем покорное и смиренное отношение представителей духовной власти, начиная с патриарха, ко всем распоряжениям Петра I, свидетельствовавшим, что новый порядок церковного управления наступил еще раньше, чем скончался последний древнерусский патриарх.

Взгляд церковного общества на патр. Адриана и его освященный собор

Вышеописанное состояние церковного управления при п. Адриане, как неудовлетворительное, неопределенное и нетвердое, говорившее о растерянности власти в смутное по идеям, переходное по строю общественной и церковной жизни время, находило себе резкую критическую оценку во всех группах церковного общества и меткую характеристику в устах их представителей от простолюдина до царя включительно. Этой критикой задевался и главный руководитель церковного управления п. Адриан.

Из народа критиком явился некто Ивашка (Парамон) Нагой. Этот не то ханжа, не то юродивый, ходил по московским рядам и по погребеньям. Ему «ради святости», как он сам показал на допросе, давали деньги, которые он раздавал нищим. И вот такой авторитетный в глазах простонародья «святой», или «блаженный», как и теперь называют юродивых в деревнях центральных губерний, сеял в народе смуту и привлечен был в судилище, где на допросе открыто заявлял духовным судьям: «Я де хочу и не то делать, – идти в Преображенское царя обличать, что бороды бреет и с немцами водится, и вера стала немецкая». На слова допросчика Знаменского архим. Иосифа: – «Проклятый сатана, нагой бес! Что ты видел, или от ума отошел? У нас св. патриарх глава и образ Божий носит на себе, а никакого соблазну от него, государя, не слышал», – Нагой отвечал: «А какой де он патриарх? Живет из куска, спать бы ему, да есть, да бережет де мантии да клобука белова, за тем де он и не обличает, а вы де власти все накупныя»¹⁸². Таков голос народный о патриархе Адриане. Окружные послания в начале патриаршества с анафематствованием брадобрийцам и западникам и полное молчание в конце, когда Государь ввел все, против чего восставал патр. Адриан, утверждали в народе взгляд на главу церкви, высказанный Ивашкой (Парамоном) Нагим.

Белое духовенство высказало свой взгляд на патр. Адриана и освященный собор устами диакона Петра Артемьева. Нам думается, Артемьев сделался жертвой неудовлетворительного состояния русской церкви в конце XVII века, толкавшего его в объятия иезуитов. Более всего привлечь его могли сюда не догматические учения, а стройная организация католического духовенства, высокий

авторитет папы и влияние католической церкви на жизнь общества, что было в упадке на Руси. «Собор – забор» – «патриарх – потеряха»! Всякий, кто вдумался бы в положение церкви в государстве при Петре I, мог бы прийти к такой резкой реплике диакона–ренегата.

Игумен Стефан Яворский, – представитель монашествующих, – своим поведением при возведении в сан митрополита рязанского показал, во что ставился в то время авторитет освященного собора и патриарха, обезличенных царем. Яворский ослушался патриарха и его собора, убежав от наречения в митр. рязанские, и тем унизил в глазах всей церкви высшую духовную власть. В объяснении он выставил патриарха и его собор, действовавших не по своим убеждениям, а по воле Государя, поступившими не канонически, когда при живом митр. Авраамии ставили на его место другого митрополита. А высказывая желание быть при преосв. митр. Киевском Варлааме (и рассчитывая, вероятно, быть его преемником) в Малороссии, где было больше свободы и независимости в церковной жизни от патриарха и царя, игумен Стефан тем самым не высоко ценил и сан митрополита в Великороссийской церкви, где исполнялась даже в духовных делах воля Государя, а не патриарха. Все это косвенно подчеркивало неудовлетворительное состояние высшего церковного управления. Дальнейшая биография Стефана митр. рязанского, волей Государя, сделавшегося по смерти патр. Адриана местоблюстителем патриаршего престола, является комментарием к факту бегства его от посвящения в сан митрополита рязанского и поясняет, каким иерархом мечтал быть Яворский, какой высокий идеал церковной власти, близкий к католическому, лелеял он в себе, и как этому противоречила

Московская действительность при Петре I. Из сопоставления поведения местоблюстителя Стефана Яворского¹⁸³ с поведением его во время поставления на Рязанскую кафедру можно видеть, что игумен Николаевского монастыря не из смирения отказывался от кафедры, а из нежелания разделять судьбу чуждого ему великороссийского духовенства во главе с патр. Адрианом, молчаливо и послушно исполнявшего волю Царя, хотя бы он расходился с канонами, церкви и собственными их заветными убеждениями. Игумен Стефан не хотел быть игрушкой в руках светской власти и своим непослушанием патр. Адриану еще более, чем Ивашка (Парамон) Нагой и диакон Артемьев, дал почувствовать патр. Адриану глубину падения авторитета высшей церковной власти в глазах монашествующих.

Потерпел унижение и оскорбление патр. Адриан и от высшей иерархии в лице митрополита Игнатия Тобольского и Сибирского. Патр. Адриан так доносил царю Петру обстоятельства оскорбления. «Марта (1700 г.) в 16 день Игнатий митрополит Сибирский пришел ко мне в келию, яко обезумився зело, неистовыми словесы мене *в лице оскорби* и в досаду злословил без всякие правды; а от меня выбежав из келии во крестовую палату, архиереев, на наречение тогда сшедшихся имущего быти архиерея, (Стефана Яворского), вельми бесчестными словесами поругая поносил нелепыми укоризнами и в крестовой всем людям сотворил смущение и зазор великий архиерейской чести; и за таковое его бесчинство, да вразумится, послах к нему на подворье и велел сказать, чтобы не служил священнодействия и с двора не съезжал ни по какому образу, да уцеломудрится и в разум приидет. И он тамо при всем народе посланному еще больше всякой непристойной нелепицы говорил, *что не токмо писати, но говорити не подобает; да и слушати нас, говорил, не хочет ни в чем;* и что он никого не слушает. И в людех какова не учинил бы смущения и сумнения тебе Государю, и каковыя досады не принес бы, *зело опасно*. А на его подворьи беречи, чтобы не съезжал со двора, без твоего великого Государя указу, служивых людей не дают. А он митрополит в недоумении своем, преслушав наше

отеческое ему прещение и что служивого караулу несть у него, в вечернее пение в крестовую нашу палату пришед, еще брань и смущение многое учинил и непристойно много говори. По доношению же нам от стоящих в пении наших служителей, за таковое его бесчинство и нелепый крик, велехом свести в нашу хлебню и оттуду в Чудов монастырь в келию, и велели его тамо в бережении держать и каковое его будет исправление, впредь неизвестно. Пожалуй, Государь аще он сие в уме творит оборони от него и чтоб архиерейский чин в поругании не был; аще ли в изумлении от чего–либо, впредь имамы известити. И о сем, благочестивейший Царь, благорассуждение и повелительное смотрительство изволь сотворити»¹⁸⁴. Означенный м. сибирский Игнатий Римский–Корсаков хиротонисан в 1692 г. 3 апр. из архимандритов Моск. Новоспасского монастыря. Это «был, – по словам проф. И. М. Покровского, – образованный и ревностный архипастырь своего времени и в Сибири надорвал последния силы»¹⁸⁵. В 1699 г. митр. Игнатий прибыл в Москву – по вызову патриарха или царя (по делу о бесчинии его властей), или по собственному желанию, – неизвестно; во всяком случае пребывание его в Москве не было почетным и приятным, иначе оно не привело бы его к такой резкой выходке против патриарха и его собора¹⁸⁶. Митр. Игнатий, – нервная, горячая личность, не выдержал, быть может, недоброжелательного отношения к себе царя за Сибирские дела¹⁸⁷, или вследствие неуспеха его поисков перейти из Сибири в Россию – впал в острое помешательство «от бессонницы великой» «яко ли мало сна приемлет и пищу едва яст, или от чего иного, повредился в уме», – доносил патр. Адриан царю Петру от 7 апр. 1700 г. Дальнейшая судьба митр. Игнатия такая: на кафедру он уже не возвратился, жил в Симоновском Московском монастыре, где и скончался 13 мая 1701 года. Неистовые слова, оскорбления, злословия в лицо патриарху нанесенные митр. Сибирским, впавшим под конец в безумие, конечно не могут иметь того значения, какое они имели бы если бы их произносил человек «целым умом». Однако нельзя их оставить вовсе без внимания. У митр. Игнатия образовалось одно предметное помешательство бичевания

освященного собора, во главе с патриархом Адрианом. Какие непристойности и нелепости говорил митр. Игнатий, какими бесчестными словами поносил он патриарха и собор, неизвестно, так как патр. Адриан не счел возможным их передать Петру I, заметив, «что нелепицы не токмо писати, но говорити не подобает». Сущность протеста м. Игнатия след. неизвестна, но характерны слова Игнатия, приводимые самим патриархом, – «что слушать (патриарха) он (Игнатий) не хочет ни в чем и что он никого не слушает». И здесь мы в безумных речах митрополита встречаем ту же потерю патриархом авторитета, что и в «голосе народном», и в фанатических выкриках диакона–отступника. О том, что патр. Адриан не пользовался искренним уважением со стороны царя и встречал у него не поддержку, а только замечания и выговоры, достаточно было отмечено выше.

Глава IV. Отношение п. Адриана к юго-западной Русской церкви

Краткий очерк дела подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату

За четыре года до вступления на патриаршую кафедру. Адриана в истории юго–западной русской церкви произошло крупное по своим последствиям событие. Киевская митрополия была подчинена Московскому патриархату. С этого времени русские первосвятители снова начали иметь на дела юго–западной русской церкви то огромное влияние, которое на два с лишком века (с 1459–1686 г.) прервано было насилием польских и литовских государей, желавших поставить юго–западную Русь в независимое во всех отношениях от Москвы положение. Больших усилий, много таланта и энергии, дипломатических уловок и денежных средств пришлось пустить в ход московскому правительству, чтобы стало это великое дело. П. Иоаким был во главе устроителей подчинения Киева Москве в церковном отношении. П. Адриан явился только продолжателем работы своего предшественника. Это особенно ярко отражается в самих документах по делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату¹⁸⁸. П. Иоакиму пришлось побороть много препятствий. Друзей Москвы среди привилегированных малороссов было немного. Лишь простой народ да низшее духовенство тянуло к православной Москве, чтобы не быть в кабале у ополчившихся панов – католиков и жидов – их кредиторов. Высшее малороссийское духовенство, войсковая старшина, словом, все влиятельные элементы юго–западной Руси, а также польские и турецкие государи, по политическим соображениям, были в рядах противников церковного подчинения Киевской области Москве, несмотря на то, что политически Киев уже с 1654 года был в подданстве московскому государю. Главная преграда была каноническая: юго–западная церковь находилась в подчинении Константинопольскому патриархату с самого основания русской церкви, тогда как Московская церковь вышла в XV в. из этого подчинения и возвысилась в конце XVI в. до положения патриархата, равного восточным. Константинопольские

патриархи, получавшие доход с Киевской митрополии, конечно не желали своею волею уступать богатую митрополию Московскому патриарху; их поддерживали другие восточные иерархи, напр., «ярливый» Досифей, п. Иерусалимский, один из видных восточных иерархов, к голосу которого прислушивалась вся восточная церковь¹⁸⁹. Дело религиозного подчинения Киева Москве пошло успешнее только с того времени, как гетманом Малороссии сделался выходец из низшего духовенства, сын священника Иван Самойлович, ставший как бы выразителем желаний простого народа. А когда рядом с гетманом начал действовать другой радетель Москвы епископ Луцкий Гедеон, князь Святополк–Четвертинский, на себе испытывший всю горечь польско–католического засилья в юго–западной Руси, московскому правительству нужно было использовать симпатии двух влиятельных малороссов и с помощью их устроить подчинение Киевской митрополии Московскому патриархату. П. Иоаким, действительно, не упустил подходящего момента и, с своей стороны обнаружив много энергии, такта, дипломатических тонкостей, положил главные краеугольные камни на здание одной, общей для всех русских, церкви. Мы в кратких чертах представим историю подчинения юго–западной церкви Московскому патриархату и характер отношений п. Иоакима к представителям малороссийского церковного общества, вслед за подчинением с тем, чтобы рельефнее охарактеризовать деятельность п. Адриана, как продолжателя его работы.

П. Иоаким не гнушался никакими средствами в достижении намеченной им цели. Считая особенно полезными для этого дела Самойловича и Гедеона Четвертинского, он в обращениях с ними высказывал столько благожелательности, участия и доверия, что подавал много надежд тому и другому на укрепление и устройство их служебного положения. Гетман Самойлович не мог, конечно, хладнокровно относиться к вопросу, как настроен к нему п. Иоаким, принимавший видное участие в гражданских делах. благодаря поддержке п. Иоакима Самойлович крепко мог держать в руках гетманскую булаву, несмотря на множество недругов в войсковой старшине. Гедеон

Четвертинский также по влиянию п. Иоакима на малороссийские церковные дела, благодаря его поддержке, вопреки желаниям многих духовных сановников западной Руси, мог получить киевскую кафедру, в то время вакантную. Облагодетельствованные же и поддерживаемые патр. Московским гетман и митрополит должны были сделаться в церковных делах послушными орудиями Московского патриарха. Но тут нужно было придать законные формы подчинению, о чем и постарался патр. Иоаким, воспользовавшийся счастливым стечением обстоятельств. Видя, что в Киеве долгое время нет митрополита, вследствие чего происходят церковные беспорядки, п. Иоаким счел своим нравственным долгом вмешаться в дела юго-западной церкви, хотя, как он сам говорил, «оная Киевская епархия издавна находится в ведении Цареградского патриарха». Чтобы «многонародная Киевская паства без свойственного пастыря от иностранных черезправильников не расторглась», п. Иоаким еще в 1683 г. и в 1684 г. побуждал гетмана Самойловича явить тщание о избрании киевского митрополита¹⁹⁰. Самойлович в ответном письме патр. Иоакиму свидетельствовал о своем «неотъемлемом попечении о святолепном деле митрополияго избрания»¹⁹¹. И патриарх, и гетман, ратуя за церковные интересы Киева, имели и свои личные виды. Патриарх добивался, чтобы вновь избранный митрополит получил жезл из его рук и был верен Москве. Гетман желал видеть в первосвятителе юго-западной церкви своего ставленника и сторонника, чтобы идти с ним рука об руку и тем укрепить свое положение в Малороссии и иметь в нем лишнее связующее звено добрых отношений между собою и московским правительством. Патриарху и гетману нужно было подыскать кандидата в митрополиты, удовлетворяющего таким требованиям. Кандидат нашелся – то был бежавший в 1684 г. из Волыни от насилий папешников, ревнитель православия и за то много пострадавший луцкий епископ Гедеон, князь Святополк-Четвертинский, сразу ставший в дружественные отношения к Самойловичу и п. Иоакиму¹⁹². Гетман и патриарх обласкали Гедеона, видя в нем будущее орудие своих личных целей¹⁹³.

Гетман повел дело избрания киевского митрополита, при наличии подходящего кандидата, очень энергично. В 1685 г. был созван в Киеве собор представителей от гетмана и от малороссийского духовенства для избрания митрополита. Так как на соборе представителей гетмана было много, а представителей духовенства мало (уклонились от участия в соборе Лазарь, архиеп. Черниговский, архимандриты – Черниговский и Новгородсеверский и многие другие, не желавшие подчинения Киевского митрополита Московскому патриарху и в тоже время бессильные противодействовать гетману), то должен был быть избран человек, предназначенный гетманом. На кафедру Киевской митрополии единогласно был избран Гедеон–Четвертинский¹⁹⁴. Епископ Гедеон, также отсутствовавший на соборе, был уведомлен о своем избрании депутацией от собора. Но зная, чья рука и в каких целях выдвинула его кандидатуру, Гедеон при первом же акте избрания своего изъявил желание принять жезл архипастырский не от кого другого, как от московского патриарха, чтобы иметь поддержку в могущественном московском первосвященнике. Для обсуждения ответа Четвертинского был созван в Киеве новый собор, на котором против посвящения Гедеона в Москве протестовал многоученый Варлаам Ясинский. Вместе с Ясинским и другие бывшие на соборе, изложили свой протест в листах, посланных с этого собора к гетману Самойловичу. П. Иоаким чрез своего агента в малороссийской церкви Авраамия, митр. Белгородского¹⁹⁵ также ознакомился с содержанием этих статей, где бывшие на соборе объявляли, что они не имеют права окончательно решить дело о подчинении киевской митрополии московскому патриарху и довольно ясно высказывали, что они очень не желают, чтобы оно устраивалось¹⁹⁶. Гетман и п. Иоаким не были остановлены протестом высшего малороссийского духовенства. На их стороне была сила и выгодные политические международные обстоятельства. Гедеона они считали избранным митрополитом, имеющим ехать для поставления в Москву. Однако гетман, не желая совершенно игнорировать протестующий голос малороссийского духовенства, ходатайствовал пред царями и

патриархом о соблюдена в неприкосновенности, при поставлении киевского митрополита в Москве и подчинении малороссийской церкви московскому патриарху, прав и привилегий Киевской кафедры: 1) невмешательства патриарха в суды киевского митрополита; 2) независимости от него типографии и школ; 3) избрания митрополита вольными голосами по прежнему обычаю; 4) ношения митрополитом митры с крестом и предношения ему креста; 5) утверждения за митрополичьей кафедрой всех ее прежних владений; кроме этого Самойлович 6) просил для киевского митрополита титул «Екзарха Константинопольского трона» и 7) чтобы «все иные древние сей митрополии чины и обыкновения сохранены были, паче же епископии, архимандрии, игуменства, монастыри и церкви, которые и прежде к послушанию митрополита Киевского належали, те все и ныне повиновались, как нынешнему новоизбранному, так и по нем последующим митрополитам»¹⁹⁷. Новоизбранный же митрополит не выговаривал себе льгот и привилегий у царей и патриарха. Уведомляя их одновременно с гетманом о своем избрании, Гедеон представлял свою судьбу в полное распоряжение московского правительства¹⁹⁸. Государи, в виду их малолетства и неопытности в таком деле, передали последнее в руки п. Иоакима. Иоаким, как тонкий политик, желая доказать свое право на Киевскую митрополию и вообще уместность вмешательства в дела юго-западной церкви, и тем дать отповедь своим противникам в нелюбимом им высшем малороссийском духовенстве составил выписку из летописцев. Здесь патриарх сгруппировал известные исторические факты, что киевские митрополиты, покинув Киев и живя сначала во Владимире, а затем в Москве, правили всею Русскою церковью безраздельно, посылая в Киев своих наместников. В Киеве, хотя и избран был, впоследствии, особый митрополит, но не по каноническим правилам, а по настоянию литовского князя Витовта; при том отдельные киевские митрополиты были или ушатами, или склонными к унии (таким образом, как бы недостойными носить такой высокий титул, одинаковый с московскими митрополитами). Когда же учреждено было московское патриаршество, – на соборе святейших патриархов

восточной церкви было повелено всем российским архиереям повиноваться московскому патриарху. Такая фактическая аргументация патр. Иоакима служила предпосылкой заявлению его в письме к гетману и Гедеону, что он согласен с возведением в киевские митрополиты Гедеона и посвятит его в Москве, почему и приглашал Четвертинского ехать к нему за посвящением¹⁹⁹. Но, замечательно, в письмах своих епископу Гедеону и Гетману патриарх Иоаким ни одним словом не обмолвился о сохранении привилегий киевской митрополии. Патриарх, умалчивая об этом, развязал себе руки для дальнейших своих действий по отношению к подчинению Киева Москве.

Совсем иначе была составлена царская грамота. В ней утверждалось, что права и привилегии южно-русской церкви после присоединения к Московскому патриархату, согласно ходатайству гетмана, не будут нарушены. Только одна просьба гетмана, очевидного настоянию Иоакима, не была уважена, чтобы киевский митрополит назывался екзархом Константинопольского патриархата. Так хитро было обставлено формально дело подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату. Цари обещали киевскому митрополиту много прав и привилегий, патриарх обходил данный вопрос молчанием. Не рука ли п. Иоакима заправляла всем ходом дела: через грамоту царей московских заманивала высшего предстоятеля малороссийской церкви, а своим патриаршим посланием намечала совершенно противоположный характер отношений к присоединявшейся митрополии. В Малороссии положились на царскую грамоту, и дело религиозного подчинения Киева Москве состоялось, 24 окт. 1685 года Гедеон Четвертинский со свитой прибыл в Москву, где ему был устроен щедрый прием, и дано богатое содержание²⁰⁰. 8 ноября состоялось торжественное возведение патриархом Иоакимом епископа Гедеона в сан Киевского митрополита, после того как он произнес архиерейскую присягу и дал обещание во всем повиноваться Московскому патриарху²⁰¹. Цари и патриарх вслед за посвящением киевского митрополита дали ему утвердительные грамоты; причем цари утверждали

все обещанные пригласительной грамотой права и привилегии, а сами, патриарх, от кого собственно, и зависело соблюдение этих обещаний, снова обходил их молчанием и даже старался поставить киевского Митрополита в одинаковое положение с другими русскими митрополитами²⁰².

Поставление п. Иоакимом Гедеоном в Москве в киевские митрополиты и подчинение Киевской митрополии Московскому патриархату, еще заранее опротестованное духовным собором малороссийской церкви, как не каноничное, могло оказаться висячим на воздухе и повести к церковным беспорядкам в юго-западной Руси в том случае, если бы выступил на защиту своих прав константинопольский патриарх. Недаром участники протестовавшего малороссийского собора одним из главных препятствий исполнить волю гетмана и великих государей выставляли свою многовековую каноническую зависимость от константинопольского патриарха и дипломатично в статье 3 становились за спину последнего, предоставляя Москве считаться с Константинополем. Они с иронической покорностью говорили (надеясь, что константинопольский патриарх не пожелает упустить из своих рук доходную Киевскую митрополию): «Тако на тот час без сумнения отлучимся от константинопольского исконного отца своего, когда очима нашими обачим (увидим) и ушима услышим цессию (уступку) цареградского патриарха московскому; а теперь нем будет выправленная цессия, боемся оторватися от исконного отца своего, патриарха царегородского, быхмо не подпали клятве»²⁰³. Прежде всего почувствовали шаткость этого дела новопоставленный митрополит Гедeon и гетман Самойлович, боявшиеся проклятия константинопольского патриарха, без ведома и благословения которого совершилось подчинение киевской митрополии, вопреки малороссийскому духовному собору. Московское правительство с своей стороны также находило нужным завершить дело подчинения киевской митрополии не в Киеве, где противники подчинения заметно стушевались, уступив силе гетмана и великих государей, а в Константинополе. Выгодная для Московского государства внешне-политическая атмосфера, когда Турция, со всех сторон

угрожаемая врагами (Австрией, Польшей и Россией), желала перетянуть на свою сторону Москву и всячески угодить русскому правительству, смуты на патриаршей константинопольской кафедре, когда патриархи быстро сменялись один за другим по капризу визирей и, как случайные носители высокого сана, радели больше о своей голове и кармане, чем об интересах всего патриархата; денежные подарки, щедро обещаемые московскими агентами за услуги Москве восточных патриархов, – все это в результате своем дало то, что патр. Константинопольский Дионисий, по воле визиря, за царское жалованье в 200 зол. и трех сороков соболей, выдал, с согласия собора из 19 епископов, московскому послу Алексееву все нужные по киевскому делу бумаги. Это были грамоты и письма, коими киевская митрополия с этого времени (с мая–июня 1686 года) формально уступалась Московскому патриарху, а всей малороссийской пастве предписывалось признавать ставленника патр. Иоакима, Гедеона Четвертинского, законным Киевским митрополитом и разрешалось других киевских митрополитов ставить в Москве²⁰⁴. Московское правительство, достигнув цели в Константинополе, скоро перестало сочувствовать всем тем, кто так или иначе способствовал успешному завершению фактического и формального подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату. Почувствовали это прежде всего константинопольские участники. Турецкое правительство, содействовавшее религиозному подчинению Киева Москве, вскоре увидело в рядах враждебных Турции войск и русские полки, а патр. Дионисий, низложенный турками за уступку Киевской митрополии московскому патриарху²⁰⁵ получил от патр. Иоакима малоутешительное письмо²⁰⁶. Еще более испытали крепкую руку Московского правительства и архипастырский жезл Киевские радетели церковного подчинения Москве. Московская централизация мощным потоком захватывала окраинные течения в одно русло, подавляя всякое стремление к центробежному движению. Киевский митрополит Гедеон и гетман Самойлович недолго находились в фаворе у московского правительства. За подчинение Киевской митрополии Москве

гетман и митрополит на первых порах получили огромные выгоды. Гетман пользовался неограниченной властью в Малороссии, благодаря поддержке Московского правительства, несмотря на доносы в Москву своих недругов, а митрополит Гедеон, покровительствуемый всемогущим гетманом (с которым он породнился) и патр. Иоакимом властвовал над всем юго-западным православным духовенством, так как не только противники его возведения на митрополичью кафедру (Черниговский архиепископ Лазарь Баранович и архим. Киево-Печерской Лавры Варлаам Ясинский) особой грамотой великих государей были формально подчинены Четвертинскому, а благодаря воле гетмана и на деле должны были беспрекословно ему подчиняться, но и зарубежные православные епископы, находившиеся во власти Польши, в силу политического влияния Москвы на польские дела, признавали над собою власть Киевского митрополита²⁰⁷.

Так было до первой шаткости (может быть больше воображаемой) гетмана по отношению к московскому правительству. После своего неудачного похода на Турцию в 1689г., князь Голицын указал главную причину неудачи в злостной измене Самойловича. Гетман был низложен, а на его место избран Иван Мазепа. Падение Самойловича повлекло унижение и его ставленника и родственника митр. Гедеона, не находившего теперь защиты у московского патриарха Иоакима. Недруги Четвертинского: Лазарь Баранович, Варлаам Ясинский, епископ Львовский Иосиф Шумлянский и другие подняли головы, не хотели уже подчиняться ему и все в 1688–1689 годах писали в Москву жалобы на произвол Киевского митрополита и в заключение просили, всякий в своих личных интересах: Баранович, чтобы Черниговская архиепископия была непосредственно под благословением святейшего патриарха московского наравне с прочими велико-российскими архиереями, а архиереи черниговские поставлялись не в Киеве, а в Москве²⁰⁸; Варлаам Ясинский просил, чтобы Киево-Печерская Лавра освобождена была от надзора Киевского митрополита и обращена в ставропигию московского патриарха²⁰⁹; Иосиф Шумлянский от лица епископов Луцкого,

Перемышльского и Белгородского просил патр. Иоакима, чтобы он «от послушания к князю и митрополиту (Четвертинскому) их уволил, но сам их благословил и руку помощи подавал на всяк час»²¹⁰. Жалобы означенных лиц были приятны патр. Иоакиму, так как просители давали ему возможность осуществить заветную мечту подчинить юго–западную русскую церковь московскому патриархату без всяких льгот и сделать всех юго–западных архиереев своими послушными детьми, не выходящими из воли отца. Исполнить желания просителей и тем нанести явный удар привилегированному положению в русской церкви киевского митрополита и сравнять его с прочими митрополитами патр. Иоаким мог с полным спокойствием и сознанием своего права, так как при самом поставлении Четвертинского в своей грамоте он, ведь, не обещал, что привилегии Киевского митрополита будут сохранены ненарушимо. Не находя противодействия в новом гетмане Мазепе, патр. Иоаким удовлетворил просьбы Барановича и Ясинского. Иоаким охотно забыл не сочувствие Барановича и Ясинского подчинению Киевской митрополии московскому патриарху и легко вспомнил, что черниговская епископия грамотой святейших патриархов – Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, Иоасафа Московского и всея России в 176 (1668) г. превращена в архиепископию, а посему может находиться, по каноническим правилам, в подчинении не митрополиту, а патриарху, в данном случае, московскому. А так как Гедеон мог сослаться на грамоту царей 1685 г., по которой – епископии, архимандрии, игуменства, братства, монастыри, церкви, прежде находившиеся в послушании митрополии Киевской – и после подчинения киевского митрополита московскому патриарху – должны быть послушны, по прежнему, киевскому митрополиту²¹¹, – то составлена была от имени царей новая грамота, в которой заявлялось, что «то (прежняя грамота) препятием быти не имеет, понеже тогда он преосвященный архиепископ Лазарь челобитья своего нам великим государям не принес, и святейшему патриарху благословенные грамоты не объявил, да и правилу святых то, по вышеобъявленному изображению, противно». Грамотой

царей архиепископу Лазарю даже давались в обладание спорные между Киевской и Черниговской кафедрами три протопопии (Глуховская, Конотопская и Борзенская)²¹². Посланные же из Киево–Печерской Лавры были также приняты в Москве милостиво, щедро одарены и получили грамоты царей и патриарха на превращение лавры в ставропигию московского патриарха, при полной независимости от киевского митрополита, на том основании, что лавра раньше была ставропигией константинопольского патриарха²¹³. Еще раньше патр. Иоаким признал патриаршей ставропигией родной ему Киево–Межигорский монастырь, также взятый из ведения киевского митрополита²¹⁴. Только просьба западных – православных епископов, присланная Иосифом Шумлянским не была вполне удовлетворена дальновидным моск. патриархом. Власть киевского митрополита над западно–рускими православными епископами была еще необходима, чтобы притянуть эти центробежные свободолюбивые элементы русской церкви. Патр. Иоаким не мог расправляться с ними, как с великорусскими архиереями, раз они находились под властью иностранного государя и всегда могли с бесчестьем отклонить его вмешательство в свои дела. Такт подсказывал ему, что Киевский митрополит, лишенный влияния в русских владениях, постарается наверстать в заграничных православных епархиях, пользуясь симпатиями православного низшего населения. Патриарх, не отталкивая Шумлянского, уговаривал его «ради любви Божия, приезжать в г. Киев и с митрополитом советоваться в полезное во всем»²¹⁵. Патриарх обходил, след., вопрос о подчинении западных епархий Киевской митрополии и оставлял за собой в будущем полную свободу повернуть дело так или иначе, сообразно с обстоятельствами. В силу патриарших грамот Барановичу, Ясинскому, Межигорскому монастырю и Шумлянскому (считавшему себя с этого времени фактически независимым от киевского митрополита) митр. Гедеон Четвертинский понес огромный моральный и материальный урон, он лишился как прежнего значения во всей южно–русской церкви, так и всех имущественных владений. Только в Киевской области остались у него две деревни, из которых одна

оспаривалась лаврой²¹⁶. В этом же 1688 году патриархом Иоакимом запрещено было митр. Гедеону подписываться «митрополитом всея России»²¹⁷. Словом, в короткое время киевский митрополит низведен был на положение простого митрополита, хотя и первого между прочими русскими митрополитами, подчиненного московскому патриарху, считавшему себя в праве делать запросы, наставления и внушения. В еще более подчиненное положение стали другие духовные сановники, бывшие противники власти московского патриарха над южно-русской церковью – Лазарь Баранович и Варлаам Ясинский, что особенно сказалось в вопросе о хлебопоклоннической ереси, проникшей из юго-зап. Руси в Москву, когда патр. Иоаким делал им запросы, внушения, наставления, даже выговоры, которые принимались малороссийскими духовными властями с покорностью и благодарностью²¹⁸. Таковы установились отношения между южно-русской церковью и московским патриархатом в последние годы патриаршества Иоакима.

В 1690 г. на патриаршей кафедре и митрополичьем киевском столе явились новые лица, между которыми завязался иной характер отношений, выгодно отличающийся от характера отношений между их предшественниками. Мягкость характера, переходящая в слабоволие, нерешительность и нежелание прибегать к крутым мерам, где требовалось, – все это вместе создало совершенно иной тон отношений патр. Адриана к юго-западной русской церкви. С другой стороны, личные высокие качества патр. Адриана покрывали эти недостатки его, как администратора, что в конце приводило к результатам не менее выгодным, чем в патриаршество Иоакима, к тому же покоившимся на более прочных основаниях – доверия малороссийской церкви к ее могущественной сестре – церкви великороссийской.

Отношение патр. Адриана к митр. Варлааму Ясинскому

Выразителями наладившихся добрых отношений между Москвою и Киевом были главным образом их предстоятели патр. Адриан и митр. Варлаам Ясинский, получивший свой высокий сан, после избрания в митрополиты, по обычаю малороссийской церкви, из рук московского первосвященника в 1690 г.²¹⁹ Каким глубоким и искренним чувством любви исполнен был Варлаам к патр. Адриану, мы видим из его писем к «отцу отцев». Сами эпитеты и выражения преданности, щедро рассыпанные митрополитом, говорят, что здесь было во всяком случае больше, чем простые этикетные обращения. Кроме симпатии к патр. Адриану, думается, митр. Варлаамом, конечно, могли руководить и соображения выгоды–пользы от добрых отношений с московским первосвященником. Варлаам Ясинский в письмах то извещает подробно о своем вступлении на киевскую кафедру, то ходатайствует о возобновлении на царское иждивение храма в честь трех святителей²²⁰, то ратует за процветание Киево–Братского училища, посылая в Москву его учителей, чтобы патр. Адриан воочию убедился в благодетельности науки и оказал вспоможение деятелям южно–русского просвещения²²¹; то посвящает патриарха в свои отношения к православным и лютеранам, живущим за границей, отправляя в Москву свою правую в этом деле руку Иоасафа Кроковского (после знаменитого митр. Киевского), чтобы он подробно, как очевидец и деятель рассказал о положении православия в польских владениях²²²; то обращается за советом к Адриану в маловажных вещах, можно ли напр. Допустить четвертый брак сотнику Гуменскому, или назначить бывшего архимандрита Донской обители Никона в архимандриты Ядцяцкого монастыря²²³; то просит у патр. Адриана заступления от наветов своих киевских недругов и т. д.²²⁴ И митр. Варлаам не ошибался в надеждах получить поддержку у патр. Адриана. Патр. Адриан в данном случае не был похож на патр. Иоакима. За преданность и любовь сына

платил до самой своей смерти благосклонностью и доверием отца. Много фактов говорят за это. Так, когда возник спор между митр. Варлаамом и архиепископом Лазарем Барановичем о трех пограничных протопопиях, отданных пред тем царской грамотой Черниговской кафедре, Адриан, ссылаясь на отсутствие документальных доказательств у Барановича, утвердил спорные протопопии за митр. Варлаамом (хотя у последнего доказательств тоже не было); не верил доносам на Ясинского от кого бы они не поступали: от Феодосия ли Углицкого, архимандрита Елецкого, от жителей ли Киева²²⁵. Уважал патр. Адриан и ходатайства митр. Варлаама, в ущерб даже своему престижу в южно-русской церкви, когда напр. дозволил митр. Варлааму поставить в архим. лавры Мелетия Вояхевича²²⁶; содействовал Варлааму в его просьбах к царям об оказании помощи и пожаловании имений и жалования учителям братского училища²²⁷; высказывал благодарность по разным поводам и всячески щадил самолюбие митрополита киевского, избегая вмешиваться во внутренние дела Киевской кафедры, даже когда сами обстоятельства давали к тому повод²²⁸. Нам кажется, бесспорным, что патр. Адриан в деле слияния Киевской митрополии с великорусскими епархиями сделал не меньше, чем его предшественник. Он, по крайней мере, приняв мягкий тон отношений к предстоятелю малороссийской церкви постепенно приручил бывшего противника церковного подчинения Киева Москве и сделал из него проводника Московской церковной власти в южной Руси не за страх, как при Иоакиме, но за совесть.

Дружественный характер отношений между патр. Адрианом и митр. Варлаамом оказал благотворное влияние на многие стороны церковной жизни в самой Киевской митрополии: 1) на улучшение материального положения Киевской кафедры, 2) на упорядочение управления Киевской паствой и урегулирование богослужения и нравственной жизни по христианским началам; 3) на возвышение авторитета киевского митрополита не только в глазах высшего духовенства присоединенного к Москве юго-западного русского края, но и в глазах православных, находившихся в польских владениях, а в связи с этим на

защиту православия на западе Руси от нападков католиков и лютеран, и в 4) на поднятие просвещения в Киевской Руси. Выше было отмечено, что митр. Гедеон грамотами царей и патриарха Иоакима лишен был почти всех владений, приписанных ранее к Киевской кафедре и некоторых доходных статей, как напр. монастырей. При митр. Варлааме материальное положение кафедры значительно улучшилось. К Киевской епархии, как упоминалось выше, патр. Адрианом были присоединены три протопопии, отобранные от Черниговской кафедры, а грамотой царей митр. Варлааму был пожалован Киевский Выдубецкий монастырь «до нищетного и многими леты без настоящего пастыря в конец разоренного киевского митрополитанского костела, яко имети бы – митр. Варлааму – от всяких хлопотов, трудных дел архиерейских малое некое тамо упокоение»²²⁹. Митрополит очевидно пользовался в больших размерах средствами этого монастыря для целей своей кафедры, чем вызвал сильное движение братии монастыря и доклад от ее имени бывшего игумена Выдубецкого монастыря, а в это время архимандрита Елецкого Черниговского монастыря, Феодосия Углицкого в Москву царям и патриарху²³⁰. Благодаря благосклонности патр. Адриана к митр. Варлааму, обратившемуся к заступничеству патр. Адриана, доклад Феодосия и возмущенной братии Выдубецкого монастыря не имел дурных последствий для Киевской митрополии. Архимандриту Феодосию Углицкому сделан был патриархом суровый выговор за вмешательство в дела монастыря чужой епархии и приказано испросить у митр. Варлаама прощение²³¹. Выдубецкий монастырь остался на тех же основаниях у киевского митрополита. Эти два факта достаточно говорят, что, благодаря покровительству патр. Адриана, кафедра киевского митрополита стала материально оправляться и давать средства Варлааму Ясинскому на приведение епархии в порядок.

Церковное управление в Киевской митрополии упорядочилось в означенный период, благодаря согласованности действий киевского митрополита с предписаниями патр. Адриана. Адриан, как патр. Московский, коему перешло верховное наблюдение за малороссийской

церковью, должен был иметь неослабное попечение о малороссийской церкви, и потому, частью побуждаемый посланиями восточных иерархов, напр. патр. Досифея, частью вызываемый на то просьбами о руководстве и поддержке, поступавшими от самого митр. Варлаама – отечески призывал и пастырски радел (по словам Ясинского) о юго–западной церкви, заботясь, чтобы в ней совершалось все по чину и благообразно. Характерны в этом отношении два письма патр. Адриана митр. Варлааму: – одно с различными наставлениями, касающимися управления митрополией (в январе 1694 г.), другое (в дек. 1694 г.) содержащее внушение наблюдать за странствующими в Малороссии греческими архиереями. Из наставлений, преподанных патр. Адрианом митр. Варлааму одни относятся к разряду общих мер управления паствой Киевской митрополии, другие касаются специально урегулирования отношений киевского митрополита к зарубежным православным в Литве и Белоруссии и защите их от притеснений инославного правительства. Утверждая протопопы в прежних пределах – одни за Киевской кафедрой, другие за Черниговской, патр. Адриан определяет, чтобы жители церковных владений в духовных делах были подсудны архиерею своей епархии, а священники и причетники также не покидали своей определенной епархии. Тоже определялось и относительно монахов, которые должны жить в монастырях, где кто постригся, и без благословной причины не бежать в иные епархии и там без свидетельства властей монастырских не должны ставиться иноепархиальным архиереем в диаконы и пресвитеры. В противном случае, принявший посвящение и посвятивший бегуна должны быть наказаны согласно с канонами. Живущие в монастырях старцы, если кто допустит бесчиние и впадет в порок, по суду подлежат ведению архиерея²³². Заботясь о народной нравственности и отмечая факт стремления некоторых христиан вступать в четвертый брак, патр. Адриан предписывает митр. Варлааму запретить четвертый брак, как «скверну беззакония, проклятую соборными правилами»²³³. Не пожелал патр. внести соблазн в церковь представлением отставленному за какие–то проступки архим. Никону, жившему

на покое в Киево–Печерской Лавре, быть в какой–либо обители снова архимандритом, согласно просьбе митр. Варлаама. «И священствовати, – писал Адриан, – убо ему, в том сущему виновну, не подобает. Бог сам совесть смотрит, человецы же делам судители и в делах свидетели, при чесом утвердятся должно и судити праведно»²³⁴.

Наставления, имеющие предметом своим зарубежных православных христиан, являются ответом патр. Адриана на сообщения митр. Варлаама о положении православных за рубежом, в польских владениях, с просьбой содействия и руководства. Нельзя не упомянуть, что патр. Адриана побуждал обратить внимание на положение православных в Польше еще в 1691 г. Иерусалимский патр. Досифей. Указывая на пример панежских монахов, которые с проповедью обходили весь мир, патр. Досифей рекомендовал дело апостольства русским монахам, живущим в ослабе, и сетовал, что «православные в Польше страдают, а русские пастыри, как Иона на корабле, храпят»²³⁵. Состояние православия в польских владениях в письмах митр. Варлаама рисуется в таких красках. В Вильно среди православных происходили разногласия и любопрения о церковных делах. Сами православные чинили препятствия находящимся в Литве людям духовного сословия восточного благочестия сноситься по церковным делам с киевским святителем, который по канонам и распоряжению московского патриарха должен был их ведать. Вообще же православные духовные и миряне, жившие в польских владениях, вопреки договору «вечного мира», не оказывали никакого повиновения киевскому митрополиту, заблуждались в вере и уклонялись к Риму. К тому же противники православия, несмотря на (статью договора вечного мира) – «никакого утеснения в вере и принуждения к унии православным не творить», – очень притесняли православных и с насилием склоняли некоторые монастыри и церкви к римскому отступничеству, как на то жаловались благочестивые люди, со слезами моля о помощи. Печальное состояние православия в зарубежных русских областях несколько скрашивалось, в донесении киевского митрополита, одним явлением, отрадным для православной

церкви – это стремлением некоторых лютеран перейти в православие. Так, в 1693 г. митр. Варлааму было прислано письмо Эрнеста Грабя, магистра филологии, о том, что он Грабя и некоторые другие лютеране, живущие в польских владениях, желают принять православие²³⁶.

Митр. Варлаам с своей стороны принимал некоторые меры к поднятию и поддержанию православия в Литве. По просьбе виленского братства он отправил игумена пустынно-николаевского, в Киеве, монастыря Иоасафа Кроковского, учнейшего богослова своего времени. Кроковский, познакомившись на месте с положением православия в Литве и Польше, умиротворил несогласия в Виленском братстве, а своею проповедническою деятельностью произвел в Литве такое сильное впечатление, что к православию обратили взоры даже лютеране, которые через Иоасафа и направили письмо Грабя к митрополиту с просьбой прислать учителей из духовных лиц для утверждения в православной вере, после отречения их от лютеранской ереси. Когда же Иоасаф Кроковский возвратился из Литвы в Киев и выяснил митр. нужды православных зарубежья, то митрополит Варлаам послал его самого, при первом удобном случае, в Москву с ходатайством, чтобы цари и патриарх выслушали Кроковского, как очевидца, и приняли должные меры к поднятию и поддержанию православия в западном крае²³⁷. – Патриарх не замедлил ответить Ясинскому. Благодаря митр. Варлаама за деятельность посланного им в Литву Иоасафа Кроковского, Адриан обещал содействовать изданию царских указов по затронутым в письме Ясинского и лично Кроковским вопросам – с целью ограждения православия от католиков и ренегатов православия. Что касается посвящения православного духовенства для зарубежных областей, то патриарх, отменяя существовавшую прежде практику, когда, за отсутствием архиерея в Киеве, священники ставились в Смоленской и других епархиях, – утверждал определенный порядок, по которому митрополит киевский, как тамошний их пастырь, по благословению патр. Адриана, должен назирать, управлять и смирять зарубежных православных²³⁸. Заботы митр. Варлаама о православных в

польских владениях и отзывчивость патр. Адриана много способствовали тому, что, если православие здесь и не приобрело, как можно было надеяться, принимая во внимание письмо Грабя, новых адептов, за то было поддержано, укреплено. Православное население, сохраняя свою веру – среди католиков и лютеран, инстинктивно тянуло к Москве. Находясь во власти Польши, оно не было увлечено польской культурой и, когда в следующем веке настал конец Посполитой Речи и возвысилось русское государство, – слилось, как единое, в общий широкий поток православной Российской великой державы.

Упорядочение епархиального управления в Киевской митрополии повело за собою важную меру московского патриарха по отношению к странствующим в Малороссии греческим архиереям. Патр. Адриан слышал о греческих и сербских архиереях, неизвестно откуда прибывших и без всякого запрещения малороссийской духовной власти поставлявших в Малороссию по городам и селам священников и диаконов²³⁹, и видел последствия такого явления не только для малороссийской церкви, но и для Великороссии. Так, в 1694 г. в месяце ноябре к патриарху заявился некто. Феодор Феодоров, сын торопецкого священника из Нежина, называвший себя тоже священником, и просил себе священнического места. Когда его спросили, кем и в какую церковь он посвящен, Феодоров ответил, что будто бы посвятил его во священники в Нежине патриарх архидонский Мелетий, по приказанию митр. Варлаама, в праздность, т. е. ни к какому определенному храму, и что благословенной грамоты он не получил, так как и другим ставленникам эти архиереи письменного свидетельства не дают, самовольно служа везде, ни от кого не получая запрещения и именуясь разными громкими титулами подобно Мелетию, называвшему себя архидонским патриархом. Основываясь на вышеупомянутом показании Федорова, патр. Адриан предписывал в 1694 г. обратить внимание на странствующих архиереев и принять по отношению к ним следующие меры: а) запретить странствующим по малороссийским городам архиереям служение в церквях, с

поставлением в священные степени; б) воспретить возглашение в молитвах и на ектениях имен таких архиереев, с их громкими титулами; в) назначить им местожительство в монастырях, чтобы не скитались праздно по мирским домам и тем не унижали сан архиерея в глазах необразованных людей; г) воспретить и вновь приезжающим совершать богослужение без благословения и свидетельства московского патриарха²⁴⁰. Давая такие распоряжения митр. Варлааму, патр. Адриан просил особым письмом содействия церковной власти и приведения в исполнение означенных мер – у гетмана Мазепы.²⁴¹ Митр. Варлаам в своем ответе на запросы патр. Адриана старался представить дело о странствующих архиереях в ином виде и доказать, что показания Федорова не соответствуют истине. Так, а) Мелетий Архидонский сам подписывался «Мелетиос архиепископос», другие же называли его патриархом на основании древнего титула архидонских архиереев, сохранившегося на иконе, принадлежавшей архидонскому святителю Симеону и находящейся в лавре; б) в Малороссии приняты и живут в почете только те странствующие архиереи, которые или направляются в Москву или возвращаются из нее; в) странствующие архиереи действительно ставят на священные степени, но не самовольно, а по просьбе епархиальных архиереев, напр. Лазаря, архиеп. Черниговского; г) в Малороссии нет ни одного священнослужителя, который бы при своем посвящении не получил ставленной грамоты от посвящавшего его архиерея и при этом к определенному храму. Словом, беспорядков, отмеченных патр. Адрианом, в Малороссии нет. Служение же странствующих архиереев вызывается престарелостью епархиальных архиереев (Лазаря и Варлаама). В заключении отповеди митр. Варлаам просил патр. Адриана разрешить ему восстановление Переяславской кафедры с поставлением на нее викарного епископа, помощника митр. Киевскому, чтобы не прибегать к помощи странствующих греческих и сербских архиереев. Митр. Варлаам намечал даже и кандидата в переяславские епископы – известного патр. Адриану Иоасафа Кроковского, незадолго пред тем назначенного в ректора

киевского братского училища²⁴². Просьба митр. Варлаама о поставлении на переяславскую кафедру через месяц, в марте 1695 г., поддержана была гетманом Мазепой в его письме к патр. Адриану²⁴³. Патр. Адриан ответил на такие просьбы в мае 1695 г. очень уклончиво, обставляя дело восстановления переяславской кафедры условиями, обеспечивавшими как мир церковный в Киевской епархии между архиереями, так и свое патриаршее влияние на церковное управление в митрополии. Патр. Адриан в своем послании сначала выражает полное желание «такового события» и сообщает о согласии на то великих государей, но далее выставляет следующие требования: а) чтобы поставление епископа было совершено не одним митрополитом в Киеве, а четырьмя или тремя архиереями; б) чтобы было определено заранее местопребывание переяславского епископа и содержание кафедры; патриарх задавал при этом вопрос, можно ли жить епископу в намеченном митр. Варлаамом Николаевском монастыре, если не будет челобитья о том монастырской братии; в) чтобы наперед было выяснено, пожелает ли кто именоваться епископом переяславским, а городом не владеть, и как будет обстоять дело в будущем? Ссылаясь на то, что обо всем этом ему, патриарху, не писано, Адриан требует, чтобы г) митр. Варлаам держал совет с духовными и мирскими людьми и с гетманом Мазепой по данному делу и избранного кандидата во епископы для посвящения послал в Москву так как здесь имеется каноническое для поставления во епископа число архиереев, а главное в Москве удобнее дать патриаршую грамоту на возобновление Переяславской кафедры, как викариатства, без права на особое существование²⁴⁴. По исследованию Аскоченского, дело восстановления переяславской кафедры и поставления Иоасафа Кроковского не удалось. Кроковский, хотя и вызван был государями в Москву, но патр. Адриан под разными предлогами отклонил посвящение Иоасафа во епископы, так как царя Петра I в это время не было в Москве, по случаю сначала азовского похода, а потом путешествия за границу. Кроковский ни с чем возвратился домой²⁴⁵. Дело о восстановлении Переяславской кафедры было

вторично поднято митр. Варлаамом в январе 1700 г., когда им было послано в Москву ходатайство пред патр. Адрианом об учреждении Переяславской кафедры с назначением в епископы одного из двух отправленных им игуменов: иеромонаха Стефана Яворского и иеромонаха Захарию Корниловича.²⁴⁶ Патр. Адриан на новое ходатайство киевского митрополита ответил, как и в первый раз, согласием, но вместо того, чтобы поставить одного из присланных кандидатов, снова требовал у Варлаама «совета в избрании достойного мужа на кафедре с гетманом Мазепой». Из намеченных Варлаамом кандидатов – Стефан Яворский, как сообщал вскоре митр. Варлааму сам патр. Адриан, был, по заказу царя, оставлен в Москве на служение церковное и 7-го апреля 1700 г. посвящен в рязанские митрополиты²⁴⁷, о Захарии же Корниловиче патриарх не обмолвился ни одним словом. Очевидно восстановление Переяславской кафедры было не по сердцу патр. Адриану. Так оно и не состоялось при нем. Уже в 1701 г. в переяславские епископы был рукоположен местоблюстителем патр. престола Стефаном Яворским Захария Корнилович²⁴⁸.

Из представленного очерка отношений патр. Адриана к Варлааму Ясинскому можно видеть, что патр. Адриан, не проявляя своей инициативы во всех вопросах, возникших по поводу состояния Киевской митрополии, большею частью ограничивался общими мероприятиями, продиктованными ему или канонами церковными, или внушением восточных иерархов (напр. Досифея Иерусалимского) и самого митр. Варлаама. Там же, где требовалось его собственное самостоятельное действие, как напр. в поставлении викария митр. Варлааму, – обнаружил нерешительность и откладывание дела в долгий ящик, вместо прямого отказа.

Отношение патр. Адриана к Киево–Печерской Лавре

Киево–Печерский монастырь, сделавшийся при патр. Иоакиме ставропигией московского патриарха и первой архимандрией русского патриархата, требовал особых попечений патр. Адриана. В 1690 г. в междупатриаршество после смерти патр. Иоакима до избрания нового патриарха архимандрит лавры Варлаам Ясинский по царскому указу был избран Киевской паствой в киевские митрополиты. Соборная и общая братия с наместником лавры иеромонахом Паисием отправила в Москву к собору митрополитов, архиепископов и епископов, созванному по случаю избрания нового патриарха, послание с просьбой ходатайствовать, пред царями о дозволении братиям Лавре избрать преемника Ясинскому²⁴⁹. Царями разрешение было дано, и в архимандриты был избран Лаврою, посланный гетманом Мазепою для совета и надзора за порядком при избрании, войсковой генеральный судья Михаил Вуяхевич (Вояхевич), мирянин и старик, несмотря на то, что у братии были более достойные кандидаты: наместник Лавры Паисий, архим. Черниговского монастыря Феодосий Углицкий и пустынно Николаевский игумен Иоасаф Кроковский²⁵⁰. Дело об избранном в архимандриты Вояхевиче было направлено уже к патр. Адриану, который письмом Мазепе, хотя и выразил свое неудовольствие на такое избрание братии Лавры, но тактично примирялся с фактом и требовал, чтобы Михаил Вояхевич был пострижен в монахи и по временном послушании, испытанный церковными правилами, был посвящен митр. Варлаамом во иеромонахи, а во архимандриты ехал поставляться в Москву к патриарху²⁵¹. Таким образом патриарх, уступив Лавре в том, что признавал избранного в архимандриты Вояхевича, старика и светского человека, вместе с тем старался утвердить налаженный патр. Иоакимом новый характер зависимых отношений Лавры к патр. московскому, как его ставропигии, требуя, чтобы архимандрит Лавры получал архимандричий жезл из рук московского патриарха. Такое требование патр. Адриана, ясно свидетельствовавшее водворение нового порядка

отношений патриарха к независимому фактически знаменитому монастырю было неприятно братии Лавры. Когда истекло время искуса Вояхевича, длившегося около девяти месяцев, братия уклонилась исполнить волю патр. Адриана и смиренно в письме от сентября 1691 г. просила у патриарха дозволения принять Вояхевичу посвящение в Киево–Печерские архимандриты не в Москве, а в Киеве²⁵². Вояхевич особым письмом просил патриарха о том же²⁵³. Митр. Варлаам с своей стороны также поддержал ходатайство братии и Вояхевича²⁵⁴. Патр. Адриан и на этот раз уступил «по совету, – как писал в Киев, – и благоволению их царского величества государей царей, ради просьбы, трудности пути, плохой погоды, старости Вояхевича», но на будущее время решительно устанавливал новый порядок, замечая, что впредь никто не будет признан архимандритом, если не явится за поставлением к московскому патриарху. А чтобы и Вояхевич чувствовал свою зависимость от московского патриарха, Адриан все еще требовал личного приезда Вояхевича, по поставлении в архимандриты митр. Варлаамом, в Москву за благословением и получением от патриарха ставленной грамоты²⁵⁵. Девятого декабря 1691 г. Вояхевич был возведен митр. Варлаамом в сан архимандрита²⁵⁶. Оставалось получить от патр. Адриана утвердительную грамоту на архимандрию. Нужно было, согласно требованию патриарха, ехать в Москву самому новопоставленному архим. Мелетию. Но Мелетий опять уклонился от личного посещения московского патриарха. Целый год промедлив, Мелетий в январе 1693 г. пишет патр. Адриану письмо с уведомлением о том, что он, архимандрит, не имея возможности, за старческой немощью лично явиться к патриарху в Москву, посылает вместо себя братий монастыря (иеромонахов – Иоанна Максимовича и Антония) с просьбой прислать ему с ними утвердительную грамоту на звание архимандрита Киево–Печерской Лавры. Просьба была сдобрена выражением своей преданности и послушания патр. Адриану, как главному начальнику ставропигии, украшена всевозможными льстивыми эпитетами, челобитьем и посылкой в дар патриарху Нового Завета «из дома Богородицы»²⁵⁷. Патр. Адриан в виду выражения

Мелетием сыновней покорности простил его за уклонение под благовидными предложениями от приезда в Москву и дал от 20 февраля 1693 г. просимую утвердительную грамоту²⁵⁸. В грамоте характерны следующие места: «...И камо же в епархию иную или страну не подчинятися, и от всероссийского престола патриарша не отставати и не отлучатися ни каковыми вымышлени. А яко в российском царствии первоначальная Киево–Печерская лавра обретается, первый и степень он архимандрит Мелетий во архимандритех российских во всяком чиносидении и служении да имеет... и весь чин да имеет, якоже и прочии zde архимандриты великих обителей: живоначальные Троицы Сергиева монастыря, и Пресвятая Богородицы Рождества Владимирского, и чуда архангела святого Михаила, со всероссийским чудотворцем Алексием, монастырей... Подобаает ему архимандриту... земли, подданные и вотчины со всякими угодьями хранить непорушно и владети теми благоразумно, и о делах приключаящихся в братии и в монастырском устроении, к лучшему с братиею советовать, времени зовущу со всеми, иногда же с соборными точию, чтобы было все в лучшество»²⁵⁹... Патр. Адриан, как мягкий характером и уступчивый опасался сильно настаивать на соблюдении Вояхевичем нового порядка отношений Киево–Печерской Лавры к московскому патриарху, так как дело подчинения малороссы Москве еще не было упрочено, – приходилось с *совета гражданской власти* уступать вольнолюбивым малороссийским сановникам. Но упорство Мелетия, как предстоятеля Лавры, было в этом роде последним явлением. Преемник Мелетия Иоасаф Кроковский, известный лично патр. Адриану и пользовавшийся его благосклонностью, также, как и покровитель его митр. Варлаам, для посвящения в архимандриты ездил лично в Москву и принял сан в Успенском соборе от самого патриарха²⁶⁰. То, что не могли сделать грамоты и указы патриарха к властям южно–русской церкви, достигнуто было мерами личного воздействия патриарха на угодных ему новых ставленников от его патриаршей руки. И митр. Варлаам и Иоасаф Кроковский были проводниками власти московского патриарха в Малороссии не в силу

патриарших указов, а вследствие их личной преданности патр. Адриану²⁶¹, с своей стороны оказывавшему им полное доверие и благосклонность. В указанном случае уступчивость патр. Адриана менее всего может быть истолкована, как его слабохарактерность, – здесь больше был вызываемый необходимостью такт патр. Адриана, налаживавшего добрые отношения между Киевом и Москвой не репрессиями, а снисходительностью, щадившею самолюбие недавно еще свободных, фактически, влиятельных малороссов.

Меньших результатов достиг патр. Адриан в проведении своего влияния на Киево–Печерскую Лавру в другом важном вопросе, по поводу издания лаврской типографией книг. Еще предшественник патр. Адриана патр. Иоаким, особенно недоверчиво относившийся к киевской учености и продуктам ее, сурово осуждал в 1689 г. братию Лавры за издание первой части Четьи Миней св. Дмитрия без его патриаршего благословения²⁶², а когда в Лавре издана была книга «Венец Христов», в предисловии которой было сказано, что она издается с патриаршего благословения, в то время, как он, патриарх, не только не подавал благословения на издание, но напротив наложил запрещение печатать эту книгу, как содержащую неправославные мнения, от патр. Иоакима было потребовано на будущее время присылать в Москву на рассмотрение сочинения прежде, чем они будут напечатаны лаврской типографией²⁶³. Лавра письменно изъявила согласие на распоряжение патр. Иоакима, но такое согласие, как вынужденное, было фиктивным.

Патр. Адриану пришлось отстаивать свои права на контроль над лаврской типографией. Когда в 1692 г. была напечатана в Лавре без ведома патриарха литургия с обозначением в предисловии имени архим. Мелетия без упоминания имени царей и патриарха, Адриан сделал строгое внушение Вояхевичу. «Тако не подобало творити, – писал он архимандриту, – зане еще и сам ты у нас самолично благословения не приял еси, а уже за твоим точию велением книги издаются, еже весьма непристойно и дерзновенно»²⁶⁴. Вояхевич, хотя и оправдывался, но неповиновение его было на лицо, так как он и

после не мог примириться с требованием московского патриарха, убедительно прося патр. Адриана, чтобы он дозволил печатать книги без предварительных с ним сношений, в противном случае Лавра будет терпеть большой материальный ущерб²⁶⁵. Патр. Адриан с небольшими уступками стоял на своем²⁶⁶. Но Лавра не повиновалась. Она лишь по поводу издания продолжения Четвы Миней св. Дмитрия имела сношения с патриархом и то потому только, что для составления этих Миней составителю потребовались Московские Четвы Миней митр. Макария²⁶⁷. Время полного подчинения Киева Москве еще не настало. По смерти патр. Адриана, при местоблюстителе Стефане Яворском Лавра в издании книг стала допускать еще большие вольности, со внесением многих неправославных мнений. Только указом Петра I, круто расправлявшегося с центробежными течениями в разных углах обширного государства, 5 окт. 1720 г. определялось: «Вновь книг никаких, кроме церковных прежних изданий не печатать, а и оные старья книги для совершенного согласия с великороссийскими такимиже церковными книгами справливать, прежде печати, с теми великороссийскими печатями, дабы никакой розни и особого наречия в оных не было, а других никаких книг, ни прежних, ни новых изданий, не объявля об оных в Духовной Коллегии и не взяв в оной позволения, в тех монастырях не печатать, дабы не могло в таких книгах никаких к церкви восточной противностей и с великороссийскою печатью разностей произойти»²⁶⁸. В патриаршество Адриана еще было ощутительно превосходство юго-западной науки над великороссийским начетничеством, почему не могло быть искреннего повиновения юго-западных деятелей просвещения представителю Московской церковной власти, стоявшему, в глазах малороссов, по образованию гораздо ниже киевских схоластов. Петр Великий, как великий государственный, привел все к одному знаменателю, провозгласив новые великороссийские начала государственной и церковной жизни общеобязательными для всех русских, где бы они не жили. Заслуга патр. Адриана все-таки состояла в том, что он признавал важность подчинения Киева Москве и,

если не успел в этом, то причиной послужила малообразованность Москвы сравнительно с Киевом, созданная условиями предшествовавшей исторической жизни.

Отношение патр. Адриана к Киево–Братскому училищу и южно–русским ученым

Стремясь к подчинению Киевской митрополии московскому православию, настаивая на соблюдении типографиями его требований, ограждавших веру православную от привнесения в нее инославных заблуждений, патр. Адриан не был гасителем просвещения в Малороссии. Из отношения патр. Адриана к Киево–братскому училищу можно усмотреть совсем иной взгляд его на юго–западную ученость, отличающийся от взгляда его предшественника патр. Иоакима, не ценившего киевского просвещения и приписывавшего ему появление в юго–западной церкви многих заблуждений в церковной практике и богословии. Патр. Иоаким, как известно, удалил в 1689 г. из Москвы киевских ученых, и как выше было отмечено, потребовал, чтобы все новые произведения прежде печатания отсылались на цензуру в Москву. Патр. Адриан, оставив в силе требование патр. Иоакима, мягче относился к самой киевской учености, больше ценил ее, заботился о поддержании как творческой работы юго–западных писателей, считая ее полезной для всей восточной церкви, так и очагов просвещения, главным образом Киево–братского училища, и их учителей. Патр. Адриан понимал, напр., важность для всей церкви труда св. Дмитрия – Четьи–Миней. Как только вступил на патриарший престол, он счел долгом выразить благодарность смиренному автору житий святых и преподать благословение на дальнейшие труды св. Дмитрия в таких выражениях, называя его братом: «Сам, Бог в Троице животворящей благословен сый во веки воздаст ти, *брате, всяцем благословением* благостынным, написуя ты в книги живота *вечного за твои богоугодны труды в писании, исправлении же и типом* издании книги душеполезныя житий святых на три месяцы»²⁶⁹... Когда же в 1695 г. была напечатана типографией Лавры, составленная Димитрием вторая трехмесячная часть Четьи–Миней (за декабрь, январь и февраль) и послана к патр. Адриану с письмами митр. Варлаама, гетмана Мазепы, архим. Мелетия и самого автора,

закljučающими в себе просьбу как принять этот труд с любовью, так разрешить продажу его желающим и дать благословение на продолжение Четьи–Миней²⁷⁰, патр. Адриан пишет всем ответные благодарственные письма и усердно просит, чтобы были составлены Четьи–Миней и на остальные шесть месяцев²⁷¹. Особенно обращает на себя внимание письмо патр. Адриана к самому Дмитрию, где московский святитель в глубоко прочувствованных выражениях высказывает благодарность св. Дмитрию и просит смиренного инокa, чтобы он потрудился над дальнейшим составлением своего богоугодного и полезного для церкви произведения. В знак особенной своей благосклонности к автору житий патриарх посылает ему в дар 10 руб. (на наши деньги около 200 р.)²⁷² Так ценил патр. Адриан безусловно полезный труд киевского ученого. Киево–братское училище нашло в патр. Адриане также своего покровителя и благодетеля. К киевским ученым патр. Адриан относился благосклоннее своего предшественника. Когда в 1691 г. в Москву прибыли учителя братского училища, во главе с префектом Силуаном Озирским, для подачи челобитной государям, они сначала представились патр. Адриану, которым были приняты очень милостиво. Патр. Адриан оказал, с своей стороны, содействие в получении Киево–братским училищем от московских государей грамоты, данной 11 янв. 1694 г., в которой все пожертвования и приобретения братства и коллегии от самых первых дней ее до последнего времени утверждены были за братством и коллегией, с представлением права беспрепятственно владеть означенными в грамоте вотчинами со всеми принадлежащими к ним угодьями пожитками и доходами²⁷³. Содействие патр. Адриана нужно предполагать на основании обещания патр. Адриана в письме митр. Варлааму. «Ныне ради скорого отъезда их (учителей Киево–братской школы), не приключну бывшу времени, – писал патриарх, – по их челобитью еще рассудство указоположительное не определился. Аще Господь даст живи будем, о сем возымеем слово»²⁷⁴. Не без участия патр. Адриана составлена была в тоже самое время другая царская грамота, вследствие ходатайства митр. Варлаама, посланного в Москву в 1693 году.

Самое содержание грамоты говорит за влияние русского первосвященника на составителей грамоты. Здесь в первый раз назначено было начальству коллегии царское жалованье, состоявшее из 50 рублей (около 1000 р. на наш счет) и столько же четвертей ржи в год. Здесь же, самое главное, находится как бы училищная инструкция. Основные пункты последней следующие: преподавать науки «чрез своих православных префектов и профессоров и учителей», а не отъинуду приходящих, вменив им в святую обязанность делать свое дело «с великой ревностью и тщанием, так как предки их, в тех же школах, радетельно, спокойно и свободно детей учили без всяких препинаний, во всяком почитании и безопасте»; «преподавать же не токмо пиитики и реторику, но и философии и богословии учения», а также славяно-русский, еллиногреческий и латинский языки. В преподавании наук свободных «ни в чем не отлучатися исповедания святыя восточныя церкви, наипаче остерегая того накрепко, чтобы ученье было благочестивое, христианское, восточного исповедания». К слушанию уроков должны быть допускаемы «дети российского народа всяких чинов и из иных «стран приходящие», но только непременно «ревнители благочестивой греческой веры. А отступников и противников вере нашей греко-русской также и еретиков в школы не допускать, и прелесть противного исповедания и еретические обучения весьма отсекасть и искоренять». Соблюдать тишину, спокойствие и надлежащую подчиненность, «а беспокойных и вражды творящих учеников унимать и смирять и ни до какого своевольтва не допускать и таковых в собрание ученическое не принимать». Вместе с этим, грамотой предписано: «Всяких чинов ратным людем, разных полков полковникам и казакам, и киевскому войту и мещанам ни ректору, ни учителям, ни ученикам, находящимся в школах, никаких обид и утеснений не чинить». По-московски, по старозаветным выражениям – коллегия киевская в грамоте названа просто школою, а все воспитанники без различия учениками²⁷⁵. Содействуя в Москве удовлетворению московским правительством нужд Киево-братской коллегии, патр. Адриан считал своим долгом привлечь

к покровительству ей и малороссийскую гражданскую власть. Патр. Адриан писал гетману Мазепе, после приема Киево–братских учителей, и просил: «Ради нашей мерности сотвори им милость и школьному учению споможение, да мудрое и благоразумное учение по всей России умножится, и свет учения присно да сияет»²⁷⁶. Значение поддержки патр. Адриана в деле дарования грамот московского правительства – Киево–братской коллегии было громадное. «Крепкое и могущественное царское слово, – пишет Аскоченский, – было самою лучшею подпорою и ограждением училища, самым действительнейшим средством призвать в него отовсюду юношей, жаждавших просвещения»²⁷⁷. Благоволил к училищу и гетман Мазепа, которого о том просил, как было упомянуто выше, патр. Адриан. Утвердив в 1693 г. за братством все его прежние владения, Мазепа в том же году положил основание великой каменной Богоявленской церкви, вместо прежней деревянной и начал постройку каменного одноэтажного здания для классов, известного ныне под именем Старого корпуса. Коллегия увидела у себя аудитории, в которых без всякого стеснения могло поместиться до тысячи человек²⁷⁸. Время патр. Адриана и митр. Варлаама было лучшим в состоянии Киевской коллегии. Дружба митр. Варлаама с патриархом, содействие последнего всем благим начинаниям и ходатайствам киевского митрополита пред государями и гетманом о «споможении» училищу создали мирный уклад жизни в стенах братской коллегии. «Цветущее состояние, – по словам Аскоченского, – вернее всего измеряется обилием воспитанников, отличившихся потом на поприще служебном (не только в Малороссии, но и Великороссии). В этом отношении Киевская академия сей эпохи представляет изумительное явление. Подняться в такое короткое время (пред этим состояние училища было печальное), собрать рассеянное стадо свое, увидеть на чреде академического служения своих же знаменитых воспитанников–профессоров, выпустить в какие–нибудь 17 лет столько лиц, прославивших ее своими трудами в пользу церкви и отечества – это дело видимого благословения Божия, почившего на ней»²⁷⁹. Конечно, в отношениях патр.

Адриана к Киево–братскому училищу мы не видим собственной инициативы московского первосвященника, но и за поддержку ходатайств митр. Варлаама и братских учителей пред царями и гетманом киевская академия должна чувствовать искреннюю ему благодарность. При патр. Адриане возобновляется круто прерванный патр. Иоакимом приток в Москву образованных выходцев из Малороссии. Одни из них (Кроковский, Феодосий Углицкий и т. д.) появляются в Москве временно, другие (Стефан Яворский) остаются на всю жизнь, занимая важные церковные посты. Правда в последнем случае не всегда инициатива вызова в Москву принадлежала патриарху, скорее – самому царю Петру I, но важно и то, что со стороны патр. Адриана не было выставлено препятствий, как при его предшественнике, а благосклонность его к предстоятелю малороссийской церкви и братскому училищу говорит вообще за искренность его добрых отношений к южно–русским выходцам.

Отношение патр. Адриана к Черниговской архиепископии

В последние годы патриаршества Иоакима Черниговская епархия была подчинена с большими привилегиями непосредственно Московскому патриарху, чем делался ущерб влиянию митрополита киевского на черниговского архиепископа. Патриарх поступил так, сообразуясь с просьбой архиеп. Лазаря Барановича, не желавшего подчиняться митр. Гедeonу Четвертинскому, и с своими личными интересами, чтобы таким путем овладеть еще более положением вещей в Малороссии. Патр. Адриан изменил несколько характер отношений к архиеп. Лазарю. С одной стороны, благосклонность патр. Адриана к митр. Варлааму, по возведении на киевскую кафедру превратившемуся из друга Лазаря в соперника, особенно по вопросу о пограничных протопопиях, с другой – нетактичность самого Лазаря Барановича, приславшего поздравление со вступлением Адриана на патриаршую кафедру через год, после всех, и то принаровненное к случаю его ходатайства об отобранных Варлаамом от Черниговской кафедры протопопиях – все это повело к охлаждению добрых отношений, установившихся при патр. Иоакиме между Черниговской кафедрой и патриаршим престолом. Баранович сам в письме патр. Адриану жалуется на неблагосклонность к нему московского патриарха, при благосклонности к другим, в частности к митр. киевскому и с едким смирением высказывает желание, чтобы патриарх, «как солнце, лучами своего благословения не только вышняя митрополитанския горы, но и низшее всесмиренного архипастырства его (Лазаря) просвещал удолие»²⁸⁰. Неблагосклонность патр. Адриана, к Барановичу сказала, как было отмечено выше, в решении спора о протопопиях в пользу митр. Варлаама, чем патриарх давал Лазарю почувствовать, насколько невыгодно неверноподданническое, центробежное отношение черниговского архиепископа к московскому святителю. Такая расплата п. Адриана с Лазарем за уклонение от приветствия со

вступлением на п. кафедру была отрезвляющим воздействием на свободолюбивого черниговского маститого архипастыря. После архиеп. Лазарь стал почтительнее к п. Адриану, вследствие чего и со стороны патриарха последовало более благосклонное к нему отношение и удовлетворение его других ходатайств. В ноябре 1691 г. п. Адриан дал утверждение архим. Елецкого монастыря св. Феодосию Углицкому, еще при п. Иоакиме получившему позволение помогать престарелому Барановичу в епархиальном управлении, в должности помощника Лазарю, причем даже обещал Углицкому Черниговскую кафедру по смерти престарелого архиепископа. «Ащеже благотворя в терпении здешних всяких приключимых скорбий благодушной явится и во исполнении должности сея непорочен пребудет, убо возимее, Богу хотящу, и вящее достоинство и по нем, архиепископе Лазаре, степене архиерейства наследство»²⁸¹... Ласковое отношение патр. Адриана к Феодосию прокладывало путь для добрых, полных сыновней преданности отношений будущего предстоятеля Черниговской кафедры к патриарху московскому. Патр. Адриан личным воздействием делал более, чем грамотами и указами. В данном случае в лице Феодосия Углицкого он приобретал в Черниговской епархии сторонника Московской церковной власти более искреннего, чем Лазарь Баранович. Это сказывается и в дальнейших отношениях п. Адриана к Феодосию. Мы видели, как долго тянул п. Адриан нежелательное для него дело восстановления викарной Переяславской кафедры в Киевской епархии. М. Варлаам, друг п. Адриана, при жизни его так и не достиг осуществления своего желания. Иные результаты имело ходатайство в 1692 г. Черниговского архиепископа о поставлении ему, в помощь, в епископы Феодосия Углицкого²⁸². П. Адриан, хотя и находил незаконным «оставление в Черниговскую епархию нового епископа, когда жив и не отрекся от управления епархией старый архиепископ Лазарь, все–таки посвятил в 1693 г. 13 ноября Феодосия в сан архиепископа, не дав лишь ему в это время ставленной грамоты²⁸³. Такая милость к Барановичу и Феодосию Углицкому была проявлена к тому же после того, как незадолго пред тем, в 1692 г., Феодосий

Углицкий навлек на себя строгий выговор со стороны патриарха за несправедливый, будто бы, донос на м. Варлаама (в расхищении имущества Выдубецкого монастыря). П. Адриан тогда в таких выражениях укорял Феодосия: «Тако тебе архимандриту, аще бы и не в иной епархии живяй, делать неподобно. А то во иной епархии сущи и неправедно на архиерея клеветами и еще писмами досаждати и возмущати братию дерзнул еси! Добро ли дело сие! Истинно не добро, но и наказанию должно. Евангельски видевый раб волю господина своего и не сотворив что приемлет? А умысля вражду и соблазн между немощных братии творити кто будет не с жерновом ли ослиим осуждает в море?» В заключении письма патриарх требовал, чтобы Феодосий испросил прощение у м. Варлаама под угрозой за дальнейшее прозорство и дерзость строгого наказания²⁸⁴. И вот после такого выговора и такая незаслуженная Феодосием милость! П. Адриан, конечно, еще более упрочивал свое влияние в Чернигове. Не только Феодосий, сам Баранович чувствовал глубокую благодарность к московскому патриарху, каковую и выразил в письме от 12 марта 1693 г.²⁸⁵ Самая ставленная грамота п. Адриана, утверждающая Феодосия в звании архиепископа Черниговского, последовала из Москвы уже в 1794 году, в январе, когда архиепископ Лазарь, по выражению п. Адриана, «много трудися и в конечной старости предел жизни своея прият, успе о Господе вечно 3 сент. 1694 г.». Грамотой Феодосию весьма подробно определяются обязанности архиепископа Черниговского. «Во всей той Черниговской епархии, – писалось в грамоте, – в городех и селех да научает мудрости, целомудрия, правды и мужества, яко ведущ мудростне измлада священная письмена»... «Паству правити евангельски, наказательну же быти ко всем равно, высоким же и смиренным, во учительстве крепку, к непокоряющимся обличительну и запретительну благовременно... Таже да имать во храме Господни и в клире священнослужение и о школах промышление, яко да учатся божественных письмен чтению и свободных наук во вразумительное ведрство мнози потщанием его... В типографии да печатаются церковные книги по чину, преданию же и

мудрованию восточные церкви, за его архипастырским благословением и досмотрением»²⁸⁶. 7 февраля 7204, (1696 г.) преосвященный Феодосий Черниговский и Новгородский преставился. После долгой процедуры списывания с Москвой малороссийских властей 1 января 1697 г. избран был, по обычаю той страны, согласно повелению царя и патриарха, м. Варлаамом с духовенством, гетманом Мазепой и Черниговской паствой зарекомендовавший себя доброю жизнью и даром проповедничества архим. Елецкого монастыря Иоанн Максимович. 8 января 1697 г. в Москве п. Адрианом и митрополитами: Тихоном Сарским и Подонским и Авраамием Белгородским и Обоянским, и архиеп. Александром Устюжским и Тотемским с воли и согласия прочих российского царства архиереев, митрополитов, архиепископов и епископов избрание Максимовича было утверждено и совершено в Крестовой палате наречение Иоанна в архиепископа Черниговского и Новгородского, а 10 января, в воскресенье, в соборной Успенской церкви «с немалым трудом от болезни своея» п. Адриан посвятил архим. Иоанна, во архиепископы²⁸⁷.

Отношения п. Адриана к Черниговской архиепископии, как видим, были более решительны, и результат для московского предстоятеля оказался очень хороший. П. Адриан, смилив Лазаря Барановича своей снисходительностью и благосклонностью к Феодосию Углицкому и Иоанну Максимовичу, привлек их к послушанию и преданности высшей центральной духовной власти русского патриархата.

Глава V. Епархиальное управление при патр. Адриане

К концу XVII века церковный институт на Руси имел определенные законченные формы. Патр. Адриан положил последние камни в том великом строении, над которым трудились сначала митрополиты, а в течение всего XVII века патриархи. Церковь являлась государством или уделом в государстве, владела значительными имуществами, – движимыми и недвижимыми, имела свой круг лиц – ведомство, куда входили не только духовные, но и миряне и не по одним только религиозно–нравственным отношениям, но и по экономическим и, наконец, ведала обширный круг дел административных, судебных и финансовых.

Предстоятель русской церкви – патриарх, являясь для всей паствы в духовных делах «отцем отцев» «главою» и «образом Христа», в своем уделе, Московской архиепископии был государем, с правами собственника церковных имуществ патриаршей кафедры, администратором и верховным судьей людей, живущих на его землях. Полнота власти и значения его, как удельного духовного государя, выразилась в целом ряде учреждений, параллельных учреждениям царским, – административных, судебных и финансовых, как центральных, так и областных (уездных). Удельная жизнь древнерусской церкви была ключом. Одно описание церковных учреждений при патр. Адриане может дать наглядное представление о широком размахе церковной власти в до–Петровской Руси.

Органами многообразной власти – административной, судебной и экономической – патриарха служили в Москве те же главные приказы, что и при его предшественнике – это патриарший Разряд, Казенный Приказ и Дворцовый. В нашу задачу не входит подробная характеристика состояния приказного епархиального управления в конце XVII века²⁸⁸. Мы отметим только мероприятия патр. Адриана в данной области, характеризующие последнего патриарха, как главного начальника епархиальных учреждений и авторитетного

руководителя епархиального управления, подававшего пример и образец для прочих епархиальных архиереев²⁸⁹.

Инструкция патр. Адриана старостам поповским

Важным памятником административной деятельности п. Адриана, завершающим и оформляющим работу его предшественников в области епархиального управления, является данная им в 1698 году «Инструкция Старостам поповским и благочинным смотрителям от святейшего патриарха Московского Адриана»²⁹⁰, известная больше под именем «Наказа патр. Адриана старостам поповским»²⁹¹.

Инструкция патр. Адриана касается многих сторон епархиальной жизни, давая указания управителю или «духовному судье» и старостам поповским, как «ведать в городе и десятине попов и дьяконов и церковных причетников и мирского всякого чину в духовных делах», как «чинить рассуждение между попов и дьяконов и церковных причетников во всяких делах» и в каких случаях сноситься с патриархом. Один перечень предметов, трактуемых в «Наказе», говорит за особенную заботу патр. Адриана о правильном течение епархиальной жизни. Патриарх дает ряд практических предписаний низшим и посредствующим органам своего управления: о богослужении (п. 1), храмах (п. 2–6), исполнении прихожанами христианских обязанностей (п. 7–8), каноническом подборе священно–церковнослужителей (п. 9–15), о монашествующих (п. 16–17), раскольниках (п. 18–19); о скоропостижно умерших и самоубийцах (п. 20–21), о разбойниках разного звания (п. 22–23, 26), попутно о неподсудности воеводам лиц церковного ведомства (п. 24–25); о незаконнорожденных и блудниках (п. 29–33); о духовных завещаниях (п. 27–28); о нравственных качествах и способе избрания самих старост поповских и о доставлении ими во время денежных сборов (п. 35–45); о количестве окладных и неокладных церковных сборов, характере таких сборов и денежных книгах (п. 46–55, п. 57–59, 62); о порядке построения новых храмов (п. 56); о брачных обысках (п. 63); о четвероженцах (п. 64); о венечных памятях (п. 65–66); о необложенных церквях (67–69); об отсылке управителем

старосты в Москву с казной (п. 70); о распубликовании самой инструкции к сведению старост и закащиков (п. 71–72). – Дополнительно к указанным статьям патриарх Адриан распубликовывал состоявшийся указ Петра I о замене судов и очных ставок во всяких делах, розыском с разъяснением указа применительно к церковному ведомству, в 13 статьях. В заключении инструкции патриарх предписывает смотреть накрепко за тем, чтобы духовные лица не ходили в кабаки, не пили вина, не бесчинствовали под угрозой штрафа и ссылки в монастырь на черную работу²⁹². Кроме точного определения самих обязанностей управителя и поповских старост по надзору за приходским (епархиальным) духовенством, правильным течением церковной жизни и поступлением церковных даней в патриаршую казну, патр. Адриан дает определенные указания, какие дела вершить на десятильничьем дворе и какие направлять в приказы – П. Разряд, – высшую судебную инстанцию и Казенный, – центральный орган финансовых отпращиваний патриаршей епархии. В частности, инструкция патр. Адриана дает ответы на некоторые боевые вопросы времени. Весь «Наказ» патр. Адриана свидетельствует, что после собора 1675 г. осуществились, наконец, пожелания ростовского священника Георгия Скрипицы, еще на соборе 1503 г. от лица духовенства высказавшего протест против управления архиереев чрез светских чиновников²⁹³, а также постановления Стоглавого собора 1551 года (создавшего для управления духовенством институт поповских старост с их помощниками десятскими священниками и архимандритами, игуменами и протопопами во главе). Сбор податей был поручен теперь, исключительно, выборным священникам. Они же для ограждения интересов своих избирателей присутствовали на суде «управителей», являясь посредниками во всех сношениях их с городским и сельским духовенством. Старосты могли жаловаться приказу на притеснения «управителей» за превышение власти; последние за это подвергались тяжелому штрафу (Инструкция п. 54–55). Патр. Адриан, кроме того, решительно ограждает ведомство церкви от вмешательства в суд и расправу гражданских властей. «А будет, – писал

патриарх, – который воевода попов и дьяконов, церковных причетников и мирских людей в духовных делах и по челобитью мирских людей в каких будет делах станет к суду к себе имать, и о том святейшему патриарху на того воеводу писать в Разряд не мотчав» (п. 25). Заботится он и о подавлении церковного раскола, предписывая протопопу или архимандриту: «Будет в городе и в селех и в деревнях, явятся раскольники чернецы, неповинующиеся Святей Восточней Соборней Апостольстей Церкви и преданию Святых Апостол и Св. Отец, и станут в мирских домах жить и христиан от православныя веры своим злохитрством и учением сатанинским отвращать и бесчинство какое чинить, и про тех раскольников учинится от кого ведомо, или сам уведает и тех раскольников чернцов сыскав, на десятильниче дворе спрашивать, какого он чину в миру был, и где жил, и кто его постригал, и в котором году и месяце и числе, и в котором монастыре, или в коей пустыне и в доме, и сколь давно пострижен, или сам на себя чернеческое платье положил, и который год, как от истинные православные христианские веры совратился, и христиан православных своим злохитрством и сатанинским учением кого не отвратил ли и будет колико отвратил или *в овинех и в лесех пожег*, – о том о всем его допросить подлинно, и допрося, сослать его в монастырь и держать до указу святейшего патриарха в крепости, чтоб никуда не ушел *и о том писать* святейшего патриарха *в Разряд* не мотчав, да и о белых раскольниках же чинить по сей же вышеписанной статье» (п. 18). Принимает меры патриарх и к упорядочению богослужения по греческому обряду, улучшению церковного благолепия, предписывая поповским старостам: «В городе и в уезде всех церквей попом заказ учинить накрепко, чтобы у них в святых Божиих церквях все церковное славословие было чинно и немятежно и единогласно, *и пение пели на речь и Божественные литургии служили по исправным служебникам* над пятию просфорами, печатным крестом четвероконечным, как о том *напечатано в исправных служебниках*, а просфоры бы были печены *квасныя* из чистыя самая добрая пшеничныя белыя муки, а кроме пшеничных просфор из иных ни из каких хлебных родов отнюдь

бы не были (п. 1). Во всех церквах досматривать на престолах одеяние и препоясание и на престолах же были б освященные антиминсы печатные новые и везде б вое то было целое, а ветхого того отнюдь нигде б не было (п. 2). Во всех же церквах были бы служебники и книги исправные печатные и для крещения младенцев святое миро и елей было в чистых сосудах, и стояло в алтаре покровенно, а на купели кади были чистыя и твердыя, и священники б крестили младенцев в три погружения, *а не обливанием* и воду после крещения лили в чистые места» (п. 3) и т. д. идут наставления в духе старорусского благочестия и уважения к обрядности о церковном благочинии и благоговении в совершении пастырями христ. богослужения. В исполнении прихожанами христианских обязанностей патр. Адриан видит главное средство *воспитания и образования народа*. Поэтому он наказывает старостам, чтобы они велели «священникам научать прихожан своих мужеска и женска полу и детей их, чтоб они пред отцами духовными в год в четыре святые посты исповедались, паче же в святой великий пост, никто б без исповеди отнюдь не был и по рассуждении отцев духовных пречистых таин отнюдь же не лишались, и к церкви Божии приходили *непрестанно, пачеж в воскресные дни и в господские праздники* и празднуемых святых и в государские ангелы, и стояли бы в церкви чинно, не мятежно со страхом и слушали божественного пения со всяким вниманием и Господу Богу о содеянных своих гресех молилися (п. 8). А которые всяких чинов люди во святой великий пост ко исповеди приходить не будут и отцев духовных у себя многие годы не имеют и приходским попом по таких людей велеть приносить известныя имянныя росписи²⁹⁴, и о тех людях писать к святейшему патриарху в Разряд» (п. 9). Обращая внимание на хороший подбор священнослужителей, патриарх требует от поповских старост, чтобы они следили за трезвенным поведением, благочинием и исполнительностью духовенства, исправностью документов священнослужителей и правильным ведением церковных книг. Все, словом, содержание инструкции свидетельствует о стремлении патр. Адриана подтянуть низшие слои церковного общества, поставить, их в определенные рамки

церковного устава, провести в жизнь свои идеалы, высказанные еще в первый год своего п. служения. Даже в судебных, финансовых распоряжениях патр. Адриана по церковному ведомству, им руководило одно побуждение (которое отмечено в грамоте патр. Адриана Афанасию Холмогорскому) – «управляти люди свои правильно», то есть по правилам святых апостол и святых отец. Патриарх желает устранить произвол во всех сторонах обыденной жизни: произвол в поведении прихожан, обращая их к исполнению церковного устава; произвол пастырей и их руководителей – «управителя» и поповских старост в отправлении ими возложенных на них высшей церковной властью обязанностей по надзору за рядовым духовенством и прихожанами, обставляя выбор и прохождение должности поповского старосты условиями, гарантирующими их порядочность и добросовестность. Крайними мерами воздействия, на непослушных высшей епархиальной власти патриарха служат, по инструкции патр. Адриана, как угрозы суда и расправы центральных органов п. власти Разряда и Казенного Приказа, так и денежные штрафы, очень крупные потому времени, за все уклонения от точного исполнения патриарших предписаний.

Упорядочение патр. Адрианом приказной системы управления

Разработанная регламентация деятельности низшего, местного органа епархиального управления – института поповских старост с управителем, духовным судьей, во главе и с местными канцеляриями на десятильничьих дворах, появившаяся во второй половине патриаршества Адриана была завершением других мер патриарха, предпринятых к улучшению и более точному распределению дел в центральных органах епархиального управления – приказах. Патр. Адриан, как известно, внес в приказную систему нечто новое, правда несущественное, но свидетельствующее о желании патриарха дать всем приказам большую стройность и соответствие в распределении дел, как между отдельными приказами, так между столами каждого приказа. За отсутствием документов патр. Разряда не можем судить об упорядочении дел в этом важном патриаршем учреждении, за то из документов патриаршего Казенного и патриаршего Дворцового приказов видны такие заботы патриарха. В Казенном Приказе патр. Адриан прибавил к двум денежным еще один денежный стол. При патр. Иоакиме в первом столе принимались данные деньги – окладные и неокладные с церквей г. Москвы и 32 десятин и во втором с 20 десятин; при патр. Адриане к третьему столу отнесены 126 моек, церквей и 10 десятин²⁹⁵. Патр. Адриан, кроме того, увеличил число подьячих почти вдвое; с 1695 г. установил штат в 15 человек из коих 4 было старых, 5 средних и 6 молодых, тогда как при патр. Иоакиме в Приказе было старых подьячих 3, средних 4 и молодых 2²⁹⁶. Наконец, патр. Адриан уравнением оклада жалованья, при своем вступлении на патр. кафедру, помощника казначея Андрея Денисовича Владыкина, еще при патр. Иоакиме носившего название не дьяка, а казначея, с окладом главного казначея монаха Паисия признавал увеличившееся значение и расширение деятельности Казенного Приказа²⁹⁷. В патр. Дворцовом Приказе, в ведении которого находилось управление всеми патриаршими землями

и лицами, живущими на них, а также вся хозяйственная часть патриаршего дома, при патр. Адриане, в 1697 г., также было введено некоторое изменение в распределении занятий служащих Приказа. При патр. Иоакиме в Дворцовом Приказе было пять повытий: а) прихода, б) расхода, в) хлебных дел и домового всякого наряду, г) стряпческих дел и д) поместных дел. При этих пяти повытьях находилось 13 человек подьячих – пять старых, из которых каждый заведывал повытьем и 8 молодых, подчиненных старым. Патр. Адриан распределил занятия несколько иначе. Два подьячих должны были ведать, исключительно, дела «денежного приходу и расходу», под условием личной ответственности за нерадение и опущения. Все другие дела исключались из круга их обязанностей; от них строго требовалось, чтобы они непременно изготовляли приходу–расходные книги в определенный срок, к Семенову дню (1 сентября), к новому году, и чтобы в тот же день представляли их судье Приказа. Все другие дела, «домовые монастыри, челобитья разные, ямские, полоняночные и подымные деньги», велено ведать по повытьям, сообразно росписи, представленной в докладной выписке, чтобы тем избежать спутанности и медленности в производстве дел, так как прежде дела запускались из года в год и нередко вовсе пропадали. С этою же целью, «для приказной ведомости и скорого прииску и бережи», велено завести записные погодные книги, которые должны были постоянно лежать на столах Приказа. В эти книги вносились все поступавшие в Приказ дела, которые за тем, тогож числа раздавали по повытьям, чем контроль над производством дел в Приказе значительно облегчался. Записью в книгах должны были заведывать подьячие, от каждого повытья попеременно – по месяцу, а не один подьячий у всех книг, чтобы не было замедления и остановки дел. Наконец, чтобы подобный порядок ведения дел в Приказе был всем известен, велено было: «Для подьяческого памятного содержания и волостным и челобитчикам для ведения», сделать на особом листе роспись повытьям, за прописью дьяка и наклеить на столб в Приказе. О жалованьи подьячим, в приведенном указе говорится: «С приема

денежного и за справу и за отпись иматъ им, подьячим, сверх пошлинного сбора, по деньге с рубля, а *больше того не иматъ и крестьян на Москве для взяток излишних отнюдь ничем не держать и не убыточить...* с приему ямских и полоняночных денег иматъ для приказной отдачи и за отпись и за всю работу по деньге с рубля, а с обротчиков с московских и с берешковских за отпись и справку старому подьячему по десяти денег, молодым на подел по четыре деньги, а *больше того с обротчиков не иматъ*, а с приему поделеных денег отнюдь ничего не иматъ же, для того, что собираются? на весь приказ дьяком и им подьячим на раздачу»²⁹⁸. Патр. Адриан точно распределяя в приказах по столам все дела, вносил определенность в занятия каждого учреждения. К концу XVII века разграничение в назначении каждого приказа настолько утвердилось, что за обращение с просьбой не в тот приказ, к ведомству которого она относилась, челобитчики даже подвергались штрафу. Так в 1697 г. с поповского старосты, соборного священника г. Севска Стефана, судившегося с своим товарищем из-за подможных и церковных денег, взято 5 руб. (ок. 85р.) пени за то, что бил святейшему патриарху мимо Казенного Приказа в Разряд и взял грамоту из Разряда, а не из Казенного Приказа»²⁹⁹. Патр. Адриан обратил даже внимание на так называемых площадных подьячих как дворцовых, так и разрядных. Те и другие стояли при входе в приказы и ожидали просителей, предлагая им написать просьбу, письмо и проч., платою за что они и жили. Желая заработать кусок хлеба, они перехватывали челобитчиков друг у друга, – дворцовые перебивали у разрядных, те у дворцовых, что сопровождалось шумом, ссорами, доходившими до драк, и разными бесчинствами. Патр. Адриан в 1699 г., указал разрядным площадным подьячим писать челобитные и всякие письма и руки прикладывать по делам суда разрядного приказу – у Разряду, а дворцовым площадным подьячим у Дворцового Приказу³⁰⁰. В общем во всех органах патриаршего епархиального управления чувствуется хороший заведенный порядок, поддержанный и развитый патр. Адрианом, любившим и наблюдавшим везде закономерность, стройность и

благообразие; сам патр. Адриан, по крайней мере, своим отношением к служащим в Приказах выказывал полное удовлетворение ходом дел епархиального управления и полное доверие к главным начальникам своих учреждений.

Отношение патр. Адриана к служащим в п. Приказах

Выше мы упоминали о благосклонности патр. Адриана к казначею монаху Паисию, пользовавшемуся не только расположением патриарха, но и оказывавшему влияние на него в церковных делах, а также к помощнику казначея Андрею Владыкину, получившему от патриарха оклад содержания равный окладу главного казначея. Казначей монах, преемник Паисия, с 1695 г. по 1700 г. – Тихон Макарьевский также пользовался доверием патриарха, который дал ему первенство пред другим казначеем, служившим с 1686 г., Андреем Владыкиным. А дворецкому своему монаху Иосифу Булгакову, назначенному по смерти Дмитрия Сурмина патриаршим указом от 1 октября 1698 года, выказал особое благоволение. Патриарх весьма был доволен Иосифом Булгаковым, как дворецким. Не более, как через полгода службы Иосифа в Приказе патр. Адриан по именному своему указу «пожаловал Дворцового Приказа судию монаха Иосифа Булгакова за его службу и многорадение к дому пречистые Богородицы и за денежную и хлебную многую прибыль, которую показал он, судия Иосиф Булгаков, будучи в Дворцовом Приказе судиею, в делах своих указал ему оклад учинить», весьма значительный по тому времени. «И сей свой св. патриарха именной указ о милостях Булгакову» патриарх «указал в Дворцовом Приказе записать в книгу, чтобы ему судье Булгакову, будучи у того дела, и впредь надежно было к дому казать и прибыли искать»³⁰¹. К прочим служащим в Приказах патр. Адриан (как неоднократно отмечается в документах Казенного Приказа) проявлял свое отеческое попечение увеличением окладов содержания, уменьшением работы с возложением части дел на новых дьяков и подьячих. «Сверх определенного содержания, – замечает И. Шимко, – служащие (напр. Казенного Приказа) пользовались многим от щедрот патриарха. Казначей имел даровой стол. В большие праздники начальным людям и старшим подьячим отпускались с п. двора пиво, мед и по кубку «ренского»³⁰². Встречается и такой трогательный факт заботы патр. Адриана о

служащем в его учреждении. Патр. Адриан приказал однажды заплатить 5 руб. (ок. 85 руб.) иноземцу лекарю Фохту «за лекарство и за работу его, что он лечил подъячего Казенного Приказа Вешнякова, внутреннюю его болезнь сердечную»³⁰³.

Доходы патр.Адриана

Благоустройство приказного управления при патр. Адриане сказывалось в результатах деятельности патриарших учреждений. Показателем могут служить цифровые данные финансовых отправлений патр. Казенного и Дворцового Приказов, стояния в тесной зависимости от того или иного порядка – и совершенства приказной системы управления. Точно определенные, равномерно справедливые цифры различных церковных даней, – поступление недоимок и отчасти умножение числа окладных храмов, увеличение – до 810 т. н. «оброчных статей»³⁰⁴, строгий контроль в Казенном Приказе и документальная отчетность на местах, как сборщиков церковных даней управителя и поповских старост, так и рядового духовенства, обязанного вести особые приходе–расходные книги и представлять на осмотр управителю, штрафы и другие наказания за утайку церковных даней, гарантия поступления сборов с духовенства в круговой поруке священнослужителей известного округа за избираемых ими поповских старост, «людей добрых и пожиточных», – все это доводило доход п. Казенного Приказа до нормального, в то время как государственная власть не могла справиться с хозяйственной разрухой, упадком благосостояния народа и пустой казной, вследствие беспорядочного управления правительством молодого царя³⁰⁵, что и настраивало потом Петра I, когда он начал сам изыскивать средства на задуманные военные предприятия, с вождедением смотреть на церковную казну. По вычислениям И. Шимко на основании счетных списков подьячих в Казенный Приказ в год поступало при патр. Адриане, как и при п. Иоакиме, средним числом неокладных сборов 3500 р., что составляло 1/3, окладных сборов, следовательно, всего поступало около 14 тысяч рублей или на современные деньги около 240 тыс. Патр. Дворцовый Приказ не менее успешно справлялся с своими задачами благоустройства, правильного управления и выгодной эксплуатации обширных владений патриаршей кафедры. Патриаршие домовые вотчины никогда не

пустовали, как это замечалось в других государственных и частновладельческих землях³⁰⁶. Крестьянам было выгодно селиться на патриарших землях во многих отношениях. Патриаршая земля, находившаяся в крестьянском владении, обычно поделена была на определенное количество тягол, исчисленных в «вытях». На выть наложен был определенный оброк и определенные повинности еще в такое время, когда население было незначительно, так что впоследствии с увеличением населения отбывание их было не тяжело. Самое бытовое положение крестьян в патриарших вотчинах представляло много выгод, сравнительно с положением крестьян в прочих владельческих землях. Крестьянская община в п. вотчинах имела самоуправление под надзором Дворцового Приказа и приказчиков, поставленных им. Община на своем сельском сходе решала почти все дела, касавшиеся мира–народа: выбирала миром из лучших крестьян волостного бурмистра, целовальника и других должностных лиц, раскладывала земельные участки по дворам и жеребьям, равно как и соответственно этому подати и повинности, сама принимала новых и удаляла неисправных членов сельского общества, пользовалась правом приносить жалобы Дворцовому Приказу на приказчиков, сельских старост, целовальников и т. под. Основой общинной жизни патриарших крестьян была круговая порука, выгодная и для патриарха, ибо служила гарантией правильного поступления оброка с общины, и для самих крестьян, предохраняя общину от ненадежных, дурных членов³⁰⁷. Приказчики – орган Дворцового Приказа на местах не вмешивались во внутреннюю жизнь общин. Надзирая за исправным поступлением податей и оброков, а также отбыванием барщинных и других повинностей, передавая денежные хлебные сборы в Приказ, проверяя разверстку тягол между крестьянами, донося Приказу о состоянии п. вотчин и сообщая миру–народу распоряжения Дворцового Приказа, приказчик не стеснял местную общественную жизнь, служил посредствующим звеном между сельскими властями и Приказом, был даже полезен для вотчинных крестьян, так как в силу полномочий, данных п. Дворцовым Приказом и

признаваемых гражданским правительством, он охранял своих крестьян от обид сторонних лиц и от местных государственных чинов, а также регулировал мирное течение общинной жизни, судя крестьян в их взаимных обидах, спорах и ссорах и производя даже дознания и следствия в уголовных преступлениях на своей территории и т. под.³⁰⁸ Благосостояние патриарших крестьян было завидно для помещичьих и даже государственных крестьян, почему многие покидали, несмотря на строгие государственные меры, земли казенные и помещичьи, чем вызывали неудовольствие и жалобы других вотчинников на патриаршее имущественное могущество. Патриархам же не приходилось нуждаться в рабочих руках: на уход с земель патриарших управление глядело несравненно снисходительнее чем другие вотчинники; всегда находились охотники занять крестьянский жеребий³⁰⁹. Результатом деятельности п. Дворцового Приказа и его низших органов было процветание вотчин и при патр. Адриане. По «выписке от 1713 г. № 86 в п. Дворцовом Приказе о состоянии ведомства его в течение 1701–1713 г.», – в ведомстве Дворцового приказа по 1701 г. бывало (при последних двух патриархах) мужских крестьянских душ 26899, из них 10796 жило в домовых п. монастырях, а 16103 – в домовых землях. Всех крестьянских дворов было около 8700. Пахотной земли 65648 четвертей 6 четвериков, а в двух (других частях при трехпольной системе хозяйства) по столько же. (Если каждая четверть равнялась $\frac{1}{2}$ десятине, то получится внушительная цифра пахотной земли около 98 $\frac{1}{2}$ тыс. десятин). Сена косилось 96151 копна. Лесу значилось 5302 десятины. Все пахотные и непахотные земли патриарха тянулись, по вычислению св. Горчакова, в длину на 170 $\frac{1}{2}$ в., а в ширину на 115 $\frac{1}{2}$ ³¹⁰, или занимали площадь в 19692 $\frac{3}{4}$ кв. верст. Общее количество вотчинных денежных доходов простиралось до 30 тыс. руб. в год; общее количество хлебных доходов до 9 тыс. четвертей. Кроме того, поступало значительное количество столовых запасов (яиц, масла, ягод и проч.)³¹¹.

Расходы патр. Адриана

Доходы патр. Казенного и Дворцового Приказов шли на содержание всего патр. института, причем расходы производились через Казенный Приказ, который вел особую «книгу расходную великого господина свят. патриарха Московского и всея России денежной казне из его патриаршия домовые казны»³¹². Один перечень статей расхода может говорить за многообразие и широкий размах жизни предстоятеля русской церкви, первого сановника в государстве, за тот размах, который соответствовал удельному положению церкви в государстве в древней до Петровской Руси. «Церковное строение» в обширном значении этого слова шло параллельно с государственным, два института церковь и государство стояли рядом, правда взаимно проникаясь и почерпая силы одно из другого, идя рука об руку, создавая течение государственной жизни под охраной религии и течение церковной жизни под охраной государственной власти. Не разбирая всех статей расходов, общих для всех р. патриархов конца XVII века, отметим расходы патр. казны, тесно связанные с личностью патр. Адриана и им лично направляемые, и тем самым несколько характеризующие его самого, его вкусы, симпатии, настроение и житейские привычки.

Постройки патр. Адриана

Патр. Адриан подобно патр. Никону любил строить новые храмы, пристраивать новые и перестраивать старые помещения патриаршего дворца. Храмы создавались патриархом в его вотчинах; много забот приложил он и к окончательному устройству Моисеева женского монастыря в Москве на Тверской улице (при котором находилась богадельня)³¹³. Еще больше потрудился патр. Адриан в переустройстве своего дворца. «В 1691 г. он указал построить на своем большом дворе вверху перед ризницей в сенях столовую палату по данному плану с точным расписанием, что и как сделать. Из расписания виден в патр. Адриане знаток и любитель строительства. В 1692 г. построены патр. Адрианом новые каменные палаты, где велено быть вновь Дворцовому Приказу. В 1694 г. перестроено помещение патр. Разряда. В 1697 г. патр. Адриан указал купить на домовый большой двор к строению ризницы 100 тыс. кирпича и произведены были мелкие перестройки в патр. дворе. Летом 1699 г. произведены различные починки и переделки снаружи у церкви 12 апостолов. В том же году патр. Адриан указал перекрыть Крестовую Палату вместо теса «свицким железом» и т. под. Частые перестройки и постройки вновь вызывались хозяйственными потребностями сложного патриаршего быта. Самый патр. двор представлял в своем роде целый городок, состоявший из особняков каменных и деревянных, из палат и изб с разным назначением, требовавших постоянного и неусыпного наблюдения³¹⁴. Все означенные и многие другие постройки требовали больших сумм, почему и составляли особую статью расхода «на церковное строение». Патр. Адриана в церковном строительстве можно поставить на ряду с такими видными патриархами, как Филарет, Никон и Иоаким По счетным спискам подъячих в 1695 г., на который не приходится ни одна из указанных выше построек патр. Адриана, на ризницу и церковное строение израсходовано 432 р. 5 к. (ок. 8 т. руб. на наши деньги) да на дворцовое и богаделенное строение 331 р. 80 к. (ок. 6 тыс.)³¹⁵.

Комнатная обстановка патр. Адриана

Заботился патр. Адриан и о внутреннем убранстве и красоте своих внутренних покоев. У патр. Адриана было не меньше четырех комнат, в которых протекала его келейная жизнь: малая или задняя крестовая или моленная, комната или кабинет, малая столовая и спальня. Все эти комнаты были соответственно обставлены. В моленной было подобие иконостаса, устроенного еще патр. Никоном, где было больше 20 икон серебрянно вызлащенных и писанных в красках; здесь же находились частицы мощей и другие священные предметы. Пред святынями и иконами зажигались свечи, лампады, тут же стоял аналой, покрытый двойным золотом с серебром и с красками и имелись главные богослужебные книги и облачение из легкой шелковой или атласной материи. Пол моленной устилался коврами, лавки сукнами³¹⁶. Вся обстановка моленной носила характер старорусского благочестия, выраженного в обилии священных предметов. Кабинет, где патриарх, когда был здоров, проводил большую часть дня, уставлен был предметами, отвечавшими назначению этой комнаты и личному вкусу патриарха. В переднем углу стояли: кресло, обитое дорогой материей, письменный стол, покрытый сукном, на столе находились принадлежности для занятия текущими делами. Тут же была библиотечка с книгами, постоянно или иногда требовавшимися при занятиях для каких-либо справок, или доставлявшими простое назидательное чтение и некоторыми другими³¹⁷. Украшением кабинета при патр. Адриане были картины (напр. с 1694 г. «Гора Афонская»; была даже икона в католическом духе: «Коронование Пресв. Богородицы»)³¹⁸. В 1692г. патр. Адрианом куплены за 60 руб. (более 1000 руб. на наши деньги) в Архангельске, на ярмарке, на кораблях у иноземцев «часы и боевые столовые и медные позолоченные с перечаьем и с часовым боевым известием в деревянном черном стану английского самого доброго дела; слова указаны латинские черные, на серебрянном кругу». Из других предметов роскоши или развлечения в древнерусском духе у патр.

Адриана в кабинете является «серый попугай в клетке», присланный ему (еще митрополиту Казанскому и Свияжскому) в 1690 г. в Москву Афанасием архиеп. Холмогорским «ради духовныя состоящияся между ними любви». Адриан возвратил Афанасию за попугая 17 руб., да за провоз 1 р. 50 к. (попугай стоил на наши деньги более 300 руб.)³¹⁹. Пол кабинета покрыт был войлоками, а поверх них коврами. Как видим, обстановка кабинета при патр. Адриане носила смешанный характер: азиатский – ковры, русский – картины библейского и свящ. содержания и попугай – и з.европейский: часы, кресла и т. под. Как смешанны были вкусы у богатого класса русского общества в то переходное время конца XVII века! Даже патр. Адриан не устоял в приобретении предметов западноевропейской техники³²⁰. Ту же смесь вкуса представляла столовая келья патр. Адриана. С 1693 г. здесь стоял «стол с ящиками, доска выаспижена (под мрамор) на ней написан по золоту герб свят. патриарха; поставец столярный в нем три ящика, вызолочен, высеребрян и выаспижен; по местам писаны цветки живописные; к нему вырезаны двои двери створчатые, вызолоченные высеребрянные и расписанные красками. Здесь же *или в спальнй келье* висело зеркало, купленное в 1693 г. («в верхняя кельи») за 30 руб. (более 500 р. на наши деньги) в вышину 1 $\frac{1}{4}$ аршина, в ширину 1 арш. в стеклянной раме. Стены патр. палат обыкновенно еще украшались стенною живописью, изографами патр. Адриана Товией, Гervasием и Ерофеем³²¹. Спальная келья патр. Адриана была обставлена также пышно по тому времени. На деревянной кровати сверх коровьего войлока постился тюшак (тюфяк) из хлопчатой бумаги, крытый зеленым сукном, 4 подушки с исподней наволочкой из льняного холста, сшитые в 1690 г., с прибавкой к прежнему белому пуху 17 фунтов. Поверх кровати зимой лежало у патр. Адриана одеяло на лисьем меху с собольей опушкой, крытое вишневым атласом с заголовьем или передником из зеленого (любимый цвет патр. Адриана) атласа³²². На пол у кровати постилось подножие из меха. Здесь висел портрет патр. Адриана в раме, сделанной в 1692 году³²³.

Одежда патр. Адриана

С комнатной обстановкой гармонировала и одежда, носимая патр. Адрианом, не менее роскошная. В сент. 1690 г. патр. Адриану был сделан кафтан на беличьем меху, покрытый атласом зеленым с бобровою опушкой и пуговицами; в 1691 г. к празднику Успения Богородицы ему же сделан кафтан бейберековый, осинового цвета, холодный, с пуговицами. В 1691 г. был сделан «камилав» теплый из бурых лисиц³²⁴. Гардероб патр. Адриана, кроме того, был полон не менее дорогими одеждami, оставшимися от его предшественников. После все эти одежды: клобуки, мантии, рясы и прочее келейное, были розданы по распоряжению Государя от ²²/₃₁ дек. 1721 и 28 дек. 1728 г. – годное на церковное облачение в бедные церкви, а что к употреблению в облачение неудобно – синодальным членам: митрополитам, архиепископам и другим священнослужителям³²⁵. Древнерусское благочестие патр. Адриана сказывалось даже в устройстве зонта–солнышника. Солнышник патр. Адриана был сшит из изарбафной материи, подложенной зеленой тафтой, и укрепленной на китовых усах; посох солнышника сделан из китайского дерева коричневого цвета, а ручка из слоновой кости; на верху солнышника–чашка медная золоченая с маковкой, на которой *утвержден четвероконечный крест* серебро–вызолоченный; в середине креста за хрустальными пластинками с одной стороны распятие, а с другой воскресение Господне³²⁶. Обувью патриарха служили сафьяновые сапожки зеленого или другого цвета.

Стол патр. Адриана

Стол патр. Адриана был довольно изысканный. Так, напр., в. простой день *4 сентября в четверг* св. Адриану было подано к столу: «Икра зернистая. Икра белой рыбыцы. Вязига под хреном. Прикрошка тельная (рыба без костей). Присол щучей. Присол стерляжий. Щука паровая. Лещ паровой. Яз паровой. Схаб белужий. Кружок тельный. Збитень. Шти с кашею. Уха окуневая. Пирог косой. Уха карасевая. Пирог с телесы. Потрох. Пироги долги. Щука колодка. Пироги подовые (изготовленные в печи на поду). Звено белой рыбыцы. Пышки. Подголов осетра. Оладьи путные. Звено ставное. Сырники. Блины гонкие. Блюдо карасей. Блюдо прежья». В *постный день 5 сентября в пятницу* – будни, патр. Адриану было подано кушаний меньше: «Икра зернистая. Вязига. Грузди гретые. Шти со снятками. Галушки. Калья. Лапша. Пирог с вязигой. Блюдо оладей. Пироги долги. Блюдо прежья. Блюдо карасей». В *праздники* количество кушаний увеличивалось *вдвое, втрое*. В дни постов, особенно Великого, стол патриарха Адриана был умереннее. В понедельник и вторник 1-й недели Великого поста патриарх ничего не кушал, в среду же столового кушанья ему подавалось: «Папошники (белый хлеб). Басман (хлеб). Грибы холодные. Грузди холодные. Капуста холодная. Ретка. Рыжики гретые. Капуста гретая. Звар слаткой. Клюква гретая. Кисель клюквенный. Пироги с горохом. Пироги копытца. Гренки»³²⁷. В парадных обедах патриарха житье–бытье, по замечанию Н. Н. Писарева, представлялось взорам посторонних во всей роскоши и богатстве³²⁸. Так старорусское благочестие даже бытовой жизни и обстановке первосвященника *придало формы* сытого экономического довольства, бывшего в глаза, вполне гармонизировавшие с общим укладом патриаршего института, черпавшего свои силы более в материальных, чем в духовных средствах, по традициям, идущим от Иосифа Волоцкого. Патр. Адриан был верен этим традициям.

Патриаршие приемы

Велик расход был у патр. Адриана на так наз. «патриаршие приемы». К нему, как своему родному отцу, приходили, по установившемуся доброму обычаю, москвичи – от царя до простолюдина – за благословением на разные случаи своей жизни, – на брак, на отправление в поход или воеводство, на новоселье или именины и т. под. Патр. Адриан благословлял приходящих иконами, почему неудивительно, что у патриарха имелась своя иконописная и серебрянных дел мастерская, на содержание которой ежегодно выходило не менее 250 р. (более 4 тыс. руб.). Приходили к патр. Адриану славельщики, учителя и ученики московских учебных заведений по всем главным праздникам. Последние не только «славили», но и произносили святейшему орации, почему и назывались рацельщиками. Патр. Адриан любил принимать славельщиков и особенно рацельщиков, щедро одаряя их не алтынами (как при п. Иоакиме), а золотыми. Так, в 1696 г. он раздал 106 р. 28 алт. 2 деньги (более 1800 руб.), тогда как в первой половине XVII века патриарх раздавал славельщикам немного более 17 рублей. Патр. Адриан любил слушать орации, он напр. выразил желание, чтобы рацельщики приходили не только на Рождество Христово, но и на Пасху. Щедро одаряя рацельщиков, он имел в виду поощрить ораторское искусство в школах и выказать свое христиански любовное отношение к учителям и ученикам московских школ.

Патриаршие походы

Особый, немалый расход вызывали так назыв. патриаршие походы. Не совершая, как выше было упомянуто, подобно своим предшественникам, объезда всей Московской епархии с ревизионной целью, патр. Адриан в первую половину своего служения предпринимал неоднократно загородные недельные походы в близ лежащие к Москве свои домовые монастыри и домовые села для освящения новопостроенных храмов или для совершения богослужения во время своих богомолий, или для хозяйственных распоряжений. Известны напр. походы патриарха в июле, сентябре и декабре 1692 г. в Воскресенский Никонов монастырь, Троицкий Сергиев и Николаевский Пешноский монастырь для богомолья и освящения в Сергиеве монастыре церкви. Известны также походы патр. Адриана в Троицкое Голенищево в 1692 г. «для оглядывания новостроенных каменных хором»; в село Пушкино в 1691 г. «для досмотру и благословения места, где строить новую каменную церковь во имя св. Николая Чудотворца», в 1693г. опять в Пушкино «для освящения уже построенной церкви и в Воскресенский монастырь для освящения церкви Рождества Христова» и круговое путешествие патр. Адриана в 1696 г. в июле месяце – Москва –Владыкино. На пути обычно патриарх посещал домовые села и монастыри, служил и слушал богослужения и раздавал всюду архимандритам с братиею, попам с причетниками, бедным – крестьянам, нищим и колодникам деньги от 17 руб. 29 алт. 4 д. до 120 руб. 16 алтын каждый раз³²⁹. Во всех этих походах патр. Адриан выступает скорее хозяином–вотчинником и плавным ктиторм домовых – своих церквей и монастырей, чем епархиальным архиереем–пастырем³³⁰.

Другие расходы патр. Адриана

Мы указали только расходы патр. Адриана, обрисовывающие его личные вкусы и настроение. Другие расходы – на жалование служащим, на содержание богаделен, покупку в Приказ необходимых предметов и проч. являются, как общие для всех патриархов, не характерными для патр. Адриана. Нужно отметить только экстраординарный расход п. Казенного Приказа на государственные нужды в конце XVII века. Таков напр. записанный расход в 1698 г. «на галерное строение» 5 тыс. руб.³³¹ Означенный расход, вызванный не личной инициативой патр. Адриана, а волей Государя, служит одним из многих показателей – того печального явления для церковной власти в конце XVII века, что власть гражданская стала диктаторски распоряжаться церковным достоянием на государственные нужды еще до смерти последнего патриарха.

За последние пять лет, с 21 февраля 1696 г., управления кафедрой патр. Адриана, в то время как приход в общем не уменьшался, расход сократился по случаю болезни первосвященника, почему ежегодные остатки, начиная с 1696 г., составляли: 20929 руб.; 21366 руб.; 23878 р. и 34050 р. От 1700 г., по смерти патр. Адриана, остаток заключал в себе 37853 руб.³³² Очевидно все расходы, несмотря на прочно исторически сложившийся быт, требовавший определенных расходов, все-таки исходили от самого патриарха, в зависимости от его личных потребностей и вкусов (что ярко и проявляется в некоторых статьях расхода в 1-ую половину патриаршества Адриана).

Влияние болезни п. Адриана на епархиальное управление

Болезнь патр. Адриана, о которой не раз приходилось вскользь упоминать выше, имела вообще весьма печальные следствия для Русской церкви в конце XVII в. не только в общецерковном управлении, как указывалось раньше, но и в состоянии Москов. епархиального управления. Ослабляя живое личное вмешательство в мелочи повседневной работы и часто приковывая патриарха к постели, она давала простор произволу и злоупотреблениям начальных лиц п. Приказов, правивших именем п. Адриана. О болезни патриарха имеется много единодушных современных известий. В одной из расходных книг замечается, что 21 февраля 1696 г. «на сырной неделе в пяток, патриарху *припала параличная болезнь*, и с того году св. патриарх тою болезнию был одержим»³³³. Сам п. Адриан, через Кариона Истомина, так сообщал архиеп. Афанасию о своей болезни, в письме от 26 июля 1696 г.: «Иулиа месяца писания твоя два нам прияхом за доброжелание твое нам в Дусе Святе сыновское благодать Всеблагому Богу восписуем. В нашей архипастырской к твоему преосвященству любви о преклотившейся волею Божией в телеси болезни известуем. Нынешнего круга летотечения в февруарии месяце в пяток на сырной неделе пред вечером по врачевскому хитрознанию спаде мокрота (нам же мнится от престатия кровоупущания) и левая нога и рука мало якобы отерпе и неможение втворяет ми. И когда бывает на аере облаков посупление к дожделитию, тогда уже и по летах старостью снижающихся и в сем приключении паче немоществовахом. Но ныне иногда от приключившейся болезни милостью Божиею и предстательством Владычицы Богородицы Марии и всех святых и вашими сыновскими о нас мольбами отрады приемлем. Еже аще хочет воля Божия, в совершенство здравия да воскрепит ны желаем»³³⁴. Параличная болезнь временами ослабевала и давала возможность п. Адриану отправлять богослужение и заниматься делами (о чем говорит его участие даже на соборах

в конце XVII века); временами усиливалась до того, что в ожидании кончины п. Адриан поручил задолго до смерти (в 1696 г. составить духовное завещание. Кариону Истомину)³³⁵, и неоднократно по его «изволению» совершалось над ним таинство Елеопомазания (20 окт. 1698 г. и 24 июля 1700 г.)³³⁶. При таком постоянном недомогании п. Адриана неудивительно, что ему было не до энергичного управления церковью и епархией. Тесным кольцом его окружили и делали, что хотели «старцы ближние при нем»³³⁷, среди которых получил печальную известность архидиакон Иона, настолько вошедший в доверие п. Адриана, что заведывал ставленническими делами³³⁸ и ездил в особой карете, сделанной на патриаршие средства в 1697 г. за 32 руб.³³⁹ (около 550 руб. на наши деньги). О беспорядках в патриаршем управлении многие, по словам прибыльщика Петра I Алексея Курбатова, сетовали. Нестроения в п. управлении были на руку Государю, который, пользуясь постепенно увеличивавшимся расстройством, за болезнью и дряхлостью патриарха, церковных дел, неуклонно и последовательно шел к своей определенной цели ввести церковь в рамки государственного учреждения, а главное воспользоваться «туне гибнущими» «в прихотех владетелей» церковными имуществами. Еще при жизни п. Адриана налаживался новый строй отношений государственной власти к приказным учреждениям патриаршей кафедры, суливший патриаршему институту мало доброго. Церковная реформа 1721 года имела свои корни в распоряжениях Петра I еще в 1699 г. при жизни патриарха, и, пожалуй, даже раньше самого Петра, в усиливавшейся централизации государственной власти, на счет удельных остатков старины. Известно, что еще до Петра I сложился порядок, по которому в П. Разряде было око государя – царский боярин, выбиравшийся всегда из царских окольничих или бояр. Назначение его в Приказ равно и увольнение из него зависело исключительно от царя, который и платил ему жалованье. Это был посредник между светским и духовным правительством в делах, касавшихся церкви и государства одновременно, служивший больше государю и имевший первостепенное почетное значение в Приказе. Все бумаги,

поступавшие в Приказ, писались на имя этого боярина и в патриарших грамотах обыкновенно говорилось: «А в отписку велети подать в нашем разряде Государеву и нашему боярину»³⁴⁰. Это был прототип обер–прокурора Св. Синода. Назначался также часто царем и дворецкий или начальник П. Дворцового Приказа. А после смерти патриарха обычно в роли хозяина патриаршего имущества и душеприказчиком являлся сам Государь³⁴¹. Так еще до Петра, уступая патриарху много власти и значения, как первому государственному сановнику, государи оставили за собой право во всякое время заступить лице патриарха. Петром I только резче и яснее проведены были притязания на полноту власти государя и в церковной области... Им решительно и властно были введены представители государя во все патриаршие Приказы и поставлены наряду с патриаршими начальниками приказов, сначала на положении скорее «очей и ушей» его здесь, чем действительных согрудников «ближних старцев п. Адриана. Выше было отмечено, что по смерти дворецкого – Дмитрия Сурмина в 1698 г. п. Адрианом был назначен начальником Дворцового Приказа «судьею» монах Иосиф Булгаков. Патр. Адриан был очень доволен – Иосифом, высказав ему через полгода особым указом похвалу и благодарность. «Ясно, – замечает Горчаков, – что патриарх не желал иметь лучшего распорядителя в Приказе». Но 23 окт. 1699 г. Государь указал – «в доме Пречистыя Богородицы и патриарха быть в Дворцовом Приказе дворецкому Матвею Григорьеву Баскакову. Великого Государя указ сказал и его Матвея Григорьева в Крестовую привел думный дьяк Гаврило Федорович Деревнин»³⁴². 31 января 1700 г. та же участь участь постигла и Казенный Приказ. В этот день к патриарху явился разрядной дьяк Артемий Возницын и в Крестовой палате объявил ему указ Государя о назначении Ивана Яковлевича Яковлева, которого он и «привел с собою», на место Андрея Владыкина; в бумагах «имя его было велено писать с отечеством, также как прежь сего писали А. Д. Владыкину». Яковлев был уравнен по содержанию с казначеем монахом, хотя не носил звания казначея. Он сделался лидером уполномоченным светской властью присутствовать в п.

Казенном Приказе³⁴³. Это были «знамения времени»! По замечанию автора «Казенного Приказа» Шимко, «патриарх становился слаб; у Петра В. уже созрела мысль не выбирать ему преемника и воспользоваться после его смерти удобным моментом, чтобы положить начало переходу управления церковными имуществами и денежными доходами из рук духовной власти к светской»³⁴⁴. Здесь нам думается даже *не церковные нестроения*³⁴⁵ послужили толчком для мероприятий Петра Великого, если бы в церкви царили образцовые порядки во всех сторонах управления, то и тогда бы великий государственник и практик Петр I, по нашему глубокому убеждению, не отказался от церковной реформы, продиктованной высшими государственными соображениями. При жизни патр. Адриана Петр I подготавливал почву для новых порядков в церковном ведомстве. Наличие патриарха удерживала царя от крутого перелома и откладывала коренную церковную реформу до смерти патр. Адриана.

Глава VI. Религиознонравственное состояние русского общества в конце XVII века

А. Религиозное состояние

Религиозное состояние русского общества до реформы п. Никона

В направлении и идеалах церковно–бытовой жизни русское общество конца XVII века поделилось на несколько групп: 1) старообрядческую или раскольническую, отколовшуюся от господствующей православной церкви, 2) греко–русскую, с п. Адрианом во главе и 3) западническую с двумя течениями: а) латинским и б) немецким. Борьба между этими группами создавала общий тон церковной жизни, характеризуемый определенным термином в истории «переходное время».

Подавляющее большинство русского народа в XVII веке было проникнуто воззрением: Москва третий Рим – четвертому не бывать! Это воззрение сложилось под влиянием политических и бытовых условий русской народности. Громадное значение в данном случае имело свержение татарского ига в конце XV века. Государство, устоявшее от хищнических нападений соседей врагов–азиатов, непрерывно проходивших через территорию русского народа, должно было прийти к сознанию своего могущества и авторитета. Но могущество и авторитет должны были в тоже время иметь под собой известный внутренний, религиозно–нравственный фундамент – культурный нерв. Известно, что до монгольского ига на Руси широкою волной начало разливаться греческое христианство. Князья ставили по городам храмы, переписывали книги Св. Писания и богослужебные, заводили школы. Духовенство вначале греческое и южнославянское, а потом родное, русское вместе с князьями заботилось о мирском строении на христианских началах; монашество явилось с задачами широкой колонизаторской деятельности на окраинах русской равнины. Всецело поддавшись греческому влиянию, зародившееся русское государство хотело усвоить всю греческую традицию. Конечно, как народ, находившийся в младенческом возрасте, русские, да и то лишь верхи, сначала могли принять от греков более внешнее, чем внутреннее–внешнюю обстановку христианской религии, как переходный

этап к усвоению внутренней ее сущности. «Из многих свидетельств и примеров, – говорит Шапов, – видим, что самым главным высшим попечением древне–русских христиан, особенно же князей и царей было попечение о распространении церковно–богослужебных книг, о устройении и благоуукрашении храмов Божиих, о снабжении их священной утварью: это был по понятию их «душеполезный путь, возводящий к Богу»³⁴⁶. Летописи наши почти о каждом благочестивом князе русском говорят: церковные уставы любил, церкви созидал и украшал их св. иконами и книгами наполнял³⁴⁷. Самое большее, что могла сделать Русь на первых порах христианской жизни – это усвоить христианство, как дисциплину – церковный устав и, еще больше, положить последний в основу домашней, общественной и политической жизни. Все это было на заре христианства на Руси. Нет никаких оснований к отрицанию того положения, что, будь на Руси дальнейшие благоприятные политические условия государственной жизни, христианство разрослось бы в могучее и прекрасное дерево. Русский народ по складу своей бытовой земледельческой жизни, к тому же не испорченный языческой цивилизацией, более всех других народов способен был развиваться по идеалам Евангелия. Не напрасно в былинах девизом его было: «Не помысли злом на татарина, не убей в поле христианина!» Монгольское иго, как бы ни представлялась в истории степень культуры татар, парализовало дальнейшее христианское развитие русского народа; оно, в лучшем случае, прикрепило русских к начальным заимствованиям греко–христианской культуры, болезненно направив их на соблюдение внешнего устава, так как приток свежих идей с культурного греческого Востока был прерван, а свои очаги религиозного просвещения и вдохновения – монастыри и школы были разрушены во время татарского погрома. При всем этом национальное самосознание русского народа было убито на долгое время порабощением; мысль настраивалась на мрачный тон, чувство жизни уступало место безотрадному аскетическому настроению: «За грехи терпит Русь наказание!» Приезжавшие греки, еще ранее пользовавшиеся сомнительной репутацией, вместо здоровых религиозных

идеалов привозили реликвии, еще более направляли русских на обрядовую сторону христианства и принижали значение внутренней сущности возвышенной религии. Росток христианства на плодотворной и мягкой русской почве, едва лишь показавшийся, был застигнут стужей и обречен на долгое время иметь жалкий, болезненный, худосочный вид... Все христианство во время монгольского ига сводилось к внешнему умилоствлению Божества: по всякому несчастному случаю строили миром в один день храм; несли свои скудные пожитки на его украшение. О внутреннем самоусовершенствовании думали мало. Духовенство, руководившее народом, вышедшее само из народа, жило его мирозерцанием всецело проникнутым двоеверием, т. е. обрядоверием, христианским и языческим. «Идя на встречу друг другу, – говорит Милюков, – пастыри и паства древней Руси остановились наконец на довольно сходном понимании религии, одинаково далеко от обеих исходных точек: от аскетических увлечений подвижников и языческого мировоззрения паствы. Пастыри все более привыкали отождествлять сущность веры с ее внешними формами; с другой стороны, масса, не усвоившая первоначально даже и форм веры, теперь научилась ценить их и по самому складу своего ума стала приписывать им то таинственное символическое значение, какое имели в ее глазах и обряды старинного народного культа. Обряд послужил той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религиозности: верхи, постепенно утрачивая истинное понятие о содержании, низы постепенно приобретая приблизительное понятие о форме»³⁴⁸. Кроме монгольского ига, остановившего у нас развитие просвещения, удельно–гражданская, территориально вотчинная раздробленность северо–восточной Руси препятствовали прочному, однообразному, целостному христианскому влиянию и ясному сознанию братства и союза церковного. Отсутствие порядка в гражданско–экономическом строе страны дурно отражалось на внутренней, психической жизни народной массы. Расцвет религиозного просвещения, науки, искусств вообще всего духовного богатства народа обычно связан с периодом относительного благосостояния

материального. Известно, что благоприятные географические и экономические условия древней Греции способствовали процветанию греческой культуры. Слабая связь северо-восточной Руси с культурными народами Запада Европы в свою очередь не давала толчков к самостоятельности русского духа. Последний надолго был заключен в рамки своей домашней, беспорядочной, полуазиатской, странствующей, убого-материальной, однообразно-бытовой, христиански-обрядовой обстановки. И вот такой-то народ оказался настолько все же силен, что свергнул через два века с себя рабство азиатам, стал независимым государством с обширной территорией, вплоть до смутного времени расширявшим свои владения и удачно справлявшимся с своими врагами соседями, в то время как на западе происходила сложная борьба народов и религиозных воззрений в эпоху реформации, а на греческом востоке – порабощение культурных народов варварами-турками. Что должен был думать о себе такой народ, и как должна была сложиться его духовная физиономия в период политического возрождения и юного задора? Бог помиловал народ за крепкое стояние в вере отцов. Не до конца наказал Русь за грехи. Низложил сильных с престолов и вознес смиренных! Поэтому надлежит и впредь не гневить Бога, чтобы снова не навлечь бедствий. А не гневить Бога одно средство твердо стоять в вере народной, которая привела в конце концов к благополучию. Греки и латиняне не уберегли веры – и за это погибли. Этот смысл мы влагаем в классические для выражения народного самосознания слова инок Филофея Иоанну III. «Церковь старого Рима пала неверием аполлинариевой ереси, второго же Рима (Царьграда) иссекли секирами агаряне. Сия же ныне третьего нового Рима державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всей поднебесной паче солнца светится... Блюди же и внемли благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть... Твое христианское царство уже иным не достанется»³⁴⁹. Создавалась плодородная почва для национализации веры, но – веры готовой, созданной в самый печальный период русского самосознания, веры,

носящей на себе все следы, младенствующей и язычествующей мысли, мало проникнутой морально – метафизической сущностью Евангелия, убитой к тому же порабощением. Иного христианства не знали, как христианства, вылившегося в тип многочисленных храмов, неумолкаемого колокольного звона, длинных церковных стояний, строгих постов и усердных земных поклонов. Не знали, да и знать не хотели. Опыт говорил за спасительность такого именно христианства. Во–первых, русские святые таким именно христианством Богу угодили, о чем свидетельствуют их мощи и чудеса; во–вторых, Русь, благодаря такой вере, сохранила народность и приобрела даже внешнее могущество. Логика несокрушимая, особенно в то время, когда, по мнению русских, ереси и отступления от веры отцов погубили славную империю прежних учителей и наставников русских в вере и государственности – греков. Религиозное самодовольство, продукт национализации веры, продолжается во весь период самодовольства политического, так как одно обуславливало другое. Когда же политическое самодовольство под влиянием столкновений с более культурными западными соседями, обнаружившими несостоятельность застывшей в своих формах народной жизни, было надломлено, тогда стала пробиваться брешь сомнения и в истинности сложившегося обрядового христианства. Правда, кружок Нила Сорского еще раньше пытался указать всю дурную сторону Иосифлянкой национализации веры и сведения последней в декоративную, внешнюю обстановку; он указывал на необходимость «умного делания» и проникновения в дух христианской религии, созерцательного направления, но апогей национального самодовольства при Иоанне III и Василии III дал торжество Иосифлянской партии, поставившей на своем знамени характерное изречение: «Всем страстем мати мнение – мнение второе падение». Этим изречением отрицается всякое сомнение, всякое плодотворное развитие христианской мысли и рекомендуется держание отцовского полуязыческого, обрядового, декоративного христианства. Некоторым геройством и доблестью звучат другие классические слова русского начетчика: «Братие не высокоумдрствуйте. Если кто

тебя спросит, знаешь ли философию, ответствуй: эллинских борзостей не текох, риторских астроном не читах, ни с мудрыми философами не бывах; философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, аще бо мощно грешная душа очистити от грехов»³⁵⁰. Зловещие результаты религиозного самодовольства и национальной обособленности не замедлили сказаться, когда русскому народу пришлось выступить на широкую историческую арену. Когда Русь расправлялась с восточными своими врагами азиатами, вынашивая ячейку государственности, обособленность и отсталость от западных соседей не была так заметна и ощутительна. Христианских культурных средств, когда-то, в домонгольский период, почерпнутых в культурной Греции, было достаточно для этого, чтобы одержать верх над дикими ордами тюркских народностей, кончая татарами. Когда же северо-восточная Русь включила в себя удельные княжества и татарские орды, расширила свое государство до границ Западно-Европейских держав и волей-неволей должна была стать в близкие соседские отношения с ними, то отсталость обрисовалась рельефно, выпукло. Потребовались средства моральные и материальные для сохранения национальной независимости от более сильных культурных соседей. Доморощенные средства оказались слабы. Великая разруха смутного времени, едва не приведшая к гибели русской государственности в начале XVII века, ясно показала несостоятельность самостоятельной работы московских государственных зодчих XV и XVI веков и требовала иных планов и более прочных оснований, для государственного здания. Весь XVII век был поэтому временем разочарования передовых людей русского общества в собственных силах создать прочную государственность, временем искания за рубежом подходящих средств для нового строительства государства. В начале попытались снова обратиться к первым учителям-грекам (которых игнорировали в минуты национального самодовольства), так как считали их менее зараженными зловредными еретическими учениями, чем западные «папешники и люторы». Начались бойкие сношения с православным Востоком. Так как, исторически, сношение шло

чрез духовную власть, то прежде всего оно и отразилось в области религии. Почувствовав себя в прежней роли учителей, приезжавшие в Москву восточные иерархи, несильные теперь в государственной мудрости, прежде всего постарались найти отступления от греческого чина, чтобы проявить в себе многопопечительных и сведущих радетелей о спасении своих великовозрастных учеников. К великому своему удовольствию на Руси они встретили в передовом обществе многих усердных почитателей греческого авторитета во главе с патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем, которые смело и решительно повели реформу сначала церкви по греческому образцу, изменяя общенародному верованию: «Москва третий Рим, и благочестие на Руси паче солнца сияет».

Церковная реформа п. Никона и следствия ее

Церковная реформа, связанная с именем п. Никона, это первая попытка русских людей выйти из своего одиночества, созданного предшествующей борьбой с азиатами, и завязать сношения с единоверческим культурным народом. Сама по себе церковная реформа была необходима для русской церкви, чтобы в понятие «вселенской соборной и апостольской церкви» входила и обособившаяся местная церковь русская. Патр. Никон сделал для Восточной Церкви тоже, что Петр Великий для всей Европы. Первый ввел православную Русь во вселенское братство; второй приобщил гражданскую Русь к семье культурных европейских держав. Тот и другой действовали круто и самовластно, оба заслуживают порицания за приемы реформы и похвалу за самую сущность ее. Оба фанатики своей гениальной прозорливости. П. Никон, мечтая о единой мощной вселенской Восточной церкви, решил пожертвовать русскими особенностями в чине богослужения и вообще в церковной практике. Он исправил русские церковные обряды и книги по греческим, пытался целиком перенести греческий ритуал, одежду, этикет. С его времени появляются греческие амвоны, архиерейские посохи, клобуки и мантии, церковные напевы, живопись, монастыри и т. д., даже кухня – патриаршая была греческой. Никоном резко осуждаются малейшие отступления от византийских образцов даже в области художественного творчества: иконописи и архитектурного стиля. Самобытные зачатки русской иконописи заменяются раз навсегда установленными образцами «подлинников», отступать от которых запрещается. Никон действовал согласно своему девизу: «Я русский, сын русского, но моя вера греческая». Дело Никона не было его только, личным делом. Передовое общество было с ним за одно. И гражданская, и церковная власть утвердили его реформу, освятив ее авторитетом собора 1667 г., который признал согласование русского чина с греческим правильным и тем разрушил двухвековую работу русского национального

самоmnения, заявив, что отцы Стоглавого собора (1551 г.), возведшего русские церковные обряды чуть ли не в догмат, действовали нерассудно, простотою и невежеством. Реформа Никона и поделила русское церковное общество на две группы: старообрядцев и грекофилов.

Старообрядческая группа или раскольническая

Первые, справедливо с церковной точки зрения, скоро получили наименование «раскольщиков», как отколовшиеся не только от русской соборной церкви, но и от всей Восточной вселенской Церкви, и сделались гонимыми от русской церковно–гражданской власти. Сами же себя раскольники называли и называют «староверами», «остальцами древнего благочестия». Староверы не пошли за Никоном и его сторонниками, не отказались от традиций старины. Они старались отстоять, охранить те воззрения и уклад жизни, кои создались в период национально–самобытного творчества русского народа в церковной и гражданской области. Они явились ревнителями старины, но старины, не уходящей за пределы XV–XVI вв., как это научно доказано многими исследователями этой эпохи (Костомаровым, Шаповым, Милюковым, Каптеревым и друг.)³⁵¹

Какая бы не была эта старина, от какого времени – от начала ли христианства на Руси, как уверены сами старообрядцы, или же от XV и XVI вв., как доказано научно, во всяком случае самое существование группы общества держащейся этой «старины» ослабило силы господствующей греко–российской церкви, особенно в виду того, что эта группа в конце XVII в., по суждению многих исследователей, была самой сильной по стойкости в убеждениях, готовой пострадать за веру, а с другой стороны воззрения этой группы, как идеализация строя церковно–гражданской жизни, выработавшегося в период национального подъема и самобытного творчества, были родными, близкими, теплыми для большинства русских людей, независимо от того, находились ли они за церковной оградой или внутри ее.

Реформа п. Никона, великая по своему значению для Восточной вселенской Церкви, была для национального самолюбия русских патриотов обидною и непонятною. Обида и поруха наносились реформатором всему заветному, родному, с чем срослись, сжились в течение последних веков, и что

освящено было авторитетом святых и чудотворцев, узаконено Стоглавым собором. Непонятной и странной реформа казалась потому, что не согласовалась с представлением русских XV–XVII веков о греческом благочестии, откуда приносились новые чины и обряды п. Никоном. Как известно, к современным греческим книгам значительное большинство московских людей относилось с недоверием; книги эти печатались в «латинских» землях, в них вкрадывались еретические тексты, а потому они и не считались достаточно авторитетными. Сами греки постоянно к тому же подтверждали справедливость подозрений русских к греческим книгам, напечатанным в иноверных землях: так, Феофан, митр. Палеопатрасский в челобитной от 1645 г. писал: «Буди ведомо, державный царю, что *велие есть ныне безсилие* во всем роде православных христиан и борения от еретиков, потому что имеют папежи и люторы греческую печать и печатают повседневно богословные книги святых отец и в тех книгах вмещают лютое зелие и поганую свою ересь»³⁵². Усилению недоверия к грекам содействовал и «Проскинитарий» Арсения Суханова, специально отправленного в 1650 г. на Восток проверить греческое благочестие и собрать греческие книги для сличения их с московскими, так как вкравшиеся в московские книги «описи и недописи», о которых еще царь Иоанн Грозный говорил на Стоглавом соборе, побуждали русских еще до реформы Никона установить однообразный правильный текст. Суханов видел в Греции на месте забвение веры: он видел церкви, засоренные «всяким мусором и птичьим навозом», алтари без престолов и т. под. Суханов говорил грекам укорительные слова, видя в богослужении множество изменений, носящих католический характер. По сообщению Суханова в «Проскинитарии», на Востоке иссякли «ручьи Божественной мудрости», греческие источники пересохли, и сами греки «страждут жаждою». «Греки вовсе не источник всем нам веры», – таков окончательный вывод Арсения Суханова³⁵³. Этот вывод согласовался с сложившимся московским общественным мнением, и вдруг в правительственных кругах одержали верх грекофильские тенденции. Большинству не были понятны высшие соображения правящих кругов церкви и

государства. Оно видело в этом непонятный, греховный каприз властолюбивого п. Никона и вступило на путь страстной оппозиции в лице кружка церковных ревнителей, прежних Никоновых друзей. Когда же церковная реформа Никона, в греческом духе, стала под защиту гражданской власти, скоро сверх этого пошедшей за заимствованиями на иноверный запад, и в умах протестующих против всех новшеств слилась с гражданской реформой, тогда оппозиция старой группы общества уже превратилась из чисто церковной в религиозно–гражданскую, вылилась в общий протест против всех мероприятий правительства, церковных и гражданских. Старина религиозная и мирская–гражданская стала основой раскола. Сущность этой старины, конечно, нельзя полагать только в обрядах, в букве. Последнее ничто иное, как скорлупа, тесно связанная с зерном особенно в период незрелости плода. Вслушиваясь в слова руководителей раскольного движения, мы убедимся, что дело не в букве и обряде, а в духе и силе вековой традиции, которую идеализировали расколоучители и которую противопоставили всем новшествам, откуда бы они ни шли. Ревнители старины защищали национальные особенности московского православия, так как не видели нужды в их изменении, хотя бы на греческий лад. «Вздохни–ка по–старому, – обращается Аввакум к царю Алексею Михайловичу, – рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грешного! А кириелейсон – от оставь: так Еллины говорят, плюнь на них! Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек, говори своим природным языком; не унижай его ни в церкви, ни в дому, ни в красной речи»³⁵⁴. «Ох собаки, – восклицал в другом месте Аввакум, – чего им (никонианам) старина помешала»³⁵⁵! «В коейждо стране свой обычай», – поддерживал его и Ордын–Нащокин, знаменитый дипломат Алексея Михайловича, вовсе, как известно, не стоявший в ряду раскольников. Оппозиция ревнителей старины пробуждала мысль и сознание в широких общественных кругах. Старая Москва словно переродилась: население жило теми религиозными спорами, которые велись в домах, в палатах боярина Ртищева, мецената русского просвещения, где огнепальный Аввакум «грызся о вере», на

улицах, перекрестках и невольно соединялись с другими животрепещущими общественными вопросами. «Время лихое, шагание великое и в людях смута», – замечает современник³⁵⁶. Когда начались преследования раскольников гражданской властью, особенно в патриаршество Иоакима–грекофила, с 1674–1690 г.³⁵⁷, и староверы запечатлели свои национально–патриотические убеждения мученичеством, тогда шатание умов еще более увеличилось: появились зловещие толки о пришествии антихриста, который воцарился в русской церкви и государстве с 1666 г., а за этими толками последовали еще более зловещие для церковной и гражданской жизни побегі раскольников на окраины государства: на юг в степи и на север в олонечкие и вологодские леса и болота и самосожигательства, которые наэлектризовывали массу, создавали в простом народе нервное, психозное настроение.

Раскол в последнее десятилетие XVII века

В последнее десятилетие XVII века, в патриаршество Адриана, раскольническое движение не сокращалось, а разрасталось. В конце же XVII в. найдено было ревнителями старины даже реальное воплощение антихриста в лице Петра I. В первые годы патриаршества Адриана, как свидетельствуют исторические акты и памятники, раскольники продолжали убегать на северную и южную окраины русского государства и даже передавались на сторону врагов Руси. Так, в 90-х годах XVII века казаки–раскольники ушли к врагам России кавказским и крымским татарам. «Как нам на Дону жить, – рассуждали эти изменники церкви и государству в 1693 г., – старую веру ныне выводят, а держат новую и крестное сложение не так, как прежде бывало, и для той новой веры с Дону у нас к Москве забрали людей, добрых и заслуженных, Корнея Матвеева с товарищи и показали неведомо за что, и нам на Дону поэтому жить нельзя»... Казаки–раскольники эти вредили после русскому государству. В июне 1693 г. они сделали набег на русские владения в Астраханском крае. Закубанские же раскольники собирались в то же время, соединясь с крымскими мурзами, «большим собранием» идти для воровства под Царицынскую заставу к Волге реке, на рыбные ватаги и к Черному Яру³⁵⁸. На севере в это же время появились новые раскольнические общины и даже монастыри.

В Олонецких местах, напр., образовался знаменитый Выговский монастырь. Характерно описание очевидцем зарождения и жизни раскольнических общин в суровом крае. «Подле реки, – показывал крестьянин Артемьев, – построено келий с десять. Живут в них начальник раскольнический беглый соловецкий чернец («старый седатый») Корнышка (Корнилий) с товарищами и советниками своими; в сборе у него раскольников *из разных городов и мест* мужеского пола, женок, девок и стариц, человек со сто. Кельи стоят подле Выга реки врознь, между иными кельями полверсты и больше. Пашут без лошадей, а землю размягчают железными кокотами. При мне

приходили к чернецу из иных келий на исповедь, и от их исповедывал и причащал, а как он причастие строил, я видел: взяв ягоды брусники и муку белую ржаную или пшеничную, смешав вместе, и тем их причащал.... Есть раскольникове пристанище на той же реке Выгу выше; начальник в нем бывший церковный дьячек Данило Микулин, и с ним в сборе многое число, и беспрестанно множится; келья у Данилы великая, и в ней устроены окна, откуда от присыльных людей боронится; три пушки медные привезены от моря; пищалей, бердышей и пороху много; покупают оружия, выезжая по ярмаркам, хлеб пашут на лошадях, рыбу ловят на диких озерах»³⁵⁹. Ушедшие как бы из государства и церкви в дикие места и зажившие особой жизнью северные раскольники, подобно раскольникам-казакам, являлись противниками церкви и государству. Если раскольники не видели возможности возобладать над православными или укрыться и оборониться от гражданских и церковных властей, то прибегали к изуверному самосожигательству. В марте 1690 г., напр., в Устюжском уезде в Черевковской волости сожглось более сотни раскольников-мужчин, женщин и младенцев³⁶⁰. А в 1693 г., 21 июля-окт. 2, прогремело на севере новое дело «Пудожских раскольников», характерное для показания как быстроты распространения раскола и главных его деятелей, так и тех мер, кои практиковались к ослушникам церкви при п. Адриане, с их последствиями. Суть дела такая. «Николаевские священники Пудожского погоста Семен Петров да Антипа Михеев били челом, что в 201 г. (1693 г.) июля в 21 день пришли силою в Пудожский погост церковные раскольники, *незнакомые люди* и того Пудожского погоста жители в *церковь Божию*, и врасплох церковные колокола били, и церковь Божию отняли и засели, а их, священников, били и домишки разграбили... тех раскольников – ста два и больше, с *ними чернец и многие дьячки*... На челобитную последовал царский указ и приказ воеводы Стрешнева, чтобы в погост ехали подьячий Бураков и сотник со стрельцами и поступили с раскольниками согласно указу 195 г. (1687 г.) на Олонец в разных месяцах и числах, коим «велено смотреть накрепко, чтобы церковные раскольники в

лесах и в волостях не жили... и таких суемудренных и плевосеятелей и *прелестников до конца искоренить...* и принять предохранительные меры, чтобы они *не жгли церквей* и сами не самосожигались»... Посланные, узнав, что раскольники засели в дер. Строкиной, в четырех избах, отправились с «понятыми людьми их, воров, уговаривать, чтобы они от такой своей ереси престали и принесли бы покаяние и повиновение», но раскольники в ответ на это «говорили всякия богомерския слова и на Церковь Божию, и на четвероконечный крест великую хулу износили». Стрельцы обступили дворы и хотели перехватить раскольников живыми, но те *начали отстреливаться*; стрельцы стали просекать стены, тогда раскольники зажгли избы и сгорели все без остатка, потому что у них были заготовлены к пожару всякие припасы, порох и солома, и сено сухое. Всего на этот раз сгорело до 800 раскольников. Остальных участников Пудожского дела велено держать до указа за крепким караулом, а пристанища их разорить и сжечь³⁶¹. В Сибири раскол свил себе также прочное гнездо; об этом говорят, как послания Игнатия митрополита Сибирского с увещанием и вразумлением к раскольникам³⁶², так и те крутые меры, которые предлагал на одобрение Государя преемник Игнатия митрополит Филофей (Лещинский) в начале XVIII века. Филофей просил: «Церковных раскольщиков, отступивших от св. Церкви и в упрямстве необратно стоявших истребляти; а прочих, где явятся, всякими наставлениями приводить до соединения Св. Церкви, а непокаяющихся – дома их разграбляти на великого государя, а их смерти предавати». Государь чрез Виниуса определял: «Учинить непокаянным раскольщикам по прежним указам только того смотреть, чтобы ложными покаяниями избыв смерти, не начали тайно простых и неутвержденных людей в свои прелести привлекать или ушед в пустынные места, собираясь по-прежнему, людей льстить и *зажигать*; а которые раскольщики собрав людей сожигали, а сами уходили, и таких воров, по истинному свидетельству, хотя и покаются, самих без всякой пощады, во страх иным таким же ворам, сжечь»³⁶³.

Меры против раскола гражданского и церковного правительства

Как видим из вышеизложенного, с попадавшимися в руки гражданского правительства раскольниками расправлялись очень сурово. Раскольников подвергали пыткам, чтобы привести их в покаяние и повиновение, заключали в остроги по дальним городам³⁶⁴, а нераскаянных, по указу, казнили. Власть церковная была солидарна с властью гражданской в мерах против раскольников, так как последние были общие враги церкви и государства. Церковная власть часто направляла руку гражданской власти. При розыске имущество раскольников описывалось, а дома сжигались, сами они приводились за крепкою «сторожею», скованные или связанные, в судный архиерейский приказ, где подвергались допросу «накрепко», т. е. допросы соединялись с битьем не для той только цели, чтобы достигнуть большей достоверности показаний, но, чтобы принудить допрашиваемых лиц отказаться от раскола. Так поступали в епархии Афанасия Холмогорского. Но ведь Афанасий был правой рукой п. Адриана, и все архиереи, чтобы заявить о своей кипучей деятельности, должны были приближаться в своих противораскольнических мероприятиях к Холмогорскому владыке. Выше мы видели, каким огнем ревности по православию горел и какие меры считал подходящими вновь назначенный образованный архиерей из Малороссов Филофей (Лещинский). Таков был дух времени³⁶⁵.

Отношение к расколу п. Адриана

Сам п. Адриан, несмотря на то, что по политическим воззрениям мало отличался от крайних выразителей старорусских традиций (XV и XVI века) и разделял взгляды раскольников на заимствования Петра I с Запада, считал, однако, нужным поддерживать борцов (вроде Афанасия,

архиеп. Холмогорского³⁶⁶) против раскола, как церковного явления и гнать «раскольщиков», как ослушников Греко-русской церкви.

Раскольников было много и в епархии п. Адриана, что вызвало особые предписания п. Адриана протопопам и поповским старостам в его «Инструкции» с указанием, какие меры принимать по отношению к ним. «Будет, – предписывал он, – в городе и в селех и в деревнях явятся раскольники, чернцы, неповинующиеся Святей Восточный Соборней Апостольстей Церкви и преданию святых апостол и святых отец, и станут в мирских домах жить и христиан от православные веры своим злохитрством и учением сатанинским отвращать и бесчинство какое чинить, и про тех раскольников учинится от кого ведомо или сам уведает (протопоп) и тех раскольников чернцов сыскав, на десятильнице дворе распрашивать, какого он чину в мире был и где жил, и кто его постригал, и в котором году и месяце и числе, и в котором монастыре или в коей пустыне и в доме, и сколь давно пострижен, или сам на себя чернеческое платье положил, и который год, как от истинные православные христианские веры совратился, и христиан православных своим злохитрством и сатанинским учением кого не отвратил ли и будет колико отвратил, или в *овинех и в лесех пожег*, о том, о всем его допросить подлинно, и допроса сослать его в монастырь и держать до указа Святейшего Патриарха *в крепости*, чтобы никто не ушел и о том писать свят. патриарху в Разряд не мотчав, да и о бельцах раскольниках же чинить по сей же вышеписанной статье»³⁶⁷. Делопроизводитель п. Адриана инок Карион Истомин, чуткий ко всем вопросам и явлениям

переживаемого времени, не обошел молчанием раскола в Московской области. О раскольниках он говорит и в словах, и в стихотворениях, и в отдельной исторической записке, помещенной в рукописи Моск. Синод. библиотеки (№ 301), где вслед за ней находятся стихи против раскольников, в которых Карион обращается ко всему российскому народу без различия возраста и пола с увещанием держать чин святой церкви, верить, что в церкви Божией «несть злое ничтоже», обличает раскольников в фарисействе, лицемерии и во лжи, а в заключении молит Бога, чтобы он обратил раскольников к церкви и прекратил в людях смуты³⁶⁸. Другой сотрудник п. Адриана, близкий ему, чудовский инок Евфимий в прошении к п. Адриану, приложенном в виде предисловия к Щиту Веры, указывал на опасность для церкви от раздоров, виновниками которых были среди прочих врагов церкви раскольники³⁶⁹. За отсутствием архива п. Разряда, невозможно изобразить практические отношения п. Адриана к раскольникам его епархии, во всяком случае трудно предполагать в п. Адриане особую энергию и настойчивость в преследовании раскольников, когда патриарх в глубине души не мог не сознавать, что раскольники являются, как никак, жертвой, которую пришлось принести государству в его стремлении повернуть курс жизни в обратную русской старине сторону; такую жертву патриарх вряд ли считал необходимой, так как и сам, и его старорусская партия разделяли раскольнические воззрения на реформы Петра I в конце XVII века, а горячие головы из православных ревнителей старины одинаково с раскольниками несли тяжкие наказания от молодого царя реформатора³⁷⁰. Все данные говорят за то, что раскол в последнее десятилетие XVII века возрастал, и все церковные и гражданские мероприятия были бессильны остановить его движение. Покинувши церковную ограду, раскольники ухватились за старые книги и обряды, потому что в их руках ничего другого не осталось, благодаря централизации церкви и государства. Покинувши государственное общежитие, они поселились в диких, пустынных местах, ибо не могли выносить латинских и немецких прелестей, и начали жить по своим

излюбленным началам. Религиозный уровень отколовшихся от церкви русских людей достаточно обрисован в специальных исследованиях по истории русского раскола – проф. Ивановского, Субботина, Щапова и других, и потому мы не будем его характеризовать; достаточно сказать, что сущностью раскольнических воззрений в конце XVII века была старина, которой за полвека тому назад держались все от царя и иерарха до купца и простолюдина с большей или меньшей ревностью и сознательностью.

Группа греко–русская во главе с патр. Адрианом

По уходе первых славянофилов ряды православной греко–русской церкви несколько расстроились. Конечно факт ухода раскольников важен не в количественном отношении, а скорее в качественном. Вопрос не в подсчете, сколько ушло и сколько осталось в церковной ограде, а в оценке моральных сил и энтузиазма ревнителей «древляго благочестия» и некоторой растерянности православных. Православная церковь скоро стала между двух огней: «ревнителей старины», созданной в XV и XVI веках, как национальной веры и жизни, чуждой влияния иностранцев, и ревнителей «новизны», практически усвоивших западно–европейскую культуру. Православные, воспитанные в одних и тех же традициях, что и «староверы», конечно, не могли создать сразу иные представления об отношениях религии и общественно–государственного быта между собой; с другой стороны, потребность и сознание необходимости технических заимствований с еретического запада, приносивших с собой коренные изменения в укладе бытовой и церковно–гражданской жизни, повергали православных в мучительное раздвоение и толкали церковное общество на путь компромиссов партии старины и партии новизны. Отставши от национализации веры, куда русский вложил всю душу, и принявши за идеал единение русской церкви с греческой во всех частностях, правящая иерархия второй половины XVII века (Никон–Иоаким–Адриан) не создала мощного церковного течения, которое бы захватило все бодрое и живое в русском обществе³⁷¹. Церковь осталась в стороне и от горячих ревнителей и охранителей всего чисто–русского без всякой примеси иноземщины, и от беспокойных искателей новых средств для воссоздания мощи и величия русского государства, в течение всего XVII века испытывавшего разруху и неспособного, по взгляду передовых людей, своими доморощенными средствами наладить правильную культурную жизнь. Те и другие пошли своими путями, оставив большинство православных³⁷² на опасной полдороге индефферентизма к идеалам церковным и гражданским и ко всем воззваниям

патриархов жить по святоотеческому разуму. Из этого православного большинства вербовались как новые члены старообрядческой группы, так и сторонники двух новых культурных течений западнической группы на Руси в конце XVII века – латино–польского и немецко–протестантского.

Западническая группа: а) немецко–протестантское течение

В описываемый нами период более посчастливилось на Руси протестантам, так как они нашли покровителя в лице молодого царя–реформатора. Общение русских с протестантами не обходилось без ущерба для чистоты православных убеждений друзей – сторонников немецкой слободы³⁷³. Хотя, в силу действовавших узаконений, в русском государстве протестантской пропаганды не допускалось, и сами протестанты были оценены русскими предпочтительно пред католиками за ненавязчивость другим своих религиозных воззрений, однако протестантское влияние не могло не сказаться на русских людях в силу простого делового и житейского общения с немецкой слободой. По замечанию Цветаева, протестантские мнения распространялись в русском обществе так: «В одном месте проявит себя какой–либо пастор, тем более что, по сознанию протестантских писателей, проповедь была лучшим средством «направить русских на истинный путь»; в другом – обнаружит излишнюю ревность иной помещик или домохозяин, стараясь провести свои религиозные тенденции между своими крепостными или русской прислугой; там кто–нибудь, разговорившись с москвитянином о житейских предметах, переведет речь на предметы религиозные, неодобрительно отзовется о православии и православных и похвалит своих; чаще и решительнее поступали таким образом члены посольств»³⁷⁴. Конечно это была не явная пропаганда, а тайная. Она имела успех особенно среди доморощенных русских рационалистов – преемников стригольников, жидовствующих и др., оказав на них свое влияние и сообщив новый характер религиозного вольномыслия. Новые вольнодумцы не составили какого–нибудь общества; в общей массе православных они были почти незаметны, только в начале XVIII века на них обращено было серьезное внимание местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Стефаном Яворским, в виду резкого выступления некоторых

фанатиков— вольнодумцев в деле Дмитрия Твиритинова. До этого же времени протестантствующие были неуловимы, хотя сам п. Адриан и его сотрудники видели плоды влияния протестантов на русское общество в охлаждении некоторых православных к родной религии и нарушении церковных традиций и устава, отмечая в своих проповедях и сочинениях опасность протестантизма для русской церкви. Даже ранее несколько, еще при п. Иоакиме, южно–русский ученый Негребецкий, протестуя против принятия некоего Яна Белободского в лоно православной церкви и в учителя, умолял царя Феодора Алексеевича охранить русское общество от влияния Белободского. «Пожалуй, премудрый монарх, охрани свое царство от лестного сего еретика, да не беседою и сожитием своим в сердца православных посеет ереси. Неискусные люди, приготовленные к ереси чтением разных польских книг легко могут увлечься им и усвоить его лютеранския и кальвинския мысли»³⁷⁵. Когда же Белободский все–таки остался в Москве не как профессор Академии, а как частный, домашний учитель и очевидно в беседах с москвичами высказывал протестантские заблуждения, тогда ревнитель православия чудовский инок Евфимий уже жаловался на него п. Адриану³⁷⁶. И не один Белободский был распространителем протестантских мнений в патриаршество Адриана. Инок Евфимий в прошении к п. Адриану об издании книг, полезных православным для противодействия разным ересям и заблуждениям, приложенном к изданному при П. Адриане «Щиту Веры» указывает на многие раздоры в русской церкви, виновниками которых были как «люторы, кальвины»..., так и свои прикровенные отступники «иже вначале яд свой еретический крыющыя до некоего времени, явлено же прельщати ныне молчащыя : точию простыми разглагольствы и шутствами»³⁷⁷ помалу наполняют, неточию невеждам, слухы, своею кийждо ересью, но и мнящимся некиим ведение закона и писаний имати *осмеявающие предания* церкви святыя писанныя и неписанныя, глоголюще, о постех святых, и поклонении иконам святым, о монашеском устроении, и о иных, и глаголюще, сие чесо ради; и сие откуда взято, и сие кто

предаде; и сие где писано... врагов у церкви много, а защитников мало»³⁷⁸... Эхо современных событий поэт Карион Истомин в стихотворении «На ереси» также говорит об опасности от лютеров и кальвинов и убеждает православных не читать их *еретических писем*, истреблять их всячески³⁷⁹. Сам п. Адриан взывал об этом же в окружном послании к пастве (наставление 12–е)³⁸⁰, а в предисловии к изд. при нем Исповеданию митр. Петра Могилы горько жаловался на иноземцев, «что в нашу всероссийскую страну они вошли, как волки в овечьих кожах и начали тайно и явно вносить громады нощеподобных во мраке предлогов и обычаев, спрашивая: чего ради сие и на что оное?»³⁸¹ Тревога, забитая в высших церковных кругах, была не напрасна, особенно в виду симпатий государя к протестантам за высокую культуру на их родине, границей. «Преобразователь, – замечает Соколов, – страстный поклонник немецко–протестантской цивилизации, не чужд был некоторое время некоторым религиозным ее воззрений: ее рационализм вполне соответствовал его душевному складу»³⁸². Протестантские писатели утверждали, что Петр по своему характеру и по обстоятельствам жизни никого в мире так не чтит, как Лютера. Подвигам аскетизма он, подобно Лютеру, не придавал значения, а выше ставил деятельное служение обществу, исполнение каждым своих обязанностей; в чудотворные иконы плохо верил и, как утверждала о нем всеобщая молва, готов был вынести из церкви все иконы, кроме Божией Матери и Распятия. К киркам и богослужению лютеранскому он оказывал уважение и благоволение чуть не до предпочтения их пред православными церквами и богослужением. Царевич Алексей впоследствии говорил, что отец его «живет не по церкви»³⁸³. Протестантские воззрения усвоены были, еще при жизни п. Адриана, Петром и на отношения церкви к государству. По свидетельству мемуаров Сен–Симона, во время путешествия Петра по Европе, король Голландский (Английский) Вильгельм (1788–1702г.) советовал ему в установлении отношений между церковью и государством подражать Англии и Генриху, и самому сделаться главою религии, без чего он не мог бы сделаться полным господином в

своей стране. Этот совет понравился царю. Вот почему Петр, как государь, предпочитал протестантизм папству³⁸⁴, что сказалось на самом положении протестантов в России в его время. Имея нужду в иноземцах, гл. обр. в более культурных протестантах, для исполнения своих государственных предназначений, Петр очень благосклонно относился к ним, гостеприимно зазывая их в Москву и обещая им льготы и свободу вероисповедания. То, что практиковалось Петром по отношению к протестантам при п. Адриане, по смерти его узаконено было через манифест Петра I, от 16 апр. 1702 г. «Понеже здесь, – гласил манифест, – уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашею церковью несогласных, христианских сект, того ради и оное сим вновь подтверждается, таким образом, что мы по дарованной нам от Всевышнего власти совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о спасении души своей. И тако мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отпращивании богослужения беспокоиваем не был, но при оном – содержан и противу всякого помешательства защищен был»³⁸⁵. С передовым обществом, русской интеллигенцией конца XVII века, было тоже, что и с руководителем его. По мере усвоения немецкой цивилизации русские проникались отчасти протестантскими воззрениями в религиозной области. Через книги, которые Петр I, по словам иностранца Толюка, выписывал из заграницы по три корабля и в особенности чрез частные и общественные сношения русских с своими цивилизаторами, заменившими греков, оказавшихся бессильными в культурной помощи России XVII века, протестантизм заражал своими заблуждениями сподвижников Петра и даже впоследствии некоторых духовных особ, близких к Петру I³⁸⁶. Кружок же Тверитинова служит наглядным показанием, что протестантизм увлек много горячих голов и из рядовых москвичей. Первая половина пропагандисткой деятельности вольнодумца Тверитинова падает на патриаршество Адриана. История Дмитрия Тверитинова не

безынтересна. Чернослободец из города Твери, пришедший в Москву на заработки около 1690 г. у иноземцев «разных религий» он обучался циркульному мастерству и дохтурской науке. Одаренный от природы ясным умом и живой впечатлительностью, наблюдательный, страстный охотник до религиозных книг Тверитинов не удовлетворился московскими православными книгами, напр., «Исповеданием веры» Петра Могилы, заинтересовался протестантскими богословствованиями, как новинкой, и увлекся делом Мартина Лютера. Он сам стал сторонником протестантского рационализма, лично занялся выпиской текстов из свящ. Писания на вопросы о почитании икон, о призывании святых, о почитании мощей, о достоверности чудес, о значении предания и творений св. отцов церкви, о незаконном преследовании еретиков, об обязанностях истинных пастырей и проч. Протестанты вручили своему ревностному ученику лютеров катихизис. Прочитав его с замиранием сердца, Тверитинов начал мудрствовать о вере «по кальвинскому, лютеранскому разуму» и считать Лютера человеком, который «возобновил церковь и древние обычаи взыскал»³⁸⁷. Весь рационализм Тверитинова вырос на почве глубокого недовольства низким уровнем нравственности современного ему русского общества, его суеверием, формализмом, невежеством и не простирался до крайних положений протестантизма, напр., догмата протестантского об оправдании верой Тверитинов никогда никому не проповедывал³⁸⁸. Как горячий прозелит протестантизма Тверитинов не утерпел вынести свои новые религиозные воззрения за стены своей лекарской приемной. Он сделался пропагандистом рационализма, вольнодумства. Манера его пропаганды была оригинальна и верна. Придет к нему пациент лечиться от глазной боли, а еретик ему со смешком посоветует: «У вашей милости есть лекарство изрядное: изволь купить глазок или оба серебряные и отнести к Пятнице Проще, что на Пятницкой улице, и глазки твои здоровы будут, а ежели у Вашей милости болят зубки, то изволь купить зубок серебряный Антипе Чудотворцу»³⁸⁹. Так усмешечкой прокладывал он путь протестантским мнениям в душу

православных пациентов. Современники оставили любопытное описание самого Тверитинова и его разговора. «Имеет по нраву уклонное, мягкое и весьма льстивое, так что уже и телом своим не может быть не уклонен, не уступчив, не пригибателен на тот бок и на другой. Также и шею свою и на то и на другое плечо полагает и сам весь изгибается, и говорит очень вежливо, утешно, смехом растворяя; приступает и уступает и всячески мастерит, дабы тому, что с кем-нибудь говорит, приятен был, и таковым понравившим так одарен, что едва равного ему обретет»³⁹⁰. С годами Тверитинов приобрел известность в Москве. Его знали за рационалиста в разных слоях общества от студентов греко-латинской академии и вице-губернатора до простолюдина. Насколько авторитетно и красноразглагольствовал Тверитинов, видно из восклицания его слушателя Михаила Косого: «То-то бы патриарх-от был (Тверитинов)!»³⁹¹. Все увлеченные Тверитиновым в рационализм и протестантские мудрования на бурное свое поприще с резкими выпадами против церкви, доходившими до святотатства, выступили уже в XVIII веке (ст. 1700–1713 г.), когда и были сурово наказаны церковной властью, но, конечно, замечает исследователь протестантизма на Руси Соколов, не разом же Тверитинов мог набрать своих единомышленников во всех сословиях³⁹². Во всяком случае в последнее десятилетие XVII века протестантизм и вольнодумство нашли себе многих тайных проводников, видным представителем которых был Тверитинов. Борьба с такими врагами церкви п. Адриана и его сотрудников была мало результатна, так как зарождавшийся новый строй отношений между гражданской и церковной властью лишал патриарха поддержки царя в практических мероприятиях церкви в пресечении тайной пропаганды протестантских и сектантских мудрований в передовом классе русского общества, находившемся в живом общении с «немцами».

Западническая группа: б) латино–польское течение

Латино–польское течение в передовом классе русского общества, столь сильное при царе Феодоре Алексеевиче (1676–4682 г.) и царевне Софье (1682–1689 г.), с падением последней было решительно подорвано п. Иоакимом. Собором 1690 г. были осуждены как главные проводники его в Москву – Сильвестр Медведев и его сообщники, так и сочинения Симеона Полоцкого (за исключением противораскольнического – «Жезла») и многие южнорусские произведения³⁹³; зачиненные в латинских мудрованиях. Южнорусские ученые, передатчики латино–польской культуры, были удалены из Москвы. Мало того, п. Иоаким с освященным собором бил челом государям, что «езувиты живут на Москве многое время без дела, а прежде сего исстари при предках государских римские езувиты в Московском государстве никогда не были и не живали; а ныне, живучи они, езувиты, в Москве чинят многую Св. Соборной Апостольской Церкви и догматом ее противность печатными письмами и образами: на полотнах и на роговой кости, также и иными прелестями, а у Св. Соборной Апостольской Восточной Церкви с западным римским костелом многие несходства, и чтобы великие государи больше сего им, езувитам, за такими вышепомянутыми препятствиями в Московском государстве *жить не позволили*»³⁹⁴. Проживавшие в Москве иезуиты Давид и Товия согласно такой челобитной собора были удалены из Москвы, а чтобы иезуиты и впредь не прокрались в Россию, издан был указ: «Великие Государи указали для братской дружбы с его цесарским величеством быть на Москве при одном ксендзе и другому, только бы те ксендзы, живучи на Москве, ни в какие неподлежащие и не в свои дела не вступались и вере Греко–российской никакой противности не чинили, и русских людей не отвращали, и в дома к русским людям не ходили, а службу отправляли в домах у начальных людей Римской веры, также бы и чрез почты как вестовых, так и затейных никаких писем в иные государства отнюдь не писали и не посылали, и под именем тех ксендзов в их ксендзовом платье не жили бо на

Москве езуиты, а были б те ксендзы светские плебаны, а не езуиты; и буде вместо тех плебанов объявятся на Москве езуиты, и те езуиты, также и плебаны высланы будут с Москвы *вовсе и впредь им на Москве жить будет не позволено*"³⁹⁵. По смерти п. Иоакима латинская партия воспрянула духом. Это сказалось даже в нелепой претензии выставить своего кандидата в патриархи и в продолжении той борьбы по вопросу о хлебопоклоннической ереси, которая по-видимому закончилась при п. Иоакиме. Партия Медведева была настолько живуча, а тайная пропаганда латинских мнений по спорному вопросу настолько опасна, что п. Адриан вынужден был прибегнуть к крайней мере: предать анафеме тех, кто вздумал бы извинять или оправдывать книги, запрещенные его предшественником³⁹⁶. Но анафема помогла мало. Борьба продолжалась и после, приняв литературную форму. Со стороны православных последовал ряд сочинений оригинальных и переводных³⁹⁷. О существовании в русском обществе сторонников латинства в конце XVII века заявляли и п. Адриан (Окружное послание п. 12), и его сотрудники, предостерегая православных от общения с ними. Особенно бил в набат чудовский инок Евфимий: «Злоба еретическая, – писал он Адриану в прошении об издании «Щита Веры», – между православными множится и ширится, яко лютый недуг, глаголемый гангрена, все тело Церкви святые мало по малу обкруживает и изъедает, и наших неции прельстившеся тем поборают, от неведения истины, приклоняющиеся к оных части, не точию простии, но и священных неции, яко Иуды предатели, и противницы своя ядометная овии словеса произносят и рассеивают. А овии польская книги бредят, преводят на словенский наш язык: и тем людие прельщаются: зане книги польския весьма ереси латинския наполнены, яко и тетрадь выклад»³⁹⁸. Дело дьякона-ренегата Петра Артемьева³⁹⁹ достаточно свидетельствует, что жалобы Евфимия были неголословны. Кроме того, дошли от того времени известия о существовании и других латинствующих, преимущественно из лиц, получивших образование в южнорусских и заграничных – польских и римских учебных заведениях и заразившихся латинскими мнениями.

Таким был официально признан освященным собором при п. Адриане в конце XVII в. русский выходец из заграничных школ Григорий Скибинский, прибывший в Москву из Рима⁴⁰⁰. История Скибинского не безынтересна для ознакомления с судьбою русских юношей, получавших в конце XVII в. образование за границей. Скибинский родился в Малороссии или Белоруссии и первоначально воспитан был в православном духе. Для приобретения высшего образования, он отправился за границу. В 1688 г. прибыл в Рим, где должен был, чтобы поступить в учебное заведение, принять римское учение в 10 пунктах, развивающих два главных догмата: папа есть глава церкви, и вне римской церкви нет спасения. 8 лет пробыл Скибинский в Риме, слушая уроки математики, философии и, преимущественно, богословия у «знаменитых учителей доминиканцев, приближенных папы Иннокентия (XII)». Отсюда с дипломом доктора богословия он, по пути из Рима на родину, заехал в Константинополь и получил будто бы у К. патриарха благословение отправиться в Москву и занять место учителя Академии, хотя не заручился рекомендательной грамотой, что подало после повод москвичам заподозрить, православие Скибинского. По прибытии в Москву Скибинский подал п. Адриану прошение, в котором, рассказывая о своих занятиях в Риме и невольном отступлении от православной церкви, высказывал желание возвратиться в лоно Церкви и просил патриарха, чтобы он «святейшеским благословением» дал ему свящ. Прова для испытания его совести, уврачевания язвы согрешения и приготовления его к возвращению в церковь. П. Адриан не совсем благосклонно принял прошение Скибинского. Об учености его и познаниях, приобретенных в западных школах, Адриан отозвался не столько с похвалой, сколько с горьким осуждением. «Да ты, – писал Адриан на прошении Скибинского, – носящийся и пишущийся мудре по западу, будеши мудр по востоку, на нем же родился и воспитался, к нему же ныне паки пришел еси, да не когда зряй како–либо вспять на запад, будеши яко столб слан под анафемою святых отцов, на вселенском соборе положивших тое (анафему) на таковые отступники»⁴⁰¹. По определению п. Адриана, дело

Скибинского должно было поступить на обсуждение освященного собора. Были приготовлены следующие вопросы, на которые Скибинский должен был дать ответ собору: а) Пункты или предложения, содержащие догматы римской церкви, какие Скибинский принял при поступлении в римскую школу письменно ли обещался содержать или только на словах, без писания? б) Кроме догматов римской церкви, означенных в сих пунктах, есть ли в римской церкви другие противности Церкви Восточной, и держит ли он их? в) Имеет ли он письменное свидетельство учителей римских о совершении наук своих?.. г) По совершении наук слагал ли какие книги? Если писал, то какие: в защиту ли Восточной церкви или западной; в Риме ли, во время учения писал или после оногo? д) Хочет ли принять монашество, или преподавать учение в домах? На этот вопрос п. Адриан замечал, что лучше бы Скибинскому принять монашество и в уединении быть, нежели, ходя по дворам ради научения детей, в мятежностях и суетах пребывать малые ради корысти⁴⁰². Дело Скибинского, однако, на собор сразу не поступило. П. Адриан отдал его на предварительное рассмотрение одному ближайшему советнику (вернее всего, эксперту по ересям чуд. иноку Евфимию). Советник представил мнение о Скибинском крайне неблагоприятное. «Давно слух носится, – замечал советник, – что от папы ближние его и таинственные советники, завоемые у них секретари, посланы сего идути. Негли убо посланец оных есть и сей Скибинский? Папа тщится великороссийский народ единовѣрен себе сотворити. Тем же явлено есть, яко сей Скибинский, нарочно от папы прислан на прельщение»⁴⁰³. Советник предостерегал патриарха от Скибинского, указывая, что Скибинский будет «туюжде злобу в начале тайно и помалу, а потом обретши время и явно рассеивати и своему еретическому научати»; ни во что ставились даже полученные от иезуитов науки Скибинского, «в них же мнози из наших зле погибоша, инии же возвращающиеся, в няже родишася грады в притворстве православных к той же гибели тайно хитро привлещи понуждаются». Для убедительности советник указывал и примеры таких скрытых еретиков: на Яна Белободского, который

«отрицался когда-то на соборе лютерских и латинских ересей, а после такожде мудрствует и прельщает до днесь», на чернеца Одорского⁴⁰⁴, который «такового же ради прельщения пришел в Москву». В заключении своего отзыва, махая безнадежно рукой на искренность обращения Скибинского к православной церкви, советник даже отговаривает п. Адриана созывать собор по делу еретика и во всяком случае не давать ему места учителя в Академии⁴⁰⁵. П. Адриан по своему мягкосердечию оказал снисхождение Скибинскому, собрал все— таки собор, где от него потребовали ответы на все вышеуказанные пункты. Сверх сего п. Адриан предложил Скибинскому еще два новых условия, при которых он может быть принят в недра православной церкви: 1) написать исповедание веры и 2) дать обещание не развращать народ папешскими науками. Из соборного определения об условиях принятия в православную церковь для Скибинского стало видно, что ему нельзя было рассчитывать не только на занятие должности учителя в Академии, но и на частные уроки в Москве. А так как он при таком обороте дела не мог найти себе средств к существованию, то ему оставалось только покинуть Москву. В письменных памятниках XVII века не сохранилось «исповедания» Скибинского, вероятно оно не было подано, за отъездом его из столицы. Дело Скибинского взволновало правящие церковные круги, причинило много хлопот п. Адриану и освященному собору и лишний раз удостоверяло для подозрительных москвичей опасность католицизма, прокрадавшегося в русское государство чрез книги и науку, которыми снабжали иезуиты «не безмездно», ценою отречения от православия, русских выходцев. Но несмотря на все усилия латинствующих теми или другими способами удержать свое значение в Москве, судьба готовила им удар не менее тяжелый, чем при Иоакиме, в лице царя Петра I, который совершенно иначе относился к католикам, чем к протестантам. Характерен отзыв Петра о иезуитах, который в сущности ставил крест влиянию католичества на русское общество. Во время пребывания в Вене в 1698 г., осмотрев коллегиум иезуитов, Петр сказал: «Знаю я что иезуиты большею частью люди учение, во многих художествах искусные и ко всему способные,

но не для меня: ибо я знаю также и то, что сколько они ни кажутся набожными, однакоже вера их служит только покровом, к обогащению, равно как их училища и художества, орудием к проискам, услугам и выгодам папы и к господствованию над государями»⁴⁰⁶. Такой великий государственный, ревниво охранявший права самодержавной власти, не мог допустить распространения в русском обществе идей католицизма т. е. папизма и покровительствовать друзьям католиков—латинствующим, в ряды которых могли вступить все недовольные церковными реформами Петра и мечтавшие о таком же значении церкви в государстве, духовенства в обществе, какое имели католическое духовенство и церковь в католических государствах. Во всяком случае, латино—польское католическое течение при Петре I в конце XVII века должно было уступить место немецко—протестантскому. Последствия этого явления для русской православной церкви были те, что вместо одного образования противника оказалось два. Увлечение же некоторых членов церкви католическими и протестантскими воззрениями и обычаями усилило оппозицию к церкви раскольников. К концу XVII века у русской греко—восточной православной церкви было три врага, которые, отрицая друг друга, расстраивали и правильное мирное течение жизни церкви, и требовали от православного общества напряжения нравственных и образовательных сил для борьбы со всеми отклонениями от вселенской древне—соборной истины.

Б. Нравственное состояние русского общества

Государственные акты и постановления церковных соборов, указы, грамоты и послания церковной и гражданской власти, записки русских и иностранных наблюдателей жизни описываемого периода дают богатый материал для обрисовки нравственной физиономии русского общества.

Государственная разруха на Руси в конце XVII века

Резко бросающимся в глаза явлением народной жизни, отразившимся дурно на народной нравственности, была, та «государственная разруха», из которой Русь не могла выйти в течение всего XVII века. Государевы люди, по жалобам множества челобитных, направлявшихся со всех концов страны московскому правительству, «брели врознь», бросали свои «домишки и животишки» и шли, куда глаза глядят, большей частью, на окраины государства, чтобы избыть государственного тягла, становились в ряды казаков и разбойничьих шаек с тем, чтобы грабить «зипуны» у своих же мирных собратий крестьян, или, воспользовавшись случаем, производить кровавую расправу с помещиками боярами и приказными и выместить на них свое горе злосчастье. Так, в 1690 г. стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы рязанские, шацкие, ряжские помещики и дворяне городовые, рязанцы, мещеряне, ряшане, копейщики, рейтары и дети боярские, мурзы, татары и солдаты выборных полков подали подписную челобитную: «Бегают от нас люди и крестьяне с женами с детьми на Дон и на Хопер и на Медведицу беспрестанно, многие села и деревни запустошили; дома, животы, лошадей и всякую рухлядь без нас, как мы бываем на службах в отъездах, грабят, остальных людей и крестьян наших подговаривают, жен и детей наших в избах и хоромах заваливают колодами, детей наших режут и побивают до смерти и в воду, ругаясь, сажают. Теперь мы от этого побегу разорены без остатка, а государевой службы отбыли, и за этих беглых задворных людей и крестьян платим ямския и рублевые деньги и стрелецкий хлеб и делаем городовые поделки»⁴⁰⁷. В 1695–1699 годах воеводы и приказные люди Белгородского и Севского полков неоднократно доносят, что полковые, городовые всяких чинов служилые и жилецкие люди, их дети, свойственники и крепостные люди, и крестьяне, не хотя служить, быть у строения морских судов, у стругового (лодочного) дела, у лесной работы, в кормщиках, гребцах, на плотах, бегут в донецкие казачьи города; в 1699 г. из одного

Воронежского уезда бежало около 330 дворов⁴⁰⁸. То же замечалось и на Днепре. В начале 1699 г. гетман Мазепа извещал Государя, что вопреки статьям мирного договора не заселять запустелых за Днепром городов, в прошлом (1698 г.) году заведена слобода в Мошнах, куда осадчики подговаривают и переманивают людей с левой стороны Днепра; тяжесть от кормления ратных людей заставляет многих бежать за Днепр, и таким образом, кроме Мошенской слободы, заселилась еще слобода в Драбовце, Корсуне и Богуславе; устеречь беглецов трудно, потому что нельзя по всему Днепру расставить караулов»⁴⁰⁹. На восточных границах государства русские люди терпели от разбойничих набегов калмыков. В 1682 г. 40 тыс. калмыков и ногайцев под предводительством Аюки вторглись в Уфимский уезд и закамские городки. Нужно было прогнать грубых опустошителей кочевников, а царские войска от скудости, не получая жалованья, разбежались⁴¹⁰. Аюка был умен, коварен и хитер; он сумел легко подчинить своему влиянию других калмыцких нойонов и сделался могучим, почти единодержавным владыкой. В 1690 г. Далай-лама пожаловал ему титул хана, печать и прочие знаки ханского достоинства. Русские принуждены были так или иначе считаться с столь могучим ханом и иметь с ним официальные сношения, как с настоящим самостоятельным владельцем. Аюка то помогает русским, воюя с дикими восточными ордами киргиз-кайсаками, туркменами, кумыками и кубанцами, то грабит русские земли⁴¹¹. Правительство русское до смерти Аюки (в конце первой четверти XVIII в.) не могло справиться с калмыками⁴¹². И внутри государства многие, вышедшие из колеи крестьяне и дворовые люди не бежали далеко, оставались на месте, но составляя шайки разбойников, которыми была полна вся Русь, даже столица Москва, держали в ужасе мирное население. Малая населенность, темные леса, непривычка у самих мирских людей к общему делу, к общей защите и отсутствие хорошо устроенной полиции делали разбойничье ремесло легким и безопасным. Обычно, как видно из одной челобитной XVII века, по волостям построено было много кружечных (питейных) дворов, здесь многие крестьяне пропивались и, собравшись по 20 человек и

больше, приходили в летнее время разбоем, многих крестьян мучили, огнем жгли и вымучивали рублей посту; крестьяне, заложив свои животишки и деревнишки, от разбойников откупались и брели врознь⁴¹³. Разбои в самой Москве производились в обширных размерах. Свидетельство о них находим и в письмах Ромодановского царю Петру и в записках, иностранцев, живших в русской столице. Разбойничали больше дворовые люди. Разбои усиливались вследствие легкости находить притоны, в начале 1699 г., пойманные разбойники объявили, что они сговаривались ездить на разбой человек по 20, 30, 40 и более с луками, пещалями, копьями и бердышами, а пристанища, станы и дуваны разбойной рухляди были у них за Тверскими воротами в разных слободах у посадских людей⁴¹⁴. В дневнике Корба то и дело встречаются заметки о разбоях на самых людных улицах Москвы. «Разбойники, – пишет Корб, – под 22 февраля 1699 г., на масляной неделе пользуются безнаказанностью, и потом ни о чем более не слышно, как о смертоубийствах, и похоронах». Под 25 февраля «нашли по разным частям города 10 человек убитых разными жестокими способами». Под 27 февр. того же года – «нашли в кабаке 3 человека убитыми неизвестными разбойниками». Под. 4 дек. – «Поймали 70 злодеев, производивших ночные разбои»⁴¹⁵. В 1710–1711 г. эти разбои в столице едва ли не сделались хроническими. Юст Юль приводит яркие свидетельства широкого размаха хозяйничанья в Москве разбойничьих шаек. «В Москве ужасные разбои и грабежи... Разбойники преставляют в Москве истинное бедствие. Выйти вечером на улицу значит подвергнуть свою жизнь опасности. Зимой без уличных убийств и грабежей не проходит ни одной ночи. Утром на улицах находят трупы ограбленных. Возле самого моего подворья и вближайших его окрестностях за время трехмесячного моего пребывания в Москве убито 16 человек, несмотря на обходы моей стражи, которую я нередко посылал в дозор, чтобы подстеречь этих злодеев»⁴¹⁶. Экономическая и общественная неурядица чувствительно давала себя знать. То и дело по многим местам неустроенной Руси вспыхивали народно–казацкие и стрелецкие мятежи, наполнившие историю

первой половины царствования Петра I и принявшие форму религиозно–гражданского протеста под знаменем старой веры против всех новшеств, вводимых властной рукою преобразователя. «Мир закачался» под тяжестью государственных податей и повинностей, бременем легших на все группы населения и доведших народный труд до чрезвычайного напряжения. Государство трещало, ему грозило новое смутное время (если бы удалось дело стрельцов) и падение всех гражданских устоев. Стрелецкий бунт в 1698 году явно угрожал существованию государства. «Если бы судьба, – говорили с пытки стрельцы, – оказалась благоприятной нашим замыслам, мы бы подвергли бояр таким же казням, каких ожидаем теперь, как побежденные; ибо мы имели намерение все предместье немецкое сжечь, ограбить и истребить его до тла и очистив это место от немцев, которых мы хотели всех до одного умертвить, вторгнуться в Москву... бояр одних казнить, других заточить и всех их лишить мест и достоинств, чтобы тем легче привлечь к себе чернь; некоторые священники пошли бы перед нами с иконой Божией Матери и образом св. Николая, чтобы показать, что мы не по коварству взяли за оружие, но по благочестию во славу Бога на защиту Веры»⁴¹⁷. Тоже намерены были сделать и донские и черкасские казаки, когда разнеслась весть о поражении стрельцов под Воскресенским монастырем. «Если Великий Государь к заговенью к Москве (из–за границы) не будет, и вестей никаких не будет, – говорили они, – то нечего Государя и ждать! А боярам мы не будем служить и царством им не владеть... Мы Азова не покинем, а как будет то время, что идти нам к Москве, и у нас молодцы с реки не все пойдут, и река у нас впусе не будет, пойдем хотя половиною по реке, а до Москвы города будем брать и городовых людей с собою брать, а воевод рубить или в воду сажать». А азовские стрельцы заявляли: «Отцов наших и братьев и сродичев порубили, а мы в Азове зачем, – начальных людей побьем». Монахи поддерживали стрельцов. «Дураки вы, б... дети, – говорили они азовцам, – что за свои головы не умеете стоять, вас и остальных всех немцы порубят, а донские казаки давно готовы». То же говорили и в малороссийском казацком стане:

«Чем было нам татар рубить, пойдем к Москве бояр рубить»⁴¹⁸. Русская держава представляла рассыпанную храмину, собрать которую попытался реформатор с новыми непонятными и ненавистными для большинства населения средствами. Начинания преобразователя были встречены враждебно народной массой, несочувственно духовенством, со скрытым злорадством и открытым равнодушием передовым боярским классом. Все вообще недовольны были эксцентричным плотником на троне, мастером в порфире, всколыхнувшим от верхов до низов русскую жизнь. Не напрасно сметливый крестьянин Посошков в конце уже царствования Петра Великого говорил: «Великий монарх один на гору тянет, а миллионы под гору. Как же то дело спориться будет!»⁴¹⁹. То же самое говорил, по Юсту Юлю, в 1710 г. сам Петр I, в доверительных с ним беседах указывая, что «он, царь, с самого вступления своего на престол, в важных делах почти не имеет помощников, вследствие чего поневоле заведует всем сам. Ему де приходится обращать скотов в людей (скотами царь называет своих подданных)». «В сущности, – замечает наблюдательный датчанин, – все это совершенно справедливо»⁴²⁰. Характерное название Петром I своих подданных «скотами» оправдывалось скотоподобною жизнью по низшим грубым инстинктам всех групп населения, исполненных всевозможных пороков, лишенных чувства общественной солидарности, не говорим о Евангельских идеалах любви и братском единении.

Общественная разруха на Руси в конце XVII века

От высшего до низшего чина русское общество было деморализовано. Иностранцы, сталкиваясь в общежитийских отношениях с русскими, поражались низким уровнем гражданского воспитания. Какой бы стороны не касались, везде видели и отмечали, в своих заметках, необычайное для зап.европейца грубое невежество, варварство. Если русский подьячий времен Алексея Михайловича Котошихин, посмотревши из Стокгольма глазами зап. европейца на древне–русскую, современную ему жизнь считал долгом, чтобы убедить в правдивости всего своего описания русской жизни, прибавлять: «Благоразумный читателю! Не удивляйся сему, истинно есть тому правда!» то датский посол боялся отдать в печать свои «Записки» за границей, чтобы не навлечь на себя гнев русского царя и не получить неприятных последствий, до того описание его было не к чести русского народа. «Дойди настоящий дневник, – писал в обращении к датскому королю Юст Юль, – до сведения царя (Петра), он пожаловался бы на меня Вашему Королевскому Величеству, обвиняя меня в намеренном посрамлении русской нации, и быть может за мои груди меня ожидала бы неприятная награда»⁴²¹. А современник описываемому нами периоду иностранец Корб, как фанатик–католик менее сдержанный в описаниях, чем Юль, считал москвитян, за незначительными исключениями, лишенными всяких хороших правил, чуждыми истинной добродетели, слабыми и тупыми умом»⁴²².

Нравственный уровень боярства и чиновничества

У каждого класса общества, кроме общих пороков, были свои сословные, как отступления от тех обязанностей, которые налагали их права и положение в обществе. Вот передовой правящий класс русского общества боярство–дворянство. Из него были наемлены помощники и сотрудники царя – это правители, судьи русской земли, учредители закона и порядка. И что же? Сами они не могли управлять себя, отличались еще более крупными недостатками, чем простонародье. Они, разъединенные обоюдной ненавистью, стараются погубить друг друга. Козни, интриги около московского трона наполняют их жизнь; ложь, хитрость и обман–средства достижения их жизненного благополучия. Петр I, из всего извлекая выгоды, пользовался таким разъединением бояр дворян, чтобы по римскому девизу «разъединяй и властвуй» укрепить свою самодержавную власть ко благу всего народа и создать впоследствии новый класс послушных чиновников, завести бюрократическое правление. Государь, по словам Корба, прощаясь, при выезде из Москвы, с многими вельможами, поручал им попечение о Москве и разным личностям говорил: «Я тебя оставляю здесь на мое место, будь тут главным распорядителем». Этим царь достигал больших результатов. «Я думаю, – замечает Корб, – что не следует осуждать царя за то, что он поручил (чал) многим лицам верховную власть, так как они чрез то не признают друг друга единственно облеченными этой властью, а постоянное между ними несогласие не позволит ни одному из них во зло употребить верховную власть, и никто таким образом не в состоянии будет воспользоваться во вред государя». Но с другой стороны, от этого происходили в управлении большие беспорядки, особенно, когда Государя не было в столице. Корень зла лежал в полной свободе действий власть имущих и в трудности обуздания их еще молодым, входившим только в силу Государем. «Можно ли, – заключает Юль, – ожидать лучших порядков в стране, где важнейшие сановники, то и дело

повторяют следующее твердо установленное правило государственной мудрости: «Пускай весь мир говорит, что хочет, а мы все–таки будем поступать по–своему»⁴²³.

За вельможами одинаково произвольно обращались с народом, угнетали без милосердия, кормились на счет народного труда приказные чиновники, помещики и провинциальные служилые люди. Ряд свидетельств, говорящих о незаконных притеснениях и вымогательствах чиновного и служилого класса у народа находим в исторических актах. Насилия чинились приказными и разных чинов людьми в описываемое время над всеми низшими группами населения и над посадским и торговым людом, и над низшим духовенством, и над крестьянством. Зоркий глаз Петра не мог не заметить насилий над промышленным торговым классом, видя в этом ущерб для казны. «Ведомы они, – говорилось в указе Петра I от 30 янв. 1699 г., – гости купецкие и промышленные люди и купецкими расправными и всякими делами и Его Величества Государя окладными доходами и иными сборами в разных приказах, и известно ему Великому Государю учинилось, что им гостям и гостинные сотни и всем посадским и купецким и промышленным людям во многих их приказных волокитах и от приказных и разных чинов от людей в торгах их и во всяких промыслах чинятся им большие убытки и разорение и иные от того торгов и промыслов своих отбыли и оскудали»...⁴²⁴ Не прекратились притеснения посадских людей и купцов чиновниками и после того, как в 1699 г. учреждена была особая бурмистерская палата для самостоятельного ведения всяких расправных дел между купецкими и посадскими людьми, и во всех городах учреждены были для них земские избы «по причине многих к ним воеводских и приказных людей обид и налогов, и поборов, и взяток»⁴²⁵. Испытывали насилие от воевод и приказных людей и низшее духовенство, нередко участвовавшее с простым народом в бунтах против бояр и чиновников, и еще более простой народ. В Сибири над народом насилия чинили даже архиерейские чиновники десятильники. «Ведомо нам учинилось, – писалось в царской грамоте Верхотурскому воеводе от апреля 1698 г., – что богомольца

нашего преосвященного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского домовые дети боярские посланы во все сибирские города и в слободы десятильниками, и те десятильники градским и уездным людям нападками своими ложными, многие чинят разорения и обиды и налоги и бив, заставляя, по неволе, девок и вдов говорить ложно на градских и уездных всяких добрых людей блудное воровство, а по тем ложным... ром стр.252 с тех людей емлют себе взятки великие, а иных де девок разоблакают нагих и груди давят до крови и всякое ругательство чинят, а иные девки и вдовы, из-за такового их десятильников мучительства в том не винятся и тех девок и вдов они продают таким людям, за каких никто бы дочери своей не дал, а деньги берут себе; и от того градским и уездным людям чинятся разорения великие»⁴²⁶... В конце XVII века, как можно читать в хронографе 1682 года, люди сильно тужили по причине неправд и нестерпимых обид. Особенно начали злобиться на временщиков главных судей за то, что они мздоимством ослепили себя. Повсюду тогда не только между мужчинами, но и между женщинами шли речи об обидах и неправом решении дел. Вот в это время голос народный такой раздавался, как может быть в мире многое множество людей, когда в судах нет правосудия, и если правосудия не будет, то конечно в государстве предстоит переворот... И вот уже в царствующем городе начал возгораться гнев Божий от налогов начальнических и неправедных судов, а от того и мысли у людей начали возмущаться... Огонь ярости на начальников, на обиды, на налоги, притеснения и не правосудие больше и больше умножался и гнев, и свирепства воспалялись»⁴²⁷. Эти обиды и насилия сильных людей над простонародьем и в описываемый нами период, последнее десятилетие XVII века, не сокращались, но увеличивались еще более, так как с 1689-го по 1694 г. правила мать Петра I, царица Наталия Кирилловна, а вся власть находилась в руках бояр, ничем и никем не сдерживаемых в своем произволе; с 1694 же года по 1700 г. Петр I, отдав власть тем же боярам, не мог обратить внимание на злоупотребления и прекратить своеволие власть имущих⁴²⁸. Внимание его было обращено в это время на другое, то на

карабельную выучку дома и заграницей, то на расправу с мятежными стрельцами. Вопль народный не доходил до Петра и после; он был заглушаем ударами его молота по наковальне, когда преобразователь ковал новую Россию, увеличивая народные тяжести, сгущая еще более народное недовольство правящим классом и давая валиться народному горю злосчастью в зловещее убеждение: «антихрист царствует на Руси!» Духовная власть – патриарх Адриан имел одно оружие для борьбы с произволом и насилием правящего класса над простым народом его окружные послания, в которых он, как известно, увещевал власть имущих править по закону Христову справедливо и милосердно. Но увещание не имели должного воздействия. Обращение же к пастырям полагать душу свою за овцы и защищать вдов, сирот и невинных от произвола и притеснений судей и воевод неправедных – вряд ли могли иметь практическое приложение, так как само духовенство терпело наравне с простым народом все насилия, чинимые гражданскими правителями.

Нравственный уровень духовенства белого и черного

Духовенство в конце XVII века переживало свою трагедию. Духовенство с развитием централизации гражданского и духовного управления начало терять земское значение и комплектоваться не путем выборов, как в старину, а путем наследственности; оно превращается мало по малу в особое сословие, чуждое приходу, невлиятельное, хотя по-прежнему находящееся в материальной зависимости от прихожан. Создалось ужасное положение. Не влиятельное, нищенствующее оно влачило свое существование каким-то межеумком среди низших и высших классов, презираемое теми и другими, не имея ни там, ни здесь нравственной опоры. Плоды такого положения белого духовенства, руководителя церковной жизни, не замедлили сказаться... Явились расколы. Духовенство служило часто то их поводом, то причиной, становясь в ряды расколоучителей и вождей в борьбе против законной церковной и гражданской власти. Такое нищенствующее, жалкое положение духовенства обуславливало и пороки его, резко бросавшиеся в глаза своим и иностранным наблюдателям русской жизни. Духовенство стояло не высоко в отправлении своих главных обязанностей – учить, руководить обществом и священнодействовать. «Сами священники, – пишет в дневнике Корб, – едва ли степеннее черни, поведение их от частого шагание в пьяном виде, на перекрестках улиц является более предосудительным, чем поведение прочих людей»⁴²⁹. И это в самой Москве, где находилась высшая церковная власть – патриарх! Что же было в глухих углах Руси, где не было сдерживающего страха наказания за недостойное поведение пастырей? Такие пастыри как могли упасти стадо Христово? По свидетельству Юля, Петр I однажды «стал горько сетовать на низший умственный уровень священников и прочего духовенства в России... здешние священники ничего не знают, не понимают и нередко являются более невежественными, чем простолюдины, которых

собственно должны бы учить и наставлять»⁴³⁰. Что многие пастыри вовсе не имели благотворного нравственного влияния на свою паству, красноречиво указывал св. Дмитрий, митрополит Ростовский. «Оле окаянному нашему времени! – горестно восклицал он в Ростовском соборе, – яко отнюдь пренебрежено сеяние, – весьма оставися Слово Божие, и не вем, кого первее окаевати тебе, сеятелей или землю, иереев или сердца человеческия, или обое то купно? Вкупе непогребне быша, несть творяй благодати ню, несть до единого. Сеятель не сеет, а земля не приемлет; иереи небрегут, а людие заблуждают; иереи не учат, а людие невежествуют; иереи слова Божия не проповедуют, а людие не слушают, ниже слушати хотят. От обою сторону худо: иереи глупы, а люди неразумны»⁴³¹. Святитель сетовал, что «нецыи от нерадивых не малую под собою паству имуще не пекутся, яко же пещися подобает о спасении и ленятся ходити к больным еже исповедывати и причащати их, а наипаче к людям убогим и нищим не хотят ходити, токмо ходят к богатым, а убогих и нищих презирают и многие нерадением их без исповеди и без Причащения Божественных таин умирают»⁴³². Прискорбно читать, замечает исследователь древне–русской жизни конца XVII в. Щапов, в актах исторических многочисленные жалобы на то, как весьма многие священники необузданно предавались невоздержанию «чревоугодию своему последовали; пьяные бродили по улицам, валялись в кабаках»⁴³³. По улицам бродя, бесчинно шумели, ложились спать по дороге, на обедах у своих прихожан ссорились «по мужичью», истязали в домах их подчиванья, в гостях являлись сильны и храбры к питию, кощунствовали, церкви Божии продавали и корчемствовали, дрались, убивали друг друга и впадали во всякие другие преступления⁴³⁴. Низкий уровень жизни духовенства конечно во многих случаях был не по его вине. Слишком большая приниженность и зависимость низшего духовенства не только от высшей духовной власти, но и от народа в отношении материальных средств жизни, тяжкая расправа от мирских судей и в архиерейских приказах, притеснение со стороны воевод, излишние налоги и сборы архиерейских сборщиков и

многие дани не могли не притупить сознание высоты пастырского служения.

Черное духовенство по своей порочности превосходило даже белое. В стенах монастырей творились неподобные вещи. Нарушались все монашеские обеты: нестяжательность и послушание игумену⁴³⁵, целомудрие⁴³⁶. Выше было отмечено, что даже в таком знаменитом монастыре, как Соловецкий, совершались страшные преступления против нравственности: убийства, блуд, насилие старшей братии над другими иноками, о чем доносил Афанасий арх. Холмогорский п. Адриану⁴³⁷. В других монастырях нравы были не лучше. Обычными пороками монахов были «бражничество», зазорное житие, «непристойные речи», «бродяжничество». Даже с физическими недостатками иноки не отставали в непотребной жизни от здоровых, дебелых иноков. В 1694 г. в Никольский монастырь был послан постриженник этого монастыря «бывший иеромонах слепец Савватий по сыскному делу и по повинной ево сказке за пьянство и за блудное ево дело»⁴³⁸.

Меры духовной власти к подъему нрав. уровня духовенства

Высшая иерархия мало содействовала подъему нравственного уровня белого и черного духовенства, так как, за редким исключением⁴³⁹, русские архипастыри мало возвышались над рядовым духовенством и не заявили себя ни энергичной кипучей деятельностью, ни широким образованием⁴⁴⁰ и ясным пониманием своих задач в то тревожное для церкви время. К тому же между архипастырями и пастырями не было братски-отеческого единения. Двор архиерея был малодоступен для духовенства, открыт был больше для того, чтобы получать церковную дань, чем давать нужное назидание. Если и было назидание, то в древне-русском вкусе – подобное назиданию Иосифа м. Коломенского и Афанасия архиеп. Холмогорского. Как известно, митр. Иосиф в половине XVII века смирял подчиненное ему духовенство очень жестоко – «попов бил плетью и приговаривал: «бей гораздо, мертвые наши!»⁴⁴¹, а в конце того же века выдающийся по своей деятельности и кандидат в патриархи архиеп. Афанасий исправлял своего ризничего иеродиакона Ефрема не менее жестоко, заставляя наказывать его плетью, «сам же обходя бил его тростью»⁴⁴². Сам патр. Адриан при всех своих высоких личных качествах и аскетической настроенности не мог зажечь «огонь ревности» в сердцах своих соратников и, хотя рассылал длинные послания и инструкции с увещаниями к пастырям, практических, образовательных мер к поднятию уровня духовенства предпринимал очень мало; к тому же унижаемый в своем авторитете и действиях мероприятиями Петра I он имел слабое влияние на духовенство, а когда заболел – то и вовсе не мог быть твердым руководителем пастырей и пасомых. Патр. Адриан внес одно нечто новое в целях ознакомления пастырей с их обязанностями: при поставлении на приход новых священнослужителей распорядился вместе со ставленной грамотой⁴⁴³ вручать им за особую плату (20 алт. 4 деньги) книгу «о священстве» и

печатное поучение патр. Адриана для изучения наизусть и памятования⁴⁴⁴. К его же времени появились рукописные статьи, переведенные и собранные из разных белорусских и киевских книг от Властаря, Барония и других авторов трудолюбивым сотрудником последних двух патриархов иноком Евфимием; статьи эти известны под заглавием: «Воумление или наставление священникам». «Воумление», как говорит в предисловии к читателю Евфимия, повелел собрать письменно патр. Иоаким «о имущих хиротонисатися в чин иерейства или диаконаства, что должны вести приличное чину их священному; и что должны отвечать вопрошаеми от архиерея или иного кого—либо хотящего истинно вести о церкви и церковных; и получив чин священства, вести, как строити божественными тайнами. Паче же желание св. патриарха написана быти решение на всякие случаи, случающияся в таинствах, наипаче в божественной литургии: да свидетельствовав тая соборне, и избрав потребная... типографиею издаст во общую пользу»⁴⁴⁵. «Воумление» за смертью патр. Иоакима и болезнью патр. Адриана, как сообщает здесь же Евфимий, не было «освидетельствовано» на соборе и не увидело печати, хотя в рукописных списках было, вероятно, распространено среди почитателей Евфимия. Один такой список, имевший заглавие: «О седьми тайнах церковных и воумление священникам», находился даже до окт. 1700 г. у самого патр. Адриана и после отдан был в патриаршую ризницу⁴⁴⁶. Конечно одно чтение поучение патр. Адриана, книги о священстве, ставленной грамоты и даже «воумления» без предварительной систематической образовательно—воспитательной подготовки к пастырству вряд ли могло создать соответствующее настроение в священнослужителях при общей деморализации и нищете духовного сословия.

Нравственный уровень простого народа

Низший класс населения, как и следует ожидать, при общей государственной разрухе, беспорядке в управлении, блуждая без высшего духовно–нравственного руководства, сбросил с себя всякую нравственную узду и потерял даже страх пред Божиим наказанием и царским правосудием, проявляя разгул страстей без всякой нравственной сдержки. Окружающая экономическая, общественная и правовая действительность настолько была убога и беспросветна для простолюдина; житейские бедствия, недоедание, частые голодовки, моровые поветрия до того удручали его сознание, что всякая общественная совесть притуплялась; рушилась граница между должным и запрещенным. В то время, как преобразователь хотел напрячь все народные силы, чтобы вывести государство из разрухи, а патриарх Адриан думал создать на земле Евангельскую жизнь, отрешенную от низких страстей, народ, орудие Петровской и материал патриаршей программы, коснел в преступлениях против государства и церкви. Народ неохотно шел за царем в его реформах, даже во время стрелецких и казацких бунтов принимая сторону бунтовщиков, глухо отзывался и на призывы патриарха жить по церковному уставу, покидая массами церковную ограду и убегая в раскол. В том и другом случае сказалось противление законной, Богом установленной власти. Этот главный порок русского народа конца XVII века сопровождался уже жизнью его по распутиям своего ничем более несдерживаемого произвола. Ранее, когда власть государства ослабевала над народом, оставались крепкими связи религиозные, церковные, которые спасли Русь даже в трудное лихолетие смутного времени начала XVII в. от поляков и шведов, теперь же в конце века ослабели связи религиозные, церковные, и законная царская власть едва–едва вышла победительницей из противообщественных бунташных течений, а гражданская жизнь с трудом могла прочно наладиться лишь через столетие.

Пороки общие всему русскому обществу в конце XVII в.

Подобно лопуху, полыни и другим сорным травам, нарастающим на поле, за которым нет никакого ухода, и заглушающим мягкую, нежную, приятную для взора, полезную для животного царства растительность, на почве государственной разрухи, общественной классовой розни и насилия сильных над слабыми, экономической и правовой неурядицы Руси выросли грубые пороки, общие всем классам населения, заглушившие мелкие ростки христианской добродетели. Неудивительны горькие жалобы тогдашних просвещенных и христиански настроенных современников—публицистов и бичевание нравов русского народа иностранными писателями, доходившими в своей оценке русской жизни до таких сильных выражений: «русский народ без сомнения превосходит народы всего света лицемерием, обманом, вероломством и необузданным дерзновением на всякого рода преступления. И то я говорю (слова Корба) не из ненависти: это правдивое естественное свидетельство, в истине которого каждый несомненно уверится, кто только будет иметь случай войти с Русскими в более частые сношения»⁴⁴⁷. Вся житейская бытовая обстановка была в глаза, поражала культурного наблюдателя разнузданностью и дикостью.

До–Петровская семья и воспитание

Войдем в эту обстановку посмотрим на семью и воспитание русского человека, этот фундамент жизни общественной, ячейку государства, маленькую церковь, по апостолу. Со вне уклад семьи будто бы освящен религией, царит домостроевский устав, вводящий в жизнь семьи церковную атмосферу и чуть ли не монашеское правило. Но за этим показным религиозно–обрядовым строем скрывалась внутренняя безнравственность и отсутствие одухотворяющей Евангельской любви в отношениях членов маленькой церкви. Женщина, этот краеугольный камень семейной морали, была забита, унижена, низведена на положение неравноправного члена. Два крайние полюса отношения к женщине: с одной стороны, обычай у простолюдины – мужчинам и женщинам мыться в общественных, а летом в реках, описываемый с изумлением иностранцами⁴⁴⁸; с другой, заключение женщин в терема у людей знатных и богатых – показывают одинаково, насколько мало ценилась, уважалась и признавалась личность женщины. В первом случае женщина низводилась в ряд бесстыдных животных самок, служащих для похоти мужчин, во втором, ее превратили в бездушную вещь, оберегаемую от посторонней порчи, куклу без внутреннего содержания, раскрашенную по русскому обычаю белилами и румянами. То и другое отношение давало одни и те же результаты: отсутствие в женщине «человека», имеющего право на уважение ее внутреннего мира и самоопределение. До самого замужества девушки не только бояр, но и царской семьи, берегутся в теремах «яко пустынницы, мало зряще людей», не показываются посторонним людям. Сватовство производилось обычно не самим женихом, а кем–нибудь из его родственников или друзей, и только в церкви «под венцом» мог жених увидеть будущую подругу всей своей жизни. Сколько безнравственности скрывается в таком обычае древней Руси и еще более в последствиях его? До брака жених не знал невесту, он получал ее из рук родителей; невеста выходила замуж не по своему

выбору, а тоже по воле родителей, часто не зная вовсе своего суженого. Из такого нелепого отношения полов получались самые печальные картины семейной жизни. За примером ходить недалеко. Царь Петр I женился таким образом на Евдокии Лопухиной, по выбору больше своей матери Наталии Кирилловны, при полном незнакомстве с внутренним ее характером. Последствие также на лицо: Петр возненавидел жену, не сойдясь с ней характером и мировоззрением, заключил ее в монастырь, без всякой вины с ее стороны. Часто родители, по свидетельству Котошихина, обманывали женихов, выдавая «худой товар». «Во всем свете, – замечает б. московский подьячий, – нигде такого обманства нет, яко в Московском государстве». Неудивительно поэтому, что в древней Руси муж, подобно Петру и, часто старался избыть жены, а жена мужа. Средством служили иногда крайние меры – отравы, убийства, гораздо чаще пострижение мужа от живой жены и обратно. Отсюда так наз. посестрии и побратимства часто отмечаются в исторических актах. То и другое средство избыть нелюбимой супруги – отравы и пострижение в монастырь – меры, конечно, экстраординарные, исключаящие уже всякое существование данной семьи, мы обратим внимание на то, что вообще получалось даже в лучших браках. Муж и жена кроме того, что не знали внутреннего мира друг друга до свадьбы, и долгое время требовалось «на слияние их душ», были еще нравственными недоносками. Ни тот, ни другой не имели долгое время в семье самостоятельности. Муж, если бы и дожил до седой бороды, находился под гнетом и безусловным подчинением старших в большой семье, жена обречена была на подчинение своему мужу и всем старшим в семье. Даже сама Церковь давала мужу власть над женой в следующих древнерусских очертаниях: «Жене у мужа быть в послушанстве, – поучал священник, – и друг на друга не гневаться, разве некие ради вины мужу поучити ее слегка жезлом, занеже муж жене – яко глава на церкви и жили бы в чистоте и в богобоязни»... Понятно, почему отношение мужа к жене и родителей к детям в древнерусском обществе не отличались особенной мягкостью. Естественное влечение упражнять свою силу над слабым

господствует, если не сдерживается нравственность уздой и, если воспитано, внедрено в душу ежедневным примером с детства. Восточный деспотизм царил в русской семье. Членов семьи соединяла не любовь, а слепое подчинение старшему. Самодурство, так характерно изображенное Островским из быта купцов XIX века, может служить только слабым намеком на произвол в отношениях в до-петровской семье старших к младшим бесправным членам, мужа к жене, родителей к детям, особенно в вопросе о браке. Кроме издевательства, угнетение мужа над женою, случались часто побои и убийство жены по самому пустому поводу. Корб подметил общее правило у русских: «Так как у москвитян, – пишет он в дневнике, – в четвертый раз жениться считается грехом, то они как можно наилучше обращаются с третьей женой, с первыми же двумя поступают словно с невольницами, ибо надежда на новый брак и бесчисленное лакомство порождают (в них) мысль о причинении смерти своей жене, да и ласки первой супруги тягостны мужу, так что первая жена едва ли год только пользуется любовью мужа. Как бы то ни было, но москвитяне даже и поговорку такую выдумали: «у попа, мол, настоящая жена последняя, а у мирянина третья!»⁴⁴⁹ Законодательство как бы мирилось с деспотическим отношением к жене мужа. Наказание за убийство мужчине было меньше, чем женщине. За убийство женою мужа Уложение 1649 г. постановило преступницу окапывать живую землю и казнить ее такою казнию без всякой пощады, и, хотя бы дети убитого и ближние родственники не захотели, чтобы ее казнили, не давать ей отнюдь милости, держать ее в земле до тех пор, пока не умрет. О наказании мужа за убийство жены Уложение умолчало. Такое жестокое законодательство практически действовало и при Петре I, как видно из рассказа очевидца Корба. «Мать уговорилась, – говорит он, – с дочерью убить своего мужа. Это уголовное преступление совершено ими посредством двух нанятых за 30 крейцеров разбойников. Обе женщины понесли казнь, соразмерную их преступлению, они были закопаны живые по шею в землю. Мать перенесла жестокий холод до третьего дня, дочь же более шести дней. После смерти, трупы их были

вытащены из ямы и повешены за ноги, вниз головой, рядом с помянутыми наемными убийцами. Такое наказание назначается только для женщин, убивающих мужей, мужчины же виновные в смерти своих жен, менее строго наказываются и очень часто подвергаются только денежной пене»⁴⁵⁰.

П. Адриан обратил первый на ненормальность выхода замуж девушки по воле родителей, без согласия, часто, самих брачующихся. В ноябре 1693 г. п. Адриан издал указ по данному вопросу. «Священницы супружествующие, – писал он, – согласие жениха и невесты не истязуют и небрежно о сем имут, множицею и не хотяще едино лицо другому и нелюбящихся между собою супружествуют и по сиевому началу и прочее житие тех мужа и жены бывает бедно и друг друга наветно и детей бесприжитно, и то творится вельми грешно и пребеззаконно; и великий господин указал досматривать, чтобы отныне к венчанию приходящих жениха и невесту священником пособно истязовати и накрепко допрашивати, по любви ли и согласию друг другу супружествуются, а не от насилия ли или неволи каковы; а будет женское лицо, а паче девицы стыдятся сиерещи, допрашивати родители ея, паче же мать, или еще матери не имать, сестры ея допрашивать о том, и еще кое их лице, паче же девическое совершенно умолчит или иное каковое значение появит, отвращение лица от супружника, плевание или отрясение руками и таковых не супружествовати дондеже совершенное согласие ко друг другу появят»⁴⁵¹. Указ п. Адриана не мог иметь тех благих последствий, какие следовало ожидать от него. Главное зло заключалось в добрачном незнакомстве жениха и невесты и отсутствии правильного общественного воспитания, которое бы вносило и в семейную жизнь высокие регулирующие начала. Считалось, ведь, зазорным для девичьей чести находиться даже среди гостей–мужчин, где конечно молодые люди присматривались бы друг к другу, ближе знакомились, начинали бы понимать внутренний склад друг друга, и могли бы делать подходящий выбор. Указ правда давал невесте сильное оружие против произвола родителей в выборе ей мужа: при венчании, когда священник опрашивал о согласии брачующихся лиц, она могла заявить,

если не словом, то жестами и движением и даже одним молчанием свое нежелание выходить замуж за известного жениха, но не все ли равно было девушке выходить за того или другого жениха, раз она их не знала близко. Только когда невеста или жених чувствовали физическое отвращение друг к другу и не могли побороть этого чувства, священник мог прекратить венчание. Но в большинстве случаев и тут могла действовать русская пословица: «Стерпится – слюбится!» и примирить невесту или жениха с неизвестным будущим супружеской жизни. Только уже Петр I, на себе испытавший радости такого брака, старался разрушить китайскую преграду между мужским и женским полом. Он полюбил и поддержал западный обычай, появившийся в Москве еще при царе Алексее Михайловиче, – участие женщины в мужском обществе, а своим указом в 1718 г. о так наз. ассамблеях придал ему законное и широкое применение. Правда, в описываемый нами период появление женщин в мужском обществе, при общем невежестве и грубости нравов мужчин и женщин, не могло сразу принести благих результатов, было даже вредно для общественной нравственности. Что могла получить назидательного и полезного женщина в мужской компании, даже придворной, времен Петра I, можно судить по описанию очевидца поведение русских вельмож и «патриарха Зотова», в присутствии женщин, не стеснявшихся нарушать примитивные правила приличия. При неуважении к женщине установился взгляд на нее, как на предмет одного чувственного наслаждения. Вместо целомудрия добрых и чистоты брачных отношений между полами замечается склонность к необузданной свободе и грубый разврат, когда совершалось «и мужем и отроком великое прельщение и падение; женам замужним незаконное осквернение и девам растление». Желябужский отметил в своих «Записках» несколько фактов грубой распущенности, которая растлевала нравы общества в последние годы XVII века: растление дев, блудодейство замужних жен и женатых мужчин, притом в передовом классе общества боярства и дворянства. Так, в 7203 (1695) г. июня приведены в стрелецкий Приказ Трофим да Данило Ларионовы с девкой в блудном деле его

жени, в застенки; в 1697 г. бит кнутом Иван Петров сын Бертенев за то, что брал женок и девок на постелю и т. д.⁴⁵² «Беззаконное сожителство, – замечает исследователь этой эпохи Щапов, – мужчин и женщин в XVII веке распространилось до чрезвычайности; оно особенно сильно было в массах. Многие раскольнические секты, как наприим. Стефановщина, Филипповщина и др. блуд считают любовью. Русские женщины склонны были к разврату, даже простые бабы основывают секты, где блуд признается любовью; так простая баба Акулина основала секту Акулиновщину, где мужчины и женщины, чернцы и церковницы без разбора и стыда живут блудно. В 1694 г. новгородские раскольники на общем сходбище сами говорили о своей жизни, что «в келиях на уединении они жили с зазорными лицами и с духовными дочерьми, с девицами и женами, юноши или мужи брали к себе жен на сожителство и единокелейное пребывание и приживали детей с теми женами и девами»⁴⁵³. В общем разгуле инстинктов животной похоти с попранием человеческого достоинства и уподоблением скотам, мирянам не уступало ни черное, ни белое духовенство, среди которого укоренилась привычка жить невоздержно по влечению своих страстей и похотей, а не по духу веры христианской и нравственности. Невысокое положение женщины в допетровское время, плотской разгул в отношениях между полами, не освященный христианским сознанием церковный брак, что сказывалось «в диких козлогласованиях и бесстыдных словесах, с которыми провожали жениха и невесту в церковь», плачевным образом отражались на воспитании детей, будущих членов Церкви и государства. Видя постоянно примеры грубого, часто варварского обхождения отца с матерью, деспотическое отношение к себе родителей, сопровождавшееся домостроевской педагогией сокрушения ребра и наставления на добро палками, дети грубели нравственно и превосходили своих родителей пороками.

Отсутствие общественного воспитания гражданина и «общественного мнения»

Если в семье дети привыкали слушаться родителей из-под палки и «страха ради», то и в государстве мерами воздействия на них, как граждан, являлись, в духе времени, не общественное мнение и чувство долга, а суровые узаконения, одобренные обещаниями смертной казни, пыток и кнута-нарушителям государственного *modus'a vivendi*. Существенного мнения не существовало. Там, где можно было не бояться государева правосудия и церковного отлучения, где ослабевал надзор церковной и гражданской власти, на окраинах государству или во время, напр., народных смятений, стрелецких казней, голодовок, моровых поветрий, противление церкви и государству достигало широких размеров. С этим противлением опять-таки и церковь, и государство справлялись одними мерами устрашения и суровой расправы. В исторических актах встречаем много свидетельств того, что церковь также, как и государство, прибегала к крутым мерам в борьбе с своими послушниками, отдавая их «градским казням» по Уложению 1649 г. Государственная же власть особенно сильно карала мятежников, как видно из дела о стрельцах. Петр I не нашел по тому грубому времени другого средства расправиться с бунтовщиками, как систему устрашения, пытки и казни противникам своих реформ – стрельцам и раскольникам. Ходатайство п. Адриана о милосердии к стрельцам было резко отвергнуто. Петр I не знал снисхождения к бунтовщикам, хотя п. Адриан был более прав, чем он, так как система устрашения подданных не достигала цели. Сами стрельцы хладнокровно шли на казнь, считая свое дело правым. «На лицах их, – пишет очевидец Корб, – не видно было ни печали, ни ужаса предстоящей смерти». А раскольничье движение, благодаря появившемуся в это время зловещему учению об антихристе-Петре, еще более усилилось, особенно на окраинах. Раскол собственно в это время и окреп под ореолом мученичества «за древнее благочестие». Кроме заговоров (Циклера и Соковнина),

мятежей московских и азовских стрельцов и казацких бунтов, каравшихся Государем без милосердия, были в большом ходу другие менее опасные для спокойствия государства, но расшатывавшие его устои преступления, караемые Петром I не менее сурово – ссылкой, пыткой и смертной казнью. Желябужский частенько в своих «записках» отмечает состоявшуюся пытку или казнь того или другого нахально проворовавшегося или сделавшего в бумагах подлог приказного, служилого или даже боярина. В 1694 году пытан дьяк Шапкин с подьячим: своровал в деле, в приказе холопья суда. В том же году бит кнутом дьяк Харламов; в том же году Языков дьяк своровал с подьячим Яковом Алексеевым и т. д. Записки все наполнены подобными известиями. Пытки и казни очевидно не имели большого влияния на исправление общественной нравственности в служилом передовом классе, что же говорить о просто народе, где такие устрашающие наказания, как повешение за воровство, заливание в горло металла за фальшивую монету, смертная казнь за убийство помещика не производили ровно никакого впечатления, так как преступления часто совершались чуть ли не на глазах Государя.

Церковные недостатки русского общества

Возрастали государственные преступления, увеличивалось шатание и ослабление церковных обычаев. Развивалось неуважение к традиции, к освященным стариной русским верованиям. Охлаждение к церкви в конце XVII века и начале XVIII века сопровождалось нарушением постов и чисто протестантским взглядом на почитание святых, мощей и молитву к ним и Богородице. На равнодушие к церкви обратил внимание и п. Адриан, когда рассылал послания, и в инструкции к старостам поповским предписывал духовенству следить за исправным посещением прихожанами храма Божия и говеньем их в Великий пост. Но увещания п. Адриана вряд ли достигали цели⁴⁵⁴. Сама гражданская власть встревожилась языческим образом жизни народа и поспешила поправить дело своими указами. В 1716 году Петр I издал указ о хождении на исповедь «повсягодно» и наложил штраф за неисполнение этого правила. В 1718 году указ был повторен, велено было также ходить в церковь в воскресные дни и господские праздники, и запрещено торговать в эти дни; выбирать на должности позволено было только таких, которые ежегодно исповедывались. В указе же 1719 г. строго предписывалось: «Понеже есть такие отчаянные, что никакой доброй совести не имеют и не хотят того слышать, что им судом Божиим и здешним запрещается, и те места противны им, где слово Божие и повеление монаршеское читается: того ради не токмо в недельные дни, но и в господские праздники в церковь не ходят, дабы отнюдь того не слышать, что противу совести их читается, и для того всех таких, которые в день воскресный или в господский праздник во время Божией службы будут где шататься, кроме самой крайней и необходимой нужды, а на молитву к слушанию слова Божия и указов, которые в народ в такие дни при церквах публикуются, не пойдут, ловить и разыскивать, понеже и такие за недобрых людей почитаются, которые от христианского собрания удаляются»⁴⁵⁵. В том же году государь велел объявить в Москве, чтобы в церквах во время пения литургии стояли с

безмолвием, а если кто начнет разговаривать с того брать штраф, не выпуская из церкви, по рублю (на наши деньги 17 руб.) с человека и употреблять на церковное строение; для надзора употребить кого пристойно из людей добрых»⁴⁵⁶. Исповедь для государя была необходима в целях контроля над своими подданными, так как в «Духовном регламенте» откровенно заявлялось: «Есть ли кто при исповеди объявит духовному отцу своему некое не сделанное, но еще к делу намеренное от него воровство, наипаче же измену, или бунт на государя или государство, или злое умышление на честь, или здравие государево, и на Фамилию Его Величества, а объявляя таковое намеряемое зло покажет себе, что не раскаивается..., тот час по содержанию Его Императорского Величества Указа кому належит должен духовник объявить»⁴⁵⁷. Указы Петра говорят за то, что увещания патр. Адриана в окружном послании остались недейственными. Духовная власть своими нравственными силами не могла достигнуть желательных результатов: потребовались такие меры государственные материальные, как строгий указ, сыск, штраф, наказание, что конечно, в значительной степени ослабляло авторитет церковной власти в глазах русского общества. Описанный развал народной нравственности патр. Адриан, как и его предшественник патр. Иоаким, склонен был, не углубляясь в понимание кризиса переживаемого периода русского общества, приписать тлетворному влиянию на русских иноверцев–лютеран – немцев. Отсюда выходили последние усилия патр. Адриана в окружных грамотах оградить церковное стадо от «волкохищников»–еретиков и запреты входить православным в общение с ними в пище, питье, одежде и обычаях. Даже пьянство патриарх приписал иноземному подражанию⁴⁵⁸. Но немцы ль с их кирками и обычаями виноваты были в печальном состоянии нравственности народа?

Народное пьянство

Пьянство, которое патриархом отмечается в послании, как «зело умножившееся», было исконным пороком русского человека, столько во время общественных смятений оно усиливалось и тянуло его в «царев кабак» заливать народное горе–злосчастье, часто доводило до забвения звания христианина⁴⁵⁹. В описываемый период оно, действительно, являлось корнем невозддержной распутной жизни русского семьянина и гражданина, источником упомянутого выше разгула и так называемой русской широкой натуры, причиной беспорядочности и неуравновешенности. Но в свою очередь пьянство само объясняется нравственным умственным бессилием и безволием русского общества выйти из гнетущего душу общественного безнарядья и недостатком здоровых развлечений и освежающего отдыха, обычно посылаемого просвещением. У Корба и Юста Юля пьянство отмечается, как обычное времяпровождение русских и необходимое условие для заключения всякого рода сделок.

Причины пьянства и других церковных пороков русского общества конца XVII века

И не иностранцы были в том повинны, а русская неуравновешанная психика. Также и другие все церковные пороки, распространенные при патр. Адриане, нарушение постов, охлаждение к Божьему храму и вере отцов, невнимательность к его посланиям, скептицизм к установлениям церкви – причиной своей имели не одно только влияние немецкой слободы. Все они – продукт переходного времени, когда рушилась старина, старые авторитеты в виду слабости средств, предлагаемых ими для спасения государства от разрухи и смятения, когда волной потекли заимствования с запада, поставившие русского человека в круг иных идей и воззрений, даже всего уклада, иноземной обстановки, когда наконец от столкновения двух совершенно отличных культур немецкой – протестантской и греко-славянской произошла путаница в представлениях и понятиях русского общества о том, что полезно и вредно, ложно и истинно для жизни церковно-гражданской. Шатание умов переходило в практической жизни горячих натур в ломку сложившихся бытовых привычек, нарушение заветов старины, охлаждение к церковно-гражданскому домостроевскому ритуалу и в усвоение заграничных протестантских обычаев, часто переступавшее границы должного, что не могло не вызвать резких сетований блюстителей чистоты народной веры, и дедовских традиций, время свое считавших, подобно патр. Адриану, «плача достойным».

Глава VII. Состояние церковного просвещения при п. Адриане

Высшая школа. Московская Славяно–греко–латинская Академия

Ко времени патриаршества Адриана энергией его предшественника п. Иоакима и содействием иерусалимского патриарха Досифея в Москве учреждена была Славяно–греко–латинская Академия, которая, по исследованию Сменцовского, «начала свою жизнь и деятельность, осенью 1687 г., в период времени между 12–м октября и 28 декабря»⁴⁶⁰. Борьба двух направлений, латинского и греко–славянского, возгоревшаяся в царствование Феодора Алексеевича, по поводу самого проекта академии и ее «привиллегии», закончилась, по смерти Феодора Алексеевича, торжеством партии греко–фильской – п. Иоакима. Учителями были назначены «самобратия» Лихуды–греки, своими сочинениями много способствовавшие торжеству п. Иоакима над латинским течением и в других церковных вопросах. Однако потребности общества умили победу п. Иоакима: Лихуды в программе образования сочетали греческий и латинский элементы. Сами они не были сторонниками одного греческого научения. Если же и стояли за преимущества греческого языка, то исключительно, чтобы поддержать авторитет греков, свою рекомендацию (данную п. Досифеем) и задачи основанной греко–фильской партией академии. В Акосе они говорили: «Всегда свет быша грецы и будут даже до окончания века и от грек свет прияху и приемлют вси языцы, или писано, или неписано, или от трудов и с писаний греческих или изуст от учения их (како–либо ни есть) от них и чрез них (свет) видят иныя языки. Вси философы грецы, вси богословы грецы; непоследующе же сим несмысленнии и ненаказаннии и буии и сего речеся и сие: всяк не еллин – варвар»⁴⁶¹. На деле же в преподавание свое они ввели значительную дозу латинской науки. Недаром Лихудов, известно, поддерживал В. В. Голицын, – сторонник юго–западной польской культуры. А из показания еретика диакона Артемьева уже в то время, когда Лихуды были в отставке, ясно видна даже приверженность, по крайней мере, Иоанникия Лихуда к латинским мудрованиям,

хотя и скрываема в Москве из страха. «Учитель мой большой, – выдавал Артемьев с головой Иоанникия Лихуда, – Иоанникий, приехав из Италии, приезжал по многократ к священникам римским на цесарский двор, в слободу, и хвалился им быти их мудрования, но прикровен зде за страх, чему они и верили»⁴⁶². Если п. Иоаким и доволен был деятельностью Лихудов, за их греко–фильские труды и литературную поддержку своей партии, то это объясняется приспособляемостью греков Лихудов к господствовавшему течению на Москве, патриарх же иерусалимский Досифей скоро разгадал Лихудов и начал громить их за соблазн, вводимый ими в простые души латинскими беззакониями чрез латинский язык и лат. науку⁴⁶³ (напр., физику по Аристотелю).

С другой стороны, Славяно–греко–латинской Академии не суждено было стать практически той цитаделью православия, которой она проектировалась быть в «привиллегии» Семеона (Петровского) Полоцкого. Ни внешняя материальная обстановка, ни внутренняя организация ее не соответствовали инквизиционному трибуналу. Широкие права и полномочия, круг наук, а также богатое содержание заведения, не будучи утверждены, за смертью царя Алексея Федоровича и смутами в правление царевны Софии, оказались мечтой... С материальной стороны Академия с самого начала существования явилась учреждением плохо обеспеченным... По исследованию Сменцовского, только братья Лихуды получали приличное жалованье – около 2754 руб. на наши деньги, ученики же академии получали 4 деньги на день, староста–помощник Лихудов из учащихся 8 денег. Ученики русской школы получали содержание натурой: им выдавалось с патриаршего двора по 4 хлеба на день, и эта дача до 1703 года оставалась одна и та же, вопреки увеличению числа учащихся от 100–150 человек⁴⁶⁴. Содержание академического здания было еще плачевнее: выдавалось пять рублей повару; по 2 ¹/₂ г рубля в год трем сторожам. Освещение выдавалось из Казенного приказа натурой. Неудивительно, поэтому, что академия, плохо обеспеченная и обставленная п. Иоакимом и не поддержанная материально п. Адрианом⁴⁶⁵, постепенно падала внешней своей

обстановке и к концу патриаршего периода представляла жалкий вид; «школа, – доносил по смерти п. Адриана Петру I прибыльщик Курбатов, – Государь, которая была под призрением святейшего патриарха и вручена монаху Палладия, зело Государь, в ней живущие, с полтора ста человек, скорбят и всего лишаются, и учиться в ней невозможно. Потолки и печи и иное строение обвалилося. Требуют, Государь, твоего всемилостивейшего милосердия»⁴⁶⁶. Во внутренней организации Академия не получила при учреждении ни широкой автономии, ни своего суда, ни особых прав и привилегий в государстве для учителей и учащихся, ни тем более прав инквизиционного трибунала. За ней оставалось только одно полномочие – образование юношества, которое набиралось из всех желающих без предпочтения какой-либо группе населения. В первоначальный же состав учеников Академии вошли учащиеся типографского училища, многие из учеников Спасской школы, основанной Сильвестром Медведевым, которая несомненно к этому времени должна была прекратить свое существование, а также люди «всякого чина царствующего града Москвы»⁴⁶⁷. По свидетельству инок Евфимия, говорящего от лица Лихудов, «ученицы инии суть священники, иеродиаконы и монаси, инии же князи, спальники, стольники и всякого чина сего царствующего града Москвы»⁴⁶⁸. В постановке курса учения Академия разделена была на три школы: верхнюю, среднюю и низшую, с подразделением каждой на две статьи. В качестве подготовительного класса при Академии существовала «русская школа», или школа «славянского книжного писания», находившаяся в ведении бывших учеников типографской школы и с количеством учащихся в первые годы от 23–127 человек. В подготовительной школе изучалась т. о. русская грамота. В низшей школе Академии ученики учили греческий язык или греческое книжное писание, в средней грамматику, которой открывался курс свободных наук (риторики с 1688 г., логики с 1690 г., физики, естественной философии, и наконец с 1693 г. пиитики). Богословия Лихуды в Москве не успели прочитать за своим удалением. Грамматику и пиитику Лихуды преподавали на одном греческом языке, а риторику,

логику, физику на греческом и латинском языках, руководствуясь Аристотелем. «Уже несколько веков, – говорил Иоанникий в предисловии к физике, – все почти академии избрали его (Аристотеля) как бы вождем и главою, поэтому и мы намерены следовать ему»⁴⁶⁹. Во всей системе преподавания царил схоластицизм со всей его искусственностью и причудливой пестротой делений и подразделений, хотя, по замечанию Сменцовского, справедливость требует признать за Лихудами некоторую долю оригинальности и самостоятельности в постановке предметов (напр., деление красноречия на божественное, героическое и человеческое); видно стремление у них поставить науку в прямое отношение к потребностям жизни и времени, чем Московская Академия значительно отличалась от Киевской, где схоластика царила в полной силе»⁴⁷⁰. Прочно наложенное Лихудами при п. Иоакиме дело обучения юношества разным наукам в систематических курсах по трем классам с первых же лет п. Адриана начало приходить в расстройство. Причиной послужили: как продолжение той борьбы, которая велась с Иоакима между латинской и греческой партией с критической, придирчивой оценкой педагогической и полемической деятельности «самобраций» в Москве, так и личность самих бр. Лихудов. Несмотря на то, что Лихуды в своей академической программе образования сочетали оба элемента образования, и греческий, и латинский, и как бы служили примирением двух партий, они терпели ожесточенные нападения крайних выразителей той и другой партии, не желавших компромиссов: латинской – от Сильвестра Медведева, а после казни его от его почитателей и сторонников, и греческой, от Досифея, п. Иерусалимского. В то время, как одна партия унижала все греческое, и гражданское и церковное: «Погибе православие и растлешася обычаи в восточной церкви, понеже гражданская пременишася»⁴⁷¹, другая в лице «ярливого» Досифея говорила грозные слова: «Мы послахом вас, да научите истине, а вы, прельстившеся... явно нечестующе презрете нас и учите латинскому языку, яко да беззакония латинские введете в души простшия и происходатайствуете соблазн в язык свят»⁴⁷². Та и другая

партия давно подкапывались под Лихудов, ждали только удобного случая очернить их и добиться отставки. Не ограничиваясь обвинениями, касающимися учебной деятельности Лихудов, в чувстве бессилия повредить их влиятельному положению (благодаря п. Иоакиму и В. В. Голицыну) враги всей силой своего ожесточения обрушились на нравственный характер Лихудов. Они обвиняли их в гордости и фарисейском превозношении, в недостатке благодарности к русскому народу, в стране которого они «взысканы милостями великих государей и обогащены», и особенно в корыстолюбии. В личном поведении Лихудов, действительно, было много недостатков, дававших сильное оружие в руки их московских недоброжелателей, к которым присоединился со всем пылом восточного темперамента п. Иерусалимский Досифей, лично оскорбленный поведением Лихудов по отношению к его племяннику архим. Хрисанфу⁴⁷³. Еще при п. Иоакиме Лихуды вышли с замаранной репутацией из дела по наследству иеродиакона Мелетия, а при п. Адриане подорвали свой авторитет еще более неблагоприятными поступками. Иоанникий Лихуд, отправившийся в феврале 1688 г. (с дьяконом Петром Артемьевым) по своим семейным делам (за детьми) в Венецию, а потом, при содействии В. В. Голицына, получивший, как бы назначение русского посланника при Венецианском Дворе, пробыл там на два года более, чем требовала возложенная на него миссия. Он должен был возвратиться в июле 1689 г., а на деле приехал в марте 1691 г. Долгое, незаконное отсутствие Иоанникия не могло не отразиться невыгодно на преподавании в Академии, оставшейся при одном учителе Софроние Лихуде. Еще невыгоднее оно отразилось на репутации Иоанникия. В Венеции и Вене, по словам московских недоброжелателей, Иоанникий занимался предосудительным делом: торговал на Мелетиевы деньги, по завещанию переданные Лихудам на благотворительные цели, в помин его души⁴⁷⁴. Вообще клеветы и жалобы на Лихудов самому п. Адриану разрослись. П. Адриан, ценивший ученые труды их и педагогические таланты, долгое время (до половины 1694 года) не придавал серьезного значения обвинениям и нападкам на Лихудов, иногда даже

становясь решительно на их сторону и доверяя им больше, чем их противникам⁴⁷⁵. Только, когда Лихуды замешались в грязное дело сына Иоанникия – Николая Лихуда с дочерью задворного конюха Марией Селифонтовой и, боясь наказания за сопротивление гражданской власти в выдаче Патр. Разряду Николая, бежали из Москвы 5 августа 1694 года и на границе были пойманы и возвращены в Москву, а с Востока гневный голос патриарха Досифея настаивал на их совершенном изгнании из Москвы, тогда уже п. Адриан при всей своей снисходительности к личным недостаткам Лихудов не мог оставить их в звании учителей Академии. «Паки навет и паки вражда, – говорит ученик Лихудов Феодор Поликарпов, – воста на учителей от оставших Медведевых друзей и сродников и толико злоба превозможе, яко подвиже и незлобивое св. Адриана патриарха сердце еже оныя озлобити, веру емше словесам наветным... убо разгневан, повеле оных основателей школьных от школ отлучити»... П. Адриан, все же признавая их пользу для науки и просвещения, ограничился тем, что перевел их в типографию, где они стали, кроме типографской обязанности, учить желающих итальянскому языку. П. Адриан, – замечает Сменцовский, – «ясно видел, как полезны Лихуды для русской церкви и как успешно они ведут дело просвещения русского юношества, и желал удержать их в Москве, где и помимо Академии они могли принести большую пользу своими знаниями и трудолюбием». Можно думать, что и на отставку Лихудов от Академии п. Адриан согласился не совсем охотно. Он уступал Досифею и его племяннику Хрисанфу, ненавидевшим Лихудов со всем пылом восточного темперамента, только вследствие обещаний Досифея и Хрисанфа прислать в Москву на место Лихудов «человека довольного во учении», который «в малом времени Божиею помощью совершенных учителей поставит из первых учеников и паки возвратится во своя»⁴⁷⁶. П. Адриан поручил временное преподавание в Академии, по совету Хрисанфа, Николаю Семенову и Феодору Поликарпову, ученикам Лихудов, в полной уверенности, что скоро с Востока придет новый учитель от п. Досифея. Но ближайшее будущее оправдало опасения п.

Адриана и показало, что он был прав, когда дорожил Лихудами. Обещанный Досифеем и Хрисанфом учитель не ехал, хотя п. Адриан неоднократно напоминал Досифею об его обещании и даже указывал лицо, которое бы ему желательно было видеть в Московской школе: Врача и ритора Иоанна Комнина⁴⁷⁷. Да и п. иерусалимский Досифей меньше всего думал о Московской Академии, когда вел компанию против ненавистных Лихудов. Ему в то время нужно было одно – изгнание Лихудов. Для этой цели он пользовался всякими средствами, чтобы склонить на свою сторону п. Адриана. Исполнит ли он потом обещание п. Адриану? – это было второстепенным вопросом. Вряд ли он и сам надеялся найти хорошего учителя в Москву. Москва не была привлекательна для лучших – образованных людей Греции. По словам самого же Досифея, сказанным несколько позднее Стефану Яворскому, «лучшие греки хотят разделить страдания своего народа, а те, которые волочатся туда и сюда, особенно по России, хотя, быть может, и честные люди, но по образованию своему настоящие мужики»⁴⁷⁸. Словом, п. Досифей добился отставки Лихудов, но не сдержал обещания прислать в Москву хорошего учителя, не помог п. Адриану наладить настоящее обучение в Академии. Результаты были плачевные. Преподавание в Академии очутилось в руках «школьников» Семенова и Поликарпова. Не имея ни достаточного образования, так как они сами еще не прошли курсов философских и богословских наук, за насильственным прекращением преподавательской деятельности Лихудов, ни педагогического опыта, из учеников возведенные чуть ли не в ректора и профессора Академии, Поликарпов и Семанов сузили круг наук в Академии до преподавания известных им, как ученикам, наук – грамматики, пиитики и риторики. Латинский язык, яблоко раздора латино–польской и греко–фильской школьных партий, вовсе не преподавался⁴⁷⁹. Сами «учителя» чувствовали не по себе и не на месте. В 1699 г. они не вынесли тяжести преподавания в Академии и добровольно оставили Академию, предпочтя ей менее почетное, но посильное и спокойное занятие типографских справщиков. Семенова и Поликарпова в Академии заменил Иов, чудовский иеродиакон,

также ученик Лихудов. Назначение Иова учителем в Академии само по себе говорило о полном развале высшей школы. Иов был человек «шальной», по замечанию его товарища Ф. Поликарпова⁴⁸⁰, злонравный и непотребный. По отзыву митр. Новгородского Иова ему «обычно лгать и говорить неведомое и нелепое»⁴⁸¹. Не прошло нескольких месяцев его учебной деятельности, как он за какую-то вину в 1699 г. был сослан сначала в Новоспасский монастырь, потом переведен в Воскресенский, а отсюда в октябре 1700 г. п. Адрианом был прислан к Афанасию, архиепископу Холмогорскому для ссылки в Соловецкий монастырь «за непослушание и упрямство и за крамолы и за иныя вины»⁴⁸². Дурное состояние Академии обратило на себя внимание самого Государя. В октябре 1698 года, при посещении немощного патриарха, Петр I в беседе у его постели сетовал на расстройство высшего учебного заведения. «Благодатию Божиею и здесь есть, – говорил он, – школа (славяно–греко–латинская) и тому бы делу порадеть мощно, но мало которые учатся, что никто школы, как подобает, не назирает». Государь указывал средства, как поднять Академию. «А надобен к тому человек знатный в чине и во имени, и в довольстве потреба к утешению приятства учителей и учащихся». Царь намеревался даже преобразовать Славяно–греко–латинскую Академию в университет с применением преподаваемых здесь наук к практическим потребностям России. «И из школы бы, проэктировал Государь, во всякие potreбы люди, благоразумно учася, происходили в церковную службу и в гражданскую, воинствовали, знали строение и докторское врачевское искусство». Петру I, следовательно, нужны были не выпренные философы, не ученые филологи, наполнявшие заграничные университеты, а разумные священники, чиновники, офицеры, архитекторы и медики. Что потребность в такой преобразованной высшей школе в обществе назрела, Петр I видел из многих фактов, часто печальных для церкви, которые он указал п. Адриану в беседе. «Мнози, – говорил он, – желают детей своих учить свободных наук и отдают зде оные иноземцам; инии же и в домех своих держат, будто учителей, иноземцев же, которые словенского

нашего языка не знают право говорить. К сему же еще иных вер и при учении том малым детям и ереси своя знати показывают, отчего детям вред и церкви нашей святей может быть спона велия и речи своей от неискusstва повреждение». Выгода отсюда в преобразовании высшей школы при наличных условиях жизни оказывалась, по словам Петра, неизмеримая. «А в нашей бы школе при знатном и искусном обучении всякого добра училися. И кто бы где в науке заправился, в царскую школу хотя бы кто побывать пришел, и он бы пользовался»⁴⁸³. Проект Петра I о преобразовании Академии в своего рода многофакультетный университет, при жизни п. Адриана, не был осуществлен, но не по вине п. Адриана, который готов был следовать указаниям Государя, как это видно из характерного письма п. Адриана боярину Стрешневу от 13 июля 1699 года⁴⁸⁴. Патриарх послушно шел здесь по указке Петра I и не противостоял его желанию превратить Академию в такое учебное заведение, где будут преподаваться науки не только «в пользу Церкви Божия», но «и ради всяких к потребе гражданских благоразумных соделований и переводчиков и лекарских искусств». С своей стороны, он полагал достаточным отдать надзор за Академией энергичному Холмогорскому архиепископу Афанасию. Но несмотря на отзывчивость п. Адриана к голосу Государя, сам Петр I проявил вскоре какую-то странную непоследовательность: то желал, чтобы Академия была хорошо поставлена, чтобы в ней было полное довольство и хороший надзор, то, когда патриарх стал просить о назначении в помощники ему, крутицким митрополитом, Афанасия, способного исполнить желание Государя по отношению к Академии, оставил без внимания ходатайство патриарха и его собора и перевел на Крутицы совершенно неспособного к делам правления, болезненного и престарелого не менее самого п. Адриана, митрополита Нижегородского Трифиллия (Инихова). Трифиллий занимал крутицкую кафедру до самой своей кончины 1701 года⁴⁸⁵. У слабого, немощного патриарха не оказалось помощника, который бы осуществил общее желание царя и патриарха – поднятие Славяно-греко-латинской Академии. Но заботы об Академии п. Адриан не покинул, и на

сколько он ценил просвещение, видно из тех уступок, какие он делал духу времени и силе обстоятельств, когда, вопреки старорусским традициям и убеждениям, назначил после иеродиакона Иова в 1700 г. ректором Академии бывшего отступника от православия в католичество и снова возвратившегося в лоно православной церкви, русского выходца из заграничных школ, европейски образованного ученого Палладия Роговского⁴⁸⁶. Биография Роговского, интересная сама по себе, весьма характерна и для обрисовки состояния вообще просвещения на Руси в конце XVII века и тех источников, и средств образования, кои находились в руках любознательных русских пионеров в этой области. Палладий Роговский, родом из вотчины Калязинского монастыря Кашинского уезда, в юных летах ушел в новгородские пределы и принял монашество в монастыре Саввы Вишерского. Через некоторое время он перешел в Москву. Здесь он был замечен еп. Тамбовским Леонтием и посвящен в диаконы Тамбовской епархии. Скромная доля безвестного иеродиакона не удовлетворяла Палладия. Он снова очутился в Москве и «со всеусердным желанием бил челом» п. Иоакиму разрешить ему учиться латинскому и греческому языкам «в греческих школах», заведенных в Москве. Полтора года проучился иеродиакон (Богоявленского монастыря) Палладий и, не удовлетворившись образованием в Московских школах, пустился тайно, без разрешения патриарха, в заграничные школы. Заграничное образование покупалось в то время дорогой ценой. В Вильне Роговский скинул монашескую одежду и поступил в иезуитскую школу изучать латинский язык. Когда через год иезуиты потребовали от него отступления от православия, Палладий ушел в Силезию, где слушал пиитику, все еще сохраняя православную веру. Через год пришлось и отсюда уйти, вероятно по той же причине, в Моравию. В Ольмюце, где Роговский желал прослушать курс риторики, иезуиты сразу же потребовали перехода в унию.

Роговский «желая, – по его словам, – достигнуть высших наук, не сердцем, но едиными усты», исполнил требование иезуитов⁴⁸⁷. Получив знание «свободных наук» Палладий из

Ольмюца отправился в Рим и вступил, как униат, в Коллегиум св. Афанасия для изучения философии и богословия. Греческий митрополит–униат с принуждением посвятил его во священники с тем, чтобы Палладий, учась в школе, служил в греко–униатской церкви. По семилетнем слушании философских и богословских наук Роговский «восприял на главу венец, а на руку перстень», и «по свидетельству всех докторов» получил докторский диплом. Из Рима Палладий, как униат, отправлен был папой в Малороссию на службу унии, но вырвавшись из рук католиков, Роговский почувствовал сильное стремление возвратиться в лоно Православной Церкви. Палладий, вместо Малороссии, поехал в Венецию, где присоединился к православию, получив разрешительную грамоту, в вынужденном вероотступничестве, от наместника константинопольского патриарха, митр. Мелетия. Вскоре после этого князь Петр Алексеевич Голицын, бывший в то время в Венеции, обратил внимание на ученого русского инокa и, отъезжая в Москву, взял его с собой. В Москве в 1699 г. Голицын представил Роговского п. Адриану и ходатайствовал за него. Палладий «с своей стороны подал патриарху челобитную, в которой, описав вкратце свое происхождение, воспитание, путешествие и пребывание за границей, также отступничество *»ради наук от православной веры»*, просил п. Адриана о вторичном разрешении от невольного греха и приобщении к монашествующему братству. П. Адриан милостиво выслушал челобитье Роговского, но прежде, чем удовлетворить его просьбу о принятии в лоно церкви, потребовал (указом от 10 февр. 1699 года) написать исповедание веры по мудрованию восточной церкви, если он силен в философских и богословских науках, описать отступление от православной веры, определить тяжесть этого греха и наказание за него, произнести проклятие на ересь римскую, на то, в чем римляне отступают от православной церкви, что они против нее содержат и что в науках твердят; известить о всем этом совершенно, написать подробно и писание прочесть пред всем собором и народом. В заключении патриаршего определения предписывается Роговскому «канон^{ом} исправиться в покаянии, чтобы в людях

нашего христианского благочестия подменения о нем не было, в правде бы церковной он хранился и на развращение никому о римской вере в противность церкви наша ничего не говорил, и по таком исправлении его, о священнодействе указ потом, будет»⁴⁸⁸. 1 апр. 1699 г. Палладий Роговский вручил п. Адриану свое исповедание веры, в котором обнаружил, с одной стороны, сердечное покаяние и ревность к православной вере, а с другой, замечательную по своему времени ученость⁴⁸⁹. Осторожность п. Адриана по отношению к Роговскому сказалась и тут: сочинение Палладия эксперты по богословию рассматривали два месяца. Когда оно было признано вполне православным, Роговский пред собором и патриархом 2 июня 1699 г. устно произнес свое исповедание и был принят в церковное общение. Вопрос о священстве Палладия был решен уже после. Когда найдена была грамота патриарха Антиохийского Макария от 1657 года, разъяснявшая, что латинских священников, равно и получивших священство в римско-католической церкви не следует «вторично хиротонисать» при их переходе в православие, а оставлять в сущем сане, Палладию оставлено было и священство. П. Адриан хотел использовать ученого инока в целях поднятия учебного дела в Академии и назначил в 1700 году Палладия ректором Академии с возведением его в сан игумена Заиконоспасского монастыря. Патриарх не был фанатиком традиции, опасливо относившимся к заграничным выходцам, и, раз убедился в искренности покаяния ренегата православия, то верил ему даже высшее учебное заведение, чем стал, в данном случае, выше многих своих современников и московских начетчиков, вряд ли сочувствовавших отдаче судеб высшего образования в руки бывшего отступника от православия. Изложенная вкратце история о Роговском говорит за то, что на Руси в конце XVII века назрела потребность у многих любознательных людей получать широкое образование, но только что основанная Московская Академия стояла не на высоте своего назначения. Ревнителям научного знания приходилось искать его за границей, тайно от церковной, власти, в католических и униатских школах и получать дорогой ценой

временного отступничества от православия, что иногда имело печальные следствия как для самой русской церкви (дело напр. Петра Артемьева)⁴⁹⁰, так и для русских выходцев из заграничных школ, находивших потом в Москве не приют и уважение, а травлю и нищенское существование (как напр. Григорий Скибинский)⁴⁹¹. Конец дела о Роговском говорит и за то, с другой стороны, что п. Адриан, от себя лично, прилагал все усилия и изыскивал разные средства наладить учебную жизнь в Славяно–греко–латинской Академии. Что было в силах патриарха, он делал и даже больше, чем Государь, который сетовал на печальное состояние Академии, но не пришел на помощь патриарху в затруднительном положении, оставляя лично себе в будущем славу возродителя русского просвещения.

Палладий Роговский был последним учителем–ректором Академии в XVII веке. Преподавал он на латинском языке, так как греческий язык не знал твердо. Но он был учителем не долго⁴⁹². После его смерти, 23 января 1703 года, Академия была преобразована местоблюстителем патриаршего престола и протектором академии Стефаном Яворским на подобие Киевской академии и получает уже название латинских или Славяно–латинских школ. При Палладии Роговском, как видно из донесения Курбатова Государю о кончине п. Адриана, Славяно–греко–латинская Академия еще более пала. «Школа, Государь, – писал Курбатов от 25 окт. 1700 г. под Нарву Петру, – которая была под призрением святейшего патриарха и вручена монаху Палладию, зело, Государь, в ней живущие, с полтораста человек, скорбят и всего лишаются, и учиться в ней невозможно. Потолки и печи, и иное строение обвалилося. Требуют, Государь, твоего всемилостивейшего усмотрительного милосердия»⁴⁹³. Помимо материальных и административных (в надзоре) недочетов к упадку Академии вело и то, что начальник и учитель Академии игумен Роговский при своих научных достоинствах и заграничном дипломе доктора богословия и философии был уже в то время, по совершенно расстроенному здоровью, неспособным к энергичной педагогической, живой, захватывающей юношество, деятельности. Он своими лекциями

не мог заглушить сильного недовольства, которым исполнены были ученики Академии при виде быстро разрушавшегося самого храма науки и равнодушия правительства к судьбе высшего образования на Руси.

Так печально было положение Славяно–греко–латинской Академии, а с ней и высшего церковного просвещения при п. Адриане. Но винить в этом п. Адриана приходится с большими оговорками. Упрекать его еще можно в отсутствии настойчивости и энергии в поисках руководителя академического образования и слабой попечительности о материальном благосостоянии заведения и учащихся, но нельзя не принять во внимание и смягчающие пред историей ответственность последнего патриарха древней Руси – обстоятельства, поставившие его в заколдованный круг топтания на месте в мерах возрождения Академии. П. Адриан искренно шел на встречу говорливых пестунов просвещения и невольно оказался игрушкой в руках то п. Досифея, то Государя Петра I, не двинувших пальцем, когда нужно было на деле проявить свою любовь к Московской Академии. Мы выше видели, что, склонившись на сторону п. Досифея, настаивавшего, больше по эгоистическим соображениям, на изгнании из Академии Лихудов, и понадеявшись на его широкообещательное обещание прислать надежного учителя в Московскую Академию с Востока, п. Адриан устранил единственно в то время годных к преподавательской деятельности бр. Лихудов и тем толкнул по наклонной плоскости высшее просвещение к падению, так как вскоре оказалось, что вполне заменить Лихудов было в Москве нечем, а с Востока обещанный учитель так и не приехал. Склонившись же в сторону Петра I, желавшего в Академии видеть многофакультетный университет, п. Адриан не только не получил от Государя средств к поддержке материального благосостояния высшего учебного заведения, но и встретил противника своему намерению поставить во главе Академии, как протектора, архиепископа Афанасия, живого и энергичного иерарха того времени, который бы помог ему снять темное

пятно с церковной власти, не смогла во весь древне–русский период завести в столице настоящую высшую церковную школу.

Низшая школа

Состояние низшего образования в патриаршество Адриана было столь же плачевно, что и в течение всего XVII века. Допетровская грамотность, как известно, развивалась помимо низшей правительственной или общественной правильно организованной школы. В городах, больших и малых, церковно–гражданско–правительственных школ не было заведено. Не создало таких школ и общество. Даже в высшем обществе детей обучали домашние учителя. В царской семье, по свидетельству Котошихина, был такой же способ обучения. «А как приспееет время учить царевича грамоте, – пишет Котошихин, – и в учителя выбирают людей, тихих и не бражников, а писать учить выбирают из посольских подьячих; а иным языкам латинскому, греческого, немецкого и некоторых, кроме русского, научения в российском государстве не бывает»⁴⁹⁴. Лучший образец такой домашней выучки представляет обучение царевича Петра дьяком Никитой Моисеевичем Зотовым⁴⁹⁵. Начать с часослова, перейти к апостолу и прочим другим книгам священного Писания, а затем приняться за чтение других книг, большей частью, религиозно–нравственного содержания, вот в чем заключалась древнерусская выучка в широком смысле, к которой у богатых детей присоединялись потом сведения, почерпнутые от домашних же учителей–иностранцев. В беседе у постели больного патриарха Адриана Государь указывал на такой установившийся в конце XVII века обычай получения русскими дополнительного образования у иностранцев. «Мнози желают детей своих, – говорил Петр I, – учить свободных наук и отдают zde иноземцам оныя, иные же и в домах своих держать будто учителей иноземцев же, которые славенского нашего языка не знают право говорити. К сему же еще иных вер. И при учении том малым детям и ереси свои знати показывают. От чего детям вред и церкви нашей святей может быть спона велия, а речи своей от неискusstва повреждение»⁴⁹⁶. Выше отмечалось, что Ян Белободский был

таким домашним учителем. Братья Лихуды после своей отставки от Академии «начали учить желающих итальянскому языку». До 1697 года они вели обучение частным образом. В этом же году состоялся именной высочайший указ, чтобы бояре и других чинов люди отдавали детей своих учиться итальянскому языку у учителей греков Иоанникия и Софрония Лихудиевых». Брало уроки человек десять. Лихудам платили даже казенное жалованье от Царя⁴⁹⁷. Учителя иностранцы, конечно, обучали детей боярских уже после того, как дети научались русской грамоте у своих доморожденных грамотеев. Бывало и так во второй половине XVII века, что русские богатые юноши отправлялись за наукой в Киевские и Польские школы. По словам п. Иоакима, «нецыи юноши из царствующаго града Москвы восхотеша отъити в Польское Кралевство, ради учения латинскаго»⁴⁹⁸. Но бывало и так, что дети боярские вовсе не получали образования. «Бояре, заседающие в думе, – замечает Котошихин, – уставя брады свои ничего не отвечают (на вопросы Царя): многие из них грамоте неученые и нештудированные»⁴⁹⁹. Даже знатные бояре не спешили садить детей за грамоту. Сын известного европейски образованного боярина В. В. Голицына князь Алексей начал учиться грамоте уже в то время, когда ездил в походы за Государем⁵⁰⁰. Несколько позднее, в 1710 году, сам Государь в разговоре с иностранным послом Юлем называл своих подданных «скотами», что свидетельствует о необразованности высших слоев русского общества. Юль находит из всех придворных, окружавших Петра I, одного Мусина–Пушкина «единственно из здешних придворных получившим образование и умеющим, хотя и не важно, говорить по латыни»⁵⁰¹. Нечего и говорить о женском образовании. «Московского Государства женский пол, – писал Котошихин, – грамоте неученая и необычай тому есть, и природным разумом простоваты и на ответе несмыслены и стыдливы». Могли ли такие женщины дать правильное воспитание и начальное образование своим детям? Все такие данные говорят за то, что у высшего класса общества не было правильно организованной школы, даже низшей.

Духовенство также не имело церковно–правительственных низших духовных школ. Крестьянин, подмосковный, Иван Тихонович Посошков характерно отметил, как и какие ставились архиереями пастыри церкви. «Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, а *в книжном учении и разумении не весьма довольны*. Я признаю, что от оплошки архиерейской так чинится, потому что архиереи полагаются на служебников своих в поставлении поповском; служебники примут от новопоставленника дары и затвердят ему в псалтири псалма два–три и пред архиереем заставят вытверженное читать, ставленники ясно, внятно и поспешно пробежат, и архиереи, не ведая ухищряемого подлога, посвящают в пресвитеры; и от такого порядка у иных грамота и плоха»⁵⁰². Как эти слова Посошкова напоминают слова архиеп. Новгородского Геннадия, конца XV века, и как глубоко различие в отношениях к безграмотным ставленникам архиерея конца XV века и конца XVII века. Владыка Геннадий писал митрополиту Симону: «Приводят ко мне мужика в попы ставить. Я велю ему читать апостол, а он и ступить не умеет; приказываю дать ему псалтырь, а он и по той едва бредет. Откажу ему, и на меня жалобы: «земля, господине, такова; не можем добыть, кто бы умел грамоте»⁵⁰³... Новгородский иерарх жалуется на сложившийся порядок поставления безграмотных священников, но он борется с этим порядком, заботится, просит митрополита о заведении школы, хотя и с элементарным курсом: изучить азбуку с гранями, слова подтительныя и твердо выучить псалтырь с возследованием⁵⁰⁴, а через два века иерархи уже не замечают такого печального для пастырства и просвещения обычая – получения священной должности чрез дары «служебникам» при затверживании только одного, двух мест в псалтири. Насколько ослабла энергия высшей церковной власти в заведении, хотя бы элементарной, школы для духовенства! За два века перед тем иерарх болезновал сердцем за пастырей: «будут ли они православны?», а теперь мирянин Посошков сетовал на небрежение самих иерархов, доверившихся «служебникам» и закрывавших глаза на невежество ставленников⁵⁰⁵. Причины отсутствия низшей

духовной школы лежали и в высшей церковной власти, и в сложившихся исторических традициях церковного общества, считавших школу излишней, отчасти и в материальном убожестве рядового духовенства в XVII веке. Сам высший руководитель церковной жизни г. Адриан, ни в своем окружном послании пастве, ни в инструкции старостам поповским не упоминает о заведении или поддержании низших духовных школ. Их, по всей видимости, не было, и в них не чувствовалось нужды. Идеалом церковного просвещения русской паствы и пастырей патриарх полагал «часто прочитати священные каноны святых апостол и синодов всех, не меньше бо Евангелие (я?) Церковь Божия почитается и в тех присно поучатися и в иных божественных писаниях, кроме отреченных еретических книг»⁵⁰⁶. Для такого круга знания школы грамматического обучения не требовалось, нужна была простая выучка чтению и письму каким-либо грамотеем, духовным или светским. Уметь бегло читать книги разной печати и письма, взять назубок все содержимое в той или иной божественной книге, владеть искусством писать уставом, полууставом и простым письмом, уснащать речь текстами священного писания и религиозных книг, иметь библию «на край языка», вот к чему направлялось допетровское церковное образование. Нужна ли здесь школа с грамматикой и разными науками? По нашему, конечно, нужна, чтобы правильно разбираться и понимать смысл каждого выражения священной книги и иметь более широкий умственный кругозор, но для того времени это считалось излишним; достаточно было одного «книжного почитания», бойкого начетчества, чтобы прослыть человеком образованным, выдающимся. Сам п. Адриан, по многим данным, никакой школы низшей и высшей не прошел. Усердное чтение священных книг, аскетические подвиги, монашеские достоинства проложили ему дорогу к патриаршей кафедре. Естественно равнодушие Адриана к заведению низших духовных школ по епархиям: в них он не ощущал такой нужды, как в высшей школе, которая нужна была для борьбы с протестантизмом, католичеством, угрожавшими чистоте православной веры в России. Иерархи провинциальные вполне

следовали в этом деле своему отцу и господину—патриарху⁵⁰⁷, также не считали нужду в низших школах острой, ограничиваясь требованием даже от ставленников во священника и диакона уметь только читать (по Посошкову) предложенную страницу богослужебной книги. Для такого требования архиереев достаточно было ставленникам научиться чтению и письму у какого—либо грамотея. Обычно дети духовенства получали такую выучку от своих родителей или родственников и являлись подходящими кандидатами на церковные должности, благодаря чему еще более закреплялась в XVII веке сословность белого приходского духовенства и наследственность священно и церковно—служительских мест.

Если у привилегированных классов древней Руси: служилого класса и духовенства, не было правильной общественной школы, ее заменяли домашние учителя, то нечего говорить о существовании школ у городского и крестьянского населения. Единственно возможным путем получения грамотности была выучка у доморожденных грамотеев или тех же священников, дьяконов и дьячков, которые носили громкое название «учителей». В их руках и находилось вообще обучение русских детей. За свой страх и риск эти учителя набирали детей, желающих учиться грамоте и счету и заводили в городах и селениях подобие школ грамоты второй половины XIX века. Об этих учителях и таких школах и говорят как современники—писатели, так и дошедшие от того времени азбуковники. Иностранец Корб в дневнике своем отмечает, что «в школах учителя обучают учащихся только чтению и письму. Выучение наизусть некоторых правил их веры составляет у москвитян самую высшую степень образования»⁵⁰⁸. Симеон Полоцкий, ходячая энциклопедия схоластической, польской науки, нападал в своих проповедях на этих учителей—священников за их невежество и резко отзывался об их учительстве. «Многие невежды, — говорил он, — не бывшие никогда и нигде учениками, смеют называться учителями... по правде это не учителя, но мучители»⁵⁰⁹. Но эти доморожденные учителя собственно и поддерживали искру просвещения на Руси. Им обязано было русское общество, хотя

кое—какою грамотностью, и на том им спасибо, особенно, если принять во внимание нищенское содержание этих скромных деятелей русского просвещения.

Азбуковники дают общую картину организации незатейливой школы грамоты, созданной грамотеем—мастером XVII века. Обычно «учителем» отводилось под школу помещение, уставленное скамьями, столом и другими необходимыми предметами (напр, лоханью, сосудом с свежей водой). При школе не было классных служителей, вся их работа по уборке помещения возлагалась на школьников. Азбуковником им предписывалось:

Сосуды воды свежая в школу приносите,
Лохань—же с настоянною водою вон износите,
Стол и лавки чисто вами да моются.
Да приходящим в школу не гнусно видится;
Сим бо познается ваша личная ленота,
Аще у вас будет школьная чистота⁵¹⁰.

В такую школу «учитель» набирал в городе или селении известное количество детей⁵¹¹, за обучение которых родители должны были еженедельно в праздник с детьми присылать натурой добροхотные подаяния на содержание семьи «учителя». В азбуковниках ученикам внушалось:

К учителю в день недельный на поклон приходите
И от снєдных яств брашен и пития ему приношайте»⁵¹².

Материальное положение учителя вообще было не из завидных. Ему часто приходилось попрошайничать или писать «слезницы» к родителям учеников вроде такой:

"Плачется работничишко твой такой то, ради благоцветущие отрасли твоей единокровного своего сына научения пожалуй мне работничишку твоему, на школьное строение, мне же с домашними на пропитание»⁵¹³. Ученики, большей частью, были приходящие. Иногда учитель заводил и общежитие, если ученикам было далеко ходить домой, или если школа находилась при монастыре. Тогда и «слезница» была коллективная – от учителя и школяров:

«Прикажи, государь, нам от класорасленных плодов запасцу дати,

И от пресветлыя твоея трапезы говяд и тинолюбящие
свиния преподати;

Со всеми же сими желаем и птах водоплавных,
Иже обретаются в домех ваших преславных,
Из млека сгущенного и из семян изгнетенного масла,
Да в приходящий праздник усадят наши брашна.
Возьодари происходящим сквозе огонь и воду,
Да благопотребно будет нашему дому,
Высокорасленным огорченного пива добрейшаго,
Пчелодельного меду сладчайшаго...

Прикажи, государь, сосуд наполнити пития именитаго,
Званием втораго и осьмаго и пятьдесят перваго» (2=в; 8=и;
50=н; 1=а)⁵¹⁴.

Учение в школе открывалось с 1 декабря, дня, посвященного памяти пророка Наума, считавшегося в древней Руси покровителем книжного учения, по пословице: «Пророк Наук наставляет на ум». Ежедневные учебные занятия начинались с утра и продолжались до вечерни. В полдень была перемена для хлебоядения. Вечером занятий не полагалось не только в школе, но и дома, так как учебники отбирались у школьников. Уроки заучивались в школе при учителе. Помощниками у учителя были т. н. старосты из понятливых и усердных учеников, которые заменяли его в отсутствие из школы. Обязанности старост иногда так определялись в азбуковниках:

«Триех старост, – заявлял учитель, – вам устрояю,
Коемуждо особое приказание уставляю;
Тии вся бывающая в вас да смотрят.
Виноватых, повине смотря, без меня да смиряют.
Тии должни суть: един книги приимати и отдавати,
Другой недостатки воды досмотряти и пити отпускати
Третий нужды ради на дворе отпускати,
И зловонного духа должен есть ощущати.
Тии должны быти безпристрастни
Да не, на них зря, инии будут страстни»⁵¹⁵.

Главным предметом начального обучения были буквари и азбуковники, о чем свидетельствует самое их обилие. В конце

XVII века делопроизводитель п. Адриана Карион Истомин прославился своими букварями, и рукописными (от 1692 года), и печатными (от 1694 года и 1696 года)⁵¹⁶. Для облегчения усвоения азбуки Карион прибег к наглядному, картинному ее изображению. «Аз, – писал он в предисловии к букварю, – ныне начертах букварь словенских письмен, предложих вещественных видов образы, коим словом, кая вещь начинается глаголати под всяким письменем, ради любезного созерцания отрочатам учащимся и названия видов удобны в складе. Да что видит, сие и назовет слогом письмене достолепного начертания тех. Яко Адам, алектор, аспид... сими бо письмены вещи в склад, или слог имут начала»⁵¹⁷. Изучением содержания азбуковника или букваря преследовались две цели: усвоение азбуки и внедрение в душу школьника правил благоповедения дома и в школе, на улице и в церкви, днем и ночью. Вот почему составителями букварей рекомендовалось не только читать их, но и заучивать наизусть, иметь настольной книгой. Образцом, как соединяли в букваре эти две цели, могут служить следующие стихи букваря Истомина к рисункам предметов, название которых начинается с буквы «п» (парус, палата, пуговица, камень (плинф), праща, обезьяна (пифик):

«Парус желанный людям в добро пуцай,
Палату сердца в пост тело изсушай,
Стреляй к Богу мыслию твоею,
Он упоет силою своею.
Чистоту любви пугвица застегнет,
Аще плинф грехи, кто свобод отбегнет.
Пращею молитв враги побеждати;
Пифики бесы не имут стужати»⁵¹⁸.

За усвоением букваря и азбуковника следовало чтение часослова, псалтыри и др. священных книг и письмо с счислением. Этим, вероятно, и заканчивался курс обучения в школе грамотея.

Как при изучении букваря и азбуковника, так и вообще при прохождении всей школьной выучки, с образовательными задачами в древне–русской школе грамотея соединялись еще

задачи и воспитательные. Первоначальному обучению и воспитанию наши предки вообще придавали громадное значение. В то время царил взгляд на душу ребенка чисто Локковский. Душа ребенка воск. «На этом восце, – заявлял автор одного педагогического сборника от XVII века, ратовавший в пользу всемогущества и важности воспитания, – напечатает ли кто целого и незлобивого голубя, выну пребудет человек той цел и незлобив, яко голубь; напечатает ли кто орла высокопарна и светолюбива, присно той человек вышня имать мудрствовати и светлая; напечатает ли кто землеточиву кроторию, или блаторачителя вепря, поистинне той человек до смерти пребудет земных любитель и блага греховна искатель; напечатает ли кто лютого льва, или волка хищного, выну будет человек той жесток, яко лев, и хищлив, яко волк; напечатает ли кто трудолюбива вола, выну имать человек той во трудех пребыти; напечатает ли кто ленивого осла, всегда в лености человек той имать жити; напечатает ли кто гневливого медведя, хитрого лиса, или лающа пса, до кончины живота си той человек пребудет гневлив, хитр и лаятель честных; аще напечатает кто смиренного агнца, или чистого горностая, той человек до последнего издыхания будет смирения любитель и чистоты хранитель»⁵¹⁹. Неудивительно, поэтому, что школьные правила в азбуковниках были перемешаны с нравственными предписаниями, охватывали жизнь школяра не как ученика только, но и как человека вообще. Здесь затрогивались часто современные пороки общества; дети предохранялись от дурного влияния улицы. Характерны, например, наставления, касающиеся целомудрия детей, и борящиеся с распространенным, по словам иностранцев, пороком среди русских:

«Отнюдь не обнажай при товарищах руки и ноги твоея,

Тако же и сам не зри страстне наготы своея...

Отнюдь не прикасайся к чесому любострастне,
И доброты ближняго не зрите любострастне»⁵²⁰.

Был и другой порок, которым страдали русские; школьные правила не могли и его пройти молчанием:

«Духом смрадным никтоже из вас не зловонит.

Таковая от того страсть биением ея да изгонит»⁵²¹.

В школьных общежитиях заботой учителя было, чтобы ученики не спали вместе; слагатель азбуковника предостерегает учителя:

«Лягут ли где ученицы твоя когда спати,
Дивися, еже не на тех же местах имут встати»⁵²².

Педагогическими средствами воздействия при обучении и воспитании вверенных грамотею детей служили главным образом наказания, бывшие в древней Руси неразлучным спутником выучки, отчего самое слово «наказание» сделалось равнозначущим слову «наставление». Орудием наказания у учителя являлись бич, жезл и розга, в честь которых авторы азбуковников слагали целые панегирики вроде следующего, принадлежащего перу Симеона Полоцкого:

«Та орудия глупых исправляют
Плоти целости ничтоже вреждают.
Розга ум острит, память возбуждает,
И волю злую ко благу прилагает.
Учит Господу Богу ся молити,
И рано в церковь на службу ходити.
Бич возбраняет скверно глаголати
И дел лукавых юным содевати.
Жезл ленивыя к делу побуждает,
Рождших слушати во всем научает.
Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте,
Та суть безвинна, тех не проклиняйте,
И рук, яже вам язвы налагают,
Ибо не зла вам, но добра желают»⁵²³.

На букварях, в целях педагогического внушения, изображалась следующая картина: нарисована школа; за столом сидят ученики, а учитель среди школы наказывает розгою провинившегося ученика⁵²⁴. Учитель частенько поддерживал внимание учеников словами:

«Внимайте словам моим учительским,
Да не будете повинни ранам мучительским»⁵²⁵.

В конце уже XVII века в букварях Кариона Истомина есть шаг вперед в педагогических воззрениях: ни в одном из них нет

поучительной картины наказания розгой, нет и гимнов в честь телесных наказаний⁵²⁶. Конечно это объясняется не переменой воззрений в русском обществе по такому важному вопросу, а скорее гуманностью самого Кариона Истомина, одного из симпатичных людей конца XVII века.

В конце же XVII века другой церковный деятель Евфимий высказал новый взгляд и на программу начальной школы, поставив в главу школьного обучения знание грамматики. Перу Евфимия принадлежит целый трактат – «рассуждение – учиться ли нам полезнее грамматики, риторики... или, и не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати», познавая разум Божественного писания «от чтения», т. е. путем простого начетчества?⁵²⁷ Отвечая на этот вопрос, он отдает решительное предпочтение школьной системе обучения и окончательно осуждает старую систему начетчества⁵²⁸. В унисон с ним тоже воззрение проводил и Карион Истомин. Вместо учителя с розгой на первой странице букваря Карион поместил изображение Спасителя с открытой книгой в руке, а в ней написано: «Аз премудрость вселих и совет»... По бокам Спасителя стоят три ученика со свитками, в которых вписаны названия наук: астрономия, феология, риторика, философия, грамматика и геометрия⁵²⁹. Таковы были, скорее, мечты лучших людей – церковников конца XVII века о лучшей школе и лучших педагогических приемах. Действительность резко расходилась с ними. XVII веку не суждено было иметь правильно–устроенной низшей, ни светской, ни духовной школы. Хотя в 80–х годах, при п. Иоакиме, и были в Москве две правильно устроенные низшие школы грамматического обучения : одна при типографии – славяно–греческая и другая –спасская славяно–латинская, созданная Сильвестром Медведевым, но та и другая скоро прекратили свое самостоятельное существование: первая, с приездом в Москву Лихудов, слилась в 1687 г. с Славяно–греко–латинской Академией; вторая же в 90–ых годах была, вероятно, закрыта, с разгромом п. Иоакимом латинской партии и казнью основателя ее Сильвестра Медведева⁵³⁰. Школы грамотеев до конца века удержали свое преобладание и значение, как

единственный способ получения в них русскими детьми простой грамоты.

Церковная письменность в конце XVII века

Общее замечание о церковной письменности в конце XVII века. Состав книг патриаршей библиотеки к 1700 году

Главное литературное богатство древне–русской церкви к концу патриаршего периода скопилось в т. н. патриаршей библиотеке, которая, как в фокусе, отражает идейные настроения церковного общества и самый характер русской богословской мысли.

По описи, неизвестно кем и по какому случаю составленной, но относящейся к 1718 году, в патриаршей библиотеке книг находилось 799 №№⁵³¹. Из них более половины $\frac{5}{8}$ иностранные – на греческом до 430 №№ и на белорусском, латинском и немецком языках до 60 №№. По содержанию книги п. библиотеки можно распределить на следующие отделы с приблизительным обозначением №№. – а) Книги свящ. Писания и богослужебные, около $\frac{1}{4}$ всего книжного богатства (7 библий, 11 Евангелий, 11 апостолов, более 100 псалтырей, 11 часословов, 15 служебников, 15 требников, 10 уставов и др.). б) Святоотеческие творения, до $\frac{1}{5}$, библиотеки (10 кн. соборных деяний, более 20 Василия Великого, более 20 Григория Богослова, более 75 Златоуста, 15 кн. Правил св. Отец, всего до 150 №№. в) Догматического и нравоучительного содержания – более 75 №№. г) Церковно–исторического содержания (Четьи Минеи, Патерики и т. под.), бол. 50 №№, и д) светские книги с историческим (Геродота, Фукидида, Гесиода и др.) и разнообразным содержанием, остальные – № № . Одно преобладание в патриаршей библиотеке книг священного писания, богослужебных и святоотеческих от соборного периода говорить о верности древне–русского церковного общества

в конце XVII века православной традиции, ценившей только единое на потребу: свящ. Писание, богослужебную и святоотеческую литературу. Подавляющее обилие этих книг на греческом языке свидетельствует об авторитете соборной греческой церкви в русской церкви. Меньшее сравнительно количество книг на славянском языке указывает на малое

развитие самостоятельной богословской работы русских церковников, почерпавших всю свою образованность путем чтения греческих богословских произведений или в подлиннике или в переводах, над которыми трудились справщики или переводчики, постоянно находившиеся в конце XVII в. при моск. типографии. Некоторое количество книг разнообразного светского содержания (особенно исторических), а также присутствие книг на польском, латинском и немецком языках ограждает пробудившийся в русском обществе интерес к историческому и вообще светскому образованию, а также напор 3.-Европейской культуры с ее проводником – литературными произведениями на иностранных языках, нашедшими приют даже в книжных шкафах патриархов. Таково общее впечатление и выводы, вызванные знакомством с одним только каталогом книг патр. библиотеки конца XVII века. Перечень же книг, бывших в кабинете п. Адриана⁵³², вводит нас некоторым образом в интересы правящей церковной власти конца XVII в., так как п. Адриан был выразителем и по самому своему званию «главы русской церкви» носителем в голове и сердце религиозных дум и настроений русской церкви. Патриарх, видимо интересовался «описанием всего света», а также Иерусалима («странник о Иерусалиме») и любил читать исторические книги (отсюда несколько книг исторического содержания: хрисмологион – объяснение видения Навуходоносора о 4 царствах, и степенные книги); считал ценным объяснение церковных таинств («о седми тайнах»), появившееся, благодаря трудолюбию инок Евфимия; прилежал чтению и изучению Библии (большой в лицах), что еще сказывается и на обильном пользовании патриархом в своих посланиях и проповедях текстами священного Писания; принимал участие в борьбе с ересями и расколом, с чем связывается присутствие у него догматических и полемических сочинений (Венец Веры, Зборица, Зерцало великое). Задумывался, очевидно под влиянием тревожных событий, о судьбе церковной власти в России, когда имел на руках греческую книгу: «Поставление Иова патриарха», свидетельствовавшую о незыблости учреждения

патриаршества на Руси; невольно, наконец, отдал дань и напору немецкой культуры в Москву: в его книжном шкафе появилась немецкая книга, одна из тех, кои, по сообщению иностранца Толюка, кораблями привозились в Россию Преобразователем⁵³³. В описании славянских рукописей Синод, библиотеки Горского и Невоструева отмечается еще одна книга, побывавшая в келье п. Адриана: «О подражании Христу Фомы Кемпийского» («прислана с патриарша двора в 205–1697 году»). Содержание этой книги конечно не могло не повлиять и на без того евангельски настроенный характер п. Адриана.

При частном обозрении произведений славянской церковной письменности, появившихся в описываемый нами период приходится подразделить все их на две неравные группы: переводные сочинения и оригинальные.

Переводная письменность конца XVII века

Главным материалом для переводов служили греческие полемические произведения, присылавшиеся с востока, а главным неумолимым борцом против иноверия и защитником соборного православия при п. Адриане был чудовской инок Евфимий. Евфимий был учеником и продолжателем дела знаменитого, талантливое, кабинетного ученого, выходца киевского, Епифания Славенецкого († 1676), как известно, кроме исправления библейского текста, обогатившего во второй половине XVII в. русскую церковь своими переводами святоотеческих творений и сборников церковных правил и собственными проповедями, а русское передовое общество переводами разных сочинений исторических, географических, нравственных, даже анатомических и проч.⁵³⁴ Отличаясь больше ревностью к православию и усердием, чем талантами и широким образованием⁵³⁵, Евфимий был душой греко-фильской партии и создал как бы школу скромных работников церковного просвещения в греко-славянском направлении. Горский и Невоструев в предисловии к «Описанию Славянских рукописей Москов. Синод. Библиотеки» отдают справедливую дань уважения иноку Евфимию, отмечая его важное значение в появлении новых переводов и сборников богословской письменности конца XVII века. Ревностью Евфимия, имевшего доступ к патриарху, направлялась переводческая деятельность братьев Лихудов, и их учеников – Иосифа Афанасьева, Алексея Кириллова, Кариона Истомина, Николая Семенова, Феодора Поликарпова, Феодота Аггеева, чуд. монаха Иова и друг., удачно справлявшихся с возложенной на них п. Адрианом задачей – исправлять славянские книги с греческих подлинников и готовить к изданию новые переводы греческих книг разнообразного, гл. обр. полемического, содержания⁵³⁶. Сам Евфимий не отставал в полемической работе от других переводчиков, и с его именем связаны переводы полемических греческих книг, присылавшихся п. Иерус. Досифеем для противодействия западным ересям⁵³⁷. Из

переводов Евфимий составлял сборники, которые предлагал вниманию п. Адриана и внушал ему, по соборном рассмотрении, разрешать печатание их и распространение среди пастырей и пасомых в общее назидание. Не без участия Евфимия в патриаршество Адриана закончен был обширный сборник исторических известий и статей, касавшихся полемики последнего времени, известный под названием «Щит веры». К этому сборнику было приложено прошение к п. Адриану, составленное Евфимием, который объясняет здесь исторические причины появления такого огромного полемического сборника⁵³⁸ и указывает на огромный труд, предпринятый для перевода с греческого вошедших сюда разных книг. «Колика убо лета, восклицает в заключении орошения Евфимий, над преведением сих святых книг изнурена, и колики труды и поты кровавыя излишася над сим трудом в самом преведении и исправлении и двогубом, а иных и трегубом преписании!»⁵³⁹. Составление самого сборника «Щита веры» церковно-исторической наукой приписывается в настоящее время Афанасию, архиепископу Холмогорскому⁵⁴⁰, при чем позднейшая более полная редакция «Щита» относится ко времени после 1693 г., потому что в содержание его вошли отрывки из святоотеческих творений, переводы которых сделаны не ранее 1693 года⁵⁴¹.

Усердие Евфимия и его сотрудников в переводе полемических произведений указывает на сознание в высших церковных кругах опасности от натиска западных вероисповеданий. Но одних полемических произведений для утверждения православия в русском обществе было недостаточно. Требовались положительные изложения христианского вероучения «по мудрованию соборной кафолической церкви», чтобы дать здоровую духовную пищу русской пастве. Евфимий и его кружок сознавали эту нужду и с своей стороны старались восполнить пробел. Благодаря Евфимию и его сотрудникам-справщикам, продолжалась важная плодотворная работа исправления, а также перевода святоотеческих творений, фундамента православия и благочестия русского церковного общества. Самим Евфимием

были переведены, хотя и не изданы за неудобопонятностью языка, сочинения Дионисия Александрийского, «оглашение» Кирилла Иерусалимского и др.⁵⁴² Другие типографские справщики также потрудились над переводами и исправлением святоотеческих творений. Даже Карион Истомин, личный секретарь п. Адриана, был в то же время справщиком в типографии. В записной книге типографского архива № 100 отмечено, что «п. Адриан приказал править и печатать Евангелие толковое и Маргарит Иоанна Златоуста, и в том справщическом труде был иеромонах Карион Истомин вместе с Феофаном, Тимофеем, Ароном и Феодором Поликарповым». Семенов и Поликарпов были специалистами в деле книжного правления и печатания: они считали эту деятельность более плодотворной и нужной, чем преподавание в Академии, когда, по пятилетнем преподавании в последней (1694–1699 г.), возвратились к любимым своим занятиям при типографии.

Перевод и исправление в патриаршество Адриана святоотеческих творений, составлявших любимое, назидательное чтение православного христианина допетровской Руси, не могли, однако, восполнить один существенный недостаток богословской письменности – неисправность текста Библии, изданной еще в 1663 году и обращавшейся в церковном обществе в крайне ограниченном количестве экземпляров. Нужно заметить, что дело исправления славянского текста Библии, над которым трудился до конца дней своих Епифаний Славенецкий⁵⁴³, а также особая комиссия⁵⁴⁴, учрежденная в 1678 г. п. Иоакимом для пересмотра текста деяний и посланий апостольских, кончилось в 1679 г. печатным изданием исправленного апостола. П. Адриан не поддержал энергично дальнейшей работы издания других книг Библии в исправленном виде, так как с временем его патриаршества не связываются работы над исправлением текста Библии; новые попытки издать правильный перевод Библии на славянский язык относятся уже к началу XVIII в. (1704–1706 г.) и исходят от митрополита Новгородского Иова; между тем как в конце XVII века недостаток Библий ощутительно давал себя знать, ибо даже Библия неисправного

издания 1663 г. сделалась такой редкостью, что в Малороссии, по свидетельству св. Дмитрия Ростовского, трудно было найти Библию даже по церквам⁵⁴⁵. Из произведений догматического содержания, взятых на стороне и изданных в Москве, крупное значение имеет «Православное исповедание кафолической и апостольской церкви восточной» Петра Могилы, напечатанное в Москве энергией и ревностью инок Евфимия в 1696 году для общецерковного пользования. Переводились и другие церковные произведения, но редкие из них видели печать и имели обращение в обществе. Многие из них так и остались в рукописях, напр. «Священный катехизис или изъяснение божественной литургии» Николая Булгара. Перевод был сделан по найму Евфимия, который тщетно просил у п. Адриана соборного рассмотрения этой книги и издания в общее пользование.

Такова в общих чертах переводная церковная письменность, свидетельствующая, что в конце XVII века, благодаря неутомимости и настойчивости инок Евфимия и его кружка, не прекращалась работа церковного общества, в накоплении святоотеческих творений и богословских произведений, соответственно духу времени носивших, большей частью, полемический – оборонительный характер. Вся переводческая деятельность и «книжное правление» при типографии ех officio находились под верховным надзором и контролем п. Адриана, который иногда указывал работу для справщиков, давал содержание типографии и т. п. Одобрение и санкционирование переводов важных сочинений полемического и догматического содержания принадлежало ему; он прилагал к ним, при издании в свет, особые как бы разрешительные грамоты. Так, напр. к «Щиту веры» приложена грамота п. Адриана с одобрением на издание в свет этого обширного полемического сборника. Здесь патриарх говорит, что по поводу открывшегося спора в Москве о времени пресуществления св. Даров, получив от восточных патриархов Константинопольского Каллиника и Иерусалимского Досифея грамот, окончательно разрешающие сей вопрос, и книги Мелетия Сирига и п. Досифея, служащие к защищению православного учения о сем

предмете против латинян, также прочитав все написанное и составленное по сему делу при п. Иоакиме, он утверждает приговор Иоакима против лжеумудрствующих и, по совещании с царями, благословляет «издати сия типографиєю, ради истины всем православным». В этой обширной грамоте приводятся и некоторые извлечения из книг Мелетия и Досифея и подробно исчисляются статьи, вошедшие в состав книги Остен, собранной при п. Иоакиме. По случаю же издания в свет в славянском переводе книги: «Православное Исповедание Кафолической и Апостольской Церкви восточной» п. Адриан написал «Воззвание к православным христианам»⁵⁴⁶. В начале воззвания патриарх предлагает довольно длинное рассуждение о следствиях грехопадения первого человека; далее, от понятия необходимости пищи вещественной, телесной, переходит к понятию о необходимости для верующего духовной пищи, слова Божия, указывая на еретиков, извративших чистое учение православной церкви. Предостерегая верующих от свободомыслия, патриарх пишет, что «своемыслие бывает причиной противоречия, от противоречия рождается непокорность, непокорность удаляет от людей и от Бога, удаление же ведет за собою вечную погибель, как вещает о сем псалмопевец: «Вси удаляющиеся от Бога погибнут». Упомянув затем о казнях, постигших и имеющих в будущей жизни постигнуть еретиков, Адриан продолжает: «Но о суете!... и ныне ратуют на нового Израиля и возмущаюсь его премногие богопротивники... Таковы латиняне, самовольно отделившиеся от восточной кафолической церкви, таковы лютеране, по славолюбию и сластолюбию, отторгшиеся и от римской церкви; таковы кальвинисты, которые, не захотев следовать путем обоих, сейчас указанных слепых вождей, не только удалились от православных догматов, но и вовсе отгнили, превзошед в гнилости самые гнилые составы. На всех их в точности сбылась Господня притча: «слепец слепца ведет, обоим же прибежище адская яма»... От соблазнительных книг их и других ядовитых писаний, рассеянных лютеранами, латинянами и кальвинистами, которые красными словами прельщают сердца незлобивых, по всей великороссийской и малороссийской ниве,

расплодился куколь нечестия, который стал подавлять пшеницу православия и наносить великий вред всему христианскому миру. Заметил это киевский митрополит Петр Могила и, подвигнутый ревностью к благочестию, написал означенную книгу. Потом она была рассмотрена и исправлена собором Молдавским 1643 г. и разослана к восточным патриархам, которые также одобрили ее. В 1662 году некто Панагийот издал ее на греческом языке. В 1685 году с благословения п. Иоакима «Православное Исповедание» переведено было на славянский язык, а в 1696 году оно напечатано в Москве. В этой богодухновенной книге, рекомендует патриарх, всякий православный найдет все необходимое для спасения, найдет начало духовной жизни, т. е. десятословие, святой 12-ти членный символ, молитву Господню с 9 евангельскими блаженствами и прочими ведущими ко спасению добродетелями, изъясненными кратко и ясно, для нетленного питания душ»⁵⁴⁷. Но патриарх, по православному сознанию, не был последней инстанцией в решении вопроса о православии книг. Он был только председателем освященного собора епископов, которым собственно принадлежало право санкционировать произведение. Характерно, для освещения этого положения, прошение инок Евфимия к п. Адриану, по поводу осмотра переведенного его иждивением «Священного Катихизиса или изъяснения бож. литургии» Николая Булгара. «Книга сия, – говорил Евфимий патриарху, – по– твоему, великого архиерея, благословению, а по– моему, грешного, собственному желанию и прошению и иждивением моим преведеса и написася с печатный греческие книги... душевные ради себе пользы и келейные ради забавы, а не ради иные каковы вины. Но понеже наманованием параклита св. Духа изволяет всесвятейшество твое напечатати ю: вельми Государь богоугодное дело благоизволением сотворити... но прежде печатания требует дело сие *соборного вашего архиерейского прочитания* и опасного рассмотрения, зане обретаются zde некия недоумения и необычности»⁵⁴⁸. Конечно, на практике энергичный патриарх в роде Никона или Иоакима мог собор представлять в своем лице и направлять соборное решение в

своим духом. П. Адриан, не отличавшийся энергией, не мог сам руководить переводческой деятельностью, поэтому за патриархом стояла другая личность, бывшая вдохновителем и душой богословского кружка – это Евфимий, который собственно и руководил справщиками и переводчиками типографии, являясь главным советником п. Адриана в деле церковного просвещения и выбора книг для перевода и печати.

Наряду с произведениями духовного содержания в конце XVII века появляются в переводах произведения светского характера. Часто переводчиками являются те же ревнители просвещения – Карион Истомина, Феодор Поликарпов и друг. Из таких произведений отметим перевод – от 1690 г. Кариона Истомина – «Книги Иулия Фронтинуса, сенатора Римского, о случаях военных» или «Книги о хитростях ратных», поднесенный царю Петру Алексеевичу, и перевод Ф. Поликарпова от 1698 года

книги: «Хитрости царя Льва» с греческого языка⁵⁴⁹. Эти два перевода отражают увлечение Петра Алексеевича, а за ним придворного общества военным делом, нашедшим отклик даже в образованных клириках, которые внесли свою лепту на отечественный алтарь. Переводились и другие светские книги, часто для поднесения членам царской семьи. Особенно торопился секретарь п. Адриана Карион Истомина, «относивший царской семье наверх» то буквари⁵⁵⁰, то даже книгу «Летописец греческий на славянской речи, весь в лицах, в десть»⁵⁵¹. Появлялись в то время, конечно, и курсы грамматики, риторики и пиитики, как переводы с латинского, что представляет отголосок того научного движения, которое вызвано было заведением Славяно-греко-латинской академии в Москве, деятельностью ученых бр. Лихудов и их учеников, преподававших неслыханные дотоле схоластические дисциплины.

Оригинальная письменность в конце XVII в.

Значительно меньше по объему и количеству осталось от последнего десятилетия XVII-го века – произведений самостоятельных, принадлежащих перу русских писателей.

Произведения п. Адриана

С именем самого п. Адриана связываются такие произведения, кои вызваны или его пастыре–учительской, или административной деятельностью, как главы русской церкви. Сводя все перечни⁵⁵² письменных памятников, приписываемых п. Адриану, в итоге получим следующий, в хронологическом порядке, список произведений п. Адриана с кратким очерком их содержания.

1. «О древнем предании св. апостол и св. отец, како подобает всякому православному христианину на знамение креста и на лице своем руки своея персты и кия слагати, и како на себе оный изображати». Это сочинение, по мнению М. Евгения (Словарь исторический), написано Адрианом в бытность его еще митрополитом Казанским. Оно хранится в патриаршей библиотеке. По соображению Правдина, биографа п. Адриана, сочинение «О древнем предании св. апостол и св. отец», упоминаемое и в «Обзоре русской дух. литературы» преосв. Филарета, есть нечто иное, как изложение постановления собора, бывшего в Москве в 1691 году (помещается в сборнике Новгородской Софийской библиотеки за № 1476).

2. Преосвящ. же Филаретом и Правдиным приписывается п. Адриану особое «поучение о крестном знамении», находящееся в сборнике Моск. синод. библиотеки, 8°, № 904. Оно содержит в себе изложение православного учения о сложении трех перстов, во образ св. Троицы, с обличением еретиков армян, савеллиан и других⁵⁵³.

3. Поучение духовному сану, писанное по случаю вступления его на патриарший престол⁵⁵⁴. Оно начинается словами: «Бог премудрый и всемогий, создавый человека». Изложение его, очень пространное, содержит в себе ту главную мысль, что первый человек не имел нужды в научении от людей, а последующие поколения стали нуждаться в нем, и чем более поучаются, тем становятся благоразумнее. Побуждением к написанию настоящего послания послужило то, «яко да даст

патриарх вину к лучшему потщанию по нем хотящим быти (т. е. последующим пастырям церкви), сам же от них да сподобится почестей и хвал, достойных памяти, паче же молитвы». Затем он требует от каждого из священных лиц послушания и верности патриарху, с которым они соединены духовным родством чрез действие рукоположения, а чрез них и от всех православных христиан, которые суть духовные чада приведших их ко крещению, т. е. хиротонисованных властью архиерейскою. В заключение, патриарх подтверждает все ставленные и настольные грамоты от епископа до диакона, и наконец, все священнослужители приглашаются непосредственно засвидетельствовать свои грамоты пред новым патриархом, под угрозой наказания и патриаршего гнева⁵⁵⁵.

4. Окружное послание, озаглавленное: «Слово всякому людем Господним, комуждо како должно чин звания своего хранити, благочестие же и веру содержати православную, чего же отстраняться и чем наследити спасение вечное». Слово начинается: «Два начальства вышнейших устрои Бог на земли, священство, глаголю, и царство»⁵⁵⁶...

5. Настольная грамота митрополиту Киевскому Варлааму Ясинскому⁵⁵⁷. В настольной грамоте п. Адриана м. Варлааму примечательны следующие места: «Таже да имать (м. Варлаам) во храме Господни и в клире убо и в причте священнослужения и о школах промышление, да учатся Божественных письмен чтению и свободных наук во вразумительное ведство мнози потщанием его; и идеже в той Киевской митрополии типография будет, да печатаются церковные книги по чину, преданию же и мудрованию Восточные церкви за его митрополиим благословением и досмотром... Приезжати по патриаршему указу на собор, в чреду же годового служения (митрополит) не присутствует». Киевская митрополия считается первой. Остальные права и привилегии те же, что определены грамотой м. Гедеоу Четвертинскому.

6. Грамота от 1690 года с похвалой св. Димитрию за сочинение Четь–Миней⁵⁵⁸.

7. Окружное послание ко всем православным христианам о небритии бороды и усов⁵⁵⁹. В виду того, что мы выше кратко

указали содержание этого послания, здесь передадим его подробнее. Послание содержит в себе ряд доказательств о неприкосновенности и важности бороды и усов, доказательств, заимствованных из понятия о естественной разности между мужчиной и женщиной, из священного Писания ветхого и нового Завета, из истории христианской Церкви, соборных постановлений, святоотеческих писаний и примеров благочестивой жизни, наконец, из общей истории религии и нравственности. «Бог, сотворив человека по образу и подобию Своему, положил в то же время видимую разность между мужем и женою: и мужу убо благолепие, яко начальнику, браду возрасти; жене же, яко несовершенней, но подначальней, оного благолепия не даде, яко да будет подчинна, зрящи мужа своего красоты, себе же лишена тоя красоты и совершенства; да будет смиренна всегда и покорна». Затем, при даровании закона народу израильскому, Бог заповедал – не тлить брады (Лев. 19:27). С началом идолопоклонства первые подали пример брадобрития языческие жрецы: «И оттуду, – пишет патриарх, – навывоша мужие младоумнии власы шарити и витци плести и пудрити, брады брить, а жены лица вапами натирати, – обои – ко угождению блудному творяще сия». Древние же еллины брили свои бороды в ознаменовании сетования по умершим. Так продолжалось до Рождества Христова. Апостолы, отвращая от идолослужения, вместе с тем запрещали мужам брадобритие, женам же шароутворения, «ради хранения чистоты телесныя». Потом, с течением времени, злобный обычай этот проник к еретикам. Так, – Юлиан богоотступник называется брадоненавистником; Константин Копроним, иконоборец, узаконил брадобритие, как знак отличия еретических слуг своих от православных. Такова общая история брадобрития! По псалмопевцу, «человек, в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным». Так и изменяющие созданный по образу Божию мужеский вид подобятся бессловесным неким: «тии бо усы простерты имут, брад же не имут». Затем, следуют свидетельства Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Епифания Кипрского; у всех их главная мысль та, что обычай брадобрития есть обычай блудников,

обнажающих мужеобразное благолепие, женообразное ревнующих, «о них же и о мерзостех их срам есть и глаголати». Святые: Антоний, Иоанн и Евстафий пострадали в Вильне за небрадобритие и неношение тафии от нехристианского еще, литовского князя Ольгерда; за то же пострадал в Болгарии св. великомученик Георгий Новый от бусурманина Селима Амурата. Ныне этот нехристианский обычай соблюдается у крымских и калмыцких татар и у древних нехристианских народов, от которых заимствовали его еретики и некоторые христиане. Но еретиков латинян обличали многие треческие патриархи, как-то: Михаил Керулларий, Нектарий и другие; «кийждо сих соборне наказавше брадобрийцев, непослушающих их отлучаху от церкви и сообщения верных». Отцы шестого вселенского собора изложили канон «со отлучением за брадобритие, о украшающих, и виющих, и плетущих власы главы своея, и кудри творящих, и бастричищныя, рекше чуждыя (сиречь накладныя), на прельщение блуда, яко прибаву, сиречь привлачило некое носящих и лесть». О том же были соборы и в России при царе Иоанне Васильевиче и митрополите Макарие, при царе Михаиле Феодоровиче и патриархе Филарете, при царе Алексее Михайловиче и патр. Иосифе, «по них же соборех брадобрийцы и тафиеносцы осудишася и прокляшася. Так, напр., святейший патриарх Филарет соборне изрече сице: «Проклинаю богоненавидимую блудолюбного образа прелесть душегубительная ереси, еже постризати, или такожде и брити браду постризалы и бритвами, иже своими зубы власы брады своея и усы закусывают, самоядцем подобящися. Такожде и о тафиеносцах о всех изречеса». В то время нарушители означенных соборных постановлений подвергались и гражданским наказаниям, — жезлобиениям, умалению от царского синклита и заточению в дальние монастыри. «Сим трем соборам, продолжает патриарх, и прежде сих бывших, и мерность наша всесоборне последует, и якоже они о брадобрийцах, и тафиеносцах изрекоша, такожде и мы изрицаем; их же они отлучаху от св. церкви, и от всякия святыни, и сообщения с православными, и проклятию предаваху, тако и мы изрицаем». Следует строго сохранять и

неписанные обычаи, и законы церковные; тем более писанные и утвержденные св. соборами, особенно же заповеданные Самим Богом: «несоблюдаема бо наводят гнев Божий на вся обще, паче же на начальницы». «Внемлите убо, – увещевает святитель, по сказанному, – сколь тяжек и богопротивен грех сей, и сами судите себе самих, како таковой (брадобрийца и тафиеносец) может сподобиться православных христиан погребения или в молитвах церковных поминовения, жив сый противяся Богу и закону Его? В кую же часть восстанет на суд Божий: в часть праведных, имущих нестриженные брады, или еретиков брадобрийцев, – оставляю вам самим на рассуждение; кийждо бо имать ум, могущь добре сия рассудити». Вслед затем патриарх рассказывает заимствованную у Максима Грека повесть о козле, убившем себя, когда ему обрезают бороду, выражая, однако, опасение, что «не вси уверят, но нецыи безсмысленнии суще, посмеются и поругаются глаголемому». – «Кое иное больше сего показание и уверение кто востребует? Еще же со усердием, слезно прошу, – продолжает увещавать патриарх, – аще хотите искренно нарицатися мужие, а не муже–жены, поне отныне престаните вид мужеобразный богоукрашенный тлити..., постыдитесь своя совесть, обличающая вы. Аще бо стрижете брады ваша, и украшаете себя женовидными власы плетеными и чуждыми накладными власы (т. е. париками) и инако многоухищенными..., возымате некогда, по нраву жен блудниц, и лица ваши натирати разными мази и вонями... и одежды женския мужие, а мужския жены носить. Не срамляетесь ли убо, о, сии, деемого вами противно Богу и закону Его?.. не рдеетесь ли и чермнеетесь, и закрываетесь от стыда, слышаще сия словеса совести вашей, обличающей вы»? За увещанием обещается преставшим «от сего гнуса» разрешение от клятвы и запрещений соборных и надежда наследия царства небесного. «Не послушай же увещания сего и прошения мерности нашея..., и мы такового погибели не винни. Еже бо должны быхом сотворити, сотворихом, долг свой отдахом, слово Божие возвестихом. Сие убо есть наш долг... Непослушания бо сынове суть погибели, на няже, по св. апостолу, гнев Божий грядет». В заключение

послания, патриарх обращается с завещанием ко всем архиереям, настоятелям монастырей и мирским иереям, чтобы каждый из них в своей епархии и приходе тому же поучал детей своих духовных. «По сем же нашем наказании и увещании, аще кий будет гордостью и упорством творяй власорастение и брадобритие и тафиеношение.., *таковым не сообщайтесь, и в сретении их благословения им не подавайте, в церковь входу им не попускайте, и святыни всякия лишайте.., дóндеже от того престанут* и совершенно со слезами и молениями, и иными благодеяньми, истинно покаются. Не бо моя суть сия словеса, – повторяет п. Адриан, – но прежних святейших первопрестольников всероссийских соборная изречения и суждения, заимствованная от древних св. отцев, им же и аз всячески должен последовати и такожде возвещати. Аще же вы отныне будете таковым послабляти, стыдящися лиц сильных и вельмож, или ради прибытка мшелоимного, или ради иного какого пристрастия, вы подлежати будете из чина церковного священного извержению, а они отлучению, да не вашего ради нерадения и послабления, а оных непослушания, имя Божие и чин священства похулится»⁵⁶⁰.

8. Грамота п. Адриана «еже не рукополагати по два и больше иереи и диаконы на единой литургии» от окт. 1691 г.⁵⁶¹ Здесь приводится историческая справка о соборе 1667 года, постановившем рукополагать за литургией одного иерея и одного диакона, и о лицах, практиковавших рукоположение 2–3 иереев и диаконов, и за это принужденных принести покаяние п. Иоакиму (то были архиепископ Черниговский Лазарь, Маркелл митр. Псковский). В грамоте указывается и на голос восточной церкви, к которому охотно, как известно, прислушивался п. Адриан. «К мерности нашей, – заявляется между прочим, – писали Каллиник п. Константинопольский и Досифей, Иерусалимский⁵⁶²: еже возбранити херотонии сицевая бывающая на единой литургии многих иереев и диаконов, паче же в Малой Росии случающееся сие пребеззаконное отсеки и митр. Киевскому не попускати бы нам сие творити ему»⁵⁶³.

9. Письмо Адриана, п. Московского царю Петру Алексеевичу и другим членам царской фамилии от 16авг. 7200 г.

(1692 г.)⁵⁶⁴ Оно представляет из себя приветственное (витиеватое) послание в день Успения Божией Матери⁵⁶⁵.

10. Слово от 29 окт. 1692 г. на погребение царевны схимонахини Анфисы⁵⁶⁶, бывшей Анны Михайловны. Слово является развитием и раскрытием текста: «Помяни, яко смерть не замедлит» (Сир. гл. 14). По содержанию его можно разделить на две части: общую, в которой предлагается общее размышление о скоротечности человеческой жизни и поучение о средствах для достойного приуготовления себя к смерти, и особенную, – восхваление христианских достоинств умершей царевны; в заключение, проповедник, от имени ея шлет последнее целование предстоящим и просит их молитв за усопшую. По живости изложения, красоте и силе оборотов, сравнений и уподоблений, по ясности и убедительности доводов, по глубокому проникновению христианским мировоззрением, осмысливающим обыденную человеческую жизнь, – это слово п. Адриана, произнесенное в лучшее время его патриаршества, справедливо можно причислить к образцам настоящего православного церковного красноречия. Если сравнить его с схоластическими проповедями даже образованных Лихудов, то превосходство окажется на стороне этого безыскусственного, искреннего ораторского произведения п. Адриана. По замечанию Сменцовского, «проповеди Лихудов отличались полной отрешенностью от жизни являлись пустым словоизвержением с отсутствием искреннего чувства и трезвой мысли», проповедь же п. Адриана, мы видим, полна религиозной жизни, проникнута одушевлением, глубоко прочувствована и высоко назидательна. Проповеди Лихудов по изложению мыслей, по форме – образец крайностей схоластицизма и построения по правилам риторики с неизменной витиеватостью в ответах на вопросы: кто, где, чим, вскую, како и когда, с стремлением поразить слушателей схоластической ученостью, силой своей ходульной и разнохарактерной аргументации, вследствие чего священное Писание переплетается с языческой мифологией, творения святых отец с филологией, апокрифами и хронографами. Проповедь п. Адриана простая, безыскусственная с

естественным планом, с библейским языком, является плодом насыщенности патриарха священным Писанием и святоотеческими творениями. – Очень живы и красивы сравнения, употребленные п. Адрианом в начале слова, скорости смертной с различными скоростями во вселенной: «Скоро реки быстрые текут в морскую пучину; но скорее тех корабли по морю и облацы по аеру (воздуху) ветром носими бывают, быстро летит стрела из тугого лука, сильною испущенная рукою; дивно есть во скорости течения своего солнце; занеже в двадесять четыре часа всю вселенную обтекает: но дивнейшая всех есть смерть, яко во едином мгновении ока и на земли убивает, и на мори погружает, и во огни сожигает, и на воздухе удушает; во единой черте времени косит, яко траву, человеки на востоце, и жнет, яко класы на западней стране; в тожде время, во странах южных грады, яко виноград, истребляет и на ливе сильные люди, яко древеса посещает. Ей! не тако ум человеческий скоро может вселенную облегати, якоже смерть с косою своею». Избежать смерти никому невозможно; следовательно, нужно быть готовым встретить ее. Каким же образом следует готовиться к смерти, и как готовилась новопреставленная раба Божия, схимонахиня Анфиса? Проповедник указывает пять способов приготовления к переходу в вечность, исчерпывающих всю земную жизнь человека. «Первое уготовление к смерти: поминание последних смерти, суда, небес и геенны», так как «смерть, выну в уме содержаемая, мал вред содевает». Для убедительности приводится пример св. Иоанна Милостивого, который, при жизни застроив себе гроб, велел каждый день напоминать себе, не пора ли его окончить; а один царь всюду даже возил за собой гроб. Подобно сему поступает и сама церковь, установив погребать мертвых при храмах, творить над ними поминовения и создавать над могилами памятники, дабы мы, посещая кладбища и провожая гробы, сами помнили о смерти. (Прекрасное объяснение христианских похоронных церемоний!)

Второе ко смерти уготовление – завет от Господа чрез пророка Исаию царю Езекии: «Устрой о дому твоём», то есть завещай имение свое жене, детям, церкви и т. д.; прежде всего

расплатись с заимодавцами, чтобы оставить по себе мир в доме, а не препирательства, раздоры, вражду. (Пример евангельского Закхея)... Устрой все благовременно своими, а не чужими руками, при здоровом состоянии ума и телесной крепости, предпочитая ближних сродников дальним и домашних людей чужим, «да тако, по глаголу Григория святого, яко зрелое яблоко, легко, волею и благоохотне от древа жизни сея отпадеши; а не нуждою, со тщетою твоею от мира отторгнут будеши».

Третье уготовление к смерти – принятие св. Таинств покаяния, причащения и елеосвящения. Как в ветхом завете Давид был облечен Саулом на борьбу с Голиафом в одежду и шлем, а мать Иакова покрыла кожей руки его, для получения первородного благословения, так «никто же да обрящется не хотяй шлема (церкви) восприяти спасенного, аще хочет крепость и защищение в последней борьбе имети».

Четвертое уготовление – знамение Креста Господня и чтение пред отшествием из настоящей жизни пяти кратких молитв. Так, Давид, выходя на брань с Голиафом, взял в помощь себе жезл и пять камней из потока. Поэтому, «умирающему крест Господень обыкохом даяти к лобызанию и знаменатися крестообразно увещаваем, или сами знаменуем умирающего, да лукавый демон, видя в нем сие знамя, приближаться убоится».

Пятое уготовление себя к смерти – добрыми делами, творимыми во всякое время своей жизни. Следует сказание о птице фениксе, который чувствуя приближение смерти, свивает себе гнездо из ветвей благовонных деревьев и, обратив глаза к палящему солнцу, движеньем крыльев способствует воспламенению гнезда, а после такого самосожжения, сперва под образом червя, возрождается новый феникс. Но подобая мудрым девам, а не юродивым, не должно нам отлагать время созидания гнезда своего. Отсюда п. Адриан переходит ко второй части слова. Мудрым девам уподобилась новопреставленная раба Божия: «готова выну бяше на пришествие смертного часа, поминаше последняя, устрой душевный дом свой благочинно, вооружися тайнами

божественными душеспасительно, взят крестное орудие на диавола... Украсила и ложе си, яко феникс гнездо свое, деревья и цветы добродетелей благовонными». Наконец, последнюю болезнь свою переносила с терпением и благодарением Богу, раздавая обильную милостыню нищим и церквам.

Отходя же отсюда душою и телом, она желала бы всем здесь собравшимся дать последнее целование; но немилосердная смерть связала ей язык и уста. Посему, говорит проповедник, «наша мерности уста и язык вместо своих употребляет и дает последнее целование, во 1-х великим государям и всем своим царственным сродникам, с благодарением об оказанных ей любви, приятстве и попечении»; потом просит прощения, молитв и милостыни на упокоение души своея. Наконец, как мать, увещавает жить в страхе Божиим, почитать старейших в роде, охранять церковь святую от врагов злочестивых и еретиков проклятых. В заключение, целует всех предстоящих православных христиан, которых любовь собрала в этот час в храм Божий, благодарит за любовь сию и просит у них прощения и молитв, «да теми душу ея поведете в царство небесное, якоже тело в храм вводите и в землю провождаете». Если вашими молитвами она водворится в светлых жилищах, то равную возмерит вам меру, непрестанно молясь о благоденствии вашем и многолетном пребывании.

Все слово п. Адриана говорит о подъеме духа и силы самого проповедника; о расцвете его пастыреучительской деятельности, когда пред патриархом Адрианом раскинулось поле человеческой жизни, на которое он смотрел *sub specie aeternitatis*, как на место подвигов, подготовляющих человека к загробной жизни и к Христову чертогу.

11. Под 18 февраля 1694 года записано, что за вечерней в сырную неделю патриарх *читал* «поучение на подвизание и на труды к постному подвигу, чтобы со усердием и неленостно подвизались, всего лета десятину Богови отдавали и очищение просили и прощение грехов своих в сию святую Четыредесятницу вси православнии христиане». Это поучение не сохранилось⁵⁶⁷.

12. Грамота п. Адриана Маркеллу, митр. Казанскому и Свияжскому, от февраля 1694 года, о невозбранном ношении за чудотворным образом, из Ссдмиозерской пустыни, Смоленской Пресвятой Богородицы образа святых девятичисленных мучеников Кизических для молебного благодарения в город Казань⁵⁶⁸. Грамота свидетельствует о внимании п. Адриана к Казанскому Кизическому монастырю, который и был построен, как значится в рукописной книге Кизического монастыря, N 1 и «Опись имущества монастыря», «благословением и иждевением преосв. Адриана», сначала митрополита Казанского, а потом патриарха Московского, в 7195–7199 (1687–1691) годы, «по случаю бывшего в граде Казани морового лихорадочного поветрия».

13. Грамота п. Адриана от марта 1694 г. Афанасию, архиепископу Холмогорскому и Важскому, с приложением наказных статей об епархиальном управлении⁵⁶⁹.

14. Грамота п. Адриана от ноября 7202 г. (1694 г.) о том, чтобы священники венчали не иначе, как по совершенном удостоверении в согласии жениха и невесты на брак⁵⁷⁰.

15. Грамоты и письма п. Адриана, находящиеся в рукописном сборнике, носящем заглавие: «Икона или изображение великия соборныя церкви всероссийского и всех северных стран патриарша престола приключшихся дел в разныя времена и лета, написана при святейших патриарсех кир Иоакиме и кир Андриане Московских... совершися же мироздания 7208, рождества же по плоти Бога Слова 1700, месяца марта». Многие грамоты и письма отпечатаны в Архиве юго-западной России, т. V и содержание их вошло в главу IV нашей работы⁵⁷¹.

16. Дружественные личные письма п. Адриана Афанасию, архиепископу Холмогорскому, от 1694 г. июня⁵⁷², от 1695 г. с извещением о рыбной посылке⁵⁷³, от того же 1695 г. о поминовении казначея Паисия⁵⁷⁴ и от 1696 г. с извещением о своей болезни⁵⁷⁵.

17. Грамоты п. Адриана Афанасию от 14 февр. 1695 г. и июля 1696 г. – ответы на донесения Афанасия о непорядках в

Соловецком монастыре⁵⁷⁶ и от 8 июня 1698 г. и 5 июля 1698 г. о Петре Артемьеве⁵⁷⁷.

18. Два увещания от 1695 г. митр. новгородскому Корнилию, желавшему удалиться на покой⁵⁷⁸.

19. Уставная грамота п. Адриана архим. Сергиевской Лавры⁵⁷⁹.

20. Священническая ставленная грамота п. Адриана от 10 июля 1695 г., данная Алексею Иванову⁵⁸⁰.

21. Грамота п. Адриана с одобрением на изданием 1694–1696 г. в свет книги «Щит веры»⁵⁸¹.

22. Ответные письма Государю Петру Великому в 1695–1696 г. под Азов, и в Амстердам в 1697 г.— всего 7 писем и письма Борису Шереметьеву и Голицыну в 1695 г. и Шеину в 1696 г.⁵⁸²

23. Грамота п. Адриана, от 11 окт. 1696 г., присланная игумену Калужского и Лаврентиева монастыря Иосифу о выселении жителей г. Калуги с земли Калужской Ильинской церкви⁵⁸³.

24. «Извещение (доклад) благочестивейшим великим государем и царем и великим князем Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя России самодержцем, великого господина, святейшего кир Адриана, архиепископа Московского и всея России и всех северных стран патриарха, с преосвященными митрополитами Тихоном сарским, Иларионом суждальским, с архиепископом Никитою Коломенским, еже соборне бысть нынешнего 7204-го лета месяца ноемврия в 6 день», относительно канонических препятствий к хиротонии избранного во епископа монаха Дионисия Жабокрицкого, как бывшего женатым на вдове. «В королевстве польском, – пишется в извещении, – благочестивыя наша веры православными христианы, наша мерности духопасомства, избрася в епископы православен и благороден муж, монах Дионисий Жабокрицкий. Извести же о нем преосвященный Киевский Варлаам митрополит, яко той избранный правильную имать препону о поставлении, что жену име вдову, а не деву.

И наша мерность со архиереи о том смотревше правила святых апостолов и святых отец, такового повелительства и поущения не обретохом, точию таковым. кто поймет в жену вдовицу, везде возбранено в священном чине быти, не токмо бо во диаконах, иереях же и епископах, но и иподиакон не будет.

Тем же и мы, содержаще отеческие каноны, утверждаем тожде, и ради таковыя споны, да не разорится явленное святых отец (яко писася в соборном нынешнем свитке пространно), избранного Дионисия Жабокрицкого во епископа святити не повелехом. И о том наша мерность повелехом к киевскому Варлааму митрополиту послати нашу грамоту, да изберется в тую епископию ин, по апостольскому завещанию, непорочен муж и добродетелен»⁵⁸⁴. Извещение лишний раз подтверждает то, что п. Адриан был неуклонным ревнителем и исполнителем святоотеческих правил.

25. Служба св. Донату (пам. 30 апр.), Ипатию, Даниилу переяслав. чудотворцу⁵⁸⁵.

26. Настольная патриаршая грамота архимандриту Сампсону на Астраханскую митрополию, от 5 февраля 1697 г.⁵⁸⁶

27. Духовное завещание п. Адриана⁵⁸⁷, составленное в марте 1697 года.

В начале завещания развивается мысль, что смерть есть удел каждого человека, несмотря на возраст и положение в обществе. Тело человека, по непреложному страшному изречению «в прах обратится четверице стихии, разделившей оное», а бессмертная душа Божественною неизреченною силою будет храниться, по воле Господа, к восприятию этого же тела. Далее, за исповеданием веры в Бога и надежды на предстательство Богородицы и святых, патриарх говорит о необходимости всегдашнего памятования «четырех последних вещей, – кои суть: смерть, суд, геенна и царство небесное», – в виду внезапности и всеобщности смерти. Обращая же внимание на себя, патриарх сетует, что, несмотря на окружающие примеры внезапности смерти, он «мнил себе быти смерти далече», а теперь (на склоне жизни) уже не возвратит прожитого и не превратить проведенные «во гресех» дни во время покаяния и приготовления к смерти. Остается лишь одна

надежда на милосердие Бога, который «оставит (простит патриарху) леность и небрежение, и весь долг простит, яко человеколюбец, и веру едину вместо дел да вменит». «Тем же, – объясняет патриарх написание завещания, – сия každочастне помышляя, судих сие мое духовное мое последнее извещение написать, како бы душе и телу моему сотворити помощь, и всещедрый Господь даровал бы мне смиренному милосердие свое». В самом завещании, вслед за сообщением биографических сведений о своем рождении в Москве от благочестивых родителей и избрании на патриарший престол «общим согласиём государей, царицы Наталии Кирилловны и освященного собора» п. Адриан отмечает свой возраст (58 лет) и время, а также и причину составления завещания. «И управление в патриаршестве смиренный аз з (7) лето имам и болезнию стражду, телом немощствуя на всяк день, и изнемогах зело». Затем патриарх просит прощения и разрешения у св. церкви, вселенских патриархов и своего будущего преемника, у освященного собора, и всего православного народа; преподает благословение и мир Государю и всему царствующему дому, всем архиереям, духовному чину, народам христианским, и «умиленно» просит прощения у тех, кого прогневал или оскорбил «каковым–либо образом, яко человек согрешил, сущи в сану великого начальства». Тело свое патриарх завещает похоронить в соборной церкви Успения Богородицы «за столпом на правой стране, или где будет прилично». По смирению своему п. Адриан просит, «да не творят ношения (его гроба) в алтарь: но токмо посреде церкви да поставят, яко обычай всех человек, и помяновение и служение совершают безмятежно». Душеприказчиками своими патриарх назначает Тихона митр. Сарского и Подонского и казначея монаха Тихона Макарьевского, которых просит сделать все согласно его завещанию: раздать келейные вещи деньги и одежды на росписи. «Иный же кто сему моему архипастырскому завещанию, ограждал патриарх непреложность своей воли, в раздаянии моих вещей да не возпрекословит и ему преосв. Тихону митрополиту, и казначею Тихону, каковые либо споны в том да не сотворит». В заключении завещания п. Адриан пред

лицем Бога дает наставление Государю пребывать в прародительском своем благородном царском достоинстве и самодержавстве, блюсти веру православную и крепко держать учения и предания вселенских соборов, защищать церковь от еретиков и помогать духовенству во всем, снабжая его всем необходимым от щедрот своей царской руки, хранить суд и правду в делах гражданских. *Такое наставление Государю идет от доброго сердца патриарха*: «ибо, – говорит патриарх в конце, – доброе и богоугодное, церкви Божией потребное, и всему жителству полезное повсюду людям Господним творити, и наследствовать царство небесное–*преискренно усердствую*». Последними словами завещания является возглас на кресте Спасителя: «Отче! в руке Твои предаю дух мой»! Аминь, аминь.

28. Грамота п. Адриана митр. Новгород. Иову о Юшке Микляеве⁵⁸⁸.

29. Грамоты о. растриженных за раскол свящ. Афанасии и диаконе Петре⁵⁸⁹.

30. Извещение п. Адриана о церковно–школьном образовании (беседа Петра Вел. у постели больного патриарха) от окт. 1698 г.⁵⁹⁰

31. Инструкция старостам поповским или благочинным смотрителям от святейшего патриарха московского Адриана от 1699 года).

32. Письмо п. Адриана Петру Великому в Воронеж от 16 ноября 7207 г. (1699 г.) при посылке Государю рыбы и икры из свежей полочки с астраханских промыслов. – «Великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, богомолец твой Адриан патриарх челом бьет. В нынешнем, Государь, 207–м году ноября в 16 день прислал к тебе, великому государю царю и великому князю Петру Алексеевичу, всея великия и малыя и белыя России самодержцу, я, богомолец твой, в поход на Воронеж про твой государев обиход из дому Пречистыя Богородицы и московских чудотворцев домового астраханского учужного промыслу привозу нынешнего 207–го году виноградного струга из рыб:

Теша белужья матерая,

Белуга матерая,
Коса белужья матерая,
Косяк мякотный,
Косяк хрящевый,
Башка с языком,
8 тешек белужьих межукосных,
10 тумачков,
Связка вязиги матерых рыб,
Пуд икры армянской,
Пуд икры паюсной.

И великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея великия и малыя и белыя России самодержец, укажи тое посыльную рыбу принять и в своем великого государя походе на здравие кушать»⁵⁹¹. Посылка и письмо п. Адриана Государю свидетельствуют, что и в последние годы патриаршества Адриана официальные отношения между царем и патриархом не принимали обостренный характер. П. Адриан был до конца жизни верноподданным Государю, не полагая резку разницу в мировоззрениях в основу своих практических отношений к Монарху.

33. Письма п. Адриана к Стрешневу в 1699 г., к царю Петру и, Меньшикову и Стрешневу в 1700 г.⁵⁹²

34. Выписка прав и привилегий греко–русской церкви от начала оные и до 1700 г. или «статьи о святительских судах, собранные по повелению п. Адриана», от февр. 1700 г.⁵⁹³

На основании некоторых данных можно предполагать, что п. Адриан не является автором всех перечисленных письменных памятников, связанных с его именем. В составлении многих из них принимали участие близкие п. Адриану лица: Евфимий, Карион Истомин, бр. Лихуды, начальники его патриарших приказов и другие. Если завещание свое п. Адриан поручил написать Кариону Истомину, то тем более работа в составлении таких обширных сочинений, как инструкция старостам поповским, статьи о святительских судах, могла быть произведена его близкими церковниками. Даже в составлении окружного послания п. Адриана о бранобритии не исключается, на наш взгляд, участие, напр. в приведении

исторических доказательств «гнусности» брадобрития, бр. Лихудов, с именем которых связывается даже особое «слово поучательное еже не брить брад по законам», и это слово, надо заметить, излагается от лица патриарха»⁵⁹⁴. Кариону Истомину также принадлежит одно поучение, которое было произнесено самим патриархом – это – «Слово Кариона по поводу стрелецкого бунта в 1698 г., по усмирении мятежа, чтено было в соборной церкви, перед молебным благодарственным, самим п. Адрианом»⁵⁹⁵. По нашему мнению, во многих произведениях, связанных с именем п. Адриана, последнему принадлежит инициатива, тон и характер, иногда редакция их, а не самое написание. Не напрасно больше, чем его простой делопроизводитель, Карион Истомин и братья Лихуды, даже после отставки в 1694 году от академии, получали от п. Адриана особое жалованье: Карион Истомин «за письменный, – как значится в одной расходной книге, – его к святейшему патриарху труд»⁵⁹⁶, а Лихуды время от времени получали жалованье из казны патриарха, уже когда состояли на службе у государя, преподавая итальянский язык детям бояр и разных чинов. Напр., в Рождество 1696 г., по записям Патриар. Казенного Приказа, «св. патриарх пожаловал славленого прежним учителям – иеромонахам Иоанникию и Софронию по три рубля». В июле 1698 г. на праздник двенадцати Апостолов из домово́й казны патриарха учителю монаху Софронию отпущен кубок ренского... Что особенно замечательно, – пишет Сменцовский, – в этих случаях Лихуды получали дачу наравне с архимандритами и в размере большем, чем протопопы важнейших московских церквей. Очевидно, Лихуды продолжали *быть не бесполезны* для патриарха и в отставке⁵⁹⁷.

Что касается произведений, автором которых был сам п. Адриан, то в них замечается излюбленная святителями древней Руси, с монгольского нашествия, форма – послания и поучения. Здесь п. Адриан обнаруживает свою начитанность в святоотеческих творениях и знание Священного Писания, а также глубокую преданность церковному преданию и древне-русской православной старине, утвержденной на соборных

основаниях, что иногда переходило в чрезмерное уважение к древним обычаям и обряду и ненависть к «новшествам».

Если приходится несколько уменьшать значение п. Адриана в появлении произведений, связанных с его именем, то, с другой стороны, в появлении оригинальных произведений других авторов нужно отметить участие московского первосвященника. Два таких важных самостоятельных произведения конца XVII века – Четьи–Минеи св. Дмитрия, после Митрополита Ростовского, и «Исповедание веры» Палладия Роговского нашли в п. Адриане или споспешника, или инициатора.

Четьи–Минеи св. Дмитрия

Выше (в главе IV) мы отмечали внимание, с каким относился п. Адриан, в противоположность своему предшественнику п. Иоакиму, к «житиям святым» св. Дмитрия и благоволение к автору их, давшие возможность появиться величайшему творению Русской Православной Церкви. Справедливость требует отметить, что п. Адриан оказал существенную нравственную поддержку автору «житий» одобрением чрез грамоты его труда и посылкой великих Четь–Миней м. Макария. Этим п. Адриан внушил уверенность в смиренного игумена Дмитрия, что весь труд его будет принят в Русской церкви с любовью, как санкционированный высшей церковной властью.

Несколько слов об этом замечательном произведении... «Жития Святых» св. Дмитрия составлялись в течение 20 лет (с 1684–1704 г.) и представляют капитальное сокровище из 12 книг, по числу 12 месяцев года. До п. Адриана были составлены «жития» на сентябрь, октябрь и ноябрь, в патриаршество Адриана в 1695 году изданы были еще три месяца декабрь, январь и февраль. Остальные 6 книг вышли в конце XVII и начале XVIII века. С какой бы мы стороны не рассматривали «Четьи–Минеи» св. Дмитрия – со стороны ли содержания, характера ли изложения или значения для русской церкви – открываются неоспоримые их достоинства. Обратим ли внимание на содержание. Один перечень источников, которыми пользовался автор при составлении «житий», возбуждает удивление его учености и придает авторитет его писанию. Книги Ветхого и Нового Заветов, труды знаменитых отцов и учителей церкви, историков и многих современников и очевидцев описываемых событий – часто на греческом и латинском языках, – до 700 жизнеописаний, приписываемых писателю X века Симеону Метафрасту и заграничный труд в несколько десятков томов «Деяний Святых» – ученого общества XVII в. Баландистов с критическим исследованием о начале празднования в честь святого, о месте и времени жизни и

кончины его, о времени перенесения мощей и тому под., а также великие Четьи–Минеи м. Макария, Патерики и сборники, хранившиеся в русских монастырях, – все это материал, которым пользовался ученый автор «житий». Имея огромный запас материала, св. Димитрий умел пользоваться им. Все делал он с материалом: переводил на чисто славянский язык, исправлял старинный славянский язык, составлял из многих источников одно повествование, дополняя недостающее в одном источнике из другого, сокращая подлинный текст, переменяя форму подлинника, напр., похвальное надгробное слово в простой исторический рассказ, или разговорную речь обращая в простую и обратно – одного только не допускал добросовестный писатель: своего собственного вымысла. Даже при разногласии источников о жизни святого Димитрий часто ограничивался снесением различных мнений и свидетельств, редко позволяя себе произносить решительный суд. Основательные знания латинского и греческого языка, обширная литература, находившаяся в руках св. Димитрия, научная добросовестность писателя отводят «Четь–Минеем» в церковно– исторической литературе почетное, видное место. Сам автор «житий» не в исторической добросовестности и учености видел главное достоинство своего многолетнего труда. Назидательность и поучительность повествования – вот что почитал он за главное в предпринятой работе. И св. Димитрий, мало сказать – удачно, – образцово справился с этой задачей. Сам подвижник и созерцатель, удостоившийся многих видений святых, он как бы жил в описываемом им мире небожителей–мучеников. Ему понятны были все когда–то пережитые мучениками и св. отцами настроения. Вместе с святым он радуется, страдает, ликует, сподобляется мученической кончины, восходит в горния места, венчается славой. Вот почему – «Житие» из–под пера св. Димитрия выходит одухотворенным, жизненным. Читатель как бы присутствует, видит, сам переживает всю жизнь мученика или святого. А если принять во внимание вместе с воодушевленным рассказом сильный, красочный язык св. Димитрия, свойственный так малорусскому племени, давшему в светской литературе

непревзойденного художника языка – Гоголя, тогда только можно понять всю обаятельность, неизгладимое впечатление рассказа на всякого, кто прочитал хоть одно «житие», составленное св. Димитрием. Современники высоко оценили Четьи–Минеи Димитрия Ростовского, отвели им почетное место в церковной сокровищнице. Что говорить о малороссийской церкви, гордившейся своим талантливym сыном и подвижником, когда предстоятель всей русской церкви, московский патриарх Адриан, как выше отмечалось, слал ему похвальные грамоты и благословения Всевышнего с денежным подарком. Весь русский народ оценил Четьи–Минеи по своему: он сделал их любимым своим чтением, источником высшего своего наслаждения. И не напрасно! Много драгоценных и разнообразных уроков для жизни и веры, сообразных полу, возрасту, внешнему положению и внутренне нравственному состоянию каждого христианина находится в «житиях». Хочет ли кто видеть силу Божию, действующую в мире, она открывается в неустрашимом мужестве, непоколебимом терпении мучеников и подвижников; желает ли кто слышать наставления, как жить, – праведные люди дают в «житиях» правила настоящей – истинно–человеческой жизни, которые они сами первые исполнили; потеряет ли человек веру в земное счастье, разочаруется во всех земных привязанностях, – пред ним станет, как живой, иной мир праведников, создавших на земле иную жизнь, осуществлявших на земле идеалы Вселенской церкви, и введет мятущуюся душу в свои ряды, раскроет пред ним новые горизонты, новые задачи существования!.. Велика заслуга св. Димитрия пред церковью и не бесценна поэтому поддержка автору «житий» со стороны нашего святителя п. Адриана.

«Исповедание веры» Палладия Роговского

Другое замечательное произведение, обязанное своим появлением инициативе п. Адриана⁵⁹⁸, – «Исповедание веры» Палладия Роговского, озаглавленное м. Евгением в Словаре Историческом «Отрицанием и опровержением римско–католических догматов»⁵⁹⁹. В «Исповедании веры» Палладий Роговский, желавший вернуться в лоно православной церкви, по требованию п. Адриана, должен был представить осуждение римских ересей и в противовес им изложить свою веру по мудрованию восточной церкви. Роговский очень удачно справился с такой задачей. Он представил п. Адриану довольно обширное сочинение, в котором, как выше сказано, обнаружил, с одной стороны, сердечное покаяние и ревность к православной вере, с другой, замечательную по своему времени ученость. Роговский начинает свое «Исповедание веры» изречением Спасителя: «всяк иже исповесть Мя пред человеки, исповею его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех; а иже огвергнется Меня пред человеки, отвергнуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех». Потом «твердою верою и вне всякого усумнения» исповедует символ православной церкви, принимает и лобзает апостольские и церковные предания, уставы и узаконения, – святое Писание по разумению восточной церкви и толкования писаний по единодушному согласию св. отец; исповедует семь таинств; принимает и лобзает обряды православной кафедральной церкви, признает первородный грех, от которого, кроме Иисуса Христа, не свободен ни один человек, силу благодати оправдывающей; исповедует в Евхаристии пресуществление Св. Даров и время сего пресуществления (предмет тогдашних богословских споров) по призывании Св. Духа чрез молитву иерея: сотвори убо хлеб сей и проч.; признает причащение под обоими видами; допускает три состояния душ умерших людей: святых, со Христом царствующих, неверных, поганных еретиков и христиан, нечестиво живших и умерших без покаяния, ожидающих вечного мучения, – в покаянии отшедших правоверных христиан, но

неудовлетворивших за свои согрешения, чающих помощи от молитв церкви и принесения бескровной жертвы; исповедует почитание св. икон; данную от п. Христа архиереям и иереям власть вязать и решить; признает иерархию православной церкви, а главу церкви п. Христа, и в сей одной церкви истинное спасение. В заключении этой части «Исповедания веры» Роговский проклиная и анафеме предавая все ереси, осуждаемые православной церковью. Затем он приносит покаяние в своем тяжком согрешении – отступничестве от православной веры. Рассказав историю своего долгого странствования, соединенного с изменой православию, Роговский должен был сам произнести себе суд. Кающийся не щадит себя: он приводит пример наказания Божия, постигшего отступников от правой веры и в извинение свое не говорит ничего. «Аз окаянный, – писал Роговский, – что реку или камо бегу от лица Божия, впадый в сей грех? Ничего больше сего учинити не могу, токмо в перси бия, с мытарем тяжело вздохати и на небо взирати и сокрушенным сердцем отпущения просити». После сего Палладий переходит к изложению догматов римской церкви, которое составляет большую часть его сочинения. Предварительно он делает общий очерк состояния западной церкви. В этом очерке изображает всеобщее ослепление римских иерархов и ученых касательно правоты и чистоты христианского учения, отступления в образе жизни от древних уставов, успехи просвещения, уклоняющегося от мудрования св. отец, дух исследования, несогласный с духом св. Писания и св. Предания, распространение проповеди, лишенной духа Евангельской кротости, насильственное обращение в римскую веру разных народностей. Не видно, чтобы Роговский, делая неблагоприятный отзыв о западной церкви, хотел угодить п. Адриану: напротив, в нем высказывается искреннее убеждение, которое вынес русский инок, побыв там не малое время. Самое изложение догматов римской церкви отличается полнотой, точностью и ученым беспристрастием. С особенной подробностью Роговский раскрывает учение об исхождении Св. Духа и от Сына: он передает все доказательства, какие приводят римско-католики в пользу своего учения. С

достаточной полнотой и ученостью излагает Палладий учение об опресноках, чистилищах, о полном и совершенном блаженстве умерших праведников до последнего суда, о приобщении мирян под одним видом, о главенстве папы, как главных отличительных догматах римской церкви. Затем кратко, но не без доказательств излагает учение той же церкви о посте в субботу, воздержании иноков от мяса и всех вообще, – от удавленины и крови, о служении краткой литургии, о времени пресуществления Св. Даров, о зачатии Пресв. Богородицы без первородного греха, о крещении младенцев не троекратным погружением, о лишении их миропомазания, о безбрачии священников.

Здесь оканчивает Роговский изложение догматов и учения римской церкви. Это изложение вообще отличается сколько ученою добросовестностью, столько же и благородным тоном. Палладий нигде не увлекается учением латинян, но нигде не ослабляет его силы. Глубоко преданный православию, он в то же время не позволяет себе осыпать бранью учение неправомыслящих латинян, даже нигде не судит о нем насмешливо. «Если предположить, – замечает исследователь жизни Палладия Роговского Никольский, – что п. Адриан поручал выходцам из западных школ излагать догматы и учение римской церкви с тою целью, чтобы русские пастыри церкви и ученые, мало знакомые с учением латинян, успешнее могли противодействовать неправомыслию, наплывающему к нам с запада: то нельзя не согласиться с мнением историка нашей церкви (История Русской Церкви, преосв. Филарета. Период патриарший, стр. 142), что сочинение Роговского принесло больше пользы русскому православию, нежели диалектические споры, вызванные Лихудами и им подобными учеными Греками и русскими»⁶⁰⁰. Изложив учение римской церкви, Роговский заключает свое сочинение осуждением сего учения и обещает никогда никого не учить латинским ересям, ни даже хвалить их, а православную веру, которую нелицемерно и доброхотно исповедал, содержать в чистоте «до конечного издыхания»⁶⁰¹.

Общее замечание о других произведениях конца XVII в.

О многих мелких, разнообразного содержания, произведениях, не имеющих существенного значения в истории церковного просвещения конца XVII века, хотя и характеризующих идейные настроения общества того времени, – произведениях, принадлежащих перу видных сотрудников п. Адриана: Евфимия, Кариона Истомина, Афанасия Холмогорского, бр. Лихудов, Феодора Поликарпова и др., считаем излишним упоминать, так как об этих писателях и вообще о просвещении XVII века существует обильная специальная литература, часть которой указана на первой странице исследования Сменцовского: «Братья Лихуды», в свою очередь в последнем труде очерчивающего просвещение на Руси конца XVII века в широкой перспективе.

Простонародная и раскольничья литература

Более уместным считаем сказать несколько слов о литературе, бывшей в обращении у простого народа, питавшей его религиозную мысль и воображение, по преимуществу апокрифической, а также раскольнической, так как раскол к концу XVII в. стал уже заявлять себя, как особая организация с своей обособленной жизнью и книжным багажом, произведения которого находили себе место в простом народе и на книжном рынке.

Полемическая богословская книжная литература против иноверцев, сектантов и раскольников, а также св. Писание и святоотеческие творения с догматическими и нравоучительными системами ходили по рукам только в высших церковных сферах. Да и понять их могли только несколько просвещенные книжно–русские, – народная же масса имела свою народную рукописную литературу. Характер последней, по суждению расколоведа Щапова, это «отчужденность, отрешенность от живого истинного учения церкви, отсутствие богословского, догматического элемента, преобладание обрядовых вопросов и развитие раскольнических идей»⁶⁰². Учение о церкви, о таинствах, о священстве, составляющее камень преткновения для раскола, народу было почти неизвестно и никогда не было преподаваемо в церквях. Народ крайне нуждался в назидательных книгах. «Мнози от благочестивых, – говорил Варлаам Ясинский, – с воздыханием желаху, дабы когда сподобитися таких книг свойственных си славяно–российским языком православно и достоверно изданных дождати»⁶⁰³. Потребность в книгах назидательного содержания очень оригинально удовлетворялась книжным рынком, средоточие которого можно видеть на Спасском крестце у Спасских ворот в Москве. «Спасский крестец, – замечает Забелин в «Истории города Москвы», – от древнего времени в лице собравшихся здесь попов и диаконов, а также и причетников, представлял в своем роде особое средоточие народной грамотности, очень ценимой при господстве всеобщей безграмотности.

Собиравшиеся здесь во множестве попы, т. е. вообще книжные люди, хотя бы и малая их доля, сами нуждались в книгах церковно–богослужебных в роде часослова или минеи, или требника и т. под., и потому для удовлетворения их нужд сюда же являлись писцы с своими рукописями и выгодно для своей работы продавали их. С своей стороны и попы приносили сюда же тетради и книги собственного письма для такой же продажи»⁶⁰⁴. Какого содержания продавались здесь произведения церковной письменности, об этом свидетельствует Соборное постановление 1681 т., в котором по 14–му предложению написано следующее: «На Москве всяких чинов люди пишут в тетрадех и на листах и в столбцах выписки, имянуя из книг Божественного Писания и продают у Спасских ворот и в иных местах и в тех писмах на преданные Святей Церкви книги, *является многая ложь; а простолюдины, не ведая истинного писания, приемлют себе за истинну и в том согрешают, паче же вырастает из того на святую церковь противление*»⁶⁰⁵. Вместо того, чтобы дать на рынок книжный народу настоящие, правильные книги, церковное правительство ограничивалось только наложением запрета продавать вышеуказанные рукописные произведения, для истребления которых назначены были два пристава – один от Государя из светских, другой от патриарха из духовных, каковые должны были подстерегать и забирать тех, у кого найдут лживые писания, приводя их в Патр. Приказ, где ожидало их смирение, смотря по вине, и пеня, по усмотрению. Для вспоможения приставам при захвате виновных повелено было давать с караула стрельцов, когда понадобятся⁶⁰⁶. Меры такой доморощенной цензуры вряд ли имели успех, заставляя только древних букинистов быть осторожнее. Торговля не прекращалась и превращалась часто в снабжение народа подпольным, запрещенным книжным товаром. «Здесь, – говорит Забелин, – распространялась своего рода особая литература, состоявшая по преимуществу из тетрадей, книжек и листов, редко из целых книг, заключающих в себе и выписки от Божественных Писаний, подобранные для подобных целей, и жития святых, и сказания о являвшихся чудесах, повести из

Великого Зерцала и из Римских Дей, а в то же время и светские писания, даже очень нелепые, смехотворные и кощунственные статьи⁶⁰⁷... Рукописные тетради и листы нередко украшались раскрашенными рисунками, печатаемыми фряжскими деревянными досками – это составляло особый отдел литературы с т. наз. лубочными картинами не только светского, но и духовного содержания. Меры духовной власти, в конце XVII века, против такой народной литературы были очевидно неудачны, так как и в XVIII веке Синод боролся с Спасским рынком, когда от 20 марта 1721 г. было издано им постановление: «Продаваемые в Москве на Спасском мосту и в других местах листы разных изображений (лубочные) и службы и каноны и молитвы, которые снабжены и сочиняются разных чинов людьми самовольно письменные и печатаются кроме типографии неопределенными к тому указом, но своевольно дерзающими без свидетельства и позволения, в чем от противных церкви святей есть и не без порицания, описав все обрат в Приказ церковных дел и, запечатав, держать до указу – и тех людей, которые, продают, взяв и от кого оные к продаже получают и кем сочинены и писаны и печатаны, сыскав, о такой их дерзости и по какому указу то они чинят... допросить⁶⁰⁸. По исследованию Забелина – это и была в полном смысле литература простонародья⁶⁰⁹. Под влиянием оппозиции всем начинаниям молодого царя–реформатора партии старины, находившей себе экзальтированных вожаков в низших слоях населения, уже в конце XVII века народная литература стала проводником раскольнических воззрений на церковь и государство. Раскольническая письменность уже в то время умножилась и сделалась столь верным способом распространения раскола, что у раскольников, по исследованию расколоведа Щапова, открылась даже своя книжная продажа, образовались свои книжные лавки и библиотеки, особенно в выгорецком скиту, где жили в конце XVII и первой половине XVIII века два знаменитых раскольничьих писателя Андрей и Семен Денисовы. Сочинения Денисовых, замечает Щапов, по своему гону и направлению не могли не иметь сильного влияния на необразованных, особенно нерассудительных и

легкомысленных читателей. Напыщенно–восторженный тон, цветистая, образная, иногда действительно не лишенная некоторой красоты и изящности речь, чрезвычайно ловкая подделка и обилие хитросплетенных доказательств – все это сильно действовало на умы и сердца нерассудительных читателей. Читая, напр. в «Российском винограде», или в «Истории отцев и страдальцев Соловецких» напыщенно восторженное, хитросплетенное описание мнимых подвигов и чудес расколоучителей, которые в этих сочинениях не иначе называются, как священикомучениками, святыми отцами и т. п., полуграмотный простолюдин верил таким басням так же, как Четиям Минеям, или старинным сборникам, торжественникам, где в старину обыкновенно помещались жития святых: ибо хитрый и даровитый сочинитель этих раскольнических историй умел подделаться во внешнем их виде под тон Четь–Миней, – только от себя прибавил несколько учености и риторических прикрас»⁶¹⁰. Конечно, кроме произведений Денисовых, среди простонародья ходили сочинения первых расколоучителей, среди которых «огнепальный» протопоп Аввакум занимал неоспоримо первое место. Та энергия, с которой он всю последнюю жизнь свою боролся против никониан, тот фанатизм отстаивания старины, «во веки веком» нерушимой, который загнал протопopa до Даурии (в Восточной Сибири) и промерзлой земляной тюрьмы в Пустоозерске и возвел его на костер (в 1681 г.), создав ему ореол героя и мученика, – не могли не выразиться в сильном слове, в воодушевленном послании «остальцам древляго благочестия», что передавалось потом из поколения в поколение, находя все новых и новых борцов за старин, призывая новых миссионеров раскола с церковью и государством⁶¹¹. Как известно к концу XVII века раскол окончательно и явно получил характер церковно–гражданской общины, стремившейся не только отстоять свой образ мыслей, но и, если можно, сделать его господствующим во всей России. Явилось много расколоучителей, которые распространяли свое учение с особенным фанатическим жаром и энтузиазмом. Для распространения раскола они не щадили ни чести, ни имения, ни самой жизни. Кроме проповеди,

пользовались и подметными листами и книжным подпольным рынком, наполняя его своими раскольническими сочинениями. Московское простонародье (и одно ли оно?) легко увлекалось расколоучителями, вроде Ивашки Нагого и Григория Талицкого, с умилением и воздыханием читало раскольнические сочинения об антихристе, Вавилоне и проч.; неудивительно поэтому огульное обвинение церковной власти всей книжной простонародной торговли в раскольнических противностях греко–российской церкви, и понятно в тоже время гонение, поднятое Петром Великим, против такого рода литературы... «Многие являются подметные письма, – писал Преобразователь России в именном указе от 25 января 1715 г., в которых большая часть воровских и раскольнических вымышлений под видом добродетели яд свой изливают»⁶¹². Авторами подметных писем, по мнению Петра В., были главным образом монахи, почему и против них были приняты некоторые меры, направленные на сокращение их писательской деятельности, напр., запрещено было монахам иметь в кельях бумагу и чернила. Так церковная и гражданская власть, почуяв в ходовой, простонародной литературе воззрения, опасные для церкви и государства, стремились изъять рукописную и книжную письменность рынка из употребления, хотя не смогли заменить ее другой, здоровой православной образовательно–назидательной церковной литературой.

Глава VIII

Кончина и погребение п. Адриана

В 1700 году параличный, немощный п. Адриан ослабел еще более, а в сентябре совсем слег в постель. За тяжелой болезнью вскоре последовала и смерть последнего патриарха Московской Руси. По донесению Прокопия Возницына Государю, находившемуся в это время с войском под Нарвою, обстоятельства кончины п. Адриана были таковы. «К смерти, Государь, – писал он, – причину болезни его такову признаваю; сентября в 27–й день *по некоторым своим совету* изволил (кир Адриан) ходить, на Перерву в монастырь Николая Чудотворца, и за стужей и острою погодою едва его туда довели, однакож был там кое–как девять дней и егда мало ему отраднее учинилось, посвятя новую церковь (*сам не действовал*) в том монастыре, возвратился и желал быть в донском монастыре у святой литургии. И когда, Государь, в том пути был, паки так изнемог, чаяли все скончания его, что видя с великою трудностью провезли его в село Голенищево, которое ныне зовется Троецкое. Я хотя, его на Угрешу его проводя и на освящении быв, то слыша, прибродил к нему в то село, но не получил его видеть, не допустили меня старцы ближние при нем. А октября на 8 число привезли его ночью к Москве в возку, потомуж никем видима, и на 13–е число, в 9 часу ночи, *затиб его паралич*, в которой своей болезни, как я и все видели, лежал (едва не трои сутки) беспамятно и без языка, и ничем не владея, даже до смерти, только, Государь, сперва мало взглядывая единым левым глазом и помавая левою рукою, а после и то действо престало быть». В начале письма Возницын сообщал о факте смерти и погребении п. Адриана. «Известно тебе, Государю, буди, по воле всемогущего Бога святейший кир Адриан, патриарх Московский и всея России, отъиде в вечную жизнь сего октября против 16–го числа в первом часу ночи, в последней четверти, и тело его в 16–ый день рано вынесено в церковь святых апостол, а в 17 день в соборной апостольской церкви погребено с подобающею честью подле гроба святейшего Иоакима патриарха»⁶¹³.

Дополним краткое сообщение Возницына о погребении п. Адриана сведениями, взятыми из археологических изысканий п. Забелина и других источников. П. Адриан скончался в своей малой каменной келье, что «от соборная церкви», существующей над синодальным домом в виде теремка и доныне. По случаю кончины патриарха в тот же час на Ивановской колокольне и в Успенском соборе благовестили по трижды в большой колокол. Тело п. Адриана окутали в гробу сверх всего зеленым бархатом. Гроб был куплен дубовый за 2 рубля. Для выноса гроба изготовили одр (с рукоятками), обитый черным бархатом. 16 октября, рано, из кельи вынесли п. Адриана в церковь 12 апостолов, где день и ночь, до выноса в Успенский собор, над покойником читали псалтырь домовые дьячки. Всяких чинов люди приходили к телу патриарха для прощания и целовали руку. 17 октября из церкви св. Апостолов тело п. Адриана на одре, при звоне во все колокола, с крестным ходом было перенесено в Успенский собор, а во время (малого) входа⁶¹⁴ со святым Евангелием, внесено в алтарь и поставлено за престолом близ горнего места. По совершении литургии его вынесли из алтаря и поставили на амвоне. Архидиакон (Иона) прочитал прощальную молитву, после чего тело поставили возле амвона и совершили отпевание. Участие в погребении принимали митрополит Смоленский Сильвестр, митрополиты Крутицкий Трифиллий и Вятский Дионисий с архимандритами и игуменами и прочим московским духовенством. Во время отпевания каменщики выкопали в соборе указанную могилу и выклали ее кирпичом; сюда поставили (купленный у Мягковских каменщиков за 12 рублей) белокаменный гроб «ковчег» с крышкой, на которой была врезана, глубоко в камень, след. надпись: «Зде во гробе телом лежит великий господин святейший кир Адриан архиепископ Московский и всея России и всех северных стран патриарх, иже приставися 7209 лета, месяца октоврия с 15 числа в нощи 1–го часа в четвертой чети. егоже душу, Боже Творче, упокой». На гробе же были вырезаны следующие стихи, составленные Карионом Истоминым:

«Бог всетворец наш всю жизнь управляет,
Жити, умрети людем изволяет.

Его волею, днесь успе надежно
Господин, оставль житие мятежно,
Святейший патриарх Адриан избранный
Москвы и всех России, северных стран званный
Лета Господня тысяча семььсота
Мира семьь тысяч, двесте днесь девята
Октоврия луны, с дне десят пятаго,
В нощи скончался он часа перваго.
Престол правил лет десять, дни три–пятьдесят
С двадцать четверта, августа числ гласят
Шестьдесят име третье в роде лето
С октября втора дне Андреа пето.
Где тело его, в гробе положено
Воскрешено будет бо в Христе, с душою сопряжено.
О душе его, верен зрев молися,
Спасенне быти, к Богу вопль прострися.
Архипастыря, Христе, Адриана
Сподоби в небе блаженна в век сана»⁶¹⁵.

По совершении отпевания, тело п. Адриана в дубовом гробу было положено в каменный гроб и закрыто крышкой с указанной надписью. После погребения над могилой соорудили каменную надгробницу с замочкой ее свода, где положили существующую доныне каменную доску, на которой находятся слова другой надписи и каймы, позолоченные и расписанные красками. Надпись здесь такая: «Мироздания 7209 лета, Христа же Господа 1700, месяца октоврия 15, числа под среду, в нощи перваго часа в четвертой четверти, волею Творца нашего Бога, успе благонадежно на вечное житие, в церковных таинствах Великий Господин, Святейший Кир Адриан, Архиепископ Московский и всея России и всех Северных стран Патриарх и погребено тело его во гробе, на сем месте. (Патриарший свой престол правил десять лет, пятьдесят три дня, Августа с 24 числа, от рождения своего имеяше *шестьдесят*⁶¹⁶ третье лето с октября 2 дня.Его же душу да упокоит Господь в вечном своем блаженстве! Всяк, зрящий гроб сей, помолись!»⁶¹⁷ Не только черное и белое духовенство – вся Москва, за исключением отсутствовавшего Государя, принимала живое участие в

погребении последнего патриарха и вознесла молитвы свои об упокоении в селениях небесных почившего. В поминовение п. Адриана во время погребения, по доброму старому обычаю, роздана была милостынная дача не только церковникам, но и всем жившим в заключении, в бедности и в нужде, – по Забелину, 371 р. 31 алтын 2 д.⁶¹⁸; а по донесениям Петру гражданских и духовных властей, 448 руб. 25 алтын; по книг. Каз. Приказа (176, лл. 359–372), на преставление и погребение издержано всего 542 руб. 30 алтын⁶¹⁹. По установившемся обычаю о патриархе всюду в монастырях, соборах и церквях служились сорокоусты и «отчитывалась» псалтырь, что вызвало расход в 1035 руб. 23 алтына (как и по смерти его предшественника)⁶²⁰. День же кончины п. Адриана с того года до 1728 г. был воспоминаем ежегодным отправлением стола в патриаршем доме⁶²¹.

Донесения Государю о смерти и погребении п. Адриана придворных Царя, с жалобами на расстройство церковных дел при а. Адриане и после его смерти

Смерть п. Адриана развязала языки придворных Петра I. Все они из Москвы спешили известить Государя о кончине п. Адриана и не скупились в нелестных единодушных отзывах о дурном состоянии всего патриаршего управления и вылить свою нелюбовь к «ближним старцам» покойного патриарха. Приводим эти характерные письма в подлинных словах. Возницын свое выше приведенное письмо заканчивал так: «По твоему Государеву указу, а по приказу боярина Тихона Никитича (Стрешнева), по скончании его (патриарха) запечатал твоею государевою печатью Дементий Минич Башмаков одну ризницу, а казна и кельи и прочее все не запечатано и не переписано. И о том как ты, Государь, изволишь? – При погребении, Государь, его чтена духовная, которая писана за пять лет или больше⁶²², в которой душеприказчики и казанский митрополит да казначей–старец, и хотели, Государь, тое духовную послать к тебе, Государю, и о казне ведомость учинить. – Прошу твоего Государева милостивого указу о состоянии впредь того патриаршеского дому, чтоб *и досталое и впредь будущее напрасно растащено и разграблено не было*. И есть ли воля твоя, Государева, в чем мне, убогому рабу твоему укажешь служить, со всяким усердием, со всяким тщанием готовь, Бога свидетеля поставляю, что мое то всегда желание, чтоб тебе великому Государю, без всяких своих прихотей работать чистым сердцем и душою, не взирая ни на что, только того смотря, как бы Богу и тебе, Государю, приятно было. *А до сего было мне делать нечего, потому что под его именем делали, что хотели и все за ними и в их руках было*. А если твой, Государев, указ и повеление будет, мочно все в доброе рассмотрение взять и по твоей воле и указу учинить. Моя должность не иное что, только всегда правду хранить и тебе нашему, Государю, верно работать»⁶²³.

Боярин Тихон Стрешнев, как представитель в Москве Государя, в своем письме от того же, что и письмо Возницына, 18 октября 1700 г. к Государю под Нарву, давал подробный деловой отчет о кончине и погребении патриарха и о мерах, принятых к охране имущества патриаршего дома, и заканчивал вопросом о преемнике п. Адриану. «Октября против 13–го числа в 8 часу ночи святейший патриарх заболел параличною болезнию и язык от той болезни отнялся. И против 16–го числа в ночи 1–го часа в исходе преставился, а в 17–м числе в соборной церкви положен подле святейшего Иоакима патриарха, а на погребение из домовья казны архиереям и архимандритам и всем собором роздано против (столько же) дачи, что дано по Иоакиме патриархе, четыреста сорок восемь рублей двадцать пять алтын. А на сорокоуст в монастыри и в соборы, и в церкви против дачи Иоакима патриарха *надобно тысяча тридцать пять рублей двадцать три алтына*, а домовые святейшего патриарха казны на лицо денег *тридцать тысяч рублей, семисот девяносто два ефимка, сто сорок шесть золотых одиноких, семьдесят три золотых двойных*, иконы окладные и неокладные, и кресты золотые и серебряные и камень, и жемчуг и иные вещи, и парчи золотные, и атласы, и камки, по книгам у казначея, каковы за его рукою.

Да в келье *явилось* завещательное письмо за его святейшего патриарха рукою, что его, патриарха, келейного имения и кому раздать, и с того письма послал казначей за *своею рукою* список к милости твоей, и о даче сорокоустных денег из домовья казны. И по письму его святейшего патриарха, о келейных деньгах что укажешь?

Соборную церковь из архиереев кому изволишь ведать? А на Москве (из) архиереев: смоленский⁶²⁴, крутицкий⁶²⁵, вяцкой⁶²⁶. А преж сего изволение твое было ведать Холмогорскому владыке, только по него не послано. Изволишь ли послать? А из тех владык, которые на Москве, после чреды своя отпустить в свою епархию.

Домовых святейшего кому изволишь ведать? А им приказано, кто что ведал при святейшем, тому того и беречь до указу. А ризница запечатана»⁶²⁷.

Патр. казначей, чернец Тихон (Макарьевский) вместе с Иваном Яковлевым, поставленным Государем в Каз. Приказ на место смещенного Андрея Владыкина, доносил, от 27 окт. 1700 г., «в неделю, чрез почту с Москвы под Ругодив» – то же самое, что и Стрешнев, касательно смерти и погребения п. Адриана. К письму приложен был список завещания п. Адриана, и спрашивалось «о раздаче, Государь, из домовоя казны сорокоустных денег и против завещательного письма его, святейшего патриарха, келейного имения, что ты, великий государь, укажешь?»⁶²⁸ Самое подробное, с критической оценкой многих сторон положения церковных дел в Москве, донесение от 25 окт. царю «прибыльщика» Алексея Курбатова. «Самим Богом избраннопомазанный, – писал он, – в управление и избавление от ига магометанского людей, достояния Его, храбро премудрейший великий Государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, преславного всероссийского государства самодержавнейший повелитель! – Бог, в Его же руке прещедро содержится твое царевое сердце, Той, видя правость к Нему твоего сердца и во всем избрана ты быти Его сосуда, предал в самодержавие твое люди достояния Своего в житейских потребах управляти в правде ими, яко отцу чады, пещися во всем. Ныне же, всемилостивейший государь, видишь, *яко и в духовных хочет Бог, да ты попечешия и усмотриши правительства того от многих бывшия поползновения*, понеже, якоже тебе, государю, известно, святейший патриарх от временные преселися в жизнь вечную, а *и в животе его за болезнью его, усмотрение то было ему трудно*. Видишь и ныне, ежели, государь, *те же будут во управлении, добра никакого не будет*. Тебе, государю, из них о архидиаконе известно. И зело, государь, о сем мнози сетуют, что в таком великом деле, во избрании архимандритов и прочих священного чина людей *вверено одному, который и себе единого управити не может*. И сего ради молю тя, государь, благоволи в сем усмотрении попещися ради премногия за сие от Бога тебе, государю, милости и избрати в сие духовное управление на время из архиереев могущего тое управити и к нему четырех человек из монахов, ведущих Писания, чтоб без

их избрания рук ниже в диаконы кто посвящен был. – О избрании же, государь, патриарха, мню достоин до времени обождать, да во всем всего сам твое самодержавие изволишь усмотрети. – Ко усмотрению же над всеми и собранию домовые казни *достойт*, государь, *избрати*, кого тебе, государю, от усердных. Зело, государь, ныне во всем видится слабо и неисправно. Также, государь, о чем я доносил тебе, государю, в первом моем писании, чтоб во архиерейских и монастырских имениях *усмотреть и волости переписать, отдать все в охранение*, избрав кого во всяком радении тебе, государю, усердного, учинив на то *расправный приказ особливый*. Истинно, государь, *премногая* от того усмотрения *сбиратися* будет казна, которая ныне погибает в прихотях владельцев. Школа, государь, которая была под призрением святейшаго патриарха и вручена монаху Палладию, зело, государь, в ней живущие, с полтора ста человек, *скорбят и всего лишаются, и учиться в ней невозможно*. Потолки и печи, и иное строение обвалилося. Требуют, государь, твоего все милостивейшего усмотрительного милосердия. – Мог бы я, убогий, тебе все милостивейшему государю, *и о ином доносить*, но не вем о сих моих письмах. Истинно, государь, посреде хожду сетей многих. Едино упование и во всем надежда моя – твоя государева милость. – Из архиереев, государь, для временного в духовных управления, ежели тебе, государю, угоден, *мнится многим добр быти* холмогорский. Из монахов же казначей патриарший, Карион меньшей, Палладий, школ учитель, да Чудова монастыря монах Феолог. – Из мирских, государь, в начальство усмотрения и собрания казны ежели угодны тебе, государю, боярин Иван Алексеевич Мусин–Пушкин или стольник Дмитрий Петрович Протасьев, зело, государь, человек доброй. – Самодержавия твоего всеусерднейший и свыше достоинства помилованный последний твой, государь, раб Лешка Курбатов»⁶²⁹. 8 ноября 1700 г. от Возницына было отправлено государю второе письмо с сетованием, что «по се число о том (состоянии патриаршего дома) государева указу еще не восприяли; только как слышу, писал он, и досталое волокут» (ближние старцы)⁶³⁰.

Распоряжения Петра и по смерти п. Адриана в церковной области

Кончина патр. Адриана развязала Государю руки и дала свободу действий. Не назначая представителя и выразителя голоса всей русской церкви – нового патриарха, оставив тень власти патриарха в руках местоблюстителя, Петр I сразу разрушил весь строй патриаршего управления. 16 декабря 1700 г. Государь издал указ: «Патриаршему разряду более не быть, все находящиеся в нем дела по искам и челобитным всякого чину людей и духовенства белого и черного, все те дела и проводы и подъячих старых и молодых, у которых ныне те дела, отослать с теми делами в те приказы, в которых которые чины расправую ведомы и впредь расправу чинить в таких делах, в тех приказах; а кто на кого бил челом по духовным и по рядным и по иным каким крепостям в поместьях и вотчинах; и те дела отослать и ведать в поместном приказе»... «А которые дела в патр. приказе и впредь будут в расколе, и в каких противностях церкви Божией и ересях: и те дела ведать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому»⁶³¹. В январе следующего 1701 года был восстановлен Петром 1–ым Монастырский Приказ для перевода через него церковных вотчин и доходов в гражданское ведомство. В указе от 24 января 1701 г. Государь повелевал: «Дом святейшего патриарха и дома архиерейские и монастырские дела ведать боярину Мусину–Пушкину и дьяку Ефиму Зотову и сидеть на патр. дворе в палатах, где был патр. разряд и писать Монастырский Приказ»⁶³². А в январе 1701 г., 29 числа, думный дьяк Гаврила Деревнин объявил в Крестовой палате чинам патриаршего дома царский указ о подчинении патр. казначея, дворецкого и «прочих всех чинов домовых людей в духовном правлении» местоблюстителю патриаршего престола Стефану м. Рязанскому, а «в мирском разсуждении», боярину Ивану Алексеевичу Мусину–Пушкину, начальнику Монастырского Приказа»⁶³³. – Уже одни эти распоряжения Петра и красноречиво говорили о закате патриаршего сана в русской

церкви; но Государь, как предусмотрительный тактик, отложил юридическую отмену патриаршества на неопределенное время, и тем самым подготовил русское общество к отмене патриаршества в России и ослабить впечатление от крутой реформы высшего церковного управления. Только в 1721 году, 25 января, подписан был Государем манифест об учреждении Святейшего Синода⁶³⁴.

Глава IX

Характеристика п. Адриана, как вывод из всего вышесказанного

Патриарх Адриан не был сильной, выдающейся по характеру личностью. Кроткий, мягкий, незлобивый в обращении со всеми, кто имел с ним дело, он и эти главные черты своего характера не довел до яркого, выпуклого проявления, давая основание недовольным им считать его слабовольным, боязливым и нерешительным. Его темперамент более всего подходит под определение меланхолического. Он жил больше внутренней жизнью, довольствовался небольшим запасом впечатлений, которые, однако, глубоко залегли в его душу, создали твердые убеждения. Его ревность к греко-русским (византийским) традициям была столь же велика, что и у предшественника, его друга, энергичного п. Иоакима. Но эти твердые убеждения не перешли в равносильные им практические мероприятия в церковном управлении и руководстве русской паствой. Патриарх Адриан был робок, не уверен в своих силах и силах тех, кто был вверен ему, как отцу и главе. Неспособность к крутым, смелым, открытым выступлениям на защиту своих старозаветных воззрений еще более замыкала его в круг излюбленных идей, приводила к большему самоуглублению и келейному одиночеству, к которому он привык от юных дней. Насколько разнообразна, обильна впечатлениями, кипуча, непоседлива с детства жизнь сангвиничного царя Петра Великого, успевшего до 1700 г. побывать два раза в Азове и Архангельске, за границей и на берегу Финского залива, коему суждено было ярко открыть новый период русской истории, настолько монотонно, тягуче, келейно однообразно времяпровождение последнего патриарха, не выходявшего за пределы Москвы и близлежащих подмосковных монастырей, олицетворившего собою древнюю Русь с ее установившимися традициями, чинным обрядоверием и восточным спокойствием. При всех своих нравственных достоинствах – незлобии, голубиной кротости, евангельской доброте, выдвинувших его на первое, после Царя, место, п.

Адриан не мог стать популярным вождем большинства русского народа, с недоверием и страхом (такими же, что и у самого патриарха) встречавшего беспокойную, порывистую, непонятную деятельность молодого царя–реформатора. Достоинств патриарха современники не замечали, так как у него не было умения вращаться во всякой среде и искусства вести всех за собой. Неспособность приспособляться и всех приспособлять своим целям – также яркая черта характера п. Адриана. Оказавшись вне общества сотрудников молодого царя, патриарх остался в стороне и от истых ревнителей и поклонников старины, разошедшихся с западнической партией и в то же время бросивших патриарху тяжелое обвинение: «Жалеет мантии да клобука белого, потому и не обличает (царя)»! Неспособный лично управлять жезлом и энергично реформировать духовенство и паству, косневших в разнообразных пороках и преступлениях и поражавших грубостью и невежеством своих и чужих чутких наблюдателей русской жизни, патриарх, хотя и рассылал окружные послания и инструкции, определявшие правильное течение земной жизни пастырей и паствы в духе святоотеческой старины, но не мог достигнуть осуществления своих искренних желаний, так как духовенство и миряне не находили в патриархе ни своего практического руководителя, ни решительного защитника от произвола сильных людей, ни носителя высшей правды как Последней инстанции человеческого суда: как в общецерковном, так и епархиальном управлении всю власть захватили его «ближние старцы» с прославившимся дельцом того времени, архидиаконом Ионою, во главе, которые «под именем его делали, что хотели», а сам патриарх в это время, за тяжкой болезнью, готовился к смерти в течение половины своего патриаршествования – с февраля 1696 года.

Ожидание смерти усиливало религиозную настроенность п. Адриана, который и без того был глубоко верующим христианином. Религия была его утешением в минуты скорби духовной, упадка сил телесных. Его духовное завещание дает место излияниям верующей души. «Кто ми даст крыле таковы, – восклицает здесь патриарх, да постигну дни моя протекшия, кто

ми возвратит век мой да выну смерть поминая, вечного живота сотворю деяния? Ибо суетно уже сень ловити, и тщетно неподобных ждати. Уплыве бо невозвратное время, утекоша невоспятимая лета, преидоша дние, яко слово, никогда же обращающееся к языку. Точию Божие мне не уплыве мне милосердие»⁶³⁵... Постоянная болезнь, приковывая к постели патриарха, часто оставляла его наедине с самим собою, напрягала его религиозную совесть, возводила мысль к загробному существованию. Если до болезни любимой темой послания, проповеди патриарха было приготовление паствы к переходу в вечность и оценка земной жизни *sub specie aeternitatis*, то во вторую половину своего патриаршества Адриан являл окружающим пример, как нужно готовиться к смерти. Келейное уединение, частое принятие таинства причащения и елеосвящения, долгое проживание в подмосковных монастырях, удаление от житейских забот, мирской суеты и доуки с предоставлением дел управления «ближним старцам», достаточно отражают, чем интересовался и жил патриарх во второе пятилетие своего первосвященнического служения. Одно лишь связывало патриарха со здешним миром – это сознание ответственности за вверенную ему паству, которой он не мог руководить, вследствие своих духовных и телесных немощей. Это сознание угнетало его душу, тяжелым бременем лежало на сердце. «И уже седьмое лето имам, – слышим в завещании 1697 г. скорбный голос п. Адриана, – *болезнью стражду, телом немоществую на всяк день и изнемогах зело. Сего ради о истязании и взыскании преданного мне смиренному стада многочисленных душ христианских, всякого чина и возраста болезную и болезнию содержаюся*»⁶³⁶. Мысль об «истязании и взыскати стада» вероятно и побудила уже больного п. Адриана издать инструкцию старостам поповским, привести в порядок приказное управление, выступить на защиту стрельцов во время кровавой расправы Петра В. и на защиту прав и привилегий церкви, когда царь–реформатор замыслил лишить ее исторического достояния. Все эти скорее внешние меры охраны религии и достоинства церкви, без оздоровления внутренней жизни общества,

вытекавшие из религиозности п. Адриана, соответствовали самому характеру его благочестия и преданности вере православной, воспитанному древне–русской историей. Религиозность и благочестие п. Адриана, как и у большинства русских до Петровского времени, часто переходили в обрядоверие, горячее ратование за сложившийся в духе воззрений преп. Иосифа Волоцкого уклад жизни церкви и государства, в отстаивание мелочей домостроевского житья–бытья и резкое похуление чужого, иностранного, как иноверного, еретического. – При крайне ограниченном просвещении русского общества, неспособного отличить существенное от несущественного, когда всякое заимствование чужого вело к измене своему, родному, православному, – голос патриарха, из религиозной ревности обличавшего тогдашних русских аристократов в измене русским заветам, был вполне уместным, но общество в то переходное время вправе было ждать от п. Адриана, как «отца отцев» и главы церкви, иного, более просвещенного руководства паствой, иных приемов отстаивания достоинства церкви и православия от надвигавшегося иноверия запада, иных средств к удержанию русских в верности своей старине, чем какие практиковал патриарх, вызывавший своим проклятием внешних заимствований с запада, брандобритие, табакокурение и одежды, – в придворных людях, с Петром и во главе, только глумление и издевательство над родной стариной, еще большее унижение своего русского и резкое выражение заимствования еретических обычаев.

Патриарх Адриан не в силах был уяснить русскому обществу вреда пересадки на неподготовленную почву иностранной культуры, не дал разграничения опасного от неопасного для православия – в заимствованиях с запада. Борьба с иноземным влиянием у п. Адриана была слишком примитивна, узка и даже непоследовательна⁶³⁷, а потому безрезультатна. Просвещение было единственным средством вывести русское общество из хаоса и беспорядка, который царил в конце XVII века. Духовная школа могла сослужить великую службу в удержании, церковного общества в верности

великим соборным началам восточного православия и заветам седой христианской старины. П. Адриан, как не прошедший правильной, не только высшей, но и низшей школы, не мог оценить важности просвещения не только высшего, но и низшего для всех классов общества. Кажется патр. Адриан не видел нужды в систематическом обучении подрастающего поколения и наставлении в началах православной веры, видя школу для народа только в богослужении, не всегда исправно совершаемом мало образованным духовенством. Даже Московская школа, созданная энергией его предшественника, пришла при нем хотя и не по его вине, в упадок и послужила для критиков его правления иллюстрацией дурного положения дел в русской церкви: в академии, где единственно можно было создать кадр идеальных, образованных работников церкви и поборников православия, учителей и пастырей и архипастырей для всего русского народа, – к 1700 году «потолки и печи и иное строение обвалилось», а живущие в ней (ученики) «скорбят и всего лишаются, и учиться в ней (школе) невозможно»⁶³⁸.

Деятельность п. Адриана, как писателя, проповедника⁶³⁹, не блещет особенными выдающимися достоинствами, хотя проповеди п. Адриана выгодно отличаются от юго-западных схоластических ораций своим религиозным одушевлением и искренним чувством православного христианина, а послания запечатлевают верность п. Адриана соборному православию и святоотеческим идеалам, а также глубокое уважение ко всему русскому, народному, исстари нажитому наследию. Религиозное одушевление и крепкое стояние в вере отцев, утвержденное на соборных основаниях и отстаивание старинного уклада жизни не только церкви, но и государства, и их взаимных отношений, находят свою окончательную иллюстрацию как в статьях о святительском суде, так и обнародованном по смерти патриарха его духовном завещании, изготовленном за три с половиной года до его кончины. Патриарх, расставаясь с паствой и первым сыном церкви – царем, завещал им «иметь» самое дорогое и ценное для русского – «веру православно-кафолическую», «чувствовать Церковь святую едину во вселенной, яже на востоце и в нас утвердися истинно, яко мать духорождшую и

душеспасительне питающую и пребывати в ся православном учении непоколебимо, и предания и учения отец святых, на соборах определенная и утвержденная содержати крепце и *ни в чем порушно*, своего Царского пресветлого величества рукою Церковь святую и апостольскую защищати от всяких ересей и соблазненных наветом» и ей, а также «служителям священного духовного чина и причту церковному всему помогати и снабдевати вся в царской своей милости»⁶⁴⁰. Таким завещанием русскому царю патриарх, отходя в вечность, хотел на будущие времена предостеречь Государя и окружавших его придворных от насильственного изменения курса народной жизни и унижения церкви и ее иерархии при введении новых порядков общественной и государственной жизни по западному образцу.

Связь церковной реформы Петра Величаю с личностью и управлением патр. Адриана. По смерти п. Адриана Петр Великий не назначил ему преемника. За долгим местоблюстительством, подготовлявшим общество к упразднению патриаршего достоинства в русской церкви, в 1721г. было учреждено синодальное правление. Невольно возникает вопрос, следует ли в личности последнего патриарха и в характере его патриаршествования искать главную причину церковной реформы Петра Великого? По нашему глубокому убеждению – меньше всего. Хотя в Духовном Регламенте и выставляется одна из причин (четвертая)⁶⁴¹, намекающая на остановку дел за болезнью патриарха Адриана, но эта причина не главная. Для Петра Великого, желавшего прибрать церковное ведомство к рукам, патриаршество Адриана при его уступчивости и непопулярности самого патриарха в народе, было неопасным и даже не бесполезным в проведении первых реформ, не встретивших в первосвятителе резкой активной оппозиции, почему царь и оставил патр. Адриана покойно доживать до смерти. Нам думается, иначе бы отнесся Преобразователь России к энергичному, властному патриарху, если бы тот в интересах церкви начал шумно отстаивать ее права и с своей стороны реформировать общество в духе религии и старозаветных начал и заводить образцовые везде

порядки. Для царя такой патриарх и его образцовое управление было бы не по сердцу. Если Петр Великий удалил в монастырь свою жену Евдокию Лопухину⁶⁴², непрешедшую ему по нраву и не пощадил своего родного сына Алексея для торжества своего дела, то и для энергичного, но самостоятельного, патриарха, обязанного отстаивать высокое положение церкви рядом с государством, нашлись бы меры ослабить влияние патриарха до низложения его с кафедры включительно. – Главная причина прекращения патриаршего достоинства в русской церкви, это – нежелание Петра В. иметь вообще патриарха, и подобного Никону и Иоакиму в частности. Если искать причину в личностях, то не тень Адриана беспокоила Петра В., его пугали тени патриархов Никона и Иоакима, к памяти которых Преобразователь относился очень холодно, недружелюбно.

Во всяком случае слишком мало к п. Адриану относятся слова Регламента, вскрывающие действительную причину прекращения патриаршего сана в русской церкви: «Велико и сие, что от соборного правления не опасетися отечеству мятежей и смущения, яковые происходит от единого собственного правителя духовного. Ибо простой народ не ведает, како разнствует власть духовная от самодержавной, но великою высочайшаго пастыря честью, и славою удивляемый помышляет, что таковой правитель есть то второй Государь самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чин, есть другое и лучшее государство, и се сам собою народ тако умствовати обыкл... И когда услышится некая между оными распря, вси духовному паче, нежели мирскому правителю, аще слепо и пребезумно, согласуют и за него поборствовать и бунтоватися дерзают и льстят себе окаянные, что они по самом Бозе поборствуют... Чтож когда еще и сам пастырь таковым о себе надмен мнением, спать не похощет, изрещи трудно: колико отсюду бедствие бывает. И не вымысло то, дал бы Бог, что о сем домышлятися толико мощно было, но самую вещь не единожды во многих государствах сие показалось... *Да не вспомнянутся подобные и у нас бывшие замахы*»⁶⁴³. Конечно, эти слова относятся в большей степени к Филарету и Никону, в

меньшей к п. Иоакиму, хотя и патриарх Адриан своим пассивным стоянием за старину и святоотеческие каноны подчеркивал лишний раз Петру Великому, что даже патриарх малодетельный и непопулярный, не будет искренним его сотрудником, так как главная обязанность патриарха отстаивать привилегированное status quo церкви, идущее из глубокой древности, что расходилось с видами великого государственника и идейного поборника централизации – Петра Великого. При этом необходимо помнить, что патр. Адриан держался мысли, что «два начальства вышнейших устроил Бог на земле *священство и царство*» и что священство выше царства, так как имеет двоякую власть – решать на небе и на земле... При таком взгляде на дело можно и п. Адриана считать одним из виновников, толкнувших Государя на церковную реформу, выразившуюся в отмене патриаршества и учреждении Св. Синода.

Примечания

¹ - Православная богословская энциклопедия. Адриан, последний патриарх всероссийский. Чтения в Общ. Ист. и древ. Рос. Н. А. А. П. Адриан, стр. 34. 1848 г. № 8.

² - О годе рождения в церковно–исторической литературе даются противоречивые указания. Из духовного завещания, хранящегося в Патриаршей библиотеке можно видеть, что патриарх родился в 1639 году. Этого года держится биограф Адриана в Духовной Беседе за 1872 г. т. II, № 42. Правдин. Из надписи на каменной гробнице можно заключить, что патр. Адриан родился в 1637 году, если текст надписи брать из сочинения Забелина «История города Москвы»: «от рождения своего имяше (патр. Адриан) шестьдесят третье лето с октября 2 дня», или в 1627 г., если следовать чтению надписи другого биографа п. Адриана в «Чтениях в обществе истории и древностей Российских» за 1848, № 8. – Н. А. А.: «от рождения своего имяше семьдесят третье лето с октября 2 дня», хотя слово «семьдесят» нужно считать у Н. А. А. опечаткой, так как сам Н. А. А. в начале биографии год рождения Адриана указывает 1636–й. В Бог. Энцикл. год рож. Адриана указ. 1627–й 2 окт.

³ - История города Москвы. Забелин. Ч. I. 288 стр. Москва. 1902 года.

⁴ - Забелин. История гор. Москвы. Ч. I. 288–9 стр.: Чтения в Обществе Ист. и др. Р. за 1848 г. № 8, стр. 34.

⁵ - Акты Историч. т. V, №№ 95–98; А. А. Э. т. IV, № 266.

⁶ - Н. А. А. Патр. Адриан. Чтения в Общ. Ист. 1848 г. № 8, стр. 34. Такой устав в Чудовом мон. Адриан поддерживал и в то время, когда был патриархом (Там же); Православная Богословская Энциклопедия. Адриан, последний патриарх всероссийский.

⁷ - В рукописном «Помяннике» или Синодике архиерейского Казанского дома, хранящемся в библиотеке Казанской духовной академии под № 1967 сообщается так: «Лета #3£уд (7194) марта в 21 день в неделю 5–ую святого и великого поста. –

Изволением великих Государей наших Царей и великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержцев. И благословением великого Господина Святейшего Иоакима, Патриарха Московского и всея России возведен в царствующий град Казань на митрополию из Чудова монастыря архимандрит Адриан. Приехал в царственный град Казань он Преосвященный Адриан Митрополит тогож руд (7194) г. месяца июля в 28 день. Бысть же сей в Казани 9-ый митрополит». История Российской иерархии, Амвросия. Ч. I, 100 стр.

⁸ - Богослов. Энциклоп. Адриан патриах.

⁹ - Ркп. «Помянник» Казан. Арх. дома. «Всего же бысть на Казанском архиерействе д (4) лета 12 стр Е (5) месяцев и к (2) дня. Потом же бысть всероссийский патриарх. История Российской иерархии иер. Амвросия. Ч. I, стр. 44, 100; ср. П. С. 3. т. III, № 1381. Авг. 22, 1690 г. Чин возведения на патриарш. престол Свят. кир Адриана, митроп. Казанского и Свияжского; Древняя Российская Вивлиофика ч. VIII, стр. 329–360.

¹⁰ - Чин возведения.

¹¹ - История Российск. иерархии, иер. Амвросия. Ч. I, стр. 44.

¹² - П. С. 3. т. III, № 1381. Авг. 22, 1690 г. Чин возведения. Древняя Российская Вивлиофика ч. VIII.

¹³ - М. Казанский Адриан был в последние дни жизни п. Иоакима в Москве его правой рукой, а после его смерти до поставления в патриархи, управлял Московской кафедрой, хотя титуловался митрополитом Казанским и Свияжским (Патр. Казенный Приказ И. Шимко, стр. 10).

¹⁴ - Устрялов. История Петра Великого т. II, стр. 118. Прилож. 25, стр. 35–351; Правдин. Патриарх Адриан –Духовная Беседа 1872 г. т. II; 258. Русский Архив 1889 г. кн. 2. Казанский митрополит Маркелл. А. Леонида.

¹⁵ - Ключевский «Курс русской истории» ч. IV, стр. 17–18.

¹⁶ - Польщизна настолько прельстила передовое рус. общество, что едва не повела к губительному перевороту русской государственности. В 1681 г. в боярской среде

составился план, нового устройства центрального и областного управления с польским пошибом. Один рассказ повествует: «Советовали государю палатные бояре, чтобы в его царской державе, в Великом Новгороде, в Казани, в Астрахани, в Сибири и других местах быть царским наместникам великородным боярам вечно и титула им тех царств иметь. Также и митрополитам писаться: Митрополит Новгородский и всего Поморья, Казанский и всего Казанского царства. И на сие дело государь изволил и тому всему, где кому быть, тетрадь за пометою дьяка к свят. патриарху прислана, чтобы он на то дело, дал благословение и в исполнении его помогал «Иоаким, патриарх еще и многую трудность имел от желающих этого палатских подустителей, но никак не допустил, и возбранил всеконечно это делать, для того, чтоб учиненные вечные наместники великородные люди, по прошествии нескольких лет, обогатясь и пренебрегши московских царей самодержавством, не отступили и единовластия не разорили». Соловьев. «История России». Кн. 3, стр. 881. Из Архива Историко-юридических сведений изд. Калачевым, кн I. Книга: Икона, рукоп. Румянц. Музея.

¹⁷ - Житие и завещание св. патр Иоакима. Изд. Общ древн. письменности 1879 г. XXVII, стр.98; Цветаев. Римский костел 81 стр.; Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 150 примеч. 3.

¹⁸ - Н. Каптерев. Сношения иер. патр. Досифея с русским правительством (1699–1707 г.) стр. 90–91 и прил. № 10, стр. 39–44. Рункевич т. I. Учреждение и первоначальное устройство Св. Правит. Синода стр. 70–71. Соловьев. История России кн. 3. Приложения к XV т. IV. Письма Иерус. патр. Досифея стр. 1573–1574.

¹⁹ - Цветаев. Римский костел стр. 82.

²⁰ - П. С. З. т. III, 1381. Чин возведения Св. кир Адриана. Др. Вивлиофика ч. VIII, 329–360.

²¹ - Н. Писарев. Домашний быт русских патриархов, стр. 256. «Древн. Росс. Вивлиофика», т. VI, стр. 251.

²² - Все исторические свидетельства (Соловьев. История России Книг: 3, 877, 878, 881, 891, 1093, 1094. и мн. др.) за

исключением свид. Иосифа, архиеписк. Коломенского: «патриарх. Иоаким грамоте мало умеет, на соборе только сидит, уставя бороду, ничего не знает, непостоянен, трус, поучение станет читать только гноит и слушать нечего» (Соловьев 3, 745), которому мы не придаем веры, говорит о крупном выдающемся положении, которое занимал п. Иоаким.

²³ - П. С. 3. т. III, 1381. Чин возведения.

²⁴ - Рукопись Император. Академии Наук № 84, под заглавием: «Адриана Патриарха грамоты». У Есипова «Раскольничьи дела» т. II, изд. 1863 г. Прилож. 76–96 стр.

²⁵ - Там же.

²⁶ - Есипов. Раскольничьи дела т. II, изд. 1863 г. «Адриана патриарха грамоты» 76–96 стр.

²⁷ - Послание п. Адриана. Рукопись Императ. Публич. библиот. Прилож. к соч.: Раскол. дела.... Есипова, стр. 64–72.

²⁸ - Рукопись Император. Академии Наук № 84. У Есипова «Раскольничьи дела» т. II. Прилож. 76–96 стр. Адриана патриарха грамоты.

²⁹ - Соловьев. Книга 3. Стр. 1100; А.И.V., № 223. Описание Славян. Рукописей Синод. библиотеки, прот. Горского и Невоструева, № 261, стр. 257–259. Соловьев относит это слово ко времени патр. Адриана (в хронологическом помещении под 1695 и 96 годами); Горский и Невоструев к 1687 г.

³⁰ - Ключевский. Курс Русской Истории. Ч. III.

³¹ - Ключевский. Курс Русской Истории, ч. IV, стр. 19–20.

³² - Брикнер I т. стр. 237.

³³ - Проф. Ключевский. Курс Рус. Истории, ч. IV, стр. 18.

³⁴ - Показание Гордона о Наталии Кирилловне и ее отношении к иностранцам, Устрялов. История Петра Великого, т. II.

³⁵ - Духовная Беседа 1872 г. т. I. Церковно–придворные церемонии Византийских императоров, сравнительно с подобными же церемониями древне–русских царей. Н. М. Подробности о церемонии см. в Чтениях в Общ. Истории и Древностей 1869, кн. 2.

³⁶ - Там же.

³⁷ - Там же.

³⁸ - Устрялов, т. III, стр. 205.

³⁹ - Проф. Ключевский. Курс Русской Истории, часть IV, стр. 49. У иностранца Фоккеродта описана церемония избрания папы в «Ватикане». «Конклав в этот день был разделен рогожами на разные кельи. В них заседали пьяные кардиналы и каждый день должны были сходиться для подачи голосов, причем... пиво и водка служили им для питья; трезвыми не оставляли их не на одну минуту, и все это до тех пор, пока было угодно Петру. Сам он приходил и уходил от них и не только забавлялся скотскими поступками этих людей, но еще и сам пил молодецки с ними» (Фоккеродт. Россия при Петре Великом. Рукопись секретаря Королевского Прусского посольства. Писал на 13 году по смерти Петра Великого в 1737 году, стр. 18–19). Другой иностранец очевидец описываемого, Юст-Юль, датский посланник при Русском дворе (1709–1711 г.) неоднократно описывая попойки Петра В. касается «всешутейшей компании» и также дает не менее выразительные штрихи для изображения дикой вакханалии, связанной с именем патриарха. «Было при царе, – пишет он, несколько бояр и князей, которых он держал в качестве шутов. Они орали, кричали, свистели, дудели, пели, курили в той самой комнате, где находился царь»... «их называли насмех патриархами». Во время поездки по городу, по разным местам и у посланника «так называемые «патриархи» вели себя без стыда и совести, галдели, свистели, бранились и даже осмеливались плевать в лицо порядочным людям» (Записки Юста Юля. Русский Архив 1892 г, 1–3 кн.).

⁴⁰ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1091. Письмо Стрешнева царю под Азов. Кабинет, II, № 53.

⁴¹ - Там же. Записки Желябужского под 1694 годом.

⁴² - Дневник Иоанна Корба в 1698/1699 г. в Чтениях в Общ. ист. и др. 1866 г. кн. IV, 1867 г. кн. 1–3.

⁴³ - Фоккеродт. Россия при Петре Великом, стр. 20.

⁴⁴ - Ключевский. Курс Русской Истории ч. IV, стр. 51

⁴⁵ - Дневник Корба. Чтение в Обществе истории и древностей 1866 г. кн. 4, стр. 161.

⁴⁶ - Записки Юста Юля. Русский Архив 1892 г. Кн. 2, стр. 510.

⁴⁷ - Записки Юста Юля. Русский Архив 1892 г. Кн. 3, стр. 137.

⁴⁸ - Дневник Корба в 1698/1699 г. февр. 21, 1699 г.

⁴⁹ - Записки Желябужского под 1694 годом. Соловьев. История России кн. 3, стр. 1091.

⁵⁰ - Записки Юст Юля. Русский Архив 1892 г. 3 книга, стр. 40.

⁵¹ - К тому же надо заметить, что русские иерархи, на протяжении всей русской церковной истории не пытались и не могли пытаться, в силу представления самого русского народа о характере духовной власти, в столкновениях с государственной властью опираться на материальную силу.

⁵² - История города Москвы. Ив. Забелина, ч. I, 535–536 стр. От времени же Азовских походов и заграничного путешествия Петра I осталась любезно–доверительная переписка между Петром и Адрианом. П. Адриан написал 7 писем, а Петр 5. В одном только письме п. Адриана есть сетование патриарха, что в письмах Царя «имене Государскаго не обретається». «И тако быти не подобает». П. Адриан просит Царя «о сем посмотри и деяти, како надобно». Письма Петра Великого... Патриарху Адриану. Спб. Изд. 1788 г. стр. 10–52.

⁵³ - Н. Ф. Каптерев: Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII ст. из отдела Москва – Третий Рим. Малышевский. Милетий Пигас, т. II, № 11, стр. 4–5.

⁵⁴ - Там же. Письмо Досифея от 7206 г. № 31.

⁵⁵ - Письма Досифея к Петру В. Соловьев. Кн. 3, стр. 1573, 1574, 1575, 1578, 1579, 1580.

⁵⁶ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1100; Проф. Горский и Невоструев относит эту проповедь патриарха к 1687 г. Описание славянской рукописи Синод. библиотеки № 261, стр. 257–259.

⁵⁷ - Там же, стр. 1152.

⁵⁸ - Это видно из Дел Архивов Морского Министерства, вотчинного департамента в Москве и Губернского Правления в Воронеже (Устрялов, т. II, стр. 306). Работа заданная всем кумпанствам, в частности и патриарху, была, по словам Петра в письме из Воронежа к Виниусу, исполнена удовлетворительно «Мы, – писал Петр, – слава Богу, зело в изрядном состоянии нашли флот» (Соловьев. Кн. 3, стр. 1199). Правда в Дневнике Корба встречаем, под 1 дек. 1698 г., такую небезынтересную заметку о кораблях патриарха. «По приказанию царя, корабли, построенные на деньги вельмож, спущены на воду для испытания знания мастеров и годности к употреблению. Корабль патриарха, который менее других был при этом сберегаем, по несчастному случаю потерпел крушение». Из этой заметки, особенно из слов «менее других сберегаем» можно вывести заключение о том же упадке авторитета патриарха. Было ли здесь пренебрежение самого Петра к кораблю или представителей от «кумпанства» патриарха, факт сам по себе свидетельствовал о закате былой славы и авторитета патриарха на Руси.

⁵⁹ - Древняя Российская Вивлиофика ч. XV. Четыре письма, найденные в патриаршем книгохранилище... от п. Адриана к Государю Петру В. и от него к патриарху. Письмо 2 от государя к патриарху – 1697–1698 г.; Письма Петра Великого Спб. 1788 г. к брату... и патр. Адриану, стр. 44–45.

⁶⁰ - Там же, стр. 45–47.

⁶¹ - Там же, стр. 47–50.

⁶² - Соловьев. История России. Книга 3, стр. 1204. Столбец Преображенского Приказа № 519.

⁶³ - Голиков. Деяния Петра Великого. Изд. 2. Дополнение к I тому стр. 470–471.

⁶⁴ - Дневник Корба. Чт. в Общ. Ист. и др. 1867, кн.3, стр. 251.

⁶⁵ - Если бы и отлучил п. Адриан Орленка, то не за продажу табаку, а за те пошлости и убийства, которые совершал Орленок в Сибири в 1698 г., как о том доносил царю Петру Виниус (Соловьев. Кн. 3, стр. 1218).

⁶⁶ - Устрялов, т. III, 621 стр. Прилож. Донесение Гварииента Импер. Леопольду; Соловьев. Кн. 3, стр. 1190–1191.

⁶⁷ - Голиков. Деяния Петра Великого. Т. I, стр. 154.

⁶⁸ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1203. Слова Ивашки Наемого.

⁶⁹ - Дневник Корба. Чтение в Общ. Истории и древ. 1866 г. Кн. 4, 96 стр. Ср. Соловьев, Кн. 3, стр. 1196.

⁷⁰ - Соловьев. Кн. 3, стр. 1191–1192. Дневник Корба. Чтение в Общ. Истории и древ. 1866 г. Кн. 4. Под 6–7 окт. стр. 102.

⁷¹ - Голиков. Деяния П. В. Дополнение к I тому. стр. 573.

⁷² - Там же.

⁷³ - Там же.

⁷⁴ - Соловьев. Кн. 3, стр. 1358. Кабинет II. Кн. № 53; Устрялов. Извещение п. Адриана. Прилож. VII, № 45, стр. 356. Ср. С. Г. Рункевич. Архиереи Петровской эпохи... СПб. 1906 г. стр. 106. «Во имени Господни извещение»...

⁷⁵ - Устрялов. 3 т. Приложение VII, №№ 37, 61, 64 и 66. Все эти письма будут изложены ниже при освещении других сторон Жизни и деятельности п. Адриана.

⁷⁶ - Горчаков. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 г.). СПб. 1871 г. стр. 315.

⁷⁷ - Рудаков. История христ. церкви, стр. 161. Собр. Госуд. Гр. IV, 128–131: Акты Ист. т. V, 75.

⁷⁸ - Горчаков. О земельных владениях. Прилож. стр. 112, №22, 1698 г.

⁷⁹ - Там же, стр. 115.

⁸⁰ - Там же, стр. 121.

⁸¹ - Горчаков, стр. 345; Котошихин, гл. XI, стр. 114–115.

⁸² - Горчаков, стр. 318.

⁸³ - Там же, стр. 318.

⁸⁴ - Там же, стр. 319.

⁸⁵ - Там же, стр. 321. Уложение гл. XIX, 8 о слободах и посадах на землях патриарха и т. под.

- ⁸⁶ - Горчаков, 327.
- ⁸⁷ - А. И. т. V, № 122, стр. 200. См. еще дополн. к А. И. IV, № 205.
- ⁸⁸ - П. С. З. т. III, № 1613 ср. № 1664.
- ⁸⁹ - А. А. Э. т. IV, № 315, дек. 1696 г.
- ⁹⁰ - Там же.
- ⁹¹ - Соловьев. История России. Второе издание. Кн. 3, стр. 1199.
- ⁹² - Там же, стр. 1199.
- ⁹³ - Соловьев. История России. Издание первое. XVII т., стр. 347–348.
- ⁹⁴ - Голиков. Деяния II. В. 637–638, тоже П. С. З. т. III, № 1664. Именной Указ, объявленный из Приказу большого дворца Верхотурскому воеводе – о недаче архимандритам, игуменам и игуменьям с братией и приходским священникам жалованья, за которыми есть поместья.
- ⁹⁵ - П. С. З. № 1629.
- ⁹⁶ - Горчаков. О земельных владениях стр. 554–555. Самые строения патр. дома пришли в полное запустение. Ист. гор. Москвы. Забелина. 513–519.
- ⁹⁷ - П. С. З. т. III, № 1711.
- ⁹⁸ - П. С. З. с. IV, № 1799. В эти же годы были отняты у церковного ведомства и другие привилегии (право курить вино, пошлины с торжков на церк. землях, таможенные пошлины и проч.). П. С. З. №№ 1721, 1733.
- ⁹⁹ - Соловьев. История России, второе изд. Кн. 3, стр. 1338. П. С. З. № 1765.
- ¹⁰⁰ - Статьи о святительских судах, собранные по повелению п. Адриана (Чтение в Общ. Ист. и Древ. Российских за 1847 г., год 3, № 4).
- ¹⁰¹ - Там же.
- ¹⁰² - Комиссия для составления нового уложения, такого уложения не выработала. Петр и после долго направлял жизнь и реформировал государство своими краткими указами.

¹⁰³ - Петр I при жизни Адриана, когда происходили против него заговоры и бунты, не чужд был подозрения к п. Адриану, как сочувствующему таким проявлениям народного недовольства юным реформатором. В Истории города Москвы Забелина указываются факты посещения Петром патриарха Адриана и замечается по поводу двух посещений, что они были тесно связаны с производившимися розысками по делу заговора Циклера и бунта стрельцов. «Это последнее (из перечисленных Забелиным) государево пришествие к патриарху (в 1698 г. 31 авг. в среду в 8 ч. утра) случилось в дни страшных розысков и казней стрельцов так, как и предыдущее (в 1697 г. февр. 21), с 1 часу и до 3 ч. ночи!) пред днями розысков по заговору Соковнина и Цыклера, умышлявших убить Государя». Ист. гор. Москвы Забелина, стр. 536. Понятен теперь станет и тот гнев царя на Адриана, когда патриарх пришел с иконой на место казни. Петр, не имея улики участия патриарха во враждебных к себе действиях, все-таки считал его тайным недоброжелателем и идейным сторонником всех недовольных царем.

¹⁰⁴ - Регламент или Устав Духовные Коллегии. «3 (7) важная Вина», что Синод есть лучшее нежели единоличное правительство, стр. 8.

¹⁰⁵ - См. проф. Н. Писарева. Домашний быт русских патриархов. Приложение XVII. Дневник дальних походов святейшего патриарха, стр. 156–164.

¹⁰⁶ - Мы не включаем сюда Белгородскую епархию, которая вдовствовала с 1692 г. до 1705 г. и Тамбовскую, прикрытую 23 августа 1700 г. государем, после привлечения к следствию Тамбовского епископа Игнатия, окончившемуся извержением его из сана за сочувствие раскольническим мнениям.

¹⁰⁷ - Напр. из «Синодика Казанского Архиерейского дома» известно, что Адриан поставлен был в митрополита Казанского 21 марта 1686 г., а приехал в Казань только 28 июля.

¹⁰⁸ - Верюжский. Афанасий, Архиепископ Холмогорский, стр. 510, 512, 514. В 1700 г., по кончине п. Адриана, в Москве были,

как о том доносил Петру I Стрешнев–Смоленский, Крутицкий и Вятский архиереи.

¹⁰⁹ - Даже в Исповедание новопоставляемого епископа входило клятвенное обещание: «Внегда позвати мя (тебе) великому господину отцу моему свят. патриарху Московскому и всему освященному собору, без всякого слова ехать на собор». Акты Историч. т. IV, №1 Чин поставления епископа.

¹¹⁰ - Описание документов и дел, хранящихся в Арх. Св. Синода. Т. I. № 633/20. Чин и устав на избрание епископа. 681–683.

¹¹¹ - То были: 1) Корнилий, м. Новгородский, 2) Маркелл, м. Псковский, 3) Евфимий, м. Сарский, 4) Авраамий, м. Рязанский, 5) Иларион, м. Суздальский, 6) Гавриил Вологодский, 7) Сергей Тверской, 8) Никита Коломенский и 9) Питирим Тамбовский. Описание Киево–Соф. собора. Настольная грамота от п. Адриана м. Варлааму от 26 сент. 1691 г. (1690) стр. 136.

¹¹² - Настольная п. Адриана грамота архим. Сампсону на Астраханскую митрополию. «Астраханская епархия», вып. I, прот. Саввинского. Прилож. 3, стр. 399; Рязанские достопамятности архим. Иеронима 1889 г. §315. Из настольной преосвященного Стефана грамоты, стр. 115.

¹¹³ - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 397.

¹¹⁴ - Амвросия. История русской иерархии ч. 1.

¹¹⁵ - В то время за скудостью материальных средств в епархиях, даже в митрополичьих, невозможно было иметь викарных епископов, которые бы могли заменять митрополитов и архиепископов во время их проживания в столице.

¹¹⁶ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1226.

¹¹⁷ - Правосл. Обзорение 1863 г. т. 10, стр. 246–252. Русские выходцы из заграничных школ в XVII ст.– Петр Артемьев.

¹¹⁸ - П. С. 3. т. III, №№ 1351, 1388.

¹¹⁹ - Православное Обзорение 1863 г. т. 10, стр. 250.

¹²⁰ - Цветаев. Из истории иностранных исповеданий, 427–428.

¹²¹ - Прав. Обзорение 1863 г. т. 10, стр. 254–255.

- ¹²² - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1223–1224.
- ¹²³ - Соловьев. История России. Книга 3, стр. 1224.
- ¹²⁴ - О переводе отца Артемьева из Суздаля в Москву хлопотали в это время друзья ренегата дьякона.
- ¹²⁵ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1225. Как иезуиты могли наэлектризовать в духе Лойолы московского дьякона!
- ¹²⁶ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1225–1226.
- ¹²⁷ - Описание Славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Прот. Горского и Невоструева, отд. втор. № 310. Щит веры, л. 1237, стр. 526.
- ¹²⁸ - Рукоп. Московской Синод. библиотеки № 393. Следственное дело о Петре Артемьеве. Верюжский, Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 520; Амвросий. История Российской иерархии, стр. 272.
- ¹²⁹ - Из документов Архангельской дух. Семинарии, связка 11. Верюжский. Афанасий Холмогорский, стр. 520.
- ¹³⁰ - Верюжский, Афанасий, архиеп. Холмогорский, его. Синод, библ. рук. № 393, лл. 20 об. – 22 об.
- ¹³¹ - Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 521. Патриаршая грамота от 5 июля 1706 г. Из документов Арханг. дух. Семинарии, связка 11.
- ¹³² - Подробности у Верюжского, стр. 521–523.
- ¹³³ - Прав. Обзорение 1863 г. т. 10, стр. 269–270.
- ¹³⁴ - Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 523.
- ¹³⁵ - Описание славянских рукописей Моск. Синод, библиотеки № 310, л. 130 (Соборное деяние, стр. 528). Амвросий. Ист. Российской иерархии. Ч. I, стр. 272. Книга III о соборах. – Московский XXXIV.
- ¹³⁶ - Описание славянских рукописей Моск. Синод. библиотеки № 310, л. 1305. – Из Щита Веры, стр. 528.
- ¹³⁷ - Памятники древней письменности 1879 г. Вып. III.
- ¹³⁸ - Там же.
- ¹³⁹ - Там же.

¹⁴⁰ - Наказная грамота от 14 дек.1694 г. Илариона, м. Суздальского, Флорищевой пустыни о монастырском управлении и грамота Евфимия, м. Новгородского, от авг. 1695 г., протопопу Афанасьеву. А. А. Э. т. IV. №№ 311 и 312.

¹⁴¹ - Памятники древней письменности 1679 г. Вып. III.

¹⁴² - Афанасий архиеп. Холмогорский, посылая в октябре 1696 г. грамоту в Соловецкий монастырь не руководился советом п. Адриана «воздержаться распри», он не утерпел снова перечислить все пребеззакония и богомерзкие дела соловецких иноков и согласно распоряжению патриарха требовал к себе на суд всех, кто (на будущее время) «явится в смертном убийстве или в иных каких смертных винах»... – Известен еще факт осторожности п. Адриана по вопросу о канонизации святых и открытии мощей. Тот же (Афанасий архиеп. Холмогорский в 1691 г. просил у п. Адриана разрешения на канонизацию почитаемых в поморском крае препод. Иоанна и Лонгина Яренгских. Вместе с тем у него было намерение перенести мощи этих угодников из Яренги Архангельского уезда во вновь устроенный им в Холмогорах Преображенский каменный собор. В июне того же 1691 года Афанасий послал патриарху службу, составленную Иоанну и Лонгину, и описание чудес происшедших у их раки. Но патриарх отнесся к предложению преосвященного Афанасия совершенно отрицательно – на том основании, что «писание об Иоанне и Лонгине правде слагается мало». П. Адриан в письме Афанасию от июля 1691 г. подвергал сомнению и самый факт нетления их мощей. Неизвестно, говорил еще патриарх, действительно ли это мощи Иоанна и Лонгина «Святити таковая и древле несть уже в церковной нужде, ныне же наипаче. К сему и церковью вновь святити мощи не повелевается». Поэтому и иконы им «писати не подобает и чудотворцами звати не почему». Если же справедлив рассказ, передаваемый в их житии, что будто бы сами они велели положить свои мощи в Яренгской церкви «тогда будут последняя, – заключал патриарх, – в том месте и впредь» (В. Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 387). Патриархом в этом случае руководил здравый смысл. Особенно обращают на себя внимание его

замечание: «Святити таковые и древле несть уже в церковной нужде, ныне же наипаче». Патриарх осторожен. Время было опасное для церкви. Протестантские веяния уже сказывались на русском обществе. П. Адриан не желал давать повода для споров в церкви, действительны ли эти мощи и святые ли Иоанн и Лонгин? Чем могли воспользоваться в целях глумления над православием и над прочими мощами русских святых. Но такая боязнь п. Адриана свидетельствовала, с другой стороны, что церковь Русская при п. Адриане стала терять воинствующее настроение ко всем инославным исповеданиям и замыкаться в круг идей греко-российского православия без проявления боевого, воинствующего настроения, каким отличалось время п. Иоакима.

¹⁴³ - В. Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 111.

¹⁴⁴ - Архив Юго-Зап. России т. V. Письма 204–206, стр. 238–345.

¹⁴⁵ - Устрялов. История царствов. Петра Великого т. 3. Прилож. № 53–№ 67.

¹⁴⁶ - Правда, здесь нужно принять во внимание привилегированность киевского митрополита, но п. Иоаким поступил бы несколько иначе...

¹⁴⁷ - Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 518; Моск. Синод. Библ. № 1529.

¹⁴⁸ - Подробности см. ниже в главе об отношении п. Адриана к южно-русской церкви.

¹⁴⁹ - Акты Истор. XII, № 95; Русские епархии в XVI и XVII в. Проф. И. М. Покровского т. I, стр. 382; Протоиерей Саввинский. Астраханская Епархия вып. I, стр. 44–45.

¹⁵⁰ - Саввинский, стр. 46.

¹⁵¹ - Паисий состоял казначеем в П. Казенном Приказе с 1687 г. до 25 дек. 1694 г. Шимко. П. Казенный Приказ, стр. 13.

¹⁵² - Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 309–310; Примеч. 147.

¹⁵³ - Что Паисий пользовался особенным расположением и доверием п. Адриана видно из того, что когда Паисий в декабре

1694 г. скончался, то патриарх сам отпел его в Москве и, как душеприкащик Паисия, свято исполнил последнюю волю его, отправив тело для погребения в Сийском монастыре Афанасием Холмогорским. В феврале 1695 г. «в поминовение» по душе Паисия и на память о нем патриарх послал преосв. Афанасию «кафтан теплый объяринной, объярь вишневая, испод белой череvei, братину серебряную, чеканную с кровлей, на оба лица золоченну, две ложки серебряные с чернью». «Ты же, прибавлял п. Адриан в своей грамоте архиеп. Афанасию, прияв сие, о душе его усердствуй» Арх. Губ. Вед. 1879 г. № 22; Верюжский, стр. 311.

¹⁵⁴ - Описание славянских рукописей Моск. Синод, библиотеки. Прот. А. Горского и К. Невоструева. Предисловие, стр. VII.

¹⁵⁵ - Памятники Древней Письменности. Вып. IV, 1879 г. Книгохранилище Чудова монастыря №№ 300–302. Сочинения Кариона Истомина, стр. 187.

¹⁵⁶ - Православно–Богословская энциклопедия. Карион Истомин.

¹⁵⁷ - Рункевич. Учреждение Свят. Правит. Синода стр. 26. Г. А., Кабинет II, № 1, л. 52. Донесение Возницына.

¹⁵⁸ - Рункевич, Учреждение Св. Правит. Синода, стр. 28. Примечание. Донесение Курбатова от 25 окт. 1700 г. Г. А., Кабинет II, № 1, л. 108.

¹⁵⁹ - Христианское Чтение 1891 г. № 5–6, стр. 518. Прот. П. Ф. Николаевский. «Архидиакон Московского патриарха Адриана».

¹⁶⁰ - Нельзя не обратить внимание на то, что даже лица, окружившие п. Адриана, были большею частью подобраны и выдвинуты предшественником его п. Иоакимом, и здесь мы видим отсутствие резких проявлений индивидуальности в п. Адриане, ни в чем не заявившем свою исключительно ему принадлежащую инициативу. Все шло тем ходом и в тех условиях, что при его предшественниках.

¹⁶¹ - Христ. Чт. 1891 г. № 5–6, стр. 522.

¹⁶² - Рункевич. Учреждение Свят. Правит. Синода, стр. 27.
прим. 1. Донесение Курбатова.

¹⁶³ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 207–208.
Челобитная попов Соловецкого монастыря п. Никону в 1658 году.

¹⁶⁴ - Описание документов и дел хранящ. в Архиве Св. Синода т. I. № 633/20. Чин и устав на избрание епископа 681–683.

¹⁶⁵ - Устрялов. История царствования Петра Великого т. 3. Приложение VII, № 61, стр. 535–536.

¹⁶⁶ - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1361–1362.

¹⁶⁷ - Устрялов, т. 3. Приложение VII, № 67, стр. 539–540;
Рязанские достопамятности архим. Иеронима 1889 г. § 315. Из
настольной грамоты преосвященного Стефана.

¹⁶⁸ - Устрялов. История царствования Петра Великого т. 3.
Приложение VII, № 37. Письмо Адриана Стрешневу 13 июля
1699 года, стр. 500–501.

¹⁶⁹ - Иером. Амвросий. История российской иерархии. Ч. I.
Трифиллий переведен 23 июля 1699 г. в Москву из Нижнего
Новгорода; 28 июня 1701 г. скончался; Иером. Леонид. История
церкви в пределах нынеш. Калуж. губ. стр. 107–108; Макарий,
архив. История нижегородской иерархии, стр. 24–25,

¹⁷⁰ - Рязанские достопамятности. Архим. Иеронима § 312.

¹⁷¹ - Проф. И. М. Покровский. Русские епархии XVI и XVII в.
т. I, стр. 377.

¹⁷² - Перов. Епархиальные учреждены в Русской церкви в
XVI в. Прилож. № 11, стр. 205. Грамота п. Адриана м.
Авраамия.

¹⁷³ - В Рязанских Достопамятностях есть свидетельство
дружбы между п. Адрианом и м. Авраамием. Так м. Авраамий
послал однажды п. Адриану в дар книгу священного
содержания.

¹⁷⁴ - П. Адриан находился в дружественно–доверительных
отношениях с архиеп. Афанасием, за что говорят письма
патриарха к преосвященному Холмогорскому и обратно.

¹⁷⁵ - Арханг. Губ. Ведомости 1872 г. № 41.

¹⁷⁶ - Там же, № 43. Верюжский в своем исследовании Афанасий архиеп. Холмогорский – «некоторое раболепие и подобострастие» Афанасия считает «чертой, можно сказать, общей для того времени». Стр. 573.

¹⁷⁷ - «А преж сего изволение твое было ведать (по смерти патриарха «соборную церковь») Холмогорскому владыке, только по него не послано», – писал Стрешнев по поводу кончины п. Адриана. Г. А. Кабинот II, № 1, л. 164. Рункевич. Учрежд. Св. Синода, стр. 25.

¹⁷⁸ - Причем надо заметить, «обыскивали» (искали) его духовные лица по московским «сорокам» по указу п. Адриана. Историч. Вестник т. ХС. С. Введенский. Епископ Игнатий, 1902 г. стр. 637.

¹⁷⁹ - По дневнику Куракина: «Всем коллежием духовным того учинити воспретили». Там же, стр. 638.

¹⁸⁰ - Соловьев История России. Кн. 4, стр. 17–18.

¹⁸¹ - Историч. Вестник 1902 г. т. ХС. С. Введенский. Епископ Игнатий, стр. 641. «Лета 7226 (1718) марта 26, преставися раб Божий Преосв. Епископ Игнатий Тонбовский», высечено на могильной плите растриженного, ссыльного епископа Игнатия.

¹⁸² - Соловьев. История России. Кн. 3, стр. 1203–1204.

¹⁸³ - Соловьев. История России. Кн. 4, стр. 18–21, 182, 269–274.

¹⁸⁴ - Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 3. Приложение VII, № 61, стр. 536–537.

¹⁸⁵ - И. Покровский. Русские Епархии в XVI и XVII вв. т. I. стр. 533.

¹⁸⁶ - Не домогался ли м. Игнатий сам какой-либо кафедры в Европ. России, вроде Рязанской, и не получив удовлетворения, так поносил собор «архиереев, сшедшихся в крестовую палату на наречение архиерея» (Яворского), не желал ли он быть конкурентом игумену Стефану на Рязанскую кафедру, и не ему ли принадлежат обвинения Стефана Яворского. (Смотри выше 3 вину объяснения Яворского).

¹⁸⁷ - П. С. З. т. III, № 1541. В 1696 г. По именному указу Государя м. Игнатию, хотя и дано было царское жалованье деньгами и товарами, но в просьбе его о пожаловании ему слободы Ницынской отказано. В 1698 г. послана Царская грамота Верхоторскому воеводе Димитрию Протасьеву о притеснениях Сибирских городовых и уездных людей митрополичьими десятинниками. Констатируется факт притеснений, но в грамоте нет конца с определением, что же нужно делать в данном случае? А. И. т. V, № 273.

¹⁸⁸ - Содержание главных документов по этому делу находится в рукописном сборнике от 1700 г. марта месяца, носящем заглавие: «Икона или изображение великие Соборные церкви всероссийского и всех северных стран патриарша престола приключившихся дел в разные времена и лета», – «писанная при св. патриархах Кир Иоакиме и Кир Адриане Московских». См. Архив Юго–Западной России, т. V.

¹⁸⁹ - Письма Досифея, п. Иерусалимского к Иоакиму, п. Московскому с суровым осуждением за стремление Иоакима подчинить себе Киевскую митрополию. 1686 г. апреля.... Арх. Юго–Зап. России. т. V, стр. 142–146.

¹⁹⁰ - Архив Юго–Западной России, т. V, стр. 37–42. Письма патр. Иоакима Гетману Самойловичу, с увещанием заботиться о избрании митрополита Киеву 1683 г. сент. 4 и 1684 г. окт. 31.

¹⁹¹ - Там же, стр. 50–51. Письмо гетмана Самойловича к патр. Иоакиму от января 1685 г.

¹⁹² - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 43–44. Письмо Гедеона Четвертинского к п. Иоакиму. 1684 ноября 24.

¹⁹³ - Там же, стр. 44 – 46. Письмо п. Иоакима к Гедеону с изъявлением сочувствия ему и посылкой 10 рублей.

¹⁹⁴ - Подробности смотр. в «Исследовании о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату». С. Терновского, стр. 92–102.

¹⁹⁵ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 55–61. Письмо Авраамия, м. Белгородского, к п. Иоакиму 8 авг. 1685 г. со списками с листов, поданных гетману участниками Киевского собора.

¹⁹⁶ - Киевские Епарх. Ведом. 1865 г. № 7, стр. 270; Исследование С. А. Терновского, стр. 103. Подробности в «Письме м. Авраамия», стр. 60–61. Архив Юго–Зап. России, т. V, и «Исследование» С. А. Терновского, стр. 103–115.

¹⁹⁷ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 62–71. Письма Гетмана Самойловича к п. Иоакиму, июля 20, 1685 г.; и царям Иоанну Алексеевичу и Петру А. от того же числа и года.

¹⁹⁸ - Там же, стр. 80–83. Письма Гедеона Четвертинского, еписк. Луцкого п. Иоакиму и государям в июле 1685 г.

¹⁹⁹ - Письма п. Иоакима Гедеону Четвертинскому, гетману Самойловичу в сентябре 1685 г. и выписка из летописцев о митрополитах Российских. Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 84–93.

²⁰⁰ - М. Евгения. Описание Киево–Соф. собора. Прилож. № 18, стр. 82–87; Исследование о подчинении Киевской митрополии Моск. патр. С. А. Терновского, стр. 121.

²⁰¹ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 102–104. Исповедание, произнесенное Гедеоном Четвертинским 8 ноября 1685 г.

²⁰² - Евгения. Описание Киево–Соф. собора. Прилож. № XIX, стр. 87–95 и № XX, стр. 95–103; Исследов. С. Терновского, стр. 122–125.

²⁰³ - Архив юго–зап. России, т. V, стр. 57. Список с листов, поданных гетману, статья 3.

²⁰⁴ - Архив Юго–Зап. России, т. V. Письма и грамоты Дионисия, п. Константинопольского в Москву и Малороссию разным лицам с №№ 39–46, стр. 166–191. Досифей п. Иерусалимский «приискал в правилах, что вольно всякому архиерею отпустить из своей епархии к другому архиерею»... и с своей стороны дал утвердительные грамоты. Исследование о подчинении Киевской митрополии Моск. патриархату. С. Терновского, стр. 141–142.

²⁰⁵ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 191–193. Письмо Дионисия п. Иоакиму.

²⁰⁶ - Там же, стр. 193–200. Письмо п. Иоакима Дионисию.

²⁰⁷ - Исследование С. Терновского, 147–149.

²⁰⁸ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 246–250. Письмо Лазаря Барановича п. Иоакиму 1688 г. 7 марта.

²⁰⁹ - Там же, стр. 259–260. Письмо п. Иоакима Варлааму Ясинскому, архим. Киево–Печ. Лавры 1688 г. июля 9.

²¹⁰ - Там же, стр. 273–276. Письмо Иосифа Шумлянського, епископа Львовского п. Иоакиму; 24 мая 1689 г.

²¹¹ - Грамота Великих Государей о том, что права южно–русской церкви после присоединения ее к Моск. патр. не будут нарушены; 1685 г. сент. Архив Юго–Зап. России, т. 5, стр. 97.

²¹² - Грамота Царей... утверждающая непосредственное подчинение Черниговской архиепископии московскому патриарху 1688 г. июня 24. Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 250–257.

²¹³ - Там же. Письма п. Иоакима Варлааму Ясинскому и Гedeону Четвертинскому от 1688 г. 9 июня, стр. 259–262. М. Евгения. Описание Киево–Печер. лавры, прилож. №№ 21 и 24, стр. 65–77; 81–92.

²¹⁴ - Грамота патр. Иоакима от 28 февр. 1687 г. Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 446.

²¹⁵ - Письмо п. Иоакима Шумлянскому от 22 апр. 1689 г. Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 280–293.

²¹⁶ - М. Евгения. Описание Киево–Соф. собора, стр. 205. Исследование С. Терновского, стр. 165.

²¹⁷ - Там же, стр. 201. Исследование С. Терновского, 166 стр.

²¹⁸ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 244–246; 262–268. Письма Иоакима, п. Московского Четвертинскому и Барановичу о Флорентийском соборе и проч. от 1688 г.

²¹⁹ - Описание Киево–Софийского собора и Киевской иерархии. Настольная грамота от п. Адриана, данная преосвящ. Варлааму Ясинскому о посвящении его в митрополиты Киевские сент. 26, 1691 г. стр. 136–141.

²²⁰ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 302–305. Письмо м. Варлаама п. Адриану в 1691 г.

²²¹ - Там же, стр. 306–309. Письмо м. Варлаама п. Адриану в 1691 году.

²²² - Там же, стр. 385–391. Письмо м. Варлаама п. Адриану от 1 июня 1693 г.

²²³ - Там же, стр. 318–319. Письмо м. Варлаама п. Адриану с собственноручной припиской в 1691 г.

²²⁴ - Там же, стр. 338–342. Письмо м. Варлаама п. Адриану в 1691 г.

²²⁵ - Устрялов. История царствования Петра В. т. 3, приложение стр. 531, № 53. Письмо м. Варлаама п. Адриану в январе 1700 г.

²²⁶ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 327–330. Письмо п. Адриана м. Варлааму в окт. 1691 г.

²²⁷ - Там же, стр. 310–311; Памятники изданные временной комиссией для разбора древних актов, т. II–ой, стр. 286–324 – (Грамота Моск. Государей Киево–бр. училищу). Аскоченский. Киев с академией ч. I, стр. 257/

²²⁸ - Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 3; приложение № 67. Письмо п. Адриана м. Варлааму от 8 апреля 1700 г. стр. 539–540

²²⁹ - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 339–340. Письмо м. Варлаама п. Адриану в 1691 г.

²³⁰ - Там же.

²³¹ - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 343–345. Письмо п. Адриана архим. Феодосию в 1692 г.

²³² - Письмо п. Адриана м. Варлааму Ясинскому с различными наставлениями относительно управления митрополиею, января 1694 г. Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 391–394.

²³³ - Там же.

²³⁴ - Письмо п. Адриана м. Варлааму с ответом на его вопросы, окт. 1691 г. Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 327– 330.

²³⁵ - Письмо п. Досифея п. Адриану в марте 1691 г. Юго–Зап. архив стр. 449 (№ 289).

²³⁶ - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 367–371.

²³⁷ - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 385–391. Письмо м. Варлаама п. Адриану от 1 июня 1693 г.

²³⁸ - Там же, стр. 391–394. Письмо и. Адриана м. Варлааму в январе 1694 г.

²³⁹ - Об этом еще в 1691 г. писал п. Адриану Иерусалимский п. Досифей: «Приходят к казакам из Греции архиереи и посвящают за одной обедней по несколько человек». П. Досифей укорял за то, что не возбраняют сего русские. Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 449, № 289.

²⁴⁰ - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 406–409. Письмо п. Адриана м. Варлааму в дек. 1694 г.

²⁴¹ - Там же, стр. 409–411. Письмо и. Адриана гетману Мазепе.

²⁴² - Архив Юго–Зап. России т. V, стр. 411–415. Письмо м. Варлаама п. Адриану от 7 февраля 1695 г.

²⁴³ - Там же, стр. 423–425. Письмо гетмана Мазепы п. Адриану от 9 марта 1695 г.

²⁴⁴ - Там же, стр. 425–427. Письмо п. Адриана м. Варлааму Ясинскому от 28 мая 1695 г. и гетману Мазепе в 1695 г. стр. 425–428.

²⁴⁵ - Асоченский. Киев с Академией, ч. II, стр. 536. В исследовании Асоченского дело восстановления Переяславской кафедры расходится с документами «Иконы». Иоасаф Кроковский, по «Иконе» был кандидатом на переяславскую кафедру в коадьюторы м. Варлааму, тогда как Асоченский приписывает п. Адриану, что он не желал ставить м. Варлааму другого коадьютора, когда уже таким считался епископ переяславский. Какой это переяславский епископ, когда еще кафедра не была восстановлена и самое дело Кроковского было одновременно и делом восстановления Переяславской кафедры?

²⁴⁶ - Устрялов. История царствования Петра В. т. 3. Прилож. № 53, стр. 531. Письмо м. Варлаама п. Адриану в январе 1700 г.

²⁴⁷ - Там же. Прилож. № 67, стр. 539–540. Письмо п. Адриана м. Варлааму от 8 апр. 1700 г.

- ²⁴⁸ - Аскоченский. Киев с Академией. Ч. I, стр. 215–216.
Амбросий. История Рос. иерархии, ч. I, стр. 171.
- ²⁴⁹ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 294–296. Письмо Паисия к собору митрополитов, созванному в Москве.
- ²⁵⁰ - Евгений. Описание Киево–Печерской Лавры, стр. 119.
- ²⁵¹ - Архив Юго –Зап. России, т. V, стр. 296–298. Письма патр. Адриана гетману Мазепе в декабре 1690 г.
- ²⁵² - Там же, стр. 311–314. Письмо Паисия п. Адриану в сент. 1691 г.
- ²⁵³ - Там же, стр. 314–317. Письмо Мелетия Вояхевича п. Адриана в 1691 г.
- ²⁵⁴ - Там же, стр. 317–319. Письмо м. Варлаама п. Адриану в 1691 году.
- ²⁵⁵ - Там же, стр. 323–329. Письма п. Адриана Паисию, Мелетию Вояхевичу и м. Варлааму в окт. 1691 года.
- ²⁵⁶ - Там же, стр. 334–336. Письмо Паисия п. Адриану в январе 1692 года.
- ²⁵⁷ - Там же, стр. 364–367. Письмо Вояхевича п. Адриану в январе 1693 г.
- ²⁵⁸ - Там же, стр. 380–381. Письмо п. Адриана Мелетию Вояхевичу от 11 февраля 1693 г.
- ²⁵⁹ - Там же, стр. 373–380. Утвердительная грамота п. Адриана Мелетию Вояхевичу на звание архимандрита Киево–Печерской Лавры от 20 февраля 1693 г.
- ²⁶⁰ - Евгений. Описание Киево–Печерской Лавры, стр. 126.
- ²⁶¹ - Мы не исключаем, конечно, мысли, что преданность означенных лиц подогревалась как их прямыми выгодами от доброго отношения к московскому патриарху, так и постепенно усиливавшейся политической властью Москвы над Малороссией, с ослаблением Польши от внутренних беспорядков,
- ²⁶² - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 280–284. Письмо п. Иоакима архим. Киево–Печ. Лавры Варлааму Ясинскому в 1689 г.
- ²⁶³ - Там же.

²⁶⁴ - Там же, стр. 358–360. Письмо п. Адриана Мелетию Вояхевичу от 18 ноября 1692 г.

²⁶⁵ - Там же, 360–364. Письмо Мелетия Вуяхевича п. Адриану от 17 декабря 1692 г.

²⁶⁶ - Там же стр. 371–373. Письмо п. Адриана Мелетию Вуяхевичу от 20 февраля 1693 г.

²⁶⁷ - Там же, стр. 415–417. Письмо м. Варлаама п. Адриану в 1695 году.

²⁶⁸ - С. Терновский. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату, стр. 164 в примечании.

²⁶⁹ - Сочинения св. Дмитрия, том 1, стр. 493–494 (Диариуш).

²⁷⁰ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 415–423. Письма м. Варлаама, гетмана Мазепы, архим. Мелетия и архим. Дмитрия п. Адриану в 1695 г.

²⁷¹ - Там же, стр. 428–433. Письма патр. Адриана м. Варлааму, архим. Мелетию и гетману Мазепе в 1695 г.

²⁷² - Там же, стр. 433–436. Письма п. Адриана Димитрию, архимандриту Глуховского монастыря в 1695 г.

²⁷³ - Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, т. II, стр. 286–316. Асоченский. Киев с Академией. Ч. 1. стр. 256.

²⁷⁴ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 309–310. Письмо патр. Адриана м. Варлааму в сент. 1691 г.

²⁷⁵ - Памятники изданные временной комиссией для разбора древних актов, т. II–й, стр. 317–324. Асоченский. Киев с Академией. Ч. 1, стр. 257. Описание Киево–Софийского собора и Киевской иерархии, № 41. Краткое сведение о начале Киевской академии, стр. 216–217.

²⁷⁶ - Архива Юго–Зап. России, т. V, стр. 311. Письмо п. Адриана гетману Мазепе от сент. 1691 г.

²⁷⁷ - Асоченский. Киев с Академией. Ч. 1, стр. 258.

²⁷⁸ - Асоченский. Киев с Академией. Ч. 1, стр. 258.

²⁷⁹ - Асоченский. Киев с Академией. Ч. 1, стр. 292–293. Всех видных церковных деятелей, вышедших из Коллегии за это время, Асоченский насчитывает до 22. Стр. 293–316.

²⁸⁰ - Архив Юго–Зап. России, т. V. стр. 319–322. Письмо Лазаря Барановича п. Адриану в окт. 1691 г.

²⁸¹ - Архив Юго–Зап. России, т. V, стр. 332– 333. Грамота патр.Адриана Феодосию Углицкому, утверждающая его помощником Лазарю Барановичу, в Ноябре 1691 г.

²⁸² - Там же, стр. 348–351. Письма гетмана Мазепы и Лазаря Барановича п. Адриану в 1692 г.

²⁸³ - Там же стр. 381–382.

²⁸⁴ - Там же, стр. 356–358. Письма п. Адриана гетману Мазепе и Лазарю, архиеп. Черниговскому от 15 ноября 1692 г.

²⁸⁵ - Архив Юго–Зап. России. т. V, стр. 343–345. Письмо патр. Адриана Феодосию Углицкому.

²⁸⁶ - Там же, стр. 395–403. Грамота п. Адриана, утверждающая Феодосия Углицкого в звании архиепископа Черниговского, в январе 1694 года.

²⁸⁷ - Там же, стр. 436– 437. Ход дела о поставлении в архиепископа Черниговского Иоанна Максимовича.

²⁸⁸ - В церковно–исторической литературе имеются обстоятельные исследования как о всех патриарших приказах вообще – в трудах напр. Н. Каптерева: «Светские архиерейские чиновники в древней Руси» и И. Перова: «Епархиальные учреждения в Русской церкви в XVI и XVII веках», так и по отдельности о Казенном и Дворцовом Приказах – в трудах И. Шимко: «Патриарший Казенный Приказ» и М. Горчакова: «О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода». Нет отдельного исследования только о п. Разряде, история которого, по замечанию Шимко, могла бы представить один из самых важных и интересных отделов в истории п. управления, как по обширности и разнообразию предметов ведомства, так и по связи Разряда со всеми органами и должностными лицами в патриаршей администрации. Другой еще более широкий интерес история Разряда представляет для изображения общецерковной жизни XVII в., потому что здесь, в личной канцелярии патриарха, сосредоточивались все общецерковные дела, подлежавшие ведению патриарха, как главы русской духовной иерархии» (И.

Шимко. Патр. Каз. Приказ, стр. 211, прим. 441). Но к несчастью для исторической науки архив п. Разряда подвергся уничтожению в пожаре 1701 года, почему история Разряда и может быть представлена, как напр. Каптеревым, в основных чертах. Отсутствие архива п. Разряда лишает историков возможности представить картину церковной жизни патриаршей епархии и не дает достаточного материала для характеристики практических отношений патриархов московских, в частности п. Адриана, к своей епархиальной пастве в различных чисто церковных делах. В «Отчете занятий в 1901–1902 учеб. году профессорского стипендиата по кафедре Истории Русской церкви Казанской духовной академии» Н. Н. Писарева, пересмотревшего Московские архивы Министерства Юстиции и Императорского Двора или Оружейной Палаты, приводятся копии с найденных им в этих архивах несколько новых документов, касающихся п. Разряда. Но отмеченные в отчете архивные сведения, по замечанию Н. Н. Писарева, «не могут дать полного представления о п. Разряде, как известном юридическом учреждении; они дают только новые подтверждения уже принятым исторической наукой общим положениям, что судебной юрисдикции п. Разряда подлежали и духовные и светские лица в преступлениях против православной веры, церковной дисциплины и христианской нравственности; частнее говоря, разбирательству п. Разряда между прочим принадлежали и следующие гражданские и уголовные дела светских лиц: о духовных завещаниях, о защите лиц притесняемых, о неправильном усвоении чужого имущества, о преступлениях против личности ближнего» (Отчет занятий – Н. Н. Писарева). – Юрисдикция п. Разряда к концу XVII века была определена самим Петром Великим, если считать достоверным неизвестно откуда взятое известие биографа п. Адриана Н. А. А., что царь Петр В. по рассмотрении статей о святительском суде вручил патриарху Адриану за своим подписанием следующие пункты: 1. Весь церковный суд производит Церкви, т. е. патриарху решать все дела брачные, наследственные, еретические, и все сомнительные между клиром, а епископа или митрополита судить собором. 2.

Церковному суду иметь надзор не только над клиром и монастырями, но и над всеми отчинами и служебными людьми, принадлежащими монастырям и кафедрам. Почему никакой повинности не возлагать на них боярам, ниже царю, и не касаться их, даже для ловли звериной.3. Дела уголовные, татьбу, разбой и убийство рассматривать судом гражданским и между клиром, впрочем, по отношению к церковной расправе.4. Нарушителей тишины в храмах при богослужении подвергать уголовной казни: кто из духовных будет искать суда у бояр, того лишать сана, а дела исследовать патриаршему Разряду.5. В Разряде так, как и при некоторых домах архиерейских в духовном приказе быть одному архимандриту, одному келарю и патриаршему боярину.6. Весь церковный причт иноков и инокинь или весь освященный чин (ведать) только освященным лицам, а мирских и всякого чина людей патр. боярину с дьяками; в случае же жалобы с обеих сторон, судить всем совокупно» (Чтение в Обществе истории и древностей 1848 г. № 8, Н. А. А. Патриарх Адриан, стр. 31).

²⁸⁹ - Как видно это в грамоте патр. Адриана Афанасию, архиепископу Холмогорскому, от марта 1694 г., с приложением наказных статей об епархиальном управлении, как ответе на просьбу Афанасия сообщить «чин и расположение всяких судимых дел, духовных и земляных, и пошлин по духовным и с зауморных животов, и с грамот и с памятей и всяко елико имать управления христианского жительствова и с новых патриарших уставов и повелений и каковым чином и образом всякие приказные приходы делятся приказным чиновным человеком и подьячим или архиерею». Акты Археографич. Экспедиции т. IV (1645–1700 г.) № 309, стр. 457.

²⁹⁰ - Инструкция старостам поповским отпечатана: а) в Полном Собрании Законов, т. III, изд. 1830 г. под № 1612 от 26 дек. 7206 (1698 г.), дана на имя архимандрита Рождественского монастыря, во Владимире, Иосифа; б) во «Временнике Императорского Московского Общества Истории и древностей Российских. Книга XI смесь. Москва 1851 г.; в) в Древней Российской Вивлиофике, часть XV, Москва 1790 г., стр. 373–405;

дана на имя протопопа Богородицкого собора, в г. Яропольске, Льва оот 7207 (1699 г.) июля 25 дня.

²⁹¹ - И. Шимко. П. Казенный Приказ, стр. 32.

²⁹² - П. С. 3. т. 3, № 1612; Временник Импер. Моск. Общ. Ист. и древностей Рос. Книга XI. Смесь. Древн. Российская Вивлиофика, часть XV, стр. 373–405.

²⁹³ - «Господа священноначальницы, – говорил он, – неблагословно надсматриваете верными людьми... Святителям достоин пасти церковь священниками благоразумными, а не мирским воинством!»

²⁹⁴ - Как известно из Описания документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода, т. I. «Сказки и именные исповедные росписи» подавались священнослужителями – епархиальным архиереям, напр, от 1690 г. и 1693 г., по указу Корнилия Новгородского, священнослужителями Бежецкой пятины Чудинского погоста, Новгородских пятин и одного монастыря; от 1697 г. «Сказки Коломенского погоста села Леонтьева, Михайловского погоста Сеглинского погоста».

²⁹⁵ - И. Шимко. П. Казенный Приказ, стр. 19. Книга Каз. Прик. 131, лл. 146, 102, 105 об.

²⁹⁶ - Там же, стр. 18.

²⁹⁷ - Там же, стр. 12. Расширение деятельности Казенного Приказа отмечается и самим Казенным Приказом в докладе местоблюстителю Стефану Яворскому: «При св. патриархах и меж патриаршества в п. Казенном Приказе казенные и к тому всякия подлежащая дела управляли казначеи монахи, а умножения ради сборных дел при них казначеях монахах были дьяки». Там же, стр. 14. Забелин. Материалы, т. I, стр. 1192.

²⁹⁸ - Свящ. Горчаков. О земельных владениях, стр. 359. Прил. № 19, стр. 110; Каптерев. «Светские архиерейские чиновники», стр. 228–229.

²⁹⁹ - И. Шимко. Патриарший Казенный Приказ, стр. 29–30. Кн. Каз. Приказа 167, л. 551.

³⁰⁰ - Свящ. Горчаков. О земельных владениях, стр. 361. Прил. стр. 120.

³⁰¹ - Свящ. Горчаков. О земельных владениях, стр. 352. Прил. № 24, стр. 112–113. У нас нет данных судить об отношениях п. Адриана к начальникам и служащим п. Разряда. Из документов отчета занятий в 1901–1902 г. проф. стипендиата Н. Писарева видно, что в 1697 г. в Разряде было два начальника: светский – окольничий Михаил Иванович Глебов и «приказных дел старец» Стефан Лебедев и три дьяка Борис Остолопов, Лукин и Иван Тугаринов, а в 1699 г., в сентябре месяце, светским начальником был ближний стольник Иван Иванович Нарышкин, а судьей монах Иосиф Булгаков с дьяками Борисом Остолоповым и Иваном Тугариновым. Стефан Лебедев, как видно из «Грамоты п. Адриана от 11 дек. 1695 года (по новому счету с 1 января), присланной игумену Калуж. Лаврентьева монастыря Иосифу о выселении жителей г. Калуги с земли Калуж. Ильинской церкви (Калуж. Епарх. Вед. 1900 г. №11), был приказным духовных дел старцем и в 1695 г., а дьяк Борис Остолопов был на службе у Адриана еще, когда он занимал кафедру митрополита Казанского. (В книге II Описания Москов. Архива Мин. Юстиции отмечено: Ст. 3.–1 Документ о служилых людях: 1–89, 92–104, 105 Указ дворянину Борису Ив. Остолопову «быть у расправных дел у Адриана, митрополита Казанского». Стр. 314). Не назначен ли был Иосиф Булгаков из дворецких в судьи п. Разряда после Стефана Лебедева, в виде повышения за свою усердную службу в Дворцовом Приказе? Тогда факт назначения Государем на место дворецкого от 23 окт. 1699 г. Матвея Григорьева Баскакова будет носить не тот совершенно характер, какой придан ему св. Горчаковым. См. ниже. Из таких данных можно судить, что и в п. Разряде служили лица, пользовавшиеся расположением и доверием п. Адриана (Лебедев, Булгаков, Остолопов, Тугаринов).

³⁰² - И. Забелин, т. I, стр. 1151–1152. Расходная книга кушаньям, подававшимся п. Адриану и разного чина людям с сент. 1698 г. по август 1699 г. И. Шимко. П. К. Приказ, стр. 25.

³⁰³ - И. Шимко. П. К. Приказ, стр. 26 (Кн. П. Каз. Пр. 173, л. 285). Впрочем, участливое отношение п. Адриана замечается не ко всем безразлично служащим. Лица нерадивые или неспособные, по отзыву начальника, к прохождению службы в

Приказах встречали со стороны патриарха заслуженное возмездие: удаление с места, лишение дохода и пр. Шимко, стр. 19.

³⁰⁴ - «Оброчные статьи» получались с пустых церковных участков, не имевших причта и даже церковного строения, часто находившихся до того в руках частных владельцев, но по распоряжению патриархов, приписанных к п. кафедре.

³⁰⁵ - Ключевский. Курс Русской Истории. Часть IV, стр. 18. Так, лучший из участников правительства кн. Б. А. Голицын «пил непрестанно» и, правя Казанским Дворцом почти неограниченно, разорил Поволжье. Другие правители: родственник Государя Лев Нарышкин и Тихон Стрешнев повели, по словам современника кн. Куракина, «правление весьма непорядочное», с обидами и судейскими неправдами; началось «мздоимство великое и кража государственная».

³⁰⁶ - Щапов. Земство и Раскол. Челобитные земских людей к государям XVII века.

³⁰⁷ - Св. Горчаков. О земельных владениях, стр. 380–387.

³⁰⁸ - Там же, стр. 389–390.

³⁰⁹ - Такое же льготное благоустроенное положение крестьян было и в землях «домовых патриарших монастырей» (только оброки и повинности шли в пользу не патриарха, а монастырской братии) и «патриарших дворян», ведавших своих крестьян управлением и судом и заменявших дворцовых приказчиков. Часто п. дворяне поступали в приказчики патриарших домовых вотчин. П. домовых монастырей к концу XVII ст. было 24 с разным количеством монахов от 3 до 80 ч. Там же, стр. 393–397. А п. дворян и детей боярских было 209 человек, поделенных п. Адрианом на восемь статей соответственно окладам поместьями. Самый высший оклад при п. Адриане – 500 четвертей (250 дес.), а низший – 100 ч. (50 десят.). Поместья переходили от отца к сыну по пожалованью патриарха. Там же, 400–410 стр. Прилож. № 17, стр. 100. Список п. Адриана дворянам и детей боярских в 1690 году.

³¹⁰ - Св. Горчаков. О земельных владениях, стр. 345. Прилож. № 86, стр. 158.

³¹¹ - Там же, стр. 429. Прилож. стр. 229.

³¹² - Ко времени п. Адриана относятся след. №№ расходных книг: № 137–1690 г.; № 143–1691 г.; № 147–1692 г., № 152–1693 г.; № 156–1694 г.; № 160–1695 г.; № 165–1696 г.; № 170–1697 г.; JN 173 –1698 г.; № 176–¹⁶⁹⁹/1700 г. И. Шимко. II. Казен. Приказ, стр. 216.

³¹³ - И. Шимко. II. Каз. Приказ, стр. 228. Кн. II. Каз. Прик. 137 лл. 336–381; кн. 143, лл. 362–366.

³¹⁴ - И. Забелин. История города Москвы. Ч. 1. Москва. 1902 г., стр. 510–512. Патриархии дом.

³¹⁵ - И. Шимко. II. Каз. Приказ, стр. 253–254.

³¹⁶ - Н. Писарев. Домашний быт патриархов, стр. 97–99.

³¹⁷ - Н. Писарев, стр. 101–102. У п. Адриана в библиотечке в последние годы находились следующие книги: 1) Книга Описание всего света (с печатными лицами); 2) Библия большая в лицах; 3) О седми тайнах и иные многие вещи приписаны и странник и о Иеросалиме; 4) О седми тайнах и иные вещи; 5) Книга Хрисмологион; 6) Книга степенная; 7) Книга зборица; 8) Книга Венец веры; 9) Книга Зерцало великое; 10) Книга степенная; 11) Книга Греческая – Поставление Иова патриарха письменная; 12) Книга немецкая в белой коже. Русский Архив 1864 г. – «Описание патриаршей библиотеки 1718 года №№ 788–799: книги, которые после св. Адриана патриарха отданы в ризницу».

³¹⁸ - Н. Писарев. История, причины домашнего быта и уклада жизни всероссийских патриархов, стр. 15.

³¹⁹ - В. Верюжский. Афанасий Архиеп. Холмогорский, стр. 667–668.

³²⁰ - Известно еще, что п. Адриан при самом вступлении на патриаршество в 1690 г. купил немецкую карету с тремя стекольчатыми окончиками и с 4 медными яблоками на верхних углах, покрытую черною кожею с золочеными гвоздями. И. Забелин. Ист. гор. Москвы, стр. 583.

³²¹ - Н. Писарев, Дом. быт р. патр. стр. 109, 70.

³²² - И. Забелин. Ист. гор. Москвы, стр. 529.

³²³ - И. Писарев. Домашний быт, стр. 111.

- 324 - Забелин. История гор. Москвы, стр. 524–526.
- 325 - Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Св. Синода т. I (1542–1721 г.) № ⁷⁴²/58 стр. 751–755 и XLV приложение. Забелин, стр. 533.
- 326 - Н. Писарев. Домашний быт патриархов, стр. 150.
- 327 - Роспись кушаньям св. п. Адриана за 1696–1699 гг. Н. Писарев, стр. 1718–180.
- 328 - Там же, стр. 180.
- 329 - Н. Н. Писарев. Домашний быт русских патриархов, стр. 233 и Приложение XVII. Дневник дальних походов свят. патриархов, стр. 156–164.
- 330 - Кроме своих походов, обычно в мае месяце п. Адриан выезжал в свою дачу в подмосковное село Троицкое Голенищево, а также любил в последнее время жить и в Перервинском монастыре под Москвой; в поход за ним отпускали наряд разного питья на угощение разных гостей и дворовых, и сельских слуг. Лично самому патриарху отпускались питья, всегда обозначаемые уменьшительными именами: пивцо, бражка, мешечек п. т. д. Забелин. Ист. гор. Москвы, стр. 571.
- 331 - И. Шимко. II. Каз. Приказ, стр. 245.
- 332 - Там же, стр. 254.
- 333 - И. Шимко. II. Каз. Приказ, стр. 254. Забелин. Материалы, т. I, 1080.
- 334 - Моск. Синод, библиот. № ⁹⁸/300. Черновые письма Кариона Истомина, л. 389; Верюжский. Афанасий, архиеп. Холмогорский, стр. 667.
- 335 - Московск. Синод, библиот. № ⁹⁹/301, л. 294–300. Черновые письма Кариона Истомина. Правосл. богосл. энциклопедия. Карион Истомин.
- 336 - И. Забелин. История города Москвы, стр. 584.
- 337 - Рункевич. Архиереи Петровской эпохи, изд. 1906 г. Письмо Возницына Петру I. Госуд. Архив Х, Кабин. II, № 1, лл. 52–53.
- 338 - И. Шимко. II. Каз. Приказ, стр. 204; Рункевич. Учреждение Св. Синода, стр. 27–28. Письмо Курбатова Петру I.

Госуд. Архив Х, Кабин. II, № 1, л. 108; Протоиер. Николаевский. Архидиакон Моск. патр. Адриана – Христ. Чтение 1891 г. № 5–6, стр. 518–522.

³³⁹ - И. Забелин. История города Москвы, стр. 583.

³⁴⁰ - Каптерев. Светские архиерейские чиновники, стр. 207.

³⁴¹ - П.. Адриан отступил от этого обычая и назначил своими душеприказчиками Тихона митр. Казанского и своего казначея Тихона Макарьевского, что, по замечанию Н. Писарева, «быть может объясняется ослаблением к концу XVII в. прежде бывшей тесной нравственной связи и дружбы между представителями власти гражданской и духовной». Н. Писарев. Дом. быт рус. патр. стр. 272.

³⁴² - Св. Горчаков. О земельных владениях... стр. 350. Указ Книги Двор. Прик. № 80. Прилож. № 29, стр. 116. Нами высказано ранее предположение, что Булгаков п. Адрианом был переведен в «Судьи» п. Разряда на место старца Стефана Лебедева, о чем можно судить на основании указа царского и патриаршего приказа от сент. 26, 7208 года, где приказных дел судьей в п. Разряде называется монах Иосиф Булгаков, вместо прежнего старца Стефана Лебедева, тогда как дьяки упоминаются те же, что служили при Стефане (Борис Остолопов и Иван Тугаринов). В таком случае назначение в Дворцовый Приказ Баскакова самим Государем не может считаться резкой мерой по отношению к п. Адриану, хотя факт назначения дворецкого на свободное место не патриархом, а царем все-таки характерен.

³⁴³ - И. Шимко. II. Каз. Приказ, стр. 13.

³⁴⁴ - Там же, стр. 12.

³⁴⁵ - О которых преувеличенно и тенденциозно докладывали после Государю его сотрудники, сами не свободные от упрека в тех беспорядках, кои в большей еще степени царили в гражданском правлении. См. Ключевского. Курс Русской Истории, ч. IV, стр. 18–19; 333–337.

³⁴⁶ - Щапов, Русский раскол старообрядчества, стр. 17.

³⁴⁷ - Лаврентиевская летопись стр. 187.

³⁴⁸ - Милюков. Очерки по истории русской культуры, часть II, Церковь и Школа, стр. 18.

³⁴⁹ - Каптерев. Характер отношений России к Православному Востоку в XVI и XVII в. Введение.

³⁵⁰ - Вологодския прописи, хранящиеся в Румянцевском музее. Народное образование 1910 г. январь. Образование в XVII веке вообще и начальное в частности В. М. стр. 23.

³⁵¹ - По мнению Костомарова, которое разделяется и Милюковым, раскол на Руси XVII в. явление новое. Он никак не может именоваться «древним благочестием», так как раскольник совершенно непохож на русского христианина домонгольского ига. По представлению Костомарова, домонгольский христианин отличался индифферентизмом к религии и совершенно непохож на раскольника конца XVII в., готового за «аз» положить жизнь. (Костомаров. История раскола у раскольников. Вестн. Европы 1871 г., IV). «Совершенно несправедливо утверждают раскольники», слышится авторитетный голос и Щапова, что они «остальцы древне–церковного благочестия, от православных праотец происшедшие и научившиеся», потому что они совсем не так смотрят на церковно–богослужебные книги и обряды, как смотрели на них древне–русские христиане. Полагая сущность христианского богослужения не в одной внешней обрядности, но и в его духовном знаменовании, в духовном смысле веры христианской, древне–русские христиане вовсе не чуждались внешних улучшений и исправлений в противоположность раскольникам в церковно–богослужебной обрядности. Мнения Костомарова и Щапова, основывающиеся на массе фактов, ими приводимых, хотя одинаково отрицают право раскольников называться «остальцами древнего благочестия», – разнятся между собою. В то время как первый представляет, древне–русского христианина индифферентным к религии, другой рисует чуть ли не идеальный образ христианина. Мнения эти конечно не уничтожают одно другое. Костомаров брал русскую посредственность, обывательщину, массу, которая, действительно не могла быть проникнута христианским мировоззрением, тогда как Щапов имел в виду руководящую

часть древне–русского общества – верхи, которые несомненно поглощены были новой христианской религией, шедшей из Греции, в период подъема нравственных сил и забот о «землянем строе» и угождении Творцу вселенной.

³⁵² - Книга для чтения по Истории Нового времени, т. 1. Статья. С. Мелгунова. «Религиозно общественные движения русского народа. в XVII в.». Изд. 1910 г. О. Р. Т. 3. стр. 573.

³⁵³ - См. там же стр. 574 и у Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII в. отдел: Москва третий Рим».

³⁵⁴ - Книга для чтения по Истории Нового времени т. I. Статья С. Мелгунова. «Религиозно общественные движения...» стр. 587.

³⁵⁵ - Проф. К. Ярош. Протопоп Аввакум.

³⁵⁶ - Книга для чтения по Истории Нового времени т. I. Статья С. Мальгунова. Религиозно–общественные движения... стр. 579, 589.

³⁵⁷ - На церковном соборе 1681 г. сам царь Феодор Алексеевич обеспокоен был распространением раскола. Во втором его предложении говорилось: Из многих городов пишут, что многие неразумные люди, оставя св. церковь, поделали в домах своих мольбища и, собравшись, совершают противное христианству, а на св. церковь износят страшные хулы. – Собор в своем ответе не нашел иных мер, как молить государя отсылать этих раскольников к градскому суду. Акты Историч. т. V, № 75. 1681 г., в ноябре. Соборное постановление по предложению (2) цари о предании раскольников градскому суду, стр. 114.

³⁵⁸ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1096–1098. Изд. втор.

³⁵⁹ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1099–1100. Изд. втор.

³⁶⁰ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1098. Изд. второе.

³⁶¹ - Акты Историч. т. V, № 223, стр. 379–393. Дело о Пудожских раскольниках.

³⁶² - III—е Послание Игнатия Тобольского от 12 апр. 7204 (1696 г.). Правосл. Собесед. 1855 г. 39–45 стр.

³⁶³ - Чтение Москов. Истор. Общ. 1863 г. кн. IV. Соловьев. История России кн. 3, стр. 1367–1368. Изд. второе.

³⁶⁴ - В Актах Историч. сохранилась от февр. 1695 г. память астраханского воеводы Ивана Мусина–Пушкина о публикации про Аграханских (на Кавказе) казацких раскольников, бежавших из Пустозерского острога. А. И. т. V, 241.

³⁶⁵ - Употреблялись и более соответствующие меры воздействия на раскольников: увещания и вразумления от книг Священного Писания и Святоотеческих, но в тот суровый век преобладало физическое воздействие на ослушников церкви «тюрьма тесна и удавна» и «лютые казни». Особенной нетерпимостью отличался Афанасий, архиепископ Холмогорский. Раскольнич. писатели (в «Винограде Российском» бр. Денисовых) отметили деятельность Афанасия против раскольников в таких сильных выражениях: «Афанасий лютейший завистник Никоновых новшеств, теплейший и искуснейший гонити и мучити благочестивые мужи, ихже множество имая, горькими и лютыми казнями жития сего лишаше». Верюжский. Афанасий Архиеп. Холмогорский, стр. 97.

³⁶⁶ - Верюжский стр. 89. Когда, однажды, пустозерский воевода стал чинить препятствия в розыске раскольников, Афанасий обратился в 1691 г. к п. Адриану, следствием чего была царская грамота воеводе, приказывавшая на будущее время делать посланным архиерея всякое содействие в розыске раскольников.

³⁶⁷ - Инструкция старостам поповским п. Адриана, данная 7207 (1699) г. июля в 25 день п. 18. П. С. 3. т. 3, № 1612а; Временник кн. XI. Др. Рос. Вилиофика часть XV.

³⁶⁸ - Карион Истомина, жизнь его и сочинения. Браиловского. Чтения в общ. люб. дух. просв. 1889 г. стр. 571.

³⁶⁹ - Описание славянских рукописей Моск. Синод. Библ. Прот. Горского и Невоструева № 310. Щит Веры 1312 л.

³⁷⁰ - В деле противника царских реформ Григория Талицкого, вовсе не причислявшего себя к церковным

раскольникам и входившего в общение с православными, как известно, замешаны были близкий п. Адриану еписк. Тамбовский Игнатий и многие православные москвичи, и после розыска, наказаны, как раскольники. Григорий Талицкий считал даже уместным и п. Адриана поставить во главе движения против Петра I, как антихриста, когда обращался к Игнатию с вопросом: «Возможно ли тебе о сем возвестить свят. Патриарху, чтобы про то и в народе было ведомо!» А когда засудили Игнатия Тамбовского за раскольнические мнения, у него нашлись даже на освященном соборе тайные сторонники, которые долгое время отлагали низложение епископа, требуемое государем. Сам п. Адриан до своей смерти медлил исполнением царской воли, а по смерти патриарха, на освященном соборе у Игнатия был даже открытый защитник Нижегородский владыка Исаия, подготавливавший себе тем участь своего единомышленника (низложение, лишение сана и ссылку). Историч. Вестник 1902 г. т. XC. Епископ Игнатий С. Н. Введенский, стр. 636–641.

³⁷¹ - Идеалы правящей иерархии теоретически очерчены п. Адрианом в его окружных посланиях. Речь о них была у нас выше в I-й главе под рубрикой: «Программа п. Адриана».

³⁷² - Это большинство, по замечанию историка Соловьева, отождествило православие с бородой и длинными волосами.

³⁷³ - Сведения о положении протестантов на Руси и их влиянии на русских в XVII веке мы находим в капитальных трудах Цветаева: «Протестантство и протестанты» в России до эпохи преобразования» и И. Соколова: «Отношение Протестантизма к России в XVI и XVII вв.».

³⁷⁴ - Цветаев. Протестантство и протестанты в России, стр. 596.

³⁷⁵ - Цветаев. Литературная борьба с протестантами в Моск. государстве. Стр. 153.

³⁷⁶ - Там же, стр. 155.

³⁷⁷ - Не имеется ли в виду Евфимием здесь Дмитрий Тверитинов, который отличался кощунственными шутками в разговоре с пациентами... См. ниже.

378 - Описание славянских рукописей Моск. Синод. библ. Прот. А. Горского и К. Невоструева № 310. Щит Веры 1312 л. (л. 5) стр. 496.

379 - Книгохранилище Чудова монастыря в Моск. Синод. Библиотеке № 302 л. 90–91; Чтение в Обществе Любителей Дух. Просвещ. 1889 г. Карион Истомина стр. 571–572.

380 - Есипов. Раскольничьи дела. Адриана патриарха грамоты.

381 - Соколов. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках стр. 139.

382 - Соколов. Отношение протестантизма... стр. 136.

383 - Соколов, стр. 136. Велика была, следовательно, нравственная сила православной церкви, если она все-таки потом удержала в своих недрах эту могучую порывистую натуру и победила в Петре Великом в конце мучительную раздвоенность. Преобразователь России, как известно, не изменил вере отцов и, когда созрел его гений, он познал силу и значение для общества и государства народной православной веры и св. церкви...

384 - Ф. Терновский. Император Петр I в его отношениях к католицизму и протестантизму. Труды Киев. Дух. Акад. 1869 г. т. 1.

385 - П. С. 3. т. IV, № 1910; Ф. Терновский. Московские еретики в царствование Петра I. Правосл. Обзорение 1863 г. т. 10 и 11 стр. 305.

386 - См. Дело о Феофане Прокоповиче. Чтение в Общ. Ист. и Древностей Российских 1862 г. январь – март. «О житии еретика Феофана Прокоповича Арх. Новгородского».

387 - Соколов Отношение протестантизма к России, стр. 128–139.

388 - Там же стр. 141. Это роднит Тверитинова с Феофаном Прокоповичем и Петром Великим в его указах.

389 - Соловьев. История России кн. IV, стр. 259–260.

390 - Там же стр. 260–261.

³⁹¹ - Стефан Яворский. Н. Тихонравова, Русский Вестник 1870г. кн. 9, стр. 27.

³⁹² - Соколов. Отношение протестантизма к России, стр. 143.

³⁹³ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 229–230.

³⁹⁴ - Соловьев. История России, кв. 3, стр. 1093–1094.

³⁹⁵ - Там т. же, стр. 1094.

³⁹⁶ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 232.

³⁹⁷ - Там же стр. 232. Примеч. 5.

³⁹⁸ - Описание славянских рукописей Моск. Синод, библи. Горского № 310 «Щит Веры» 1312 л., стр. 501.

³⁹⁹ - См. выше в главе III: Церковное управление.

⁴⁰⁰ - В рукоп. Московской Синод. Библиотеки находится особое дело, связанное с этим еретиком, озаглавленное: «На Еретика Латинника Григория Скибинского». Здесь есть прошение его на имя п. Адриана; «противовоздаяние и опасение или противословие на поданное от Скибинского злословное писание» и «п. Адриана истязание и изречение пред священным собором к отвергшемуся от святой, восточной церкви в западную и паки к ней пришедшему Григорию Скибинскому с 10 допросными пунктами» – Описание Славянских. Рукоп. Моск. Синод. Библиотеки. Горского, стр. 525–526.

⁴⁰¹ - Прав. Обзор. 1862 г. Ноябрь. Григорий Скибинский. М. Никольский, стр. 172; Рукоп. сборн. Моск. Син. Библи. № 393, л. 134. Вопросы № 393, л. 135–138. Правосл. Обзор. 1862 г. Ноябрь, стр. 173.

⁴⁰² - Вопросы № 393, л. 135–138. Правосл. Обзор. 1862 г. Ноябрь, стр. 173.

⁴⁰³ - Там же л. 38 об. Прав. Обзор. 1862 г. Ноябрь, стр. 174.

⁴⁰⁴ - Известен панегирик п. Адриану, поднесенный ему иеремонахом Геодеоном Одорским. Рукоп. Моск. Синод. Библиотеки за №92. Н. Н. Писарев. Домашний быт русских патриархов. Приложение XIII, стр. 58–61.

⁴⁰⁵ - Там же стр. 175.

⁴⁰⁶ - Ф. Терновский. Импер. Петр I в его отношении к католичеству и протестантству. Труды Киевск. Дух. Акад. 1869 г, т. I, стр. 379. (Из Бергмана Истор. Петра В., т. I, стр. 276).

⁴⁰⁷ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1218–1219.

⁴⁰⁸ - Там же, стр. 1220.

⁴⁰⁹ - Там же, стр. 1223.

⁴¹⁰ - Проф. И. М. Покровский. Русские Епархии, т. I, стр. 19.

⁴¹¹ - Богословская энциклопедия, т. VIII, стр. 83–84.

⁴¹² - Прот. Саввинский. Астраханская Епархии, вып. I, стр.

113.

⁴¹³ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 732.

⁴¹⁴ - Там же, стр. 1207.

⁴¹⁵ - Дневник Корба. Чтение в Общ. Истор. и Древн. 1866 г. кн. 4, стр. 147–148.

⁴¹⁶ - Записки Юста Юля под 8 февраля 1711 г. Русский Архив 1892 г. Книга 3, стр. 118.

⁴¹⁷ - Дневник Корба. Чтение в Общ. Истории и Древн. 1867 г. кн. 3, стр. 215.

⁴¹⁸ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1193–1194.

⁴¹⁹ - И. Т. Посошков. О скудости и богатстве.

⁴²⁰ - Записки Юста Юля. Русский Архив 1892 г. Кн. 2, стр.

514.

⁴²¹ - Там же.

⁴²² - Дневник Корба. Чтение в Обществе Истории и Др. Росс. 1867 г. 3 кн. стр. 279.

⁴²³ - Записки Юста Юля. Русский Архив 1892 г. 3 кн. стр.

137.

⁴²⁴ - П. С. 3. т. III, № 1674.

⁴²⁵ - Шапов. Русский раскол старообрядчества, стр. 523.

⁴²⁶ - Акты Исторические, т. V, № 273, стр. 501. Конца в грамоте нет.

⁴²⁷ - Шапов. Земство и раскол, стр. 51–52.

⁴²⁸ - См. Ключевского. Курс Русской Истории, часть IV, стр. 18–19; 194–195.

- ⁴²⁹ - Дневник Иоанна Корба. Чтение в Обществе Истории и Др. 1867 г. 3 кн. стр. 270.
- ⁴³⁰ - Записки Юста Юля. Русский Архив 1892 г.
- ⁴³¹ - Сочинение св. Дмитрии М. Ростовского, ч. II, стр. 384
- ⁴³² - Древняя Российская Вивлиофика ч. XVII, стр. 82.
- ⁴³³ - А. И. IV, № 62, № 151; V, № 186. А. Л. Э. т. VII, № 264; IV, № 328.
- ⁴³⁴ - Шапов. Русский раскол старообрядчества, стр. 425.
- ⁴³⁵ - Наказная грамота, данная от 14 дек. 1694 г. Иларионом М. Суздальским Флорищевой пустыни о монастырском управлении А. А. Э. т. IV, № 311.
- ⁴³⁶ - Грамота Евфимия М. Новгородского от авг. 1695 г. о недозволении женскому полу входить в келлии монашествующих и о недержании в женских монастырях лиц мужского полу. А. А. Э. т. IV, № 312.
- ⁴³⁷ - Памятники древней Письменности 1879 г. вып. иии. Грамматы архиеписк. Афанасие о Соловецком монастыре.
- ⁴³⁸ - Верюжский. Афанасий арх. Холмогорский, стр. 293.
- ⁴³⁹ - Напр. Феодосия архиеписк. Черниговского, Митрофана еписк. Воронежского, прославившихся своей нравственной высотой и святостью, а также Ионы метр. Ростовского а Ярославского († 20 дек. 1691 г.) и Ионы Вятского и Великопермского архиепископа († 8 окт. 1700 г.), «имевших, оо словам Любарского, такие свойства, какие пастырское звание а тогдашнее состояние как времени, так и епархии требовали; Иона Вятский, хотя кроме славянороссийской грамоты ничему более не ученый, однако к собранию хороших печатных и письменных книг имевший усердное речение, установивший такой изрядный в причте и чине монашеском порядок, который соблюдался и в XVIII веке, и заслуживали общую любовь и память в народе вятском». Шапов. Русский раскол старообрядчества, стр. 347–348.
- ⁴⁴⁰ - Об одном только матрополите Псковском, а потом Казанском Маркелле известно, что он «был ученый по–гречески, по латыни, по–немецки, знал также языки польский и татарский». Русский Архив 1889 г. кн. 2, стр. 304. А. Леонид.

Казанский м. Маркелл. О его деятельности сохранилось столь же мало сведений, что и об Адриане, как митр. Казанском.

⁴⁴¹ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 745–746.

⁴⁴² - Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский, стр. 517.

⁴⁴³ - Форма ставленной грамоты п. Адриана

священнослужителю была такая: «Андриан милостию Божиею архиепископ царствующего града Москвы и всея России и всех северных стран патриарх. – По благодати, дару и власти всесвятого живоначального Духа, данной нам от самого Великого Архиерея, Господа нашего Иисуса Христа, чрез святые и священные его апостолы и их наместники и, преемники, благочестного сего мужа Алексия Иоаннова всяцем опасным истязанием прилежно испытавше и достоверными свидетельствами о нем уверившеся, к сим же вящше известившеся по исповеди его ко отцу его духовному иеромонаху Феофану, судихом достойна быти святого сана пресвитерского и послахом его во Свя том Дусе сыну и служителю наша мерности Павлу Митрополиту Нижегородскому, он же по обычаю, святых апостольских восточных церкви и по нашему благословению посвати его священосца, чтеца, певца, иподиакона и диакона; потом же благодатию Того же всесвятого, животворящего и всесовершающего Духа произвел его и на святой изящнейший степень пресвитерства и рукоположи его иереа ко храму великомученика Георгие города Юрьевца в Заборскую волость. Мы же вручихом ему власть тайнами святыми совершати человека в жизнь христианскую духовную, крещати, миропомазати, исповедывати, литургисати, венчати по воле и согласию мужа и жены и последнее елеопомазание над болящими совершати, над здоровыми же никакоже дерзати творити, и вся церковная последования и чины действовать повелехом ему, яко служителю Христову и строителю таин Божиих и исповедавших ему своя совести вязати и решить грехи рассудно по правилам святых апостол и учению богоносных отец, по уставу же святые восточные церкви и по нашему архиерейскому рукоположению, научению и повелению, вящшыя же и неудоборазумные вины нам, патриарху, приносить

да имать, от храма же, к нему же благословен есть, у негоже и
служити имать инамо без собственного нашего, патриарха,
благословения преити никакоже дерзнет по 3—му правилу
собора антиохийского, и двема церквами да не овладеет по
15—му правилу 7—го вселенского собора, да не святая
корчемствуя явится, но единому и тому же престолу выну да
предстоит в церкви, куплю стяжанне ея же ради извержению
предает той же вселенский собор по 13—му правилу, дондеже
иерей Алексей по нашему повелению и по своему обету
вседушно прилежати божественного писания чтению и
вниманию присно и пещися о спасении душ человеческих,
обучати же себе, по апостолу, ко благочестию, трезвению,
целомудрию, благоговению, и быти честну, страннолюбиву, не
пиянице, не бийце, не лихоимцу, не сварливу, но кротку,
смотреливу, не завистливу, не сребролюбиву, учительну, не
едино ни в чем дающе преткновение, да непорочно будет
служение, но во всем представляет себе образ быти благих дел
и долженствует учить причет церковный и вся люди благоверию
и божественным заповедом и жительству христианского закона
по вся дни, изряднее же в день недельный, якоже повелевает
6—го вселенского собора 19—е правило. И не инако сие
толковати, но якоже церковная светила и учителя
истолковаша. Небрегущего же ниже учащего, и в лености
пребывающего извержению подлагает оное правило. К сему же
должен иерей Алексей вся прочие священству его приличные
добродетели, яко всевидящими очесы Божиими назираем,
тщатися исполнити со вниманием и вверенную ему паству
бодренно пасти, да верных и мудрых служителей
мздовоздаяние от руки Воздающего коемуждо по делом его
восприимет и не постыдится в день страшного испытания
Владычня, но да речет: Господи, се аз и дети мои. Да услышит
же сладкий Владычный глас, глаголющий: добре, блаже рабе и
верне, над малыми был еси верен, над многими тя поставлю,
вниди в радость Господа твоего. Аще же начнет жити
бесстрашно или что неприличное священству деяти, упиватися
или кощунствовати, или грабежства и хищение каковым либо
нравом творити или инако како бесчинствовати или о церкви и о

пастве своей начнет нерадети и их не учить от Божественных Писаний или сам Божественного Писание чтению и вниманию прилежати не будет, запрещение иерейства да примет, дондеже исправится и покажет житие незазорное и благочинное, иереем подобающее. Аще что содеет возбраняющее священству, извержению иерейства да подлежит, в он же час возбраняющее что священству содеет. Известного же ради свидетельства, яко от нас благословен и чинно на степень иерейства возведен и рукоположен, вручися ему сие наша в типографии изданная грамота, рукою нашею подписанная и печатью запечатанная, да всяк, взявляй и прочитай сию нашу грамоту, свидетельствующую его иерейство, имать его иерея честна и по закону Божию и святых отец учению во всем да слушает его. Вручихом же ему и поучение наше вкратце печатным тиснением изданное еже должен он изучити и памятно всегда из уст уметь и жителству своему внимати и паству свою учить. Напечатана в царствующем преименитом граде Москве, и дадеся в велицей церкви Успение Пресвятыя Богородицы и великих Чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, и в нашем патриаршем дому, лета мироздания 3А-го году, воплощение же Божие Слова мрк-го месяца иулия в 1(10) день» (у подлинной грамоты печать на красном воску). Описание Архива Александро-Невской Лавры, т. II, стр. 404–408 (Копия IV).

⁴⁴⁴ - И. Шимко. П. Каз. Приказ, стр. 205.

⁴⁴⁵ - Описание Славянских рукописей Моск. Синод. библ. Прот. Горским и Невоструевым № 297, стр. 452.

⁴⁴⁶ - Там же, № 296, стр. 448.

⁴⁴⁷ - Дневник Иоанна Корба. Чтение в Обществе Истории и Др. 1867 г. кн. 3, стр. 271.

⁴⁴⁸ - Дневник Корба. 281–282.

⁴⁴⁹ - Дневник Корба. Чтение в Обществе Истории и Древности 1867 г. кн. 3, стр. 287.

⁴⁵⁰ - Дневник Корба. Чтение в Общ. Ист. и Др. ,1866 г. кн. 1, стр. 121.

⁴⁵¹ - Соловьев. История России кн. 3, стр. 1096. Кабинет II кн. № 53.

⁴⁵² - Записки Желябужского.

⁴⁵³ - Шапов. Русский раскол старообрядчества, стр. 184.

⁴⁵⁴ - По свидетельству Посошкова, «стариков не только в других местах, но и в самой Москве, таких много, что лет им под 60 и более, а у отцов духовных на исповеди не бывали, не ради раскольников, но ради непонуждения пресвитерского. Такой у них обычай, что не состаревся деревенские мужики на исповедь не хаживали». Соловьев. Ист. Рос. кн. 4, стр. 268.

⁴⁵⁵ - П. С. 3. № 2991, 3169; Голиков. Деяния Петра В., – VII, 21. Соловьев. История России, кн. 4, стр. 268, 269.

⁴⁵⁶ - Соловьев. Истории России, кн. 4, стр. 269.

⁴⁵⁷ - Духовный Регламент. Прибавление о правилах причта, стр. 6–7 на обор. п. 11.

⁴⁵⁸ - См. Слово одного из последних патриархов в день м. Алексия против пьянства. Смотр. выше, стр. 23.

⁴⁵⁹ - Так, от 20 мая 1696 г. сохранилась «память» воеводы Василия Леонтьева духовным заащикам игумену Вениамину и протопопу Стефану о содержании под началом подъячего Петра Власова, за заклад на кружечном дворе шейного своего креста. «Он, Петрушка, – говорится в «Памяти», – на кружечном дворе сняв с себя крест да закладывал в пропой на вино»... А. И. т. V , № 258.

⁴⁶⁰ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 69.

⁴⁶¹ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 273.

⁴⁶² - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 1226.

Характерно, что обвинения Артемьева против Лихудов не прошли для них бесследно: патриарх Адриан посмотрел на бесчестья и укоризны не как на клевету, а как на компрометирующие Лихудов факты, и в июне 1698 г. удалил Лихудов из типографии в Новоспасский монастырь. Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 318.

⁴⁶³ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 285–286.

⁴⁶⁴ - О Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 82, 84. По свидетельству Юста Юля в 1710 г., содержание школы мало увеличилось и при Стефане Яворском. «Ученики академии, – пишет Юль, – в двух высших классах получают на содержание по 4 к. в день, остальные по три. Архим. Лопатинский говорит, что, если бы первые основатели школы, живо приняли к сердцу ее процветание и развитие, то им не трудно было бы настоять на определении ученикам втрое большего содержания против нынешнего; чрез это наплыв учеников без сомнения значительно увеличился бы». Русский Архив 1892 г. кн. 3.– Записки Юста Юля. Стр. 143.

⁴⁶⁵ - Пособием к денежному содержанию учеников академии, при п. Адриане, как и при п. Иоакиме, служило отчасти «славленное» жалованье на Рождество и Пасху. В книгах Патр. Казенного Приказа от 1691 года (дело №№ 139, 144) записаны расходы п. Адриана на Рождество и Пасху учителям и ученикам академии, как «славленное» жалование. «В 1691 г. дек. 27, – передает Забелин, – приходили к п. Адриану в Крестовую палату учителя греческой школы греки иеромонахи Иоанникий (?) да Софроний с учениками и славили Христа греческим напевом и «перед св. патриархом ученики говорили по латыни и по словенскому (языку) о рождестве Христове многия речи». Патриарх пожаловал учителям денежную дачу три золотых, а ученикам их–Петру Посникову, Николаю Семенову, Федору Поликарпову, Алексею Кириллову по золотому, остальным шести человекам по ефимку. П. Адриан, очевидно, оценил умение учеников – произносить орации, так как в том же году установил поздравительные речи и на праздник Пасхи. «19 апреля в Фомино воскресенье после литургии в Крестовую палату к нему приходили из школы, что за иконным рядом, учитель иеромонах Софроний и с ним ученики его греческого языка, риторического, грамматического и книжного греческого и словенского учения и в Крестовой палате пред св. патриархом Христа славили пением греческого согласия и говорили греческими и словенскими о Воскресении Христове от божественных писаний многия речи и орации св. патриарху с поздравлением. Это были ученики уже возмужалые

– иеромонахи, иеродиаконы, дьяконы и бельцы того же возраста. Их оделили денежными дачами, при чем учителю дано 5 руб., а всего роздано более 15 рублей. В тот же день приходили в Крестовую палату и радельщики, греческой школы, ученики, и говорили пред патриархом орации о Воскресении Христове и патриарху поздравительныя речи. Святейший пожаловал Петру Посникову 2 золотых, Федору Поликарпову – золотой да ефимок, Алексею Кириллову, Николаю Семенову – по золотому, остальным трем – по ефимку». (Ив. Забелин. История города Москвы ч. I изд. 1902 года стр. 550). В 1696 г. славельщикам, в числе которых были конечно и ученики Академии, роздано было п. Адрианом 106 руб. 28 алт. 2 деньги, тогда как раньше, когда школ не было, в 1635 г. было роздано 17 р. 10 алт. 2 деньги. П. Адриан щедр был на раздачу; вместо алтынов и рублей он давал рацельщикам по золотому, другим по ефимку. (Там же, стр. 548–549. Шимко. П. Каз. Приказ стр. 239). Неизвестно только, во все ли годы ученики–рацельщики приходили к п. Адриану в Рождество и Пасху, особенно в последние годы, когда п. Адриан был болен.

⁴⁶⁶ - С. Г. Рункевич. Учреждение Свят. Правит. Синода. Письмо Курбатова. Стр. 28; Соловьев. История России. Кн. 3. Изд. второе, стр. 1359.

⁴⁶⁷ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 70.

⁴⁶⁸ - Там же, стр. 71. «Показание истины» Евфимия.

⁴⁶⁹ - Там же, стр. 71–73.

⁴⁷⁰ - Там же, стр. 78–79.

⁴⁷¹ - Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 273.

⁴⁷² - Письмо и. Досифея к Лихудам. Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 285.

⁴⁷³ - Архим. Хрисанф 13 ноября 1692 г. прибыл в Москву за сбором подаяний на гроб Господень. Вместо содействия ему, как просил Досифей, Лихуды отнеслись недоброжелательно. Хрисанф очень недоволен был их приемом и сообщил об них все дурное, что говорилось в Москве врагами Лихудов, Досифею. Досифей с этого времени начал преследовать их и

добиваться у п. Адриана отставки Лихудов от академии. Подробности у Сменцовского стр. 284–286.

⁴⁷⁴ - Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 66.

⁴⁷⁵ - Благодаря, напр., ходатайству Ливудов пред п. Адрианом за прибывшего в Москву епископа Акакия или Арсения «священнокрадца и латиномудрственника и предателя благочестия», как называл его п. Досифей, дважды писавший п. Адриану, чтобы Арсений был «безвыходно» заключен в дальний монастырь, Арсений не только не был выслан из Москвы, но и получил обычное для архиереев–просителей содержание. Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 289 –290.

⁴⁷⁶ - История Славяно–Греко Лат. Акад. С. К. Смирнова, стр. 37. Письмо арх. Хрисанфа п. Адриану от 24 апр. 1694 г.

⁴⁷⁷ - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 295.

⁴⁷⁸ - Соловьев. История России. Изд. второе, кн. 3, стр. 1365.

⁴⁷⁹ - Иером. Амвросий. История российской иерархии, кн. 4, стр. 546. Авторитет Семенова и Поликарпова, как учителей, был не высок. В записях Каз. Приказа они так и назывались «школьниками», а не учителями. Сменц. Бр. Лих. стр. 296.

⁴⁸⁰ - Сменцовский. стр. 413.

⁴⁸¹ - Сменц. Бр. Лух. стр. 352.

⁴⁸² - Сменцовский. Братья Лихуды, стр. 296. Амвросий. История Российской иерархии. кн. 4, стр. 547. Верюжский. Афанасий Архиепископ Холмогорский 592 стр. Иов некоторое время жил у Афанасия. Но своим поведением возмутил и холмогорского владыку: «А в бытность ево у нас, – писал Афанасий после в Соловецкий монастырь, – в прочтении и в справе книги Хронографа он, Иов, по злонравию и жестокосердию своему, никакого благопотребства не учинил и в житии своем преслушанием, презорством, леностью и прекословием весьма непотребен явился, и служителем дому нашего соблазн и претыкание многое сотворил и тем своим непотребным житием нам преосвященному архиепископу принес он, Иов, смущение душевное». П. Адриан считал Иова настолько опасным для церкви, что послал Афанасию

вторичный указ о «неотложном» водворении Иова в Соловецкий монастырь, с строгими предписаниями о содержании Иова в монастыре. Афанасий Холмогорский, отправляя в 1701 г. Иова в Соловки, согласно с патриаршим указом, в грамоте делал следующее распоряжение об Иове. «И быть ему у вас в монастыре в подначальстве просто монахом, из монастыря никуда неисходно и поручить ему в церковном пении труды, в какие он годится, и отдать его в подначал старцу старому и доброжелательному, а иеродиаконского священнослужения действовать отнюдь не попускать и чернил и бумаги ему не давать и на едине писать ему ничего не попускать... также писем у него, Иова, никаких не принимать и никуда не посылать и к нему не откуды писем же не приносить... А будет, что учнет он словесно извещать, и тех его изветов не записывать, чтобы от него, Иова, никакой крамолы не учинилось»... (Верюжский, 592 стр.). Таков был главный деятель академического образования в конце XVII века!

⁴⁸³ - Устрялов. История царствования Петра Великого т. 3. «Во имени Господни извещение», стр. 356–357. То же у С. Г. Рункевича. Архиереи Петровской эпохи. «Во имени Господни извещение» стр. 106.

⁴⁸⁴ - Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 3. Приложение VII, № 37. Письмо п. Адриана Стрешневу 13 июля 1699 г., стр. 500–501.

⁴⁸⁵ - Амвросий. История русской иерархии. Ч. I.

⁴⁸⁶ - Сменцовский в своем исследовании: «Бр. Лихуды употребляет сокращенную фамилию Палладия вместо Роговский–Рогов; мы принимаем утвердившуюся за Палладием фамилию: «Роговский».

⁴⁸⁷ - Древняя Российская Вивлиофика ч. XVIII, стр. 159. Православное Обозрение, 1863 г. Кн. 10. Статья М. Никольского: Палладий Роговский.

⁴⁸⁸ - Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVIII, стр. 151. Правосл. Обозр. 1863 г. т. 10. Русские выходцы из заграничных школ в XVII ст. Палладий Роговский. М. Никольский.

⁴⁸⁹ - Содержание исповедания смотр, ниже.

- ⁴⁹⁰ - Смотр, выше в главе III. Церковное управление. Стр. 80–86.
- ⁴⁹¹ - Смотр, выше в главе VI. Религиозно–нравственное состояние русского общества в конце XVII века. Стр. 231–235.
- ⁴⁹² - Иер. Амвросий. История Российской иерархии, кн. 4, стр. 547.
- ⁴⁹³ - С. Г. Рункевич. Учреждение... Святейшего и Правительствующего Синода, стр. 28.
- ⁴⁹⁴ - Котошихин. Россия в царствование Алексея Михайловича, стр. 14.
- ⁴⁹⁵ - Ключевский. Курс русской истории, часть IV, стр. 3–5.
- ⁴⁹⁶ - С. Г. Рункевич. Архиереи Петровской эпохи, стр. 106.
- ⁴⁹⁷ - Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 300.
- ⁴⁹⁸ - Там же, стр. 17.
- ⁴⁹⁹ - Котошихин, стр. 19.
- ⁵⁰⁰ - Соловьев. История России. Кн. 3 стр. 752, изд. второе.
- ⁵⁰¹ - Записки Юста Юля. Русский Архив, 1892 год. Книга 2, стр. 574, 512.
- ⁵⁰² - Соловьев. История России. Изд. второе. Книга 4, стр. 268.
- ⁵⁰³ - Проф. П. В. Знаменский. Учебное руководство по Истории Р. Ц. стр. 168.
- ⁵⁰⁴ - Малицкий. Руководство по истории Русской Церкви, стр. 192.
- ⁵⁰⁵ - Выше (в главе III) отмечалось, что в поставлении священных лиц в самой Москве п. Адрианом было много злоупотреблений от его архидиакона Ионы, очевидно бывшего таким «служебником».
- ⁵⁰⁶ - Окружное послание п. Адриана или «Слово всякому людем Господним»... Наставление 5–ое. Рукоп. Импер. Акад. Наук № 84. У Есипова: Раскольничьи дела XVIII в.
- ⁵⁰⁷ - Об Афанасии архиеп. Холмогорском есть известие, что он намерен был завести школу в Холмогорах; даже посылал трех юношей в Московскую Академию к Лихудам, а в 1699 году взял их из Москвы. В 1701 г. Афанасий выписал из Москвы 10

букварей. Но вряд ли школы появились на севере; сами будущие учителя, в виду упадка преподавания в Академии, едва ли смогли осуществить планы энергичного архиепископа. (См. Верюжский. Афан. Холмогор. стр. 159).

⁵⁰⁸ - Дневник Корба в 1698–1699 г. в Чтениях в Общ. Истории и Древн. 1867 г. кн. 3, стр. 279.

⁵⁰⁹ - Соловьев. История России, кн. 3, стр. 776.

⁵¹⁰ - Чтение в Общ. Истории и Древн. 1861 г. кн. 4, стр. 11.

⁵¹¹ - Возраст школьников был неопределенный: от 7 до 14 лет.

⁵¹² - Народное Образование 1910 г. Февраль, стр. 151.

⁵¹³ - Там же.

⁵¹⁴ - Там же, стр. 152.

⁵¹⁵ - Чтение в Общ. Истории и Древн. 1861 г. Кн. 4, стр. 18.

⁵¹⁶ - Чтение в Обществе Любителей Дух. Просвещения 1889 г. С. Браиловский. Карион Истомина. 557–559.

⁵¹⁷ - Там же, стр. 554.

⁵¹⁸ - Статья: «Народное образование в XVII в.». В. М. Народное Образование 1910 г. февр. стр. 143. Из Азбуки К. Истомина.

⁵¹⁹ - Народное Образование 1910 г. февр. стр. 146–147.

⁵²⁰ - Народное Образование 1910 г. март, стр. 278.

⁵²¹ - Там же.

⁵²² - Чтение в Общ. Истории и Древн. 1861 г. Кн. 4, стр. 21.

⁵²³ - Народное Обр. 1910 г. март, стр. 286–287.

⁵²⁴ - Там же, стр. 286.

⁵²⁵ - Там же, стр. 287.

⁵²⁶ - Чтение в Обществе Любит. Дух. Просвещ. 1889 г. С. Браиловский. Карион Истомина, стр. 561.

⁵²⁷ - Сменцовский. Бр. Лихуды. Приложение 3, стр. VI–XXVI.

⁵²⁸ - Подробности у Сменцовского, стр. 266.

⁵²⁹ - Народн. Обр. 1910 г. янв. стр. 29.

⁵³⁰ - Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 70.

⁵³¹ - Эта опись, как замечает издатель ее в Русском Архиве за 1864 г. Полуденский, кроме некоторых подробностей, до 525 № сходна с описью, составленной в 1675 г. монахом Евфимием и заключающей в себе всего 551 №, и является необходимым дополнением как к последней, так и к «обозрению патр. Библиотеки» преосв. Саввы.

⁵³² - Указан выше в гл. V, стр.88, примеч. 2.

⁵³³ - И. Соколов. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. Москва. 1880 г. стр. 136.

⁵³⁴ - Проф. Знаменский. Учебное руководство по Истории Русск. Церкви, стр. 302.

⁵³⁵ - Современник Евфимия Домецкий в полемике с иеродиаконем Дамаскиным нелестно отзывается об учености Евфимия. «Удивляться, – говорил он, – надобно: как это Евфимий, простой монах, ни дьякон и не поп, и не ученый, всю науку свою кончивший Псалтирю, неумеющий говорить связно и красноречиво, а такую силу взял над святейш. Иоакимом»... Духовная Беседа 1872 г. статья: иеродиакон Дамаскин, стр. 327.

⁵³⁶ - Так, в августе 1691 г. ученики Лихудов – Иосиф Афанасьев, Алексей Кириллов, Николай Семенов, Феодор Поликарпов, Феодот Аггеев и монах Иов – перевели на славянский язык Енхиридион, сочинение патр. Досифея и «опровержение Кальвинских глав» Мелетия Сирига. Перевод был правлен Евфимием. Опис. рукоп. Синод. библи. II, 3, стр. 490–494). В августе 1693 г. один Федор Поликарпов перевел сочинение Нектария, патр. Иерусалимского: «О власти папской» (там же, стр. 495, 416). К 1693 г. относятся перевод «Толкования на литургию» Николая Булгара, сделанный (неизвестно кем) по желанию Евфимия и им самим исправленный, и Гавриила Филадельфийского «о семи тайнах». Учение о пресуществлении в этом последнем сочинении дополнено выписками из произведений Лихудов (Опис. рук. Синод. библи. II, о стр. 293–4). Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 232–233, прим. 5.

⁵³⁷ - В 1692 г. Досифей издал сборник статей против Рима: Καταλλαγή; перевод этого сочинения, по мнению Горского и Невоструева, принадлежит Евфимию на основании

употребляемого в переводе любимого слова Евфимия «новшества». Опис. Слав. рукоп. стр. 482.

⁵³⁸ - Содержание прошения частями приводилось нами выше, в главе VI, стр. 219, 224 и 231.

⁵³⁹ - Описание Славян. Рукописей... Горского и Невоструева, стр. 502.

⁵⁴⁰ - Проф. Знаменский. Учебное руководство по Истории Русской Церкви, стр. 312.

⁵⁴¹ - Литература и мнения о составлении Щита веѣры находятся в книге Сменцовского: Бр. Лихуды, стр. 242, примеч. 3.

⁵⁴² - Правосл. Богослов. Энциклопедия. Евфимий, чудовский инок.

⁵⁴³ - Им к концу 1676 г. был исправлен перевод Нового Завета, «точию, по словам Евфимия, начисто не прочтется». «Преведение же ветхого завета в дело не произыде». Обстоятельства сего предприятия подробно описаны в одной исторической старинной записке, отпечатанной в «Словаре историческом» митр. Евгения, стр. 177–183.

⁵⁴⁴ - В Комиссии принимали участие типографские справщики: монах Иосиф Белый, иеромонах Никифор и Сильвестр Медведев «с товарищи», в числе коих были, вероятно, инок Евфимий и Карион Истомин, тоже справщики печати, двора. Сменцов. Бр. Лихуды, стр. 393.

⁵⁴⁵ - Филарет. Обзорение русской духовной литературы 1, § 250. Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 394.

⁵⁴⁶ - Горский и Невоструев. Описание Слав. рукоп. Моск. Синод. библиот. Отд. II. Прибавл. № 310, стр. 503.

⁵⁴⁷ - Духовная Беседа 1872 г. Правдин. П. Адриан, стр. 301–303.

⁵⁴⁸ - Горский и Невоструев. Описание Славянских рукоп. Моск. Синод. Библиот. Отд. II, стр. 293.

⁵⁴⁹ - Чтение в Обществе Любит. Духов. Просвещ. 1889 г. Браиловский. Карион Истомин, стр. 577–584.

⁵⁵⁰ - Там же, стр. 551, 557.

⁵⁵¹ - Там же, стр. 586.

⁵⁵² - а) М. Евгения Болховитина в «Словаре Историческом». Том I, изд. второе. Спб. 1827 г. Часть I, стр. 19–20. Адриан, десятин и последний патриарх Московский. б) Архиепископа Черниговского Филарета в «Обзоре духовной литературы (862–1720 г.)». в) Н. А. А. «П. Адриан» в Чтениях в Обществе Истории и Древностей Российских за 1848 г. № 8. г) А. Правдина. «Жизнь и поучения патриарха Адриана» в Духовной Беседе за 1872 г. д) в Православной богословской энциклопедии. Адриан, патриарх. И е) С. Г. Рункевича. «Архиереи Петровской эпохи» 1906 г.

⁵⁵³ - Духовная Беседа 1872 г. № 44, стр. 301.

⁵⁵⁴ - Сборник Имп. публ. Публ. 4°, № 590, на 8 листах; Толстого II, № 391.

⁵⁵⁵ - Духовная Беседа 1872 г. № 42, стр. 263. Правдин. Жизнь и поучения патриарха Адриана.

⁵⁵⁶ - Рукопись Имп. Акад. Наук № 84 – отпечатана у Есипова Раскольничьи дела т. II, изд. 1863 г. Прилож. стр. 76–96; Рукописный сборник Новгор. Софийск. библиотеки № 1227, коим пользовался Правдин. Дух. Беседа 1872 г. № 44, стр. 293–297. Содержание окружного послания подробно изложено нами в главе I–й, стр. 17–20.

⁵⁵⁷ - Напечатана в Описании Софийск. собора № 26.

⁵⁵⁸ - Напечат. в Диариуше св. Дмитрия. Сочинения его т. I, стр. 493–494. Содержание изложено в главе IV-ой, стр. 157–158.

⁵⁵⁹ - Рукоп. Имп. Публич. библиот. Л. О. 1, № 72. Напечатана у Есипова Раскольничьи дела XVIII ст. т. II. стр. 64–72; рукопись Новг. Соф. библиот. № 1503, коей пользовался Правдин. Дух. Беседа за 1872 г. № 44, стр. 297–301. По преосв. Филарету – у Царского №№ 441, 444, 473; Толстой III, № 85, «Грамота о нестрижении брады».

⁵⁶⁰ - Содержание послания берется в изложении Правдина, так как он пользовался ненапечатанною рукописью Новг. Соф. библиот. № 1503. Все послание в полном виде находится печатно в Раск. Делах XVIII в. Есипова – с рукописи Имп. Публ. библиотеки Л. О. 1, № 72.

⁵⁶¹ - Горский и Невоструев. Описание славянских рукописей Моск. Синод, библиотеки отд. II, стр. 517. Из Щита веры № 310, л. 519, а также стр. 479, № 303, приложено к Диалогам грека учителя с иезуитами (или Мечец духовный).

⁵⁶² - Архив Юго-Зап. России. Описание документов сборника Икона в Приложении к Архиву т. V, стр. 449. CLXXXIX. Письмо Досифея п. Адриану от марта 1691 г.

⁵⁶³ - Там же, стр. 479.

⁵⁶⁴ - В рукоп. Синод, библи. № 210. У Унд. стр. 884.

⁵⁶⁵ - Архив Юго-Западной России, т. V, стр. 450, №№ СХСII и СХСIII.

⁵⁶⁶ - Напечатано в Христианском Чтении за 1841 г. Ч. 4, стр. 119–134.

⁵⁶⁷ - Духовная Беседа за 1872 г. № 42. Правдин. Жизнь и поучения патр. Адриана, стр. 263.

⁵⁶⁸ - Грамота хранится в Кизическом монастыре, в покоях Епископа Чебоксарского, в раме за стеклом. Текст ее следующий: «Адриан (это слово от времени исчезло) милостию Божиею Архиепископ Царствующего Великого града Москвы, всея России и всех северных стран патриарх лета /зрд. Стр 332О святем душе сыну и сослужителю наша мерности Преосвященному Маркеллу Митрополиту Казанскому и Свияжскому. Наше архипастырское благословение. В предшедших летех егда правящу нам престол Казанския митрополии, благословенным о нас начинанием здана бысть под градом Казанию обитель святых девяточисленных мученик, пострадавших за Христа во граде Кузику в помощь и во избавление народа от всяких скорбей, а наипаче от трясавичной болезни, яко бо им дадеся от Бога благодать притекающия к ним с верою от всяких находящих скорбей исцеляти, и от трясавичной болезни избавляти. Яже на том месте, идеже сия святая обитель возграждена, из семиозерная пустыни чудотворному образу Пресвятыя Богородицы иконы Смоленския бывает из града Казани сретение и провождение во вся лета: По усердному же нашему ревнованию и по желанию бывших тогда градодержавцев и всего казанска народа уставися и образ

святых девяточисленных мученик Кизических и тоя обители вноситься за чудотворным Пресвятыя Богородицы образом для молебного благодарения во град Казань, яже и есть: Ныне же внидоша в слухи наша, яко Семиозерныя пустыни, злонравные чернцы зависти ради чинят в приношении того святого мученическа образа во град Казань тоя Кизическия обители игумену Ипатию и братии многое препятие, и от того их седмиозерских чернцов враждотворства и несогласия в народе является смятение. И как тебе сия наша святейшего патриарха Грамота вдастся, и ты б сыне таких мятежников учинил истязание по своему рассмотрению. И впредь в приношении того мученическаго образа во град Казань препятательства и никакова чинить не велеть, чтобы в народе смятения оттого не было. И велел тоя Кизическия обители игумену Ипатию з братиею. И кто по нем и иные игумене будут – тот мученический образ за чудотворным Пресвятыя Богородицы образом во град Казань для молебного благодарения вносить неvozбранно: Аще ли же кто учнет чрез сей нашего Святейшего патриарха указ и Грамоту в чем прекословити, да подлежит оного церковного отлучения и наказания по нашему разсуждению: А сию нашу Грамоту прочесть и записав в книгу велел отдать во обитель Кизическую игумену Ипатию з братиею, а в доме слою оставил список: При сем милость Божия и Пречистыя Богородицы и великих святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа Московских и всея России Чудотворцев молитв и нашея мерности благословение с тобою есть и будет ныне и во веки: Писася в царствующем граде Москве в нашем Архипастырском доме мироздания XXX стр. 334 лета, от рождества же Бога Слова XXX февруария месяца в день.

⁵⁶⁹ - Напечат. в Актах Археогр. Экспедиции, т. IV. Изд. 1836 г. Спб. № 309, стр. 457–460. Указание на содержание грамоты дано в V главе, стр. 170, примеч. 1.

⁵⁷⁰ - Наход. в Государ. Архиве X, Кабинет II, № 53, лл. 326–327. Напечатана полностью у Рункевича Архиереи Петровской эпохи. Изд. 1906 г. стр. 98 –100; сокращенно в Истории России Соловьева. Изд. вт. книги 3 стр. 1096. Содержание помещено выше, в главе VI, стр. 259–260.

⁵⁷¹ - Из новошедших в работу интересно письмо п. Адриана Арчиллу, князю имеретинскому от 21 авг. 1691 г. Патриарх приветствует Арчилла, его жену и детей, которых перебирает поименно; желает им избавиться от какой-то приключившейся скорби; просит известить об его пребывании. Архив Юго-Зап. России, т. V, № СХСІ, стр. 450.

⁵⁷² - В Архиве Сийского монастыря. Верюжский. Афанасий архиеп. Холмогорский.

⁵⁷³ - Из Докум. Арханг. Дух. Семинарии. Верюжский, стр. 667–668.

⁵⁷⁴ - Арх. Губ. Ведом. 1879 г. № 22. Верюжск. стр. 311.

⁵⁷⁵ - Моск. Синод, библи. № ⁹⁸/300. Черновые письма Кариона Истомина.

⁵⁷⁶ - Отпеч. в Памятниках древней письменности 1879 г. вып. III. Содерж. излагалось выше, в главе III, стр. 87–91.

⁵⁷⁷ - В рукоп. Арх. Дух. Семин, связка 11. Верюжский, стр. 84–85.

⁵⁷⁸ - По преосв. Филарету, увещания наход. в Библи. Общ. № 303.

⁵⁷⁹ - Издана, по Филарету, во Временнике Общества Истории. Кн. XII, стр. 32–46.

⁵⁸⁰ - Отпечат. в Описании Архива Александро-Невской Лавры, т. II, стр. 404–408 и приведена нами в главе VI, стр. 251–253.

⁵⁸¹ - Указана выше, в главе VII, стр. 309–310.

⁵⁸² - Отпечатаны в книжке: Письма Импер. Петра Великого к брату Иоанну Алексеевичу и п. Адриану. Спб. 1788 г. Два письма из 7 – кроме того напечатаны в Вивлиофике XV ч., а письмо к Шеину изд. в книге: Поход Шеина к Азову.

⁵⁸³ - Отпечатана в Калужских Епархиальных Ведомостях за 1900 г. № 11.

⁵⁸⁴ - Госуд. Арх. X, Кабинет 11, № 53, лл. 329–330. Напечатано в «Архиереи Петр. эпохи» С. Г. Рункевича, стр. 100–101.

⁵⁸⁵ - Описание Славян. рукописей отд. п. С.–Петербург. Типограф. Сахарова 1839 г. стр. 27–28, № 45 (Н. А. А. П. Адриан. Чтения Общ. Ист. и др. 1878 г. № 8).

⁵⁸⁶ - Напечатана в сочинении прот. Саввинского: Астраханская Епархия. Вып. п. Изд. 2–ое. Прилож. III, стр. 398–403.

⁵⁸⁷ - «Писася в царствующем великом граде Москве в доме патриаршем мироздания ХХХ, рождества же Богочеловека Иисус Христа ХХХ, индиктиона Хѐ, стр. 337 месяца марта». Рукоп. Солов. монаст. Сборник № 871, л. 490–497. Хранится в Библиот. Казан. Духовной Академии (по Опис. рукоп. Сол. мон. ч. II, стр. 358, № 615). В составлении завещания, еще в 1696 г., принимал участие делопроизв. п. Адриана, инок Карион Истомин. Москов. Синод, библ. № ⁹⁹/301. л. 294–300. Черновые письма Кариона Истомина. Православ. Богослов. энциклопедия. Карион Истомин.

⁵⁸⁸ - Описание Слав, рукописей Горск. и Невостр. № 310, стр. 528.

⁵⁸⁹ - Опис. Муз. стр. 73, у преосв. Филарета Обз. духовной литературы.

⁵⁹⁰ - Напеч. во временнике Импер. Москов. Общества; в П. С. З. т. 3, изд. 1830 г. № 1612; в Древн. Росс. Вивлиофике Моск. 1790 г. ч. XV, стр. 373–405. Содержание изложено выше, в глав V, стр. 170–175.

⁵⁹¹ - Государ. Архив Х, Кабинет 11, № 53, лл. 329–330. Напечатано в «Архиереи Петровской эпохи С. Г. Рункевича», стр. 100–101.

⁵⁹² - Напечат. Устряловым, 3 т. прилож. VII, №№ 37, 61, 64 и 66.

⁵⁹³ - Списки, по Слов. Историческому м. Евгения, – находятся в библиотеках – Патриаршей и Александро–Невской Академии. Напечатаны в Чтениях в Общ. Истории и Древност. Российск. за 1847 г., год 3, № 4. (Краткое содержание изложено в главе II, стр. 68–70). С именем п. Адриана С. Г. Рункевич в сочинении: «Архиереи Петровской эпохи – П. Адриан», стр. 97,

связывает еще памятник «О правах духовного начальства» без указания, где находится этот документ и каково его содержание.

⁵⁹⁴ - Слово находится в рукоп. Моск. Синод. библи. № 483, л. 381–384 и № 596, л. 59–62. В надписании слова стоят имена Иоанникия и Софрония Лихудиевых, но содержание слова излагается от лица патриарха: «сей дар апостольского учительства и преемства и наша мерность восприявши кроме всякого лицепрятия ныне научаем». Основная мысль поучения та же, что и окружного послания: «браду стрищи или брить не токмо есть нелепо и в безчестии естества и создавшего ны Бога, но еретический, паче же языческий и пребеззаконный, ненавистный и мерзостный от Бога и человек благочестивых обычай». Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 301, прим. 3.

⁵⁹⁵ - В начале Слова развивается та мысль, что бури и мятежи бывают от диавола попущением Божиим за грехи. Передаются обстоятельства, сопровождавшие бунт, указываются грозившие опасности, и выводится отсюда необходимость возблагодарить Бога за избавление от мятежников. В заключении проповедник обращается к боярину Шейну и благодарит его за усмирение мятежа. (Чуд. библи. № 300 об. л. 146). Чт. в Общ. люб. дух. проев. 1889 г. стр. 457–458.

⁵⁹⁶ - Чтение в Общ. Люб. дух. проев. 1889 г. стр. 366. Ст. Браиловского: Карион Истомина.

⁵⁹⁷ - Сменцовский. Бр. Лихуды, стр. 300–301.

⁵⁹⁸ - См. выше в этой же главе, стр. 284–285.

⁵⁹⁹ - М. Евгений. Словарь Исторический. Палладий Роговский. Стр. 149. Напечатано в XVIII части Древней Российской Вивлиофики.

⁶⁰⁰ - Православное Обозрение 1863 г. т. 10. М. Никольский. Палладий Роговский.

⁶⁰¹ - Древняя Российская вивлиофика. Ч. XVIII. Исповедание веры Палладия Роговского; Православное Обозрение 1863 г. т. 10. М. Никольский. Палладий Роговский.

⁶⁰² - Щапов. Русский раскол старообрядчества. Казань. 1859 г. стр. 461.

- ⁶⁰³ - Предисловие к Библии 1663 г.; Шапов, стр. 445.
- ⁶⁰⁴ - И. Забелин. История города Москвы, изд. 1902 г. стр. 623.
- ⁶⁰⁵ - Акты Историч. т. V, № 75. Соловьев. История России. Изд. вт. кн. 3, стр. 873.
- ⁶⁰⁶ - Забелин. История города Москвы, стр. 623. Соловьев. Кн. 3, стр. 873.
- ⁶⁰⁷ - Забелин – стр. 623.
- ⁶⁰⁸ - Там же, стр. 626.
- ⁶⁰⁹ - Там же, стр. 627.
- ⁶¹⁰ - Шапов. Русский раскол старообрядчества. Казань. 1859 г. стр. 318–320.
- ⁶¹¹ - О протопопе Аввакуме смотр. биограф. очерк В. А. Мякотина – «Прот. Аввакум». (Изд. Павленкова 1894 г., 7–160 стр.): «Протопоп Аввакум» Бороздина; «Протопоп Аввакум» проф. К. Яроша. Письмо Аввакума из Пустозерска в Соловецкий монастырь к мятежникам–монахам напечатано в Историч. повести Мордовцева: «Соловецкое сидение». Вот некоторые места из этого письма, на электризовавшие безграничным фанатизмом ревнителей старины, почитателей богатыря–протопопа, свидетельствующие об умении Аввакума зажигать сердца простых людей силой своего пламенного языка: «Всем нашим горемыкам миленьким на Соловках–протопоп Аввакум, раб и посланник Господа Бога... благодать Вам отцы и братия и чада и сестры и дочери и ссущие младенцы!» – так начинается письмо. «Прослышал я здесь, сидя на чепи, в земляной яме, что вы, яко подобает воинам Христовым, ратоборствуете добре супротив проклятых никониан. Честь вам и слава, стрельцы Христовы!... Обнимаю вас всех о Христе длинны су руке мои: всю Русь православную обнимаю, яко невесту богоданную. Молю всех вас, страждущих о Христе, кричу к вам из ямы моей из сени смертной... из живой могилы, в нюже ввергоша меня сатанины сыны... Откликнитесь светы мои миленькие, еще ли вы дышите, или уже сожгли вас, что лучину Христову, или передавили, или в студеном море, что щенят, перетопили? Нет чу? Дай то Бог. А коли нету, именем Божиим заклинаю вас:

претерпим zde мало от никониан, претерпим и кнут, и огонь и костей ломанье, претерпим миг един смертный, яко молния краткий, да Бога вечно возвеселим... Да не смущается сердце ваше, и я здесь, миленькие мои светы, в земле скачу и ликую, что собачка на цепи: близко венец царский – вот–вот рукою достаю. Так–то светы; всяк верный не развешивай ушей, не раздумывайся, гляди с дерзновением в огонь, в воду, в яму глубоку, против ядра и пищали, иди и ликуй и скачи»... Идут дальше многие примеры из христианской мартирологии. В заключении письма Аввакум убеждает: «Стойте же светы не покаряйтесь, да страха ради никонианска не впадете в напасть. Иуда апостол был, да сребролюбия ради ко диаволу попал, и сам диавол на небе был, да высокоумия ради во ад угодил. Адам в раю жил, да сластолюбия ради огненным мечем изгнан и пять тысяч пятьсот лет горячу сковороду лизал. Помните сие и стойте, светы, держитесь, крепко держитесь за Христовы ноги да за Богородицины онучки: они, светы, не выдадут. Аминь». (Мордовцев. Соловецкое сиденье, стр. 58–63).

⁶¹² - Шапов. Русский раскол старообрядчества, стр. 320.

⁶¹³ - Рункевич. Архиереи Петровской эпохи. Вып. 1906 г. Письмо от 18 окт. 1700 г. Возницына Государю. Стр. 109–110.

⁶¹⁴ - Вопреки воле п. Адриана, выраженной в его завещании.

⁶¹⁵ - Рукоп. Соловец. монастыря в Сборнике, хранящ. в библиот. Каз. Дух. Акад. за № 871. Духовное завещание п. Адриана и стихи на гробе стр. 497 об.,– 498.

⁶¹⁶ - По чтению надписи Н. А. А. «Патриарх Адриан» в Чтении в Импер. Общ. Ист. и др. Российских 1848 г. № 8 стр. 36 – «семьдесят»...

⁶¹⁷ - а) Рукоп. Солов. монастыря. Сборн. №871 стр. 498 и об.: «Описание вырезанное над гробом». б) И. Забелин. История города Москвы, стр. 584–590.

⁶¹⁸ - И. Забелин. История города Москвы, стр. 587.

⁶¹⁹ - И. Шимко. П. Каз. Прик., стр. 246.

⁶²⁰ - Донесения Стрешнева и казначея монаха Тихона, см. ниже.

- ⁶²¹ - Чтение в Импер. Обществе Истории и др. России 1848 г. №8. Н. А. А. и патриарх Адриан, стр. 36.
- ⁶²² - Не за пять лет, а за три с половиной года.
- ⁶²³ - Рункевич. Архиереи Петровской эпохи, стр. 110. Госуд. Архив Х, Кабинет II, № 1, лл. 52–53.
- ⁶²⁴ - Митр. Сильвестр Черницкий.
- ⁶²⁵ - Трифиллий Инихов.
- ⁶²⁶ - Дионисий.
- ⁶²⁷ - Рункевич. Архиереи Петровской эпохи, стр. 108. Государ. Арх. Х, Кабинет II, № 1, лл. 164–165.
- ⁶²⁸ - Там же, стр. 111–112. Госуд. Арх. Х. Каб. II, №1, л. 892 bis.
- ⁶²⁹ - С. Г. Рункевич. История Русской Церкви под управлением Св. Синода, т. I. Спб. 1900 г. стр. 27–28. Госуд. Арх. Х, Кабин. II, № 1, л. 108.
- ⁶³⁰ - С. Г. Рункевич. Архиереи Петровской эпохи, стр. 111. Госуд. Арх. Х, Кабинет II, № 1, лл. 29–30.
- ⁶³¹ - П. С. Зак. т. IV, № 1818. Каптерев. Светские Арх. Чин. стр. 210.
- ⁶³² - Там же, № 1829. Горчаков. Монастырский Приказ, стр. 122. Рункевич. Учреждение Св. Синода, стр. 29.
- ⁶³³ - И. Шимко. П. Казенный Приказ, стр. 35–36 (П. Каз. Прик, Книга 177, л. 143).
- ⁶³⁴ - С. Г. Рункевич. Учреждение Св. Синода, стр. 137.
- ⁶³⁵ - Рукопись Соловецк. монастыря, хранящаяся в библ. Каз. Дух. Акад. в сборнике под № 871, л. 492. Духовное завещание п. Адриана.
- ⁶³⁶ - Там же.
- ⁶³⁷ - Мы видели, что п. Адриан любил приобретать заграничный новинки: часы зеркала, кареты, картины и проч.
- ⁶³⁸ - Донесение Государю Курбатова у С. Г. Рункевича История Русской Церкви под управлением Св. Синода, т. I. Спб. 1900 г. стр. 28.
- ⁶³⁹ - Если только принадлежит его авторству одна часть произведений, связанных с его именем; другая часть, как

отмечено было выше, принадлежит другим авторам (Кариору, Лихудам), составлявшим для патриарха не только выписки и доказательства к его сочинениям, но и целые проповеди.

⁶⁴⁰ - Рукопись Соловец. монастыря, хранящаяся в библиот. Казан. Дух. Акад в сборнике под № 871. Духовное завещание п. Адриана. (По описанию рукоп. Солов, мон. часть II, стр. 358, № 615).

⁶⁴¹ - «Еще же и се важное есть, что в единоличном правлении часто бывает дел продолжение и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугом и болезнию»... «Инако в правлении соборном... дело идет непресекаемым течением». Регламент или Устав Духовные Коллегии, стр. 6.

⁶⁴² - Смотр. в Русском архиве за 1863 год статью: «Первая супруга Петра и Евдокия Федоровна». 542–549 стр.

⁶⁴³ - Регламент, стр. 6–8.